АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 1 ЯНВАРЬ 1961 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Академик **М. Н. Тихомиров** — Андрей Рублев и его эпоха 3
Г. А. Деборин — Основные проблемы первого тома «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» 18
И. П. Лейберов (Ленинград), **О. И. Шкаратан** (Ленинград) — К вопросу о составе петроградских промышленных рабочих в 1917 году 42
С. М. Троицкий — Из истории русского рубля 59
Е. Л. Рудницкая — Социальные эксперименты Н. П. Огарева . . . 76
Л. С. Кюзаджян — Вьетнамо-китайские революционные связи в годы пробуждения Азии 86
И. С. Киссельгоф (Уфа) — Некоторые вопросы истории Франции периода второй мировой войны в освещении французской буржуазной историографии 103

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР И НАУЧНЫХ СОВЕТАХ

Е. В. Гутнова — Академик Сергей Данилович Сказкин (К 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности) 116

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. Е. Иоффе — Советская литература по истории внешней политики СССР (1954—1960 гг.) 121
К. М. Граудин (Рига), **А. А. Мильштейн** (Рига) — «История Латвийской ССР» Том III. С 1917 г. по 1950 г. 136
И. Я. Златкин, А. С. Тверитинова — С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках 140

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Ю. К. Стрижков — П. П. Андреев, А. Е. Догадин, Н. М. Киряев, М. И. Китаев, И. А. Климович, В. Л. Кокунов, В. И. Кондрашов, А. М. Кузовников, А. П. Логинов, Ю. П. Петров, А. И. Червонев. КПСС — вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне; **И. Г. Гришков** (Ош) — И. М. Некрасова. Ленинский план электрификации страны и его осуществление в 1921—1931 гг.; **Ю. С. Кукушкин** — В. Г. Коновалов. Герои Одесского подполья; **И. Г. Рознер** (Киев) — Е. И.

Дружинина. Северное Причерноморье 1775—1800 гг.; **А. М. Малинин** (Симферополь) — «История и археология средневекового Крыма»; **З. С. Белоусова** — Р. С. Овинников. За кулисами политики «невмешательства». Испанский вопрос в политике империалистов Англии, Франции и США накануне второй мировой войны; **Ю. А. Корхов** — Петр Абеляр. История моих бедствий 148
Новые книги 163
Статьи в советских исторических журналах 165

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

В. В. Альтман — Источниковедческая база исследований революционной ситуации 1859—1861 годов 169
Хроникальные заметки 171

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. Н. Чистозвонов — Новейшие работы в ГДР по истории Реформации в Германии 174

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Л. Н. Нежинский — «Рабочий класс — за восстановление. 1945—1946 гг.». Документы; **К. В. Кобылянский** — Пьетро Секкья. Капитализм и рабочий класс в центре шерстяной промышленности Италии 179

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

Содержание журналов, выходящих в странах народной демократии 182
Заметки о статьях 183
Рецензии на книги советских авторов 202

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

М. Г. Левин — Шестой Международный конгресс этнографов и антропологов 204
И. Р. Лаврецкий — Конференция, посвященная истории освободительного движения в Латинской Америке 207
Хроникальные заметки 210

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

Л. Б. Светлов — Ранние предшественники декабристов 212
Л. М. Еремеев — Несколько реплик по поводу перестройки журнала . 213

Сергей Иванович Ковалев 214

Резюме статей на английском языке 216
Сведения об авторах, статьи которых опубликованы в данном номере журнала 222

СТАТЬИ

АНДРЕЙ РУБЛЕВ И ЕГО ЭПОХА

Академик М. Н. Тихомиров

Время жизни Андрея Рублева устанавливается более или менее определенно. Он умер около 1430 г., умер «в старости велице», а такой старостью в те времена считали 70—80 лет. Следовательно, мы вправе отнести время рождения Рублева к 1360 г., а время его смерти—к 1430 году. И хотя эти даты поставлены условно, они правильно дают представление об эпохе Андрея Рублева. Он жил во второй половине XIV и первой трети XV века.

Постараемся же в кратких словах очертить эпоху Андрея Рублева и после этого как бы вставить жизнь великого русского художника в рамку его времени, что, может быть, позволит сделать и какие-либо дополнительные наблюдения над его творчеством. Ведь творчество великих людей неразрывно связано с их эпохой. Можно подняться над своим временем, можно прозорливым оком предвидеть будущее и все-таки всегда оставаться сыном своей эпохи.

Андрей Рублев жил в те знаменательные годы, когда русский народ после долгих лет «злой татарщины» одержал свои первые и уже решающие победы над Золотой Ордой. Он был современником Дмитрия Донского и разгрома Мамая на Куликовом поле в 1380 году. Слава о победе на Дону, по словам современника, разнеслась далеко в чужие страны, она «шибла», ударила, и к «ветхому» древнему Риму, и к Константинополю, и к болгарской столице Тырнову, и к Железным воротам на Дунае, и к Кафе в Крыму. Правда, вслед за донской победой последовало разорение Москвы от войск Тохтамыша, но времена безраздельного господства татарских ханов над покоренной Русью уже явно отходили в прошлое. Таким образом, творчество Андрея Рублева развертывалось в эпоху победного движения русского народа, в эпоху его героической борьбы за независимость.

Не менее замечательными были и те сдвиги, которые происходили во внутренней жизни русского народа. Источники с трудом позволяют нам представить себе хозяйственную и политическую жизнь России того времени, но и за их скупыми и краткими показаниями мы различаем черты большого экономического подъема. Вокруг городов быстро растут села, деревни и починки. Москва времени Рублева уже окружена кольцом сел, теперь давно вошедших в черту города (Котлы, Коломенское) или давших названия городским улицам (Сущево, Воронцово поле и т. д.). История этих и многих других сел начинается с XIV в., они были современниками Андрея Рублева.

Колонизационный поток все более проникал и в отдаленные уголки страны. Отнюдь не феодалы, а простые русские люди осваивали поляны в темных дубравах, на берегах озер и лесных речек, эти безвестные Иваны и Кузьмы, имена которых дошли до нас в названиях бесчисленных Ивановок и Кузьминок, бог весть кем и когда основанных.

Общий хозяйственный подъем еще более заметен, когда мы обратимся к истории русских городов. О множестве русских городов становится известно только с того же XIV в.; они возникают как бы на наших гла-

зах. Таковы Серпухов, Боровск, Руза под Москвой; Лух, Гороховец в Суздальской земле и многие другие.

Историки еще не дали объяснения причин хозяйственного подъема русских земель того времени, но его следствия ясны и очевидны: подъем в хозяйственной жизни создавал предпосылки для формирования России XIV— XV веков.

Андрей Рублев жил еще в эпоху феодальной раздробленности, когда существовало большое количество княжеств и боярских владений, когда каждая русская «земля» представляла собой как бы особое владение. Но именно во времена Андрея Рублева особенно проявились объединительные тенденции, складывалось Российское государство, пока еще не централизованное, а только централизовавшееся, но уже объединившее большую часть русских земель под властью московского великого князя.

Постепенное складывание и укрепление Российского государства с центром в Москве было тесно связано с образованием русской народности. И в этом отношении эпоха Андрея Рублева была временем исключительным: ведь в его эпоху русские люди, разрушая феодальные перегородки, создавали свой единый язык и культуру.

Экономические и политические успехи России того времени были предпосылками для развития русской культуры. Андрей Рублев жил и творил в условиях большого культурного подъема, охватившего все русские земли того времени. Каменное зодчество вновь сделалось достоянием русских земель, фрески вновь стали покрывать стены русских построек, вновь появились прославленные живописцы, подобные Феофану Греку, и столь же прославленные писатели, как Епифаний Премудрый.

Итак, Андрей Рублев жил в замечательную эпоху. Как же с ней связана его жизнь и его творчество?

О творчестве Андрея Рублева написано много и притом крупными историками искусства — И. Э. Грабарем, М. А. Алпатовым, В. Н. Лазаревым и другими. Совсем по-иному обстоит дело с установлением основных дат жизни величайшего художника средневековья. Вырванные из источников, мало проверенные и мало объясненные, известия о жизни и творчестве Рублева плохо связывают основные факты в его биографии.

Нельзя в этом обвинять только историков искусства и литературы: они не всегда в состоянии справиться со сложным делом анализа и критики исторических источников, не говоря уже об их археографической обработке. Это—дело историков, источниковедов, но как раз они нередко с поразительным равнодушием относятся к самым значительным явлениям культурной жизни прошлого, проявляя зато необыкновенную ретивость при установлении даты той или иной купчей или межевой.

Между тем нет необходимости доказывать, как драгоценна всякая деталь в биографии таких людей, каким был Андрей Рублев, и как важно показать жизнь и творчество этого великого художника в прямой связи с его временем, его эпохой. С этой точки зрения я и попытаюсь рассмотреть известия о Рублеве, их достоверность и полноту, иными словами, попытаюсь и со своей стороны, как историк, сделать хоть маленький вклад в изучение биографии великого русского человека, отнюдь не претендуя на бесспорность своих выводов и предположений.

Известия о Рублеве можно разделить на 3 категории: 1) известия летописные, 2) известия житийные, 3) припоминания о его жизни и его произведениях. Из всех этих видов известий о Рублеве на первом месте, конечно, стоят свидетельства летописные. Значительно более противоречивы, как далее будет видно, известия житийные.

Наиболее ранние сведения о работах Андрея Рублева помещены в Троицкой пергаменной летописи начала XV в. под 1408 г., где

читаем: «Того же лета мая в 25 начаша подписывати церковь каменую великую съборную святая Богородица, иже в Владимире, повеленьем князя великаго, а мастеры Данило иконник да Андрей Рублев»[1]. Особая ценность этого известия заключается в том, что оно помещено в летописном своде, составленном вскоре после 1408 года. Свод был московского происхождения и основан на московских известиях. Таким образом, сообщение о росписи собора во Владимире было записано современником, на что прежде всего указывает и точная дата—25 мая.

Известие о росписи собора во Владимире повторено, но уже с некоторыми изменениями, в других летописях. Особенное значение имеет запись в Московском своде конца XV века. В нем читаем: «Мая в 25 почата бысть подписывати великаа съборная церковь пречистаа Володимерьская повелением великого князя, а мастеры Данило иконник да Андрей Рублев»[2]. Это известие представляется более поздней вариацией той записи, которую мы читали в Троицкой летописи. В частности, выпало определение владимирской церкви как каменной, характерное для начала XV в., когда каменные церкви в Московской Руси насчитывались еще единицами.

Новый вариант того же известия дан в Никоновской летописи, откуда обычно свидетельство о работе Андрея Рублева во Владимире заимствуют историки искусства: «Месяца мая начата бысть подписывати великаа соборнаа церковь пречистыа Богородици Володимерскаа повелением великаго князя Василиа Дмитриевича, а мастеры быша Данило иконник да Андрей Рубль»[3].

Особенностью этого известия является утрата точной даты, вместо которой остается только обозначение месяца мая без числа, а также замена прозвища «Рублев» более сокращенным — «Рубль». Относительно поздний характер известия Никоновской летописи не требует доказательств, в силу чего и прозвище «Рубль» вместо «Рублев» делается несколько сомнительным.

Изменение прозвища, как и утрата числа, когда начали расписывать собор, могло произойти оттого, что подлинник, с которого списывались известия, был дефектным или малоразборчивым.

При всей своей краткости известие 1408 г. позволяет сделать несколько выводов о самом Рублеве. Остановимся прежде всего на вопросе о том, какие причины вызвали реставрацию собора во Владимире.

Главной святыней этого собора считалась икона Богородицы, которая в эпоху Рублева была перенесена из Владимира в Москву. По летописи, это произошло в 1395 г. в связи с нашествием Тимура на Москву. Однако летописи говорят о самом походе Тимура как-то неясно, вставляя вместо коротких, но точных записей о нашествии витиеватую повесть о перенесении в Москву иконы Владимирской Богородицы. Повесть возникла явно уже после смерти митрополита Киприана, то есть после 1406 года. Есть основание предполагать, что икона Владимирской богоматери не осталась в Москве в 1395 г., а вернулась во Владимир.

В повести о нашествии Едигея на Москву говорится о церкви во Владимире: «Есть в ней же чюдотворнаа икона пречистыя, иже рекы целеб точащи, поганыя устрашаа». В 1410 г. татары, ограбив Влади-

---

[1] М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л. 1950, стр. 466.

[2] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXV, стр. 237.

[3] ПСРЛ. Т. XI, стр. 203. Известия Львовской летописи (ПСРЛ. Т. XX, стр. 225), Симеоновской (ПСРЛ. Т. XVIII, стр. 154), Ермолинской (ПСРЛ. Т. XXIII, стр. 141), Воскресенской (ПСРЛ. Т. VIII, стр. 81), Софийской Первой (ПСРЛ. Т. V, стр. 257) и Софийской Второй (ПСРЛ. Т. VI, стр. 135) с некоторыми незначительными отклонениями повторяют то же известие.

мирский собор, «икону чюдную святыя богородица одраша»[4]. Значит, перенесение Владимирской иконы в Москву окончательно состоялось после 1410 года. Таким образом, реставрация собора во Владимире происходила еще тогда, когда в нем стояла патрональная икона московских князей.

Были и особые основания для того, чтобы реставрация собора производилась именно в 1408 году. Незадолго до этого Владимир вместе с другими городами был отдан литовскому князю Свидригайлу, который «никое же пути сотвори» церкви во Владимире, что вызвало большое недовольство против москвичей[5].

Между тем содержание в порядке Владимирского собора требовало больших забот. По росписи 1510 г. к собору было приписано 16 дворов «строев» — строителей, 24 двора сторожей, «а лес на ту церковь пасут Санничская волость»[6]. Свидригайло «стеснил пути» — доходы, ведомство церкви, пришедшей в запустение и требовавшей спешной реставрации. Для росписи Владимирского собора и посланы были самые прославленные великокняжеские живописцы.

Мы остановились на известии 1408 г., но имеется и другая, более ранняя дата упоминания об Андрее Рублеве, приводимая в сочинениях о великом художнике; она внесена в летопись под 1405 г.: «Тое же весны почаша подписывати церковь каменую святое Благовещение на князя великаго дворе, не ту, иже ныне стоит, а мастеры бяху Феофан иконник Грьчин, да Прохор старец с Городца, да чернец Андрей Рублев, да того же лета и кончаша ю»[7].

М. Д. Приселков внес известие 1405 г. в реконструированную им Троицкую летопись начала XV в., ссылаясь на Н. М. Карамзина, но сделал явную ошибку, так как Карамзин не пишет, откуда он взял это известие. Во всяком случае, в Троицкой летописи начала XV в. нельзя было писать, что расписывали не ту церковь, которая стоит «ныне». Ведь новый собор Благовещения был построен после 1484 года. Действительно, в Московском своде конца XV в. известие о росписи церкви Благовещения дано короче: «Тое же весны начаша подписывати церковь Благовещенье на великого князя дворе первую, не ту, иже ныне стоит, да того лета и кончаша»[8]. Таким образом, нет ни слова о мастерах, расписывавших церковь. Однако Московский свод нередко сокращал известия и выбрасывал некоторые детали. Само же по себе сообщение 1405 г. может считаться вполне достоверным.

Наиболее ценным в летописном свидетельстве 1405 г. является упоминание о трех живописцах: Феофане Гречине, Прохоре из Городца, Андрее Рублеве. При этом в отличие от Рублева, названного просто «чернецом», Прохор из Городца именуется «старцем». И хотя чернец и старец одинаково обозначали монаха, в этом можно видеть намек на большую молодость Андрея Рублева по сравнению с Прохором. Так, летописец, говоря о смерти епископа коломенского Герасима, называет его «старцем» в значении старика, а не только монаха[9].

Для росписи церкви Благовещения, как мы видим, были собраны не только московские иконописцы. В тогдашней России были наиболее известны два Городца: один в Тверской (Старица), другой в Суздальской земле. Наиболее вероятно, что летопись имеет в виду именно второй, суздальский Городец, часто упоминаемый в известиях второй по-

---

[4] Рогожский летописец (ПСРЛ. Т. XV, изд. 2-е, вып. I, 1922), стр. 181; ПСРЛ. Т. XVIII, стр. 160.

[5] Там же, стр. 181.

[6] «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков». Ч. 1. М. 1951, стр. 153.

[7] М. Д. Приселков. Троицкая летопись, стр. 459.

[8] ПСРЛ. Т. XXV, стр. 233.

[9] Рогожский летописец, стр. 154.

ловины XIV столетия. В конце XIV в. Городец на Волге и Суздаль были столицами удельного князя Бориса Константиновича. В 1392 г. Городец был присоединен к Московскому княжеству.

Что же мы можем сказать на основании известий 1405 и 1408 гг. о самом Рублеве?

Источники наши молчат о происхождении Рублева, но вся его жизнь связана с Москвой, даже прозвище Рублев. Москвичи хорошо знают подмосковное село Рублево, может быть, чем-нибудь и связанное с нашим художником. Ведь другой замечательный иконный мастер XIV в., Парамша, изделия которого передавались от отца к сыну в роду великих московских князей, владел земельными участками [10]. И Андрей Рублев не обязательно с юных лет должен был быть монахом, он мог принять монашество и позже, сделаться иноком после тяжких личных потерь, как многие другие. Поэтому часто повторяемая догадка о псковском происхождении московского живописца на том основании, что спустя 50 лет после его смерти существовал псковский посадник Рублев, представляется необоснованной.

Как все москвичи того времени, Рублев был свидетелем грозных событий, сопровождавших великое княжение Дмитрия Донского. Рублев был современником Куликовской битвы. И если он даже сам не был одним из московских «небывальцев», непривычных к бою, но храбро сражавшихся на Дону с татарами, то молодые годы его были все-таки овеяны героическими мечтами. Рублев был и современником разорения Москвы полчищами Тохтамыша в 1382 г., а также быстрого ее восстановления.

Место пребывания Андрея Рублева неизвестно, но работы его связаны с Москвой. Он, видимо, постригся и жил в одном из московских монастырей, предположительно в Андроньевс. Впрочем, в литературе высказана была догадка, что Рублев в юные годы жил в Троицком монастыре. М. А. Алпатов высказал эту догадку почти в утвердительной форме (там, «видимо, провел свою молодость Андрей Рублев») [11]. Однако с таким утверждением трудно согласиться. К тому же неправильно рисовать Троицкую обитель в духе традиционных житийных черт, изображающих чернецов, как колонизаторов, которые «сумели с топором пробиваться сквозь чащу леса». Сергий основал свою обитель в глухом лесу, но поблизости от удельной столицы — Радонежа, где жили его родители. Значит, пустынность места, где был основан монастырь, была очень относительной. Кроме того, есть почти прямое указание на то, что Даниил и Андрей не принадлежали к числу троицкой братии. По сказаниям, они были «умолени», упрошены, игуменом Никоном приняться за роспись Троицкого собора, а это никак не вяжется с представлением о жизни Андрея в стенах Лавры при Сергии. Ведь монахи обычно с великим почтением относились к монастырям, в которых они постриглись, считая своим долгом помогать месту своего пострижения, как это видно из многих агиографических произведений. Судя по всему, Андрей Рублев постригся и жил в Андрониковом монастыре.

Имеется, впрочем, еще одно до сих пор не проверенное известие об Андрее Рублеве, опубликованное недавно В. Антоновой. На обороте иконы, которая носит традиционное название «Петровской Богоматери», сделана надпись, по предположению, XVIII в.: «Аз писал многогрешный сию икону Андрей Иванов сын Рублев великому князю Василию Васильевичу лета (1425)» [12]. Надпись эта носит все черты подлогов позд-

---

[10] См. М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М. 1957, стр. 73.

[11] М. А. Алпатов. Андрей Рублев. М. 1959, стр. 8—9.

[12] «Выставка, посвященная шестисотлетнему юбилею Андрея Рублева». М. 1960, стр. 45. Так эта надпись напечатана в данном каталоге.

нейшего времени. Но нельзя не поставить в вину издателям каталога юбилейной выставки в Третьяковской галерее, не потрудившимся даже год записи на иконе передать по подлиннику, а не только в переводе на современное летосчисление. На обороте той же иконы имеется и более ранняя надпись, относимая к 1504 г. (даты опять услужливо и нелепо даны только в переводе на современное летосчисление, что не дает возможности их проверить). Из этой записи выясняется, что в храм Воскресения были даны иконы и книги Иваном, прозвище которого издатели каталога прочитали, как «Бородин», тогда как, вероятно, речь идет о видной фамилии Бороздиных, тверских, а позже московских бояр.

Нет сомнения в том, что такая редкая надпись и заставила нехитрого поддельщика сочинить другую надпись — от имени самого Андрея Рублева, что, впрочем, не помешает некоторым авторам спорить о принадлежности этой иконы его кисти.

Когда постригся в монашество и стал жить в Андроникове монастыре Андрей Рублев, остается неизвестным, но можно предполагать, что это произошло еще до 1405 года.

Судя по всему, Андрей Рублев и Данило иконник принадлежали к числу московских мастеров, работавших при дворе великого князя и уже прославившихся. В этом случае нелишне вспомнить о другой записи в Троицкой летописи, относящейся к росписи церкви Рождества Богородицы в Кремле (1395 г.): «Июня в 4 день, в четверг, как обедню починают, начата бысть подписывати новая церковь каменная на Москве Рождество святыя Богородицы, а мастеры бяху Феофан иконник Грьчин филосов да Семен Черный и ученицы их»[13]. Известие 1395 г. имеет ту же форму, как и известие 1408 г., с точной датой, без указания памяти святого. Феофан назван не только иконником, но гречином и философом. Последнее наименование указывает на особые знания Феофана как богослова, ученого человека.

Запись 1395 г. об учениках Феофана Гречина и Семена Черного невольно заставляет предполагать, что в числе этих учеников мог быть и Андрей Рублев, и такое предположение не покажется особо смелым, не потребует даже особых доказательств. Ведь пройдет всего 10 лет, и Андрей Рублев вместе с Даниилом иконником окажется во главе иконописцев, выполняющих важнейшее поручение — роспись Владимирского собора. Важно подчеркнуть тот факт, что перед нами довольно четко выступает определенный круг людей, занятых одним и тем же делом: иконописанием и росписью церквей. К нему принадлежали такие люди, как Феофан Гречин, Семен Черный, Прохор из Городца, Андрей Рублев и другие. Это великокняжеские и митрополичьи иконописцы, «иконники». Возможно, последнее название не просто обозначает профессию, но и должность как бы старейшины всей дружины иконописцев. Так, иконниками последовательно названы Феофан Гречин и Даниил, друг Андрея Рублева, точно один сменяет другого.

Иконописцы были знакомы и с образованными людьми своего времени, с Епифанием Премудрым, составителем жития Сергия, с авторами «Сказания о Мамаевом побоище», как показывает вставной эпизод о встрече Дмитрия Донского в Андроникове монастыре после победы на Куликове поле. В этой среде появляются такие произведения, как красочное «Хождение Пимина в Царьград», написанное монахом Игнатием, повесть о Митяе—кандидате на митрополичий престол, запись о работах Феофана Гречина и пр. В этой среде при явном содействии митрополита Киприана создается обширная Троицкая летопись — общерусский летописный свод, рассказывающий об истории всей Рус-

[13] М. Д. Приселков. Троицкая летопись, стр. 445; см. также ПСРЛ. Т. XXV, стр. 222. В издании Троицкой летописи после слова «иконник» неправильно поставлена точка.

ской земли. Живописцы и писатели не замыкаются в круг только русских интересов, они живо откликаются на известия о наступлении турок на Византийскую империю и на Болгарское царство, в их среде распространяются книги, переписанные или переведенные в Константинополе. Одним словом, перед нами своеобразная московская академия художеств в средние века.

Усиленная строительная деятельность в Москве выделяет конец XIV—начало XV в. как время больших художественных работ. Это время связано с деятельностью великого князя Василия Дмитриевича и двух митрополитов — Киприана и Фотия. Историки искусства обычно выделяют наиболее яркие фигуры, приписывая им или их «школам» создание почти всех сохранившихся до нашего времени выдающихся икон и фресок. Между тем и летописи и сказания говорят не только о прославленных живописцах, но и об их учениках, «прочих», иногда с прибавлением «многие прочие», которые не так прославились, как знаменитости, но, в сущности, и создали эпоху Рублева и Феофана Гречина. Без этих неизвестных «прочих» гениальные творения Рублева и Феофана Гречина остались бы только уникумами, а не создали бы стиль.

Распространение икон «школы Рублева» имеет и свои географические очертания: это Москва и окружающие ее удельные города: Звенигород, Дмитров, Серпухов и др. Центром же была Москва с великокняжескими и митрополичьими «писцами», хотя это и не значит, что не существовало местных школ иконописцев.

Позднейшие переделки и дополнения многое исказили в истории русской культуры этого времени. Так, Епифаний Премудрый выпятил на первый план Сергия Радонежского и созданный им Троицкий монастырь. Но исследователи не обратили внимания на то, что Епифаний в своем рассказе подражал митрополиту Киприану, который таким же образом приписывает митрополиту Алексею создание монастырей: Чудова и Андроникова в Москве, Благовещенского в Нижнем Новгороде, Царевоконстантиновского во Владимирской земле. Киприан подчеркивает, что Алексей всюду устраивал в монастырях общежительное житие монахов, введение которого Епифаний приписывает Сергию. Поэтому, говоря о культурном влиянии Троицкого монастыря на другие монастыри, нельзя забывать, что это влияние распространилось значительно позже, чем это изображено в житиях Сергия.

Нельзя не отметить и другой особенности в истории Троицкого монастыря, имеющей прямое отношение к нашей теме. Троицкий монастырь уже в начальный свой период оказывается связанным не только с великокняжеским двором, но и с удельными князьями: Владимиром Андреевичем, позже с Юрием Дмитриевичем. В их уделах строятся новые монастыри при непосредственном участии самого Сергия: Высоцкий монастырь в Серпухове, столице Владимира Андреевича, Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде, стольном городе Юрия Дмитриевича, и пр.

В Звенигороде и оказались монументальные произведения, связанные со школой Рублева, что и заставляет нас на них остановиться.

Юрий Дмитриевич, брат великого князя, воздвиг в Звенигороде два каменных собора: на Городке, где находилось его местопребывание, и в Саввино-Сторожевском монастыре. Собор в Саввине монастыре, по общему мнению, был сооружен до 1406 года. Это как будто вытекает из показания жития Саввы Сторожевского, по которому князь Юрий «повеле воздвигнути церковь каменну и добротами украсити ю» еще при жизни основателя монастыря, умершего 3 декабря 1406 года.

К сожалению, житие Саввы Сторожевского, написанное в XVI столетии Маркелом, наполнено противоречиями. Сам списатель жития заявляет, что он ничего не может сказать о рождении Саввы, а только говорит о пребывании Саввы в монашестве, да и то «вкратце». По житию,

монастырь на Дубенке был поставлен Сергием Радонежским по просьбе Дмитрия Донского после Куликовской битвы, то есть после 1380 года. Сергий исполнил просьбу великого князя, построил церковь Успения и поставил в новой обители игуменом своего ученика Савву. Позже Савва был призван в Троицкую Лавру и был там игуменом шесть лет, предположительно в 1392—1398 годах. После этого он был приглашен Юрием Дмитриевичем создать новый монастырь под Звенигородом «на Сторожех».

Князь Юрий много заботился о новой обители, «и повеле,— по житию Саввы,— воздвигнути церковь каменну». Дальше в житии рассказывается о победе Юрия Дмитриевича над волжскими болгарами и смерти Саввы.

В литературе высказано мнение о том, что построение каменного собора в Саввино-Сторожевском монастыре было связано с удачным походом Юрия Дмитриевича против болгар в 1399 г., но житие никак не связывает эту победу с построением собора. Да и кажущаяся совершенно точной датировка каменного собора в Саввино-Сторожевском монастыре (до 1406 г.) может быть подвергнута сомнению. Дело в том, что имеется еще один источник по истории Саввино-Сторожевского монастыря, никогда раньше не изучавшийся,— служба Савве Сторожевскому. В ней читаем следующие строки, показывающие, что о Саввинской обители имелись другие сведения, чем в житии Маркела. Савва «крадущих исполни ужаса и прогна от Богородична храма» (лист 3 об.). О церкви, созданной Саввой, сказано: «Прехвалне отче Савво, храм древянный пречистые Богоматери назидая, наздал» и пр. (лист 6) [14]. Далее в службе читаем: «Княжо прошение, отче, со тщанием исполняя, храм Богоматере воздвиже» (лист 10); «хвалится, преподобне, град твой, яко венцем царским обложися» (лист 10 об.). Последние слова намекают на построение в Звенигороде крепости-града.

Особенно интересно прямое указание на деревянную церковь, которую создал (наздал) Савва. Время создания службы Савве Сторожевскому неизвестно, но некоторые черты ее указывают, что она была создана вскоре после смерти Саввы. Прямое свидетельство о деревянной церкви, созданной Саввой, заслуживает дальнейшего изучения как указание на время каменного строительства в Звенигороде, которое, может быть, надо относить не к самому началу XV в., а к несколько более позднему времени. Тогда собор в Троицком монастыре явится прямым продолжением звенигородских памятников архитектуры, а не будет от них отделен двумя десятилетиями. Ведь иконы школы Рублева, открытые в Звенигороде, могли быть написаны и для деревянных церквей.

Андрей Рублев, как мы уже знаем, в 1408 г. работает во Владимире и вскоре после этого возвращается в Москву. Во всяком случае, его не было во Владимире в 1410 г., когда татары ограбили Владимирский собор.

Тут в известиях об Андрее Рублеве наступает длительный перерыв, который, однако, тоже может быть заполнен.

До сих пор остается загадкой, какое отношение к творчеству Андрея Рублева имеют росписи церкви в Люблине, сделанные рукою некоего Андрея. Не считая возможным решать этот вопрос категорически в ту или иную сторону, отмечу только, что участие Андрея Рублева в люблинских росписях вероятно. Рублев принадлежал, как мы видели раньше, к числу великокняжеских и митрополичьих живописцев. Между тем в 1411 г. митрополит Фотий поехал из Москвы в Литву. В Киеве он поставил Севастьяна, епископом для Смоленска, в Луцке — Евфимия,

[14] Служба и житие Саввы цитируются по московскому изданию: «Службы и жития Сергия и Никона Радонежских, Саввы Сторожевского». Напечатано в Москве в 1646 г. (далее — «Книга о Сергии»).

епископом для Турова, а 1 августа 1412 г. из Галича поехал обратно в Москву [15]. Это краткое сообщение дополняется белорусскими летописями, согласно которым Фотий приехал в Литву и 1 июня в Новом городке встретился с великим князем Витовтом, затем отправился в Киев, в Галич, Львов и Владимир. Фотий оттуда поехал в Вильно, дорога же из Владимира в Вильно проходила через Люблин, в объезд пинских болот. Фотий 24 декабря прибыл в Вильно, где оставался до 6 января. После этого через Борисов, Друцк, Тетерин, Мстиславль и Смоленск он вернулся в Москву [16].

На стенах Люблинской замковой церкви сохранилась запись о том, что церковную роспись делал художник Андрей и что роспись была окончена 15 серпня 1418 года. Так сказано в новейшем польском описании Люблина [17]. Но Каринский дает запись в таком виде: «Многих земль господаря, а под лет 1000 лет(о) и 4 ста и трет(ь)ие на 10 лет(о) исконьчася сии костелъ месяца августа на память святаго Лаврентия мученика, рукою Аньдреево. Амин(ь)» [18].

Запись сделана, несомненно, украинцем или белорусом, а не москвичом, но это не может служить доказательством невозможности участия Андрея Рублева в росписи Люблинской церкви. Наоборот, необычное указание на роспись церкви «рукою Андреево(й)» указывает на то, что мастер, расписавший церковь, и составитель записи — разные люди. Составитель записи как бы отметил участие мастера Андрея, не зная или не считаясь с его московским прозвищем — Рублев. Ведь и русские источники называют Рублева только иконописцем Андреем, а летописцы для сведения сообщают и его прозвище, как других иконописцев: Гречин, Черный, из Городца и т. д.

Теперь мы подходим к последнему этапу в жизни Андрея Рублева, связанному с росписями соборов в Троицкой Лавре и в Андроньеве монастыре. Хронологически на первом месте стоит роспись собора в Троицком монастыре, время создания которой устанавливается только предположительно, как и время построения самого собора в Троицкой Лавре.

В литературе, впрочем, указывается точная дата построения собора — 1422 г., которая будто бы указана во всех редакциях жития Сергия [19]. В действительности такая дата устанавливается лишь косвенным путем, причем о событиях, сопровождавших построение собора, рассказано по-различному в разных редакциях жития Сергия. Не ставя себе задачу анализировать все списки жития Сергия и приложенные к нему «чудеса», отмечу только, что в древнейших версиях жития Сергия о построении Троицкого собора рассказывается в особом сказании «о проявлении мощем святаго». В нем сообщается о чудесах над гробом Сергия «минувшим 30 летом по преставлении святаго» и открытии его мощей. Если принять во внимание, что Сергий умер в 1391 г., то события, описанные в сказании, относятся к 1421 году. Сергий явился во сне некоему властелину из удела князя Владимира Андреевича, и тот рассказал об этом игумену Никону. Однако они оба умолчали о видении «до времяне подобна». Только после этих видений замыслили, «помыслиша въздвигнути церковь камену», что, значит, было действительно около 1422 года.

---

[15] «Русские летописи». По рукописи, принадлежащей Н. П. Никифорову. С предисловием Сергея Белокурова. М. 1897, стр. 63.

[16] ПСРЛ. Т. XVII, стр. 109.

[17] H. Gawarecki. Cz. Gawdzik. Lublin. Warszawa. 1959, стр. 33.

[18] Н. М. Каринский. Русская надпись в Люблинском тюремном костеле. «Известия Археологической комиссии». Вып. 35, стр. 134. В скобки поставлены буквы, отсутствующие в надписи. Слово «мученика» в подлиннике дано под титлом.

[19] Это неверно. Е Голубинский («Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра», М. 1909, стр. 178) прямо пишет, что о построении собора нет точных данных.

После сооружения церкви и произошло открытие мощей.

В сказании нет ни слова о росписи собора и скорой смерти Никона. Наоборот, сообщается, что Никон еще прожил довольно долгое время: «По сем же времени великаго Никона препроводивъ лета доволна в великих трудех, в всем последуя своему отцу, добре упас врученную ему паству, к господу отъиде».

В некоторых списках Пахомиева жития Сергия нет указания на 30 лет, прошедших со смерти Сергия до открытия его мощей, а сказано просто — «минувшим же летом по преставлении святого». Зато упоминается, что Никон был игуменом 36 лет [20]. Прибавив 36 лет к 1391 г., году смерти Сергия, мы получим дату смерти Никона: 1427 или 1428 год. Эту дату показывают иконописные подлинники и прямо сообщает один летописец, бывший в руках у Н. М. Карамзина: «Преставись игумен Никон, чудный старец». Карамзин отнес это известие к 1428 г., но Никон умер 17 ноября. Следовательно, в переводе на современное летосчисление эту дату можно перенести и в 1427 год [21].

Сказание о преложении мощей явно составлено на основе жития Сергия с поправками Пахомия, потому что в нем даже не упоминается о великом князе Василии Васильевиче, князь же Юрий Дмитриевич назван «великодержавным». Такое сказание могло быть написано между 1432—1446 гг., но не позже 1447 г., когда Василий вновь сел на великокняжеский стол.

Установление даты создания сказания о преложении мощей имеет большое значение для правильного понимания тех условий, при которых создавался Троицкий собор. Сказание совершенно молчит о великом князе Василии Васильевиче, и создается впечатление какой-то оппозиции троицких монахов великому князю, совершенно пренебрегающему интересами большого монастыря. Документы, однако, рисуют нам обратную картину — большого участия великих князей в собирании монастырских земельных имуществ. Сохранилось довольно значительное количество жалованных грамот, данных монастырю Василием Дмитриевичем и Василием Васильевичем, причем некоторые из этих грамот датируются временем сооружения и росписи собора в Троицком монастыре. Позже троицкие чернецы стали поддерживать Юрия Дмитриевича в его борьбе с Василием Васильевичем. Но это — более позднее время, когда неблагодарные и коварные троицкие чернецы забыли уже благодеяния, оказанные монастырю двумя великими князьями.

Таким образом, в историю построения и росписи Троицкого собора необходимо внести соответствующие поправки. Собор сооружался и расписывался при явной помощи великих князей, сперва Василия Дмитриевича, позже его сына Василия Васильевича, а не Юрия Дмитриевича и его сыновей, как вытекает из сказания о преложении мощей. В таком случае и участие в росписи Троицкого собора, по нашему предположению, великокняжеских или митрополичьих живописцев Даниила иконника и Андрея Рублева находит полное объяснение [22].

По сказанию о преложении мощей в издании 1646 г., Никон построил каменный собор и его «подписанием чюдным и всяческими добротами украсив», после чего сказание о проявлении мощей добавляет следующую деталь, имеющую непосредственное отношение к Андрею Рублеву.

Передаем это место в сказании в переводе на современный язык: «Нужно нам помянуть и о следующем: удивительно, как исполнилось

---

[20] Такое сообщение есть во многих житиях Сергия и Никона.

[21] Н. М. Карамзин. История Государства Российского. Т. V. СПБ. 1817, стр. 568 (примечание 386). Е. Голубинский, не зная этой даты, дает неверные сведения о построении собора и смерти Никона (см. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 180).

[22] См. «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси». Т. 1. М. 1952, стр. 25—52.

желание преподобного отца настоятеля Никона, упрошены были им чудные добродетельные старцы живописцы, Даниил и Андрей преждеупомянутый, которые всегда духовное братство и любовь великую к себе приобрели, и как украсили росписью церковь эту в конце своего богоугодного и блаженного жития, так и к господу отошли, в близости друг к другу, в духовном союзе, как и здесь пожили, и эту последнюю роспись оставили на память себе, как она для всех видима» [23].

Из этого рассказа выясняется особое, выдающееся положение Даниила и Андрея. Игумен крупнейшего монастыря не просто поручает им работу, а умоляет их расписывать церковь. Иконописцы умирают вскоре после окончания своих работ, но время их кончины не указано.

В сказании о преложении мощей нет ни слова о том, где же в это время жили старцы-иконописцы, где они работали. Нет и точного указания на время смерти Андрея Рублева и Даниила, а также на их работы в Андроньевом монастыре. Роспись Троицкого собора названа их последней росписью («писание конечное»). Говорится только, что смерть Даниила и Андрея Рублева последовала вскоре после окончания ими работ по росписи Троицкого собора, иными словами, отсутствует точная дата их смерти.

О событиях, переданных в сказании о преложении мощей, имеется и другой рассказ. В Софийской Второй летописи, где приводится отрывок из жития Никона, говорится, что Никон воздвиг прекрасную каменную церковь и решил ее украсить росписью. Дальнейший рассказ даем в переводе: «Преподобный, побеждаем великим желанием, верою, пребывал в том неизменно, чтобы своими очами увидеть церковь завершенною и росписью украшенную. Он быстро собирает живописцев, людей замечательных, всех превосходящих, в добродетели совершенных, Даниила именем и Андрея спостника его, и неких с ними. А они спешно творили это дело, как бы предвидя духом скорую духовных этих людей и живописцев смерть и свою кончину, что вскоре по совершении дела и было. Но бог помогал окончить дело преподобного. И вот они усердно начинают и весьма разнообразными росписями украшают церковь, что может удивить всех и теперь, оставив это последнее произведение на память о себе.

После этого малое количество времени прожив, смиренный Андрей оставил жизнь и отошел к господу первым, а затем и Даниил пречестный, спостник его, оба о господе добро пожили и в старости глубокой конец приняли. Когда же Даниил хотел отрешиться от телесных уз, внезапно видит возлюбленного им, ранее умершего Андрея, призывающего его с радостью. Даниил же, увидев Андрея, которого желал увидеть, с радостью дух свой предает господу» [24].

---

[23] «Нужно же и се нам есть помянути: и чюдно, како исполнися желание преподобнаго отца настоятеля Никона, умолени бо быша от него чюднии добродетелнии старци живописцы, Данил и Андрей предпомянутый, иже присно духовно братство и любовь к себе велику стяжавше и яко украсиша подписанием церковь сию в конец своего богоугодного жития и блаженнаго, и тако к господу отъидоша, во зрении друг со другом, в духовном союзе, яко же и зде пожиста и сие писание конечное в память свою оставиша, яко же всеми зрится» («Книга о Сергии». М. 1646, л. 99, об.— 100).

[24] ПСРЛ. Т. VI, стр. 138: «Но преподобный побежаем великим желанием, верою, и в сем пребывая неприложен, еже узрети своима очима церковь сврьшену и сим украшену, собирает скоро живописцы мужие изрядны велми, всех превосходящи, в добродетели сврьшени, Данил именем и Андрей спостник его, и неких с ними, спешно бо сие творяше дело, яко нечто провиде духом въскоре духовных оных мужей и живописцев от жития сего и свое преставление, еже по мале и по совершении дела бысть. Но убо богу помогающу скончати дело преподобнаго, абие касаются ему усердно и велми различными подписаньми чудных удобревше ту, могуще зрящих удивити всех и до ныне. Конечное се рукоделие и память себе преподобнии оставльше, посем мало нечто пребывше, абие смиренный Андрей оставль сию жизнь ко господу отъиде преже, таже последи и постник его Данило пречестный, от бога добре поживша и в старости честне благий конец прияша. Егда хотяше Данил телесного соуза разрешитися, абие видит возлюбленаго ему преже отшедшаго Андрея в радости призывающа его. Данил

В этом сказании смерть Андрея и Даниила связывается со смертью игумена Никона в 1427 году. Таким образом, если верить Софийской Второй летописи, Андрей Рублев умер до 1427 г., то есть раньше игумена Никона. Однако в записи Софийской летописи, вернее, в ее источнике отсутствует указание на роспись Андроникова монастыря. Сообщение о ней находим в другом сказании.

Это сказание имеется в житии Никона, помещенном в издании 1646 г. (приводим в переводе): Никон «вскоре собрал людей живописцев, в добродетелях совершенных, Даниила именем и спостника его Андрея, и прочих с ними. И быстро дело начинают и украшают (церковь) самыми разнообразными росписями, так что можно удивлять и всех ее видящих. И окончив все, они уходят в один из монастырей богоспасаемого града Москвы, Андрониковым именуемый, и там церковь во имя всемилостивого Спаса также росписью украсив, последнее творение на память себе оставили. И недолго пожив, Андрей, покинув жизнь, отошел к господу, также и спостник его Даниил, оба добро пожили и в старости великой были, благой конец приняли. Ведь, когда Даниил хотел отрешиться от телесных уз, внезапно он видит возлюбленного им Андрея, призывающего его. Он же, увидев того, кого желал (видеть), великой радости исполнился. Братия же тут стояла, и он поведал ей о пришествии своего спостника и тут предал дух. Там же бывшая братия видела его смерть и правильно поняла, почему блаженный Никон ускорил расписывание церкви. Ведь он знал о скорой смерти этих духовных людей, поэтому братия и великую благодарность ему воздала» [25].

Из последних слов о том, что Никон ускорил подписание церкви, предвидя скорую смерть, делают вывод, что Андрей и Даниил умерли раньше Никона, смерть которого точно датирована—17 ноября 1427 или 1428 года. Но это неверно, так как речь идет не о смерти Никона, а о смерти Андрея и Даниила. Они были еще живы при Никоне, смерть которого произошла вскоре после завершения росписи Троицкого собора; Никон «по совершении же церковнем мало пребыв». Таким образом, роспись церкви в Троицком монастыре относится к 1425—1428 годам. Житие Никона, как мы видели, прямо говорит о том, что роспись собора в Андроньевом монастыре была последней работой Андрея Рублева, совершенной им вскоре после окончания росписи собора в Троицком монастыре.

Обратимся теперь к вопросу о том, что представлял собой Андроников монастырь в XV веке. Монастырь был основан митрополитом Алексеем после его возвращения из Орды, но еще при жизни великого князя Ивана Ивановича, то есть около 1359 г., как об этом говорится в житии митрополита Алексея, а не в 1360 году [26].

же яко виде Андрея, его же желаше, велми радости исполнися и братии предстоящим ему исповедаше пришествие постника его, и тако в радости дух свой господеви предасть».

[25] «И въскоре собра мужи живописцы в добродетелех совершенны, Даниила именем и спостника его Андрея и прочих с ними, и абие делу касаются и зело различными подписанми удобривше ту, яко могущю всех зрящих удивити, и яко совершивше вся, абие отходят во един от монастырей богом спасаемаго града Москвы, Андроников именуем, и тамо церковь во имя всемилостиваго Спаса такожде подписании украсивше, последнее рукописание на память себе оставиша. И мало пребыв смиреный Андрей, оставль сию жизнь ко господу отъиде, таже и спостник его Даниил, оба добре пожиста и в старости велице быста благии копец прияста. Егда бо хотяще Даниил телеснаго союза отрешитися, абие видит возлюбленнаго ему Андрея, в радости призывающа его. Он же виде, его же желааше, зело радости исполнися, братиям же предстоящим, поведа им спостника своего пришествие, и абие предаде дух. Видеша же тамо сущая братия сих преставление и от сего разумно познаша, яко сего ради блаженный Никон ускори подписанми церковь святыя Троици украсити, за еже разумети ему духовных онех мужа преставление тем же и благодарение велие воздаша ему» («Книга о Сергии», л. 187 об.).

[26] Житие было написано митрополитом Киприаном не позже 1406 года.

Алексей воздвиг великолепный храм и поставил в нем икону Спасителя, назвав монастырь Спасским. «И тако вскоре абие созданна бысть церковь зело красна» [27].

Игуменом в монастыре был поставлен Андроник, устроивший в нем общее житие для монахов. Андроник еще юношей постригся в Троицком монастыре и прославился своим иноческим житием. Как и другие честолюбивые монахи, он «задумал покинуть Троицкий монастырь» и «сотворити свои монастырь».

В Епифаниевой редакции жития Сергия с изменениями, приписываемыми Пахомию, добавлено, что Андроник был «рода отчества святаго Сергия града Ростова» и тот его очень любил. Впрочем, Пахомий уже опускает слова о том, что Андроник своими подвигами вызывал удивление самого Сергия [28]. Причины, по которым митрополит просил отдать ему Андроника, объяснены у Пахомия желанием иметь одного из учеников Сергия «на строение монастыря». Об освящении монастыря сказано подробнее: митрополит «устрои месту тому игумена Андроника строити монастырь и вдасть ему еже на потребу доволно и дав благословение и отъиде... и бысть обитель велика зело, еже и ныне видима есть нами, стоить стройна и честна церковь камена красна и подписана чюдно зело» [29].

Из этих слов можно вынести представление о том, что каменная церковь в монастыре была построена уже в XIV в., при митрополите Алексее, но это едва ли верно: первый монастырский собор был деревянным, как это видно из жития митрополита Алексея, написанного митрополитом Киприаном, следовательно, не позже 1406 года. Киприан говорит, что церковь была «зело прекрасна», но не называет ее каменной, тогда как о церкви Благовещения в Нижнем Новгороде тут же сообщается как о каменной.

Андроньев монастырь уже вскоре после своего возникновения сделался одним из культурных центров тогдашней Москвы. Об этом говорят рукописи конца XIV — начала XV в., написанные в этом монастыре четким русским полууставом. Мы имеем полное право говорить о существовании «андрониковской школы» писцов. Особо следует отметить большое внимание, уделяемое в Андроникове монастыре искусству рукописей. Так, андрониковский монах Анфим в записи к переписанной им рукописи 1404 г. извиняется, что он написал ее нехудожественно («аще и нехудожне сию снискахом»), хотя рукопись написана прекрасным почерком и речь идет, значит, о художественном оформлении книги [30].

В монастыре создавались и литературные произведения. В частности, сохранилось описание церемонии, происходившей в Москве при возвращении Дмитрия Донского после Донской победы. Описание это было составлено, вероятно, уже при митрополите Киприане и носит характер некоторого литературного сочинительства, хотя и связано с действительным событием [31]. Таким образом, и Андроников монастырь связывал себя с победой русских войск на Дону.

История монастыря в первой половине XV в. остается неясной. Об этом свидетельствует Синодик Андроньева монастыря, где показаны три первых его игумена: Андроник, Савва и Александр. По Строеву, Андроник умер 13 июня 1374 г., после него был Савва, упомянутый 24 октября 1403 г., затем Александр, по Строеву, не раньше 1427 г.,

---

[27] Н. Тихонравов. Древние жития св. Сергия. Вып. I, М. 1892, стр. 62.
[28] Там же, стр. 128—129.
[29] Там же, стр. 131.
[30] «Историческое описание московского Спасо-Андроникова монастыря». М. 1862, стр. 4—5 (приложение).
[31] «Повести о Куликовской битве». М. 1959, стр. 156.

вслед за ним Ефрем и Исаакий [32]. Савва действительно еще жил в 1410 г., когда он вместе с троицким игуменом Никоном был свидетелем при составлении завещания Владимира Андреевича Серпуховского [33]. Время смерти Саввы неизвестно. По Строеву, он был еще игуменом в 1410—1420 годах.

Н. Н. Воронин и В. Н. Лазарев в «Истории русского искусства» почему-то датируют построение собора временем «до 1427 года», упоминая тут же игумена Александра, который, по Строеву, сделался игуменом Андроникова монастыря «после 1427 года» [34]. Между тем в своих работах П. Н. Строев отличался крайней пунктуальностью, и совершенно непонятно, почему предложенная им дата полностью игнорируется. В реставрированном виде, как и в реконструкции П. Н. Максимова, собор Андроньева монастыря носит явно нерусские формы, напоминает сербские церкви. Не входя в оценку правильности реставрации, отмечу только, что связи с Сербией в начале XIV в. были довольно оживленными. Напомним, о Лазаре Сербине, построившем городские часы в Кремле в 1404 году [35].

Правда, известие о построении «часомерья» в Кремле отделено от начала игуменства Александра двумя десятилетиями, но ведь и роспись собора во Владимире Андреем Рублевым отделена от росписи Троицкого собора таким же промежутком лет. Поэтому участие серба Лазаря в постройке собора в Андроньеве монастыре не так уж невероятно. К тому же боевые часы, поставленные Лазарем Сербином, как показывают миниатюры лицевых летописей, представляли собой своеобразное башенное сооружение, наподобие часозвони.

В той же повести о начале Андроникова монастыря, вставленной в состав жития Сергия, рассказывается, что после первого игумена Андроника, игуменом в монастыре стал Савва: «По времени же в оной обители бывшу игумену Александру, ученику предупомянутого игумена Савы, мужу добродетелну, мудру, изрядну зело. Так же и другому старцу его именемь Андрею, иконописцу преизрядну, всех превосходящу в мудрости зелне, и седины честны имея, и прочии мнозе. Сима добре строящима обитель благодатию Христовою и сотворше совет благ с братиею и богу помогающу создаста в обители своей церковь камену зело красну и подписаниемь чюдным своима руками украшена в память отець своих, си же до ныне всеми зрится» [36]. Слова «сима добре строящима обитель», написанные в двойственном числе, относятся к Александру и Андрею и подчеркивают особую заботу Андрея Рублева об Андроников монастыре, где он, видимо, был не просто монахом, а соборным старцем, управлявшим вместе с игуменом и другими соборными старцами обителью, и где был похоронен.

В этой записи отсутствует указание на Даниила, старшего товарища Андрея Рублева, и это не случайный пропуск. По житию Никона, получается, что Даниил умер в Троицкой Лавре, где и была сделана запись о его видении.

Присутствующие при кончине Даниила монахи («тамо сущая братия») — это троицкие монахи. Именно они воздают похвалу троицкому игумену Никону, предвидевшему скорую кончину живописцев. Здесь

---

[32] Государственный исторический музей. Барс. № 974, в 4⁰, Синодик Андроньева монастыря. «Начальники обители сея Аньдронникова монастыря. Преподобноигумена Андроника. Преподобноигумена Саву. Игумена Александра. Игумена Ефрема. Игумена Исакия. Архимарита Иоанна. Архимарита Фадея» и т. д.

[33] «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». М.-Л. 1950, стр. 50.

[34] «История русского искусства». Т. III. М. 1955, стр. 70.

[35] М. Д. Приселков. Троицкая летопись, стр. 457.

[36] Н. Тихонравов. Указ. соч. Вып. II. М. 1892, стр. 65. См. также Государственный исторический музей. Епарх. 387,1°. Житие Сергия, лист 103 («О Андроников монастыре»).

мы, видимо, находим объяснение тому странному противоречию в житиях Сергия, по которому оказывается, что Андрей Рублев умирает то в Троицком монастыре, то в Андрониковом монастыре в Москве. В XV в. еще помнили, что Даниил иконник умер в Троицком монастыре, но прославлен был не столько Даниил, сколько Рублев. Тогда уже стала складываться легенда, что и Рублев умер в Троицком монастыре, хотя другие сведения говорили о его похоронах в Андроньеве монастыре.

В позднейших сказаниях Андрей Рублев заслонил собой своего старшего товарища, по-монашески «спостника», то есть вместе с ним постившегося. Стоглав говорит об иконах, которые надо писать по образцу Рублева, и не упоминает о Данииле. Между тем приведенные выше свидетельства о дружбе Андрея и Даниила дают и любопытную деталь о самом Андрее, называя его смиренным. Это, возможно, настоящая характеристика великого художника как человека простого, негордого, кроткого.

Последнюю свою работу Рублев выполнял в Андроникове монастыре, на этот раз уже без Даниила, о котором не упоминает сказание о начале Андроникова монастыря. Это произошло после 1427 года.

Последняя, «конечная» работа Андрея Рублева производилась в Андрониковом монастыре — при игумене Александре, который, по Строеву, стал игуменом не раньше 1427 года. Эта дата сходится с примерной датой окончания росписи собора в Троицком монастыре. Следовательно, собор в Андроньевом монастыре расписывался в 1428—1430 годах.

Подведем некоторый итог, конечно, сугубо предположительный, об основных датах в жизни Андрея Рублева. Он родился около 1360 г., в 1395 г., вероятно, уже принимал участие в росписи церкви Рождества в Кремле, в 1405 г. расписывал собор Благовещения в Кремле, в 1408 г. принимал участие в реставрации Владимирского собора, в 1410—1412 гг. предположительно работал в Люблине, в 1415—1420 гг. снова работал в Москве и в Звенигороде, в 1425—1427 гг. расписывал собор в Троицкой Лавре, в 1428—1430 гг. выполнил свое «конечное рукоделие» в Андроникове монастыре.

Андрей Рублев умер, окруженный славой величайшего мастера своего времени. И вокруг его имени тотчас же стали слагаться легенды. Красивейшую из них передал Иосиф Волоцкий. Андрей и Даниил, неразрывно связанные друг с другом «духовным союзом», даже праздники проводили в созерцании живописи, раздумывая о новых творческих замыслах. Кто может проникнуть в замыслы великих творцов, кто сумеет разгадать, какие живые люди воплотились в трех юношах «Троицы», таких необычно, не по-юношески грустных, кто воплотился в ликах апостолов владимирских фресок с их русскими лицами, такими необычными для византийской живописи. Об этом мы можем только гадать и делать предположения.

Но образы эти стоят перед нашими глазами и восхищают нас, как восхищали современников Андрея Рублева и будут восхищать всех любящих прошлое и настоящее русского народа.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОГО ТОМА «ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА» *

Г. А. Деборин

Многотомное издание «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.» создается большой группой советских ученых: историков, экономистов, философов, специалистов в области военного дела. Творческая работа авторов направляется Редакционной комиссией, образованной по постановлению Центрального Комитета КПСС. Возглавляет комиссию П. Н. Поспелов. Обеспечены все условия для подлинно научной разработки проблем истории Великой Отечественной и второй мировой войн.

В настоящей статье мы хотим рассказать о наиболее важных научных проблемах первого тома «Истории Великой Отечественной войны».

Возникновение войны

Одним из важнейших вопросов, которые освещаются в первом томе, является вопрос о причинах возникновения второй мировой войны. Правильный ответ на этот вопрос может дать только марксистско-ленинская наука. Буржуазные историки, будучи не в состоянии и не желая раскрыть действительные причины войны, приписывают ее возникновение различного рода субъективным факторам.

В первом томе «Истории Великой Отечественной войны» вскрыты те экономические факторы, свойственные империализму, которые породили вторую мировую войну. Накануне войны в капиталистическом мире в результате неравномерности и скачкообразности развития различных стран возникло острое несоответствие между реальным соотношением сил великих держав и распределением между ними источников сырья, мировых рынков и сфер приложения капитала. Германия, потерпевшая поражение в первой мировой войне, Италия и Япония, считавшие себя обделенными при заключении Версальского договора, добивались нового передела мира. Однако их империалистические соперники, к числу которых принадлежали США, Англия и Франция, сами стремились расширить свои владения и покончить с мешавшей им конкуренцией германского, итальянского и японского империализма на мировых рынках. Борьба между двумя группами империалистических держав приняла характер борьбы за мировое господство. В наиболее острой и агрессивной форме эту борьбу вел германский империализм.

На экономической основе империализма, в результате неравномерного развития капиталистических держав и скачкообразного изменения в соотношении их сил на мировой арене возник предвоенный политический кризис. В томе подчеркивается, что «предвоенный политический кризис — это не явление субъективного, идеологического или психологи-

---

* «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.». ИМЛ при ЦК КПСС. Отдел истории Великой Отечественной войны. Том первый, Воениздат, 1960, XXXX+536 стр. Тираж 125 тыс. Цена 30 руб.

ческого порядка, а объективная реальность, обусловленная всем развитием империализма, его коренными, глубокими противоречиями, ожесточенной борьбой капиталистических держав за мировую гегемонию» (стр. 137).

Политический кризис, предшествовавший второй мировой войне, существенно отличался от кризиса, разразившегося накануне первой мировой войны. Он развернулся в условиях, когда капитализм уже не представлял собой единой, всеохватывающей мировой системы, когда наряду с капиталистическими государствами существовало и успешно развивалось единственное в то время социалистическое государство — Советский Союз. Великая социалистическая держава представляла собой центр притяжения всего международного революционного и национально-освободительного движения.

Между двумя коалициями государств, образовавшимися накануне второй мировой войны в капиталистическом мире (первую из них составили Германия, Италия и Япония, вторую — Англия, Франция и США), существовал не только конфликт, разъединявший их. У них были и общие стремления, толкавшие к объединению. Эти общие стремления проистекали из противоречия между капитализмом и социализмом, классовой ненависти империалистов к СССР. Ведя между собой борьбу за мировое господство, группировки империалистических держав пытались вместе с тем сговориться между собой и создать единый антисоветский фронт.

Именно в германском фашизме и реваншизме мировая реакция видела ту ударную силу, которая, казалось, была в состоянии ликвидировать Советское социалистическое государство и тем самым разрешить противоречие между социализмом и капитализмом в пользу последнего, восстановив его былое беспредельное господство. Отсюда «золотой дождь» долларов и фунтов стерлингов, обеспечивший восстановление военно-экономического потенциала Германии; отсюда сначала тайное, а потом и открытое согласие на ревизию версальской системы, попустительство фашистской экспансии и агрессии.

Три фашистские державы, вступившие в военный союз,— Германия, Италия и Япония — стремились к мировому господству и колониальному порабощению всех народов земного шара. Нападение Японии на Маньчжурию в 1931 г. и захват гитлеровцами власти в Германии в 1933 г. привели к возникновению очагов второй мировой войны на Дальнем Востоке и в Европе.

С 1933 г. в Германии начался безудержный кровавый террор против Коммунистической партии, демократических организаций и прогрессивных общественных деятелей, против сторонников мира. Гитлеровцы стремились распространить свое господство на другие капиталистические страны, подчинить их себе. Идеологической основой гитлеровской программы завоевания мирового господства была человеконенавистническая «расовая теория», проповедовавшая порабощение других народов «избранной» немецкой расой. В своих внешнеполитических планах германские империалисты отводили решающую роль военной силе, которую они быстро увеличивали. В первом томе приводятся данные о количестве дивизий в германской армии: в 1932 г. имелось всего 10 дивизий, а в 1935 — 31, в 1937 — 42, в 1939 (на 1 сентября) — 103 (стр. 26 и 382).

Гитлеровцы захватили власть в момент, когда Германия была еще сравнительно слабой в военном отношении. Для того, чтобы их военные приготовления не вызвали беспокойства в кругах западных держав, германские руководители усиленно заверяли их, что будто бы не питают против этих держав никаких захватнических вожделений, что все военные приготовления Германии направлены якобы только против Советского Союза.

Антисоветски настроенные политические деятели Запада стремились усыпить бдительность народов западных стран перед нараставшей экспансией германских фашистов. Так, лидер либеральной партии Англии Ллойд-Джордж говорил, что германские империалисты якобы «не имеют желания вторгнуться в чью-либо страну... Стремление установить немецкую гегемонию в Европе, что являлось целью и мечтой старого довоенного германского милитаризма, исчезло ныне с национал-социалистского горизонта» (стр. 37).

Империалисты Германии ставили своей целью разгром Советского Союза прежде всего потому, что Советский Союз — опора мирового революционного движения, главное препятствие на пути любого империалистического хищника к мировому господству. Однако германские монополисты рассматривали перспективу войны с СССР в плане всей своей борьбы за мировое господство, в ходе которой, по их расчетам, должны были быть разгромлены и западные державы. И уж, во всяком случае, германские империалисты, готовя агрессию против СССР, отнюдь не намеревались предоставить своим соперникам в борьбе за мировое господство возможность загребать жар чужими руками. Что же касается выбора направления и очередности нанесения военных ударов, то правящие круги Германии собирались начать свой поход за мировое господство с уничтожения более слабых противников — своих капиталистических конкурентов. Обо всем этом читатели узнают немало нового в томе.

Важным фактором развязывания второй мировой войны была политика «невмешательства» и «умиротворения», проводившаяся правительствами Англии, Франции и США. Она была продиктована упорным нежеланием правительств этих стран препятствовать фашистской агрессии и участвовать в освободительной антифашистской борьбе. Эти правительства давали ясно понять, что в случае войны Германии против СССР они будут сочувствовать первой. Вместе с тем правящие круги западных стран надеялись, что в этой войне обе воюющие стороны будут ослаблены. Англия, Франция и США рассчитывали в конце войны выступить со свежими силами и продиктовать свои условия мира. Таким образом, английские, французские и американские империалисты надеялись направить фашистскую агрессию на Восток, добиться разгрома Советского Союза, удушения международного революционного движения, ослабления своих империалистических конкурентов, укрепить свои международные позиции.

Итак, правительства США, Англии и Франции пришли к выводу, что они могут добиться своей цели, способствуя военному конфликту между Германией и Советским Союзом. Известный американский дипломат Буллит заявлял: «Бросив Россию на произвол судьбы, Англия и Франция отвратят от себя угрозу нападения Германии» (стр. 157). Но здесь требуется существенное уточнение. В данном случае речь шла не о том, чтобы бросить на произвол судьбы Советский Союз, а о том, чтобы натравить на него гитлеровскую Германию, разрешить за счет СССР острейшие империалистические противоречия.

Стремясь использовать гитлеровскую Германию как орудие против Советского Союза, монополии западных стран оказали ей самое широкое содействие в экономической подготовке второй мировой войны, а также в создании вооруженных сил. В томе уделено большое внимание экономической и политической помощи, которую получила гитлеровская Германия от западных держав. С помощью американских и английских монополий возрождался и усиливался германский милитаризм.

Германскому монополистическому капиталу была предоставлена свобода маневрирования на мировых денежных рынках биржевыми ценностями для закупки стратегического сырья. Патентные и картельные соглашения между монополиями США и Германии были направ-

лены прежде всего на преодоление самого узкого и самого уязвимого места германской военной экономики — недостатка сырья, особенно нефти. Англия активно участвовала в вооружении Германии, в частности в области авиации и военно-морского флота, включая подводный.

Пользуясь политикой «невмешательства» и «умиротворения» со стороны правительств Англии и Франции, фашистские агрессоры развязали ряд «малых» войн (против Эфиопии, Испании, Китая), шаг за шагом приближая человечество к мировой войне.

В ходе «малых» войн приобретали боевой опыт армии агрессоров, проверялась на практике их новая военная техника и способы ведения войны. Итальянские фашисты по приказу Муссолини совершили чудовищное преступление, применив против мирного населения Эфиопии отравляющие вещества, от которых погибло 300 тыс. человек (стр. 105). На полях Испании германские и итальянские генералы проверяли свою военную доктрину и тактику, новую боевую технику.

В томе показаны силы, которые вели активную борьбу за мир. Главной силой, отстаивавшей дело мира, был Советский Союз, который предлагал реальные меры его обеспечения. Именно Советским Союзом в 1933 г. была выдвинута идея коллективной безопасности и предприняты все необходимые практические шаги на пути ее осуществления.

В условиях, когда над многими европейскими народами нависла реальная угроза потери национальной независимости и ликвидации ряда государств, бедствие войны могло быть предотвращено своевременными и решительными коллективными действиями против агрессора. Необходимость создания широкой демократической коалиции народов стала совершенно настоятельной с первых же шагов гитлеровской агрессии. Нет сомнения, что такая коалиция могла бы быть создана в те годы, если бы правительствами и государственными деятелями соответствующих стран уже тогда была осознана возникшая угроза со стороны Германии.

Пагубную роль в развитии событий сыграл раскол могучей миролюбивой силы — рабочего класса, осуществленный правыми лидерами социал-демократии. Более того, эти лидеры, действуя в угоду империалистической реакции, явно попустительствовали германской агрессии.

В томе получили всестороннее освещение такие важнейшие вехи на пути к войне, как захват гитлеровцами Австрии и в особенности Мюнхенский сговор, отдавший Чехословакию на растерзание германскому фашизму. Англо-французские участники этого сговора полагали, что следующим государством, на которое гитлеровцы совершат нападение, явится Советский Союз. Французский министр иностранных дел Боннэ прямо заявил Риббентропу: «Оставьте нам нашу колониальную империю, и тогда Украина будет вашей» (стр. 156). Так, шаг за шагом правительства западных стран толкали Германию к нападению на СССР.

Оценивая события того времени, авторы первого тома делают следующий вывод: «Таким образом, войну, зародившуюся и вызревшую в недрах капиталистической системы, империалисты США, Англии и Франции пытались вынести за пределы этой системы. Они хотели сделать социалистическое государство, которое не имело и не могло иметь никакого отношения к возникновению этой войны, ее участником, чтобы уничтожить СССР как мировой оплот социализма» (стр. 138).

В планах правящих кругов США, Англии и Франции крылось по меньшей мере два основных просчета. Во-первых, эти круги не желали принимать во внимание мощь социалистического государства, которая не могла не оказывать сдерживающего влияния на фашистских агрессоров. Во-вторых, они недооценивали того, что фашистская Германия ставила своей целью не только передел в свою пользу колоний и сфер влияния, но и полный разгром и подчинение своих империалистических соперников, завоевание мирового господства. А это означало, что

агрессора нельзя было «умиротворить» никакими уступками и что «соглашение» с ним было возможно только при условии полной и безусловной капитуляции перед его требованиями. В книге справедливо подчеркивается, что острый антагонизм между двумя социально-экономическими системами — между социализмом и капитализмом — не мог, разумеется, заслонить или даже ослабить внутренних противоречий капиталистической системы, обусловленных объективными закономерностями общественного развития.

В то время как мировая реакция хотела разрешить противоречия между различными социальными системами — социализмом и капитализмом — путем войны, Коммунистическая партия и Советское правительство, следуя заветам В. И. Ленина, настойчиво и неуклонно стремились к мирному сосуществованию государств с различными социальными системами. Политика СССР была направлена к обеспечению всеобщего мира посредством коллективной безопасности. Хотя советские предложения и были отвергнуты империалистическими державами, они сыграли свою историческую роль, подготовив почву для сплочения народов против угрозы фашистского порабощения.

Итак, итоги разработки вопроса о возникновении второй мировой войны, предпринятой авторами первого тома «Истории Великой Отечественной войны», заключаются в следующем. Во-первых, в томе во всей полноте показана виновность империалистических держав в развязывании второй мировой войны. Во-вторых, раскрыта причинная связь между предвоенным политическим кризисом и экономической основой империализма, на которой он возник. В-третьих, показывается, что военное столкновение двух капиталистических блоков не являлось случайностью, вызванной неожиданным поворотом событий. Война была закономерным следствием империалистических противоречий. В-четвертых, в томе дана исчерпывающая характеристика сущности политики западных держав, вскрыты ее истинные цели и основы, проанализированы факторы, приведшие эту политику к полному банкротству.

Содержание первого тома дает богатый конкретный материал, иллюстрирующий одно из важных положений Заявления Совещания представителей коммунистических и рабочих партий: «Война является постоянным спутником капитализма. Система эксплуатации человека человеком и система истребления человека человеком — две стороны капиталистического строя. Империализм уже обрушил на человечество две опустошительные мировые войны и теперь грозит ввергнуть его в еще более ужасную катастрофу»[1].

Англо-франко-советские переговоры 1939 г. и заключение советско-германского договора о ненападении

В первом томе с привлечением большого числа архивных документов детально изложена история англо-франко-советских переговоров 1939 г., обстоятельно показана позиция правительства Советского Союза, которое на всем протяжении переговоров предлагало Англии, Франции, Польше, Румынии, Эстонии, Латвии, Литве свою бескорыстную помощь в борьбе с немецко-фашистской агрессией, все более угрожавшей всем европейским государствам. Советский Союз решительно выступил против намерений правительств Англии, Франции и США разрешить свои противоречия с Германией путем провоцирования последней на войну с СССР.

Большой интерес представляет раскрытие подоплеки деятельности правительств Англии и Франции во время переговоров с Советским Союзом. Параллельно с этими переговорами правительство Анг-

[1] «Правда», 6 декабря 1960 года.

лии вело в Лондоне интенсивные тайные переговоры со специальными представителями гитлеровской Германии.

На всем протяжении этих переговоров английское правительство настойчиво рекомендовало Германии избрать только Советский Союз объектом своей «всеобъемлющей экономической деятельности», всячески натравливало гитлеровцев на социалистическое государство. Именно в этих тайных переговорах раскрылась вся суть политики Англии, Франции и США. Это была беспримерная по своему вероломству политика. Ведь английские министры тайно поощряли Германию напасть именно на то самое государство — Советский Союз,— с которым они вели в это время официальные переговоры, задачей которого являлась организация совместной борьбы против фашистской агрессии.

Правые лидеры лейбористской партии не только поддерживали вероломную политику своего правительства, но и проявляли инициативу в попытках достичь с гитлеровцами соглашения, направленного против Советского Союза. В этом отношении особенно позорной была деятельность Чарльза Родена Бакстона, эксперта исполкома лейбористской партии по вопросам внешней политики. В конце июля 1939 г. Бакстон посетил германское посольство в Лондоне и имел тайную беседу с гитлеровскими дипломатами. Во время этой беседы Бакстон существенно уточнил предложения британского правительства. Он предложил в основу соглашения о разграничении сфер влияния Англии и Германии положить следующие взаимные обязательства: Германия не будет вмешиваться в дела Британской империи, Англия не будет препятствовать германским интересам в Восточной и Юго-Восточной Европе и в соответствии с этим откажется от своих гарантий странам Восточной Европы, добьется разрыва Францией договора с СССР о взаимной помощи, прекратит переговоры с Советским Союзом.

Бакстон не ограничился беседой в Лондоне. Вскоре он отправился в Берлин и там вновь изложил гитлеровцам в письменном виде предложения руководства лейбористской партии. В этих предложениях прямо говорилось, что Англия согласна на определенных условиях «признать Восточную Европу естественным жизненным пространством Германии», а также выдать ей Польшу (стр. 173).

Неблаговидную роль в развязывании второй мировой войны сыграла антинародная политика тогдашнего буржуазно-помещичьего правительства Польши. Подписав в январе 1934 г. договор с Германией, направленный против коллективной безопасности в Европе, польское правительство встало на путь открытой поддержки агрессивной политики фашизма. Это правительство проявило беспредельное вероломство, солидаризировавшись в 1938 г. с Германией в вопросе о расчленении и уничтожении Чехословакии. Дипломаты и министры фашистской Германии ловко играли на антисоветских настроениях польских правящих кругов и тайно подготавливали нападение на Польшу. В течение года — с августа 1938 по август 1939 г.— гитлеровцы вели тайные переговоры с польскими министрами, предлагая им военный союз в совместной войне против СССР и при разделе его территории. В начале этих переговоров Геринг заявил польскому послу в Берлине Липскому, что Германия только и стремится поддержать захватнические стремления польских правящих кругов «в направлении плодородной Украины» как вполне «обоснованные стремления» и согласна поступиться Украиной в их пользу (стр. 154).

Не удивительно, что польское правительство выступило единым фронтом с правительствами Англии и Франции во время их переговоров с СССР летом 1939 года. Позиция польского правительства, отклонявшего все предложения СССР, направленные к защите Польши от германо-фашистского нашествия, приводила в восторг английских и французских министров. Чуждое своему народу и национальным ин-

тересам страны, польское правительство охотнее соглашалось на германскую оккупацию, чем на дружбу с Советским Союзом. В слепой ненависти к СССР это правительство категорически отвергло последний шанс спасения своей страны от немецко-фашистского нашествия —союз с СССР. «Правительство Польши,— говорится в томе,— несмотря ни на что, продолжало вести страну по пути национального самоубийства. В этом безумии польской реакции была своя система: пусть с самим дьяволом, пусть себе на погибель, только бы против Советского Союза!— таким оставался до конца смысл ее политики» (стр. 159).

Мало чем отличалась от политики польских правителей и политика тогдашних буржуазных правительств Эстонии, Латвии и Литвы. Германские империалисты, с помощью американо-англо-французских правящих кругов огнем и мечом подавлявшие социалистическую революцию в Прибалтике в 1918—1919 гг., рассматривали Эстонию, Латвию и Литву как свою близкую добычу, возлагая большие надежды на продажность правящих клик этих республик. Однако и здесь серьезной преградой на пути немецко-фашистской агрессии была политика СССР.

В томе приводится ранее не публиковавшаяся нота Советского правительства прибалтийским странам от 28 марта 1939 года. В ней Советское правительство предостерегало Эстонию и Латвию от заключения таких соглашений с третьим государством, которые могли бы в той или иной мере ущемить их независимость и самостоятельность, допустить в них политическое, экономическое или иное господство этого государства, предоставить ему исключительные права и привилегии. Во время англо-франко-советских переговоров правительство СССР, защищая интересы Эстонии, Латвии и Литвы, стремилось обеспечить их безопасность, спасти от немецко-фашистской агрессии.

Но правительства прибалтийских республик с одобрения правящих кругов Англии и Франции отклонили все советские предложения и предпочли пойти на сближение с Германией. В разгар англо-франко-советских переговоров в июне 1939 г. правительства Эстонии и Латвии заключили «дружественные» договоры с Германией, нанеся этим серьезный удар делу коллективной безопасности. Позднее эти правительства согласились принять германские «гарантии» от нападения, что на деле означало их согласие принять участие в немецко-фашистской агрессии на востоке Европы.

Германские империалисты готовили для народов Прибалтики колониальный статут. В этом направлении они добились реальных результатов. 20 сентября 1939 г. литовское правительство согласилось с германским проектом договора, по которому Литва превращалась в «протекторат германского рейха» (стр. 252).

Так, шаг за шагом империалисты США, Англии и Франции добивались международной изоляции СССР перед лицом фашистской агрессии. «Мюнхенцы» с тупым упрямством вели дело к созданию единого антисоветского фронта, к организации объединенного похода многих капиталистических стран во главе с гитлеровской Германией против СССР. Однако эта политика участников мюнхенского сговора не учитывала трезво объективную международную обстановку, характеризовавшуюся обострением империалистических противоречий. Чем большие уступки делали правительства Англии, Франции и США фашистской Германии, тем заметнее возрастали агрессивные устремления империалистов последней. Их не устраивало стремление правящих кругов Англии, Франции и США к сохранению своих владений и сфер влияния. Германский империализм добивался мирового господства и полного устранения своих конкурентов, частичные уступки уже не удовлетворяли его.

Правительство Германии решило начать войну против СССР, на которую его так упорно толкали правящие круги западных держав, после разгрома своих западных империалистических соперников. По

всей вероятности, такой план действия был разработан в правящих сферах третьего рейха сразу же после Мюнхена и под влиянием последнего. Не случайно каждый раз, когда заходила речь об очередности германских территориальных захватов в Европе, Гитлер ссылался на податливость Чемберлена и Даладье в Мюнхене как на свидетельство политической слабости Англии и Франции.

Начавшиеся англо-франко-советские переговоры серьезно встревожили германское правительство. Оно понимало, что успех переговоров неизбежно похоронил бы широкие захватнические планы германских империалистов. Вот почему с самого начала переговоров, действуя по давнишним канонам империалистической дипломатии, германское правительство предприняло ряд шагов, чтобы помешать их успеху. Ведя двойную игру, оно пыталось одновременно действовать как в Лондоне, так и в Москве. Лондон и тут оказался податливым. Согласие правящих кругов Англии на тайные переговоры с Германией явилось определенным успехом германской дипломатии.

Совершенно иначе обстояло дело с Москвой. Советское правительство категорически отклоняло все германские предложения и отказывалось от каких-либо переговоров с германскими дипломатами, пока оставалась надежда на заключение англо-франко-советского договора.

Первый раз германские дипломаты обратились к Советскому Союзу в конце мая 1939 года. Если отбросить дипломатическую форму этого обращения, то его смысл заключался в том, что германское правительство предлагало улучшить отношения Германии и СССР при условии отказа Советского Союза от идеи договора с Англией и Францией. Советское правительство ответило, что решение вопроса об отношениях Германии с СССР зависит в первую очередь от самой Германии. Этот ответ означал отказ принять германские предложения.

Второй раз германское правительство обратилось к СССР в первых числах августа 1939 г., как раз в тот момент, когда военные миссии Англии и Франции проявляли невероятную медлительность с поездкой на переговоры в Москву. Оно предложило Советскому правительству не только договориться об улучшении отношений, но и подписать секретный протокол, который разграничил бы интересы обеих держав по линии «на всем протяжении от Черного до Балтийского морей» (стр. 174). Принципиально выступая против такого рода соглашений и все еще рассчитывая на возможность добиться успеха в переговорах с Англией и Францией, Советское правительство незамедлительно ответило, что считает германское предложение неподходящим, а идею секретного протокола отвергает.

В середине августа тревога германских руководителей достигла предела. Советский поверенный в делах в Берлине Г. А. Астахов следующим образом характеризовал поведение германских дипломатов в эти дни: «Их явно тревожат наши переговоры с англо-французскими военными, и они не щадят аргументов и посулов самого широкого порядка, чтобы предотвратить эвентуальное военное соглашение. Ради этого они готовы сейчас, по-моему, на такие декларации и жесты, какие полгода тому назад могли казаться совершенно исключенными» (стр. 175).

15 августа, когда уже отчетливо обрисовалась неудача англо-франко-советских переговоров, обусловленная позицией западных держав, германское правительство в третий раз обратилось к СССР с предложением советско-германских переговоров. Однако Советский Союз снова отклонил германское предложение, ожидая исхода переговоров с Англией и Францией.

Четвертое обращение Германии к СССР имело место 20 августа 1939 г., когда английские представители сорвали переговоры военных миссий в Москве. К этому времени стало совершенно очевидным, что для СССР создалась реальная угроза войны с Германией в неблаго-

приятной международной обстановке. Тогда нападение немецких фашистов на СССР могло превратиться в «крестовый поход» капиталистического мира против социалистического государства. Принятие германского предложения о заключении двустороннего договора дало бы Советскому Союзу выигрыш во времени, который был крайне необходим для укрепления обороны страны, а главное, устранило бы возможность создания единого антисоветского фронта империалистических держав. Интересы сохранения первого в мире социалистического государства — отечества международного пролетариата,— находившегося во враждебном ему капиталистическом окружении, требовали, чтобы выбор был сделан в пользу советско-германского договора о ненападении. Договор был подписан 23 августа 1939 года. Это был дальновидный и мудрый шаг советской дипломатии в создавшейся обстановке, хотя он и явился вынужденным. В томе приводятся слова Н. С. Хрущева, сказанные им в марте 1960 г.: «Франция, Англия хотели тогда направить удар Германии против Советского Союза и прямо указали путь — пусть гитлеровская Германия берет Украину, Белоруссию, пусть идут до Урала. Все попытки правительства Советского Союза договориться с правительствами Англии и Франции не дали никаких результатов... Гитлер это заметил, и он послал Риббентропа в Москву к Сталину. Тогда был подписан договор о ненападении между Советским Союзом и Германией. Вы что думаете, разве Сталин не видел агрессивных шагов Гитлера? Он видел их и понимал серьезную угрозу новой мировой войны. Он видел, что Англия и Франция толкают Гитлера против Советского Союза. Но у него в тех условиях не было иного выхода» (стр. 176).

Заключение советско-германского договора привело к серьезным изменениям в международной обстановке. Используя объективные возможности, Советское правительство предотвратило объединение враждебных СССР империалистических сил, расстроило коварные планы международной реакции. Советская внешняя политика повернула ход событий в более благоприятную для СССР и всех свободолюбивых народов сторону.

Германское правительство, подписав с Советским Союзом договор о ненападении, не собиралось соблюдать его длительное время. Он был нужен фашистской Германии до тех пор, пока она считала себя не готовой к войне с СССР. Поэтому заключение договора о ненападении не могло ослабить бдительности и боевой готовности советского народа и его Вооруженных Сил.

О характере второй мировой войны

Огромное научно-познавательное, политическое значение имеет вопрос о характере второй мировой войны. В зависимости от характера войны складывается соответствующее отношение к ней различных общественных классов. Характер войны влияет на весь ход военных событий, на моральное состояние воинов, на формы и методы ведения военных действий.

Вторая мировая война со стороны Германии, Италии и Японии носила империалистический, реакционный, захватнический, антинародный и, следовательно, несправедливый характер. Великая Отечественная война советского народа против фашистских захватчиков явилась справедливой и освободительной войной во имя демократии и социализма, во имя общественного прогресса.

Однако нападению фашистской Германии на СССР предшествовал первый период второй мировой войны, в течение которого вооруженная борьба протекала между двумя капиталистическими группировками. Каков же был характер войны со стороны противников Германии в этот период?

Для того, чтобы дать правильный ответ на этот вопрос, следует вспомнить важнейшие методологические указания В. И. Ленина. «Война,— писал В. И. Ленин,— есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия» [2]. Предостерегая против упрощенчества, В. И. Ленин отмечал, что мировые войны — «вещь архипестрая, разнообразная, сложная». Эти слова в полной мере могут быть отнесены и ко второй мировой войне. С первых же дней войны проявилась совершенно определенная новая закономерность. «Она заключалась в том, что общий кризис капитализма обусловливал, с одной стороны, национальное предательство крупной буржуазии и помещиков ряда стран, подвергшихся агрессии, а с другой — рост активности широких народных масс в освободительной борьбе против агрессоров» (стр. XXI).

Правительства Англии и Франции, вступив 3 сентября 1939 г. в войну против Германии, прежде всего стремились отстоять империалистические интересы правящих кругов своих стран. Война с их стороны была продолжением предвоенной политики, основными чертами которой были подавление трудящихся и насаждение реакционных режимов, колониальное угнетение народов, борьба за расширение своих мировых позиций, антисоветский курс.

Правительства Англии и Франции избегали активных военных действий. Они вели «странную войну», которая, по существу, не ослабляла, а усиливала фашистские государства. В то же время в Англии и особенно во Франции буржуазия, подавляя патриотические силы своих стран с помощью методов, явно позаимствованных из фашистского арсенала, перешла в политическое наступление на рабочий класс и демократические свободы.

Коминтерн и все коммунистические партии оценили начавшуюся вторую мировую войну как со стороны фашистских стран, так и со стороны правительств Англии и Франции как войну империалистическую. Эта единственно правильная, марксистско-ленинская оценка воспроизведена в первом томе «Истории Великой Отечественной войны». Она является важным методологическим исходным пунктом для решения ряда вопросов истории того периода.

«Странная война», которую вели Англия и Франция против Германии и ее партнеров, явилась продолжением другими средствами мюнхенской империалистической политики правительств этих стран, сводившейся к тому, чтобы отвести фашистскую агрессию от себя и направить ее против СССР.

Английская авиация сбросила миллионы листовок на территорию Германии. В этих листовках не только не содержалось осуждения гитлеровской агрессии, но, более того, звучал призыв изменить направление агрессии, повернув ее против СССР.

Советское правительство сорвало намерение гитлеровцев выйти к границам СССР и расположить вдоль них немецкие войска. Советский народ протянул руку братской помощи западным украинцам и западным белорусам, предотвратив вторжение германских войск в земли, захваченные у Советского государства в 1920 г. польской буржуазией и помещиками. Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии советскими войсками, а также вступление последних в соответствии с заключенными договорами на территорию Эстонии, Латвии и Литвы, народы которых были насильственно оторваны империалистами от Со-

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 364.

ветской страны в годы гражданской войны, вынудило германские армии остановиться в их движении на Восток и улучшило оборону Советского Союза.

«Выдвижение границ СССР на запад,— отмечается в томе,— являлось значительным вкладом не только в дело укрепления безопасности СССР, но и в общее дело всех миролюбивых народов, боровшихся против гитлеровской агрессии. Даже такой антисоветски настроенный политик, как Черчилль, бывший в то время военно-морским министром Англии, и тот признал, что выдвижение советской границы на запад создало серьезный барьер против беспрепятственного продвижения немецких войск на Восток» (стр. 249—250).

Когда провокационные действия политических деятелей Англии и Франции не дали им желаемого результата, были использованы другие средства для того, чтобы создать единый антисоветский фронт, включая Германию, против СССР. Именно с этой целью США, Англия и Франция сперва заставили Финляндию выступить против СССР, а затем бросились «спасать» ее.

В томе подчеркивается, что «во взаимоотношениях Советского Союза и Финляндии не было таких глубоких противоречий, которые делали бы неизбежным вооруженный конфликт между ними. Советско-финляндская война была вызвана враждебными СССР происками правящих кругов великих империалистических держав, использовавших Финляндию как орудие для осуществления своих далеко идущих планов. Антисоветская политика финляндского правительства, оказавшегося на поводу у зарубежных сил, дорого стоила стране и ее народу» (стр. 278).

США, Англия и Франция предоставили Финляндии для войны против СССР займы, оружие, военную технику, боеприпасы. Правительства Англии и Франции готовили в помощь Финляндии экспедиционный корпус численностью в 150 тыс. солдат и офицеров.

Одновременно с подготовкой нападения на СССР с севера империалистические державы готовили против Советской страны удар с юга, со стороны Балкан и Ближнего Востока.

Проявления этой предательской политики наблюдались и на более позднем этапе второй мировой войны. Так, накануне нападения Германии на СССР английское правительство, с одной стороны, предупреждало правительство СССР о концентрации германских войск на советской границе, а с другой стороны, готовило предательский удар по Советскому Союзу в надежде ускорить вооруженное столкновение между Германией и СССР. В томе приводится следующая выдержка из официальной английской истории второй мировой войны: «В конце мая (1941 г.— *Г. Д.*) в Лондоне сложилось мнение, что, создав угрозу кавказской нефти, можно будет наилучшим образом оказать давление на Россию... 12 июня Комитет начальников штабов решил принять меры, которые позволили бы без промедления нанести из Мосула силами средних бомбардировщиков удары по нефтеочистительным заводам Баку» (стр. 404).

Политика «странной войны», проводимая правительствами Англии и Франции, предоставила широкие возможности для осуществления германских завоевательных планов в Европе. Германские империалисты не упустили эту возможность. Они методически готовили экономику и вооруженные силы к решающим боям на Западе.

«Странная война» повлияла и на оперативно-стратегические решения германского командования. Вначале верховное командование вооруженных сил Германии, планируя активные военные действия против западных держав, шло по пути копирования плана Шлиффена — плана первой мировой войны. Именно таковы и были первые варианты «Желтого плана». Но вскоре генерал-лейтенант Манштейн предложил другой план, в котором была учтена политическая сущность «странной

войны» и ее влияние на моральный дух армий западных держав. Оперативный план, предложенный Манштейном и принятый верховным командованием, предполагал осуществление глубокого прорыва и обходного маневра германских подвижных соединений через Люксембург, Арденны и Северную Францию к побережью Ла-Манша с целью разгрома армий Франции и Англии. Новый план получил наименование «Разрез серпом». Старый план был использован в целях дезинформации. Германский генералитет ловко подбросил его своим противникам.

Политика «странной войны» была политикой национального предательства, лучшей формой помощи гитлеровцам.

Коммунистические партии, единодушно осудившие преступный мюнхенский сговор, в течение всего предвоенного периода решительно выступали за обуздание фашизма, за пресечение его агрессии. Коммунисты выдвинули тактику единого народного фронта против фашизма. В межгосударственных отношениях эта тактика нашла свое воплощение в советских предложениях о коллективной безопасности.

Когда вспыхнула вторая мировая война, коммунисты Франции, Англии и других капиталистических стран, подвергшихся фашистской агрессии, развернули борьбу за превращение ее в народную войну, за свободу и национальную независимость. Правящие круги западных держав противодействовали этой справедливой борьбе. Но не в их власти было помешать закономерному процессу усиления народного сопротивления фашизму. Народные массы ряда стран поднялись на борьбу с фашизмом. На Востоке такую борьбу против японских захватчиков вел китайский народ. В Европе знамя национально-освободительного движения, поднятое испанскими республиканцами, подхватили патриоты Чехословакии, свободолюбивые народы Польши, Югославии, Франции и других стран, ставших жертвами фашистской агрессии. Особенность второй мировой войны заключалась в том, что ручьи освободительной вооруженной борьбы против фашизма стали пробиваться с самого начала и в конце концов, после вступления в войну Советского Союза, слились в единый мощный поток антифашистской войны народов и государств.

Процесс постепенного превращения войны против Германии в справедливую и антифашистскую значительно усилился со второй половины 1940 и особенно в начале 1941 года. Однако только вступление СССР во вторую мировую войну, обусловленное нападением на него Германии, явилось главным фактором, завершившим процесс превращения войны против стран фашистского блока в справедливую и освободительную.

Борьба Советского Союза придала новые силы и уверенность всем противникам фашизма. Буржуазные государства, воевавшие с фашистскими агрессорами, вынуждены были волею обстоятельств вступить в коалицию с СССР, так или иначе помогать усилиям Советского Союза. Вместе с тем они продолжали сохранять в значительной мере политическую враждебность к социалистическому государству, ставшему их союзником.

По словам Уильяма Фостера, «всеохватывающий национальный и международный фронт против фашизма — линия, намеченная VII конгрессом Коммунистического Интернационала, стала, таким образом, той генеральной стратегической линией, которая обеспечила победу в войне...» [3].

Война, к которой прибегли империалисты как к средству разрешения своих противоречий, превратилась в условиях существования хотя и одной, изолированной, но могучей и жизнеспособной страны социализма в справедливую и, по существу, народную войну против фашистских

---

[3] Уильям Фостер. История трех интернационалов. М., 1959, стр. 449.

государств — этого оплота империалистической реакции. Война завершилась великой победой объединенных антифашистских сил, среди которых главную роль играл СССР, над фашистским блоком — Германией, Италией и Японией.

Борьба народов против фашизма

Большое место в первом томе «Истории Великой Отечественной войны» уделено борьбе народных масс европейских стран во главе с коммунистами против фашизма. Архивные документы, полученные авторами из Германской Демократической Республики, Болгарии, Румынии и Чехословакии, дали возможность по-новому, более полно и всесторонне осветить эту борьбу.

Особенный интерес представляет освещение в первом томе возникновения и развития движения Сопротивления в оккупированных фашистскими захватчиками европейских странах. Движение Сопротивления возникло в конце 30-х годов в Чехословакии и Польше, а затем по мере расширения фашистской агрессии — во Франции, Бельгии, Норвегии, Югославии и Греции. Во всех этих странах в полной мере проявилось политическое банкротство буржуазных и соглашательских партий. «Только коммунистические партии,— говорится в томе,— в обстановке царившего хаоса и всеобщего развала сохранили свои ряды и призвали народы к борьбе против фашистских захватчиков. Позиция коммунистов закономерно обусловливала освободительный характер борьбы против захватчиков, гармонически сочетая в себе глубокий национальный патриотизм с подлинным пролетарским интернационализмом. На протяжении всей войны коммунисты оставались самыми стойкими, самыми последовательными, самыми мужественными и самоотверженными борцами за свободу народов, против фашистского мракобесия и варварства» (стр. 315).

Коммунисты явились организаторами и вдохновителями движения Сопротивления. В борьбе за национальную независимость сплачивались все патриотические силы, образуя единый антифашистский фронт. Этот фронт охватывал рабочих и крестьян, союз которых, руководимый рабочими, был основой национального антифашистского фронта, городскую мелкую буржуазию, а также известную часть средней и крупной буржуазии.

Гитлеровская Германия находилась на вершине своих военных побед, когда в оккупированных странах Европы началось движение Сопротивления, пламя которого вскоре стало обжигать фашистских агрессоров. Движение Сопротивления — яркое проявление активности масс.

Это движение явилось одним из важных факторов, определивших освободительный характер второй мировой войны со стороны противников фашистского блока.

Программа движения Сопротивления в Чехословакии была сформулирована в воззвании Коммунистической партии от 15 марта 1939 г., то есть в момент вступления немецко-фашистских армий в оставшуюся после Мюнхена не занятой ими часть страны. Уже 28 октября 1939 г., в годовщину образования буржуазной Чехословацкой Республики, в ряде городов страны состоялись массовые выступления против фашизма. В 1940 г. по Словакии прокатились рабочие забастовки, которые явились важным этапом движения Сопротивления в стране.

Начало движению Сопротивления в Польше положила героическая оборона Варшавы. Варшаву героически защищали трудящиеся, в первых рядах которых находились коммунисты, вчерашние узники тюрем и концентрационных лагерей. По требованию трудящихся был создан руководящий орган — Рабочая бригада обороны Варшавы, фактически возглавлявшаяся коммунистами. Представители рабочего клас-

са, польские коммунисты показали в сентябрьские дни 1939 г. образцы патриотизма, глубокой любви к родине и народу и непримиримой ненависти к врагу. Все это происходило в те дни, когда основная часть армии, все высшее военное командование и правительство страны оказались неспособными дать отпор германским завоевателям. Три недели продолжалась героическая оборона Варшавы, зажатой тесным вражеским кольцом. В томе впервые приведены имена славных руководителей и героев этой беспримерной обороны. Многие из этих мужественных сынов Польши ныне являются руководителями своей страны.

После падения Варшавы участники Рабочей бригады обороны перешли в подполье, создав организацию под тем же названием. Бригада действовала в течение нескольких месяцев. Партизанское движение возникло также в Свентокшишских горах и Келецком воеводстве, в Домбровском бассейне, ставшем одним из центров народного сопротивления оккупантам.

С самого начала вражеской оккупации, в апреле 1941 г., коммунисты Югославии приступили к организации широкого партизанского движения. В мае—июне партизанское движение возникло во многих районах страны, особенно в Герцеговине. Югославский народ проявил в борьбе с оккупантами большое мужество. Его действия сковали значительные силы врага.

Архивные документы раскрывают большую плодотворную работу, проводившуюся в армии и народе болгарскими коммунистами. Массовое антифашистское движение в стране, возникшее весной — летом 1941 г., было началом освободительной борьбы болгарского народа против предательской политики царского правительства Болгарии и покровителя этого правительства — гитлеровской Германии.

Широкое антифашистское движение возникло в Албании. Отряды албанских патриотов оказали неоценимую помощь греческим войскам, когда Италия осенью 1940 г. развязала войну против Греции. С этого времени освободительное движение албанского народа продолжало быстро развиваться. Руководили движением Сопротивления в Албании члены коммунистических групп, объединившихся в ноябре 1941 г. в Коммунистическую партию Албании.

Мужественно боролся за свое освобождение французский народ. Вождем и организатором национально-освободительного движения в стране явилась Французская коммунистическая партия, тесно связанная с рабочим классом, со всеми прогрессивными силами страны. Историческая заслуга Французской коммунистической партии состоит в том, указывал Морис Торез, что она первой начала «на национальной почве борьбу за независимость и возрождение Франции, в то время как все другие партии гибли в позоре и смятении» (стр. 325). 10 июля 1940 г. ЦК Французской коммунистической партии издал манифест, в котором была изложена программа борьбы французского народа за свое освобождение.

В конце 1940 г. Французская коммунистическая партия уже создала зародыш военной организации для руководства вооруженной борьбой с оккупантами. Тогда же возникли партизанские отряды в шахтерских районах севера, в районе Парижа и в ряде мест на юге страны. Всеми этими отрядами руководили коммунисты. Благодаря усилиям коммунистов во Франции образовался широкий национальный антифашистский фронт. Рабочий класс страны был главной силой движения Сопротивления. Патриотическая борьба французского народа имела выдающееся значение для развертывания освободительной борьбы во всей Европе.

Упорную борьбу против оккупантов вели патриоты Греции, Дании, Голландии, Бельгии и Норвегии.

После капитуляции Франции война между Германией и Англи-

ей не вылилась в сражения основных вооруженных сил. Она велась главным образом в воздухе и на море. Вот почему выражение буржуазных историков «битва за Англию» нельзя принять в полном смысле этих слов. Германские империалисты стремились запугать английский народ угрозой голода, блокадой и бомбежками и облегчить английским мюнхенцам проведение капитулянтской политики. Тяжелые испытания, однако, не только не сломили, а, наоборот, еще больше закалили английский народ.

В томе указывается, что «правящие круги Англии были поставлены перед дилеммой — либо подчинение Германии и потеря своих позиций на мировой арене, либо борьба против фашистского блока за свободу и независимость страны. Несмотря на сильные профашистские тенденции, правящие круги Англии в конечном счете не капитулировали, а встали на путь упорной борьбы против немецко-фашистских претендентов на мировое господство. Одним из важнейших факторов, обусловивших это решение, явилась борьба народных масс, которые выступали против фашизма в защиту национальной независимости страны» (стр. 293).

Нет никакого сомнения, что сами по себе английские монополисты, несмотря на всю остроту империалистических противоречий с Германией, не смогли бы выдвинуть задачу защиты национальной независимости страны, если бы не могучий напор масс. При создавшемся политическом положении открыто противопоставить себя английскому народу значило бы для правящих кругов Англии оказаться перед перспективой утраты своего классового господства. Это понял Черчилль, неоднократно предупреждавший членов кабинета, что английское правительство, в случае, если бы оно встало на путь капитуляции перед Германией, не продержалось бы у власти и одного дня.

Говоря о борьбе народов против фашизма, нельзя забывать о германских и итальянских героях-антифашистах. В Германии им [illegible] значительные антифашистские силы. Однако они действовали р[illegible]знен-но, что ослабляло их ряды. Антифашисты, лучшие люди немецкого рабочего класса и всего народа, несмотря на все трудности и величайшие жертвы, вели поистине героическую борьбу против войны и фашистского варварства. Коммунистическая партия Германии, находившаяся в глубоком подполье, была единственной политической силой, которая решительно защищала интересы немецкого народа.

Германские коммунисты смело возвышали свой голос против актов фашистской агрессии, против территориальных захватов и насилий над другими народами. В томе впервые публикуются важные факты, характеризующие мужество немецких коммунистов-подпольщиков, их большую работу. Деятельность коммунистов протекала в обстановке разнузданного фашистского террора, демагогии и обмана.

Коммунистическая партия Германии организовала тесное сотрудничество своих членов, находившихся во Франции, с Французской коммунистической партией. В связи с деятельностью во Франции антифашистов из других стран в организации движения Сопротивления был создан сектор «Работа среди немцев», через посредство которого французские коммунисты осуществляли широкое сотрудничество не только с немецкими и австрийскими антифашистами, но и попавшими во Францию патриотами из Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии и Болгарии. Во всем этом проявлялся глубокий интернационализм коммунистов различных национальностей.

Накануне фашистского нападения на Советский Союз Коммунистическая партия Германии разоблачала разбойничьи планы германского империализма, своевременно и энергично предостерегала немецкий народ от опасности гитлеровского нападения на социалистическую державу. Верные принципам пролетарского интернационализма, немецкие ком-

мунисты боролись за крепкую и тесную дружбу трудящихся Германии с советским народом.

Однако германские антифашисты не смогли добиться прекращения империалистической войны и помешать нападению на СССР. Главной причиной этого был тот глубокий раскол в рабочем классе, который задолго до фашистского переворота был создан дезорганизаторской деятельностью правых в руководстве германской социал-демократии, придерживавшихся антикоммунистической и антисоветской политики.

Непоколебимой была всегда верность Коммунистической партии Италии интересам трудового народа и делу пролетарского интернационализма. В трудных условиях подполья партия сплачивала трудящихся на борьбу против фашизма и войны. С 1934 г. в стране было установлено единство действий коммунистов и социалистов. Под их руководством, несмотря на жесточайший террор, в Италии с 1940 г. начал создаваться антифашистский фронт народных масс.

Величайшая активность народов в борьбе против фашизма и империалистической агрессии — важнейшая отличительная особенность второй мировой войны.

Агрессия японского империализма

Захватническим действиям Германии и Италии в Европе предшествовала агрессия империалистической Японии, напавшей в 1931 г. на Северо-Восточный Китай. Эти два очага войны оказались в тесной связи. Эта связь была обусловлена, с одной стороны, агрессивными планами японских империалистов, мечтавших о захвате всей Юго-Восточной Азии, а позднее и о мировом господстве. Без сильных союзников они не смогли бы осуществить эти «грандиозные» планы. С другой стороны, германские империалисты считали Японию важным союзником, способным сковать силы противников Германии и заставить их вести войну на два фронта. На этой почве и произошло образование фашистской коалиции Германии, Италии и Японии.

Вступление в военный союз Германии и Японии не означало ни в коей мере ликвидации империалистических противоречий между ними. В томе показаны те серьезные трения между Германией и Японией, которые возникали то из-за попыток германского империализма проникнуть в Китай, то из-за бывших германских колоний на Тихом океане, ставших после первой мировой войны добычей Японии.

Большое внимание уделено в томе героической борьбе китайского народа, руководимого коммунистами, против японских захватчиков. Эта борьба надолго сковала силы Японии и затруднила осуществление ею новых, далеко идущих актов агрессии.

Национально-освободительное движение развернулось и в других странах Азии. В сентябре 1940 г. трудящиеся Индокитая во главе с коммунистами подняли восстание в Тонкине. Против повстанцев совместно выступили японские и французские колонизаторы. Однако восстание продолжалось, охватывая новые территории в Индокитае.

Японская агрессия против народов Азии не приняла бы такого размаха, если бы она не была поддержана империалистами США и Англии. Политика последних в отношении Японии была аналогичной их политике в отношении гитлеровской Германии. Правительства США и Англии способствовали японской агрессии, рассчитывая повернуть ее против Советского Союза, разрешить свои противоречия с Японией за счет СССР. Вот почему поставки из США в Японию не только не прекращались, но даже возрастали. В 1940 г. США поставили в Японию лом черных металлов на общую сумму в 47 млн. фунтов стерлингов, в 1941 г.— на 227 миллионов.

США и Англия пытались пойти на сговор с Японией, аналогичный мюнхенскому. Первым шагом в этом направлении явилось соглашение Англии и Японии от 23 июля 1939 г., по которому Англия признавала и оправдывала японскую агрессию против Китая. Правительство США вело интенсивные переговоры с Японией с января 1941 года. Накануне нападения гитлеровской Германии на СССР, 21 июня 1941 г., правительство США выдвинуло перед японскими дипломатами свои предложения, предусматривавшие серьезные уступки Японии. Цель этих уступок состояла в том, чтобы развязать Японии руки для агрессии против СССР. Но чем большие уступки делали японским милитаристам Соединенные Штаты в надежде вызвать их нападение на Советский Союз, тем больше в правящих кругах Японии создавалось убеждение в слабости Соединенных Штатов и зрело намерение напасть на США.

В эти годы советским войскам дважды пришлось отражать японскую агрессию: у озера Хасан и у реки Халхин-Гол. В первом томе «Истории Великой Отечественной войны» подробно описаны военные действия и их итоги. У Халхин-Гола японская военщина потеряла 52—55 тыс. солдат и офицеров, советско-монгольские войска — 9 824 человека (стр. 244). Разгромом японских захватчиков Красная Армия преподала хороший отрезвляющий урок и надолго отбила у империалистов Японии охоту пересматривать вооруженным путем государственные границы СССР и дружественных ему государств. Значение этого урока особенно сказалось в 1941 г., когда японские милитаристы не решились одновременно с гитлеровской Германией напасть на Советский Союз.

Подготовка германскими империалистами нападения на СССР

В томе подробно освещается всесторонняя подготовка гитлеровской Германией нападения на СССР, вскрывается преднамеренность и вероломность этого нападения. Разработка плана войны против СССР была начата германским генералитетом с 21 июня 1940 года. Через десять дней на совещании руководящих военных деятелей Германии были рассмотрены первые варианты оперативных решений и высказано мнение, что война должна явиться «молниеносной».

1 августа 1940 г. верховное главнокомандование вооруженных сил Германии начало рассмотрение первого варианта плана войны против СССР. В этом варианте захвату Москвы отводилось решающее значение. Авторы плана считали, что Москва — «сердце советского военно-политического и экономического могущества, ее захват приведет к прекращению советского сопротивления» (стр. 353).

Первый вариант немецко-фашистского плана войны против СССР был не только подробно рассмотрен германским генералитетом, но и проверен в штабных военных играх. Руководил проверкой генерал Паулюс. При этом были вскрыты существенные недостатки плана, и штаб верховного главнокомандования принял решение о его пересмотре.

В этой связи совершенно очевидна несостоятельность и противоречивость утверждений битых фашистских генералов, сваливающих ныне всю вину за понесенные поражения на Гитлера и пытающихся доказать, что будто бы пересмотр плана был осуществлен им лично в силу какого-то непонятного каприза. В качестве примера можно привести слова генерал-майора Бутлара: «Предложенная начальником генерального штаба в качестве главной цели Москва после поправок, внесенных в проект лично Гитлером, отступала на задний план... Таким образом, в вопросах руководства кампанией... между Гитлером и главнокомандующим сухопутной армией, несомненно, существовали большие разногласия» [4].

---

[4] «Мировая война 1939—1945 гг.». М. 1957, стр. 154.

На деле никаких разногласий не было. Первоначальный вариант плана войны против СССР был изменен не Гитлером, а генералитетом. Суть изменений состояла в стремлении несколько ослабить предельную авантюристичность первоначального варианта. По новому плану, в соответствии с результатами проведенных учений, намечалось до решающего похода на Москву наряду с наступлением в центре фронта уничтожить фланговые группировки Красной Армии путем развития наступления на Киев и Ленинград.

Новый вариант плана войны против СССР был детально обсужден германским генералитетом и единодушно им одобрен. Последнее из этих совещаний состоялось 5 декабря. Сразу же после него началось составление директивы о войне против СССР, которая была утверждена 18 декабря 1940 г. под названием операция «Барбаросса» (стр. 354).

31 января 1941 г. ставка главного командования сухопутных войск Германии издала «Директиву по сосредоточению войск», которая излагала общий замысел командования, определяла задачи групп армий и армий, а также давала указания по дислокации штабов, разграничительным линиям, взаимодействию с флотом и авиацией. «Директива по дезинформации противника» определяла совокупность мер, которые должны были ввести в заблуждение Советский Союз и мировое общественное мнение в отношении действительных намерений Германии.

Готовясь к походу против СССР, германские империалисты выдвинули далеко идущие планы захвата и уничтожения Советского Союза, порабощения советских людей. Материалы, приведенные в томе, со всей очевидностью свидетельствуют, что людоедские планы гитлеровцев и их звериная жестокость не были случайными эксцессами, а вытекали из существа программы борьбы за мировое господство, выдвинутой германскими империалистами, фашистскими главарями. В ряде выступлений германских руководителей подчеркивалось, что речь идет не просто о победе над СССР, а о полном его уничтожении как государства, как единой территории, как очага культуры и цивилизации. В томе впервые приводятся эти выступления.

Преступления против советского народа были заранее запланированы германскими империалистами и обрели силу обязательного закона, оформленного соответствующими приказами. Здесь следует назвать директиву «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск», предписывавшую «полную безжалостность» к гражданскому населению; директиву об отношении к политработникам Красной Армии, предусматривавшую физическое уничтожение всех политработников и многих других военнопленных; директиву «Касательно снабжения военнопленных», запретившую предоставление советским воинам и гражданскому населению, захваченным гитлеровцами, нормального питания. Кроме того, задолго до нападения на СССР начальник гестапо Гиммлер по поручению германского правительства приступил к разработке генерального плана «Ост» — плана покорения огнем и мечом народов Восточной Европы, включая народы Советского Союза. Уже в первых наметках данного плана предполагалось полное истребление многих народов, в частности поляков, украинцев и др. Для ликвидации национальной культуры намечалось уничтожение всякого образования, кроме начального в особых школах. Программа этих школ должна была включить «простой счет, самое большее до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным». Умение читать объявлялось ненужным (стр. 359).

Германские империалисты заблаговременно разработали и программу беспощадного ограбления Советского Союза. Непосредственное руководство осуществлением этой программы возлагалось на Ге-

ринга. Аппарат Геринга разработал детально программу разграбления Советского государства, которая и была утверждена под названием «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупируемых восточных областях». Этот обширный документ имел также и шифрованное наименование — «Зеленая папка».

«Зеленая папка» Геринга предписывала демонтировать все промышленные предприятия и вывозить их в Германию, чтобы лишить народы СССР экономической базы национальной независимости. Намечалось также отправлять в Германию все сырье, продовольствие и нефть. Германское правительство намечало организовать впоследствии на захваченных «восточных землях» немецкие помещичьи и кулацкие хозяйства с использованием в них дешевой рабочей силы из местного населения.

Агрессивные планы гитлеровцев в войне против СССР были проникнуты злобной ненавистью к советским людям, ко всем завоеваниям социализма. Германские империалисты уготовили для свободных народов СССР самый омерзительный колониальный режим.

После второй мировой войны многие западногерманские авторы пытаются утверждать, что гитлеровская Германия якобы не провела соответствующей подготовки для войны против СССР. Так, например, видный западногерманский экономист Ганс Керль утверждает, что «война была проиграна Германией еще в 1940—1941 годах. Ни мощь вооруженных сил, ни производительность военной промышленности не были доведены до наивысшего возможного уровня» [5]. Авторы изданной в ФРГ книги «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.» заявляют, что военная экономика Германии в 1939—1941 гг. была будто бы сходна с экономикой мирного времени [6]. Материалы, опубликованные в первом томе «Истории Великой Отечественной войны», камня на камне не оставляют от этих вымыслов.

В действительности подготовка Германии к войне против СССР имела всесторонний характер и большие масштабы. Германская экономика накануне войны была экономикой военной. Нельзя пройти мимо того факта, что уже с 1933 г. в Германии развернулась подготовка войны по всем направлениям, включая и экономическую сторону. В 1940—1941 гг. военное производство Германии было значительно расширено, оно увеличилось в 1940 г. на 76% по сравнению с 1939 г. и в 22 раза по сравнению с 1933 г. (стр. 375). Следует также учесть, что на службу немецко-фашистской военной машине были поставлены все ресурсы и производство оккупированных Германией стран, что существенно увеличило военный потенциал, находившийся в распоряжении фашистского генералитета. В томе приводится следующая интересная таблица (стр. 377), характеризующая военно-экономический потенциал Германии в 1941 году:

Показатели (в млн. чел.)	Собственно Германия (в границах 1937 г.)	Вместе с ресурсами сателлитов и оккупированных стран
Население	70,2	290,0
Промышленные рабочие	10,0	28,0
Показатели в млн. тонн		
Добыча угля	257,4	400,0
Добыча нефти	0,9	7,5
Выплавка стали	20,8	31,8

[5] «Итоги второй мировой войны». Сборник статей. М. 1957, стр. 370
[6] «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.». М. 1957, стр. 35.

К началу нападения на СССР Германия располагала огромными производственными возможностями для оснащения вооруженных сил современным оружием и средствами передвижения. Эти возможности были широко использованы для подготовки нападения. Рост производства снаряжения, техники и вооружения дал возможность резко увеличить численность германских вооруженных сил.

По сравнению с началом второй мировой войны Германия к моменту нападения на СССР более чем удвоила численность своих сухопутных войск и авиации. В томе приводится следующая таблица (стр. 382) о вооруженных силах Германии.

Сухопутные войска и авиация	На 1 сентября 1939 года	На 1 мая 1940 года	На 1 июня 1941 года
Всего дивизий	103	156	214
в том числе:			
танковых	6	10	21
моторизованных	8	8	14
Танков	3 200	3 387	5 640
Самолетов	4 405	5 900	10 000

Сосредоточение войск для войны против СССР началось с лета 1940 года. Особенно интенсивно оно проводилось с 4 февраля по 18 июня 1941 года. С 18 июня германские войска в ночное время с соблюдением маскировки стали выдвигаться на исходные позиции для наступления. К исходу дня 21 июня 1941 г. все приготовления для внезапного и вероломного нападения были завершены.

Всего на границах СССР к исходу 21 июня было сосредоточено и развернуто 190 вражеских дивизий с 3 410 танками и 4 940 самолетами. Крупные группировки, сосредоточенные и развернутые вблизи советских границ, были готовы к нанесению массированных ударов на важнейших стратегических направлениях, на которых создавалось значительное превосходство как в живой силе, так и в технических средствах вооруженной борьбы. В истории войн не было примера, чтобы для решения стратегических задач начального периода войны сосредоточивалось такое колоссальное количество людей и техники.

Вся совокупность фактов, связанных с подготовкой гитлеровской Германией нападения на СССР, опрокидывает попытки гитлеровского генералитета и видных политических деятелей ФРГ представить вероломное нападение Германии как «превентивную войну». В своем кругу гитлеровцы откровенно говорили о том, что СССР проводит миролюбивую политику и не собирается нападать на кого-либо. Большой интерес в этом отношении представляют публикуемые в томе обширные выдержки из дипломатических документов тогдашнего германского посольства в СССР.

28 апреля 1941 г., например, германский посол в СССР граф Шуленбург, основываясь на хорошо известных ему многочисленных фактах, прямо сказал Гитлеру: «Я не могу поверить, что Россия когда-нибудь нападет на Германию». Гитлер всецело согласился с этими словами и выразил недовольство тем, что Советский Союз невозможно даже «спровоцировать на нападение» (стр. 402).

Итак, даже сами гитлеровцы и их дипломаты были вынуждены отмечать последовательное миролюбие Советского Союза, его искреннее стремление к сохранению мира. Нападение Германии на Советский Союз явилось неспровоцированной агрессией, грубым вероломством, злостным попранием всех и всяческих норм международного права.

Но расчеты германского фашизма поработить советских людей,

уничтожить первое в мире социалистическое государство потерпели полное крушение, когда советский народ, возглавляемый Коммунистической партией, поднялся на вооруженную борьбу с германскими империалистическими захватчиками.

Вопросы внутренней жизни Советского Союза в предвоенный период

В первом томе «Истории Великой Отечественной войны» дан обзор основных событий внутренней жизни Советского Союза за 10—12 предвоенных лет. Эти годы были наполнены титанической борьбой партии и всего советского народа за осуществление индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, культурных преобразований в целях построения социализма и укрепления могущества страны. Перед читателем проходит картина великих работ по построению социализма в нашей стране. В томе приведен обширный статистический материал, предоставленный в распоряжение редакции Центральным статистическим управлением СССР.

Советский народ, руководимый Коммунистической партией, не жалел усилий для укрепления экономического и оборонного могущества своей социалистической Родины. В томе на большом фактическом материале показано, как, несмотря на известные недостатки и ошибки, гигантская работа, проводившаяся Коммунистической партией и Советским правительством, давала замечательные результаты в экономической, политической и идеологической областях. Под благодатным влиянием всепобеждающих идей марксизма-ленинизма в Советском Союзе еще больше окрепло морально-политическое единство народа, закалилась нерушимая дружба трудящихся масс различных национальностей, получил дальнейшее развитие советский патриотизм. Коммунистическая партия сумела воспитать в нашем народе высокие духовные качества, которые обеспечили в дни войны невиданный героизм советских людей на фронте и в тылу и вызвали восхищение всего мира.

Гитлеровцы, равно как и империалисты других стран, вследствие своей классовой ограниченности и предубежденности не могли понять источников силы Советского Союза. Будучи неспособными осознать силу и прочность социалистического строя, превосходство социалистической системы перед капиталистической, они не в состоянии были правильно оценить экономический и военный потенциал СССР. Они не знали душу советского человека, недооценивали его глубокий патриотизм, любовь и преданность социалистической Родине. Здесь-то и крылся роковой для германских империалистов просчет.

Впоследствии, когда началась Великая Отечественная война, в ее ходе раскрылось все величие и могущество советского социалистического патриотизма.

Первый том «Истории Великой Отечественной войны» посвящен предвоенным годам; он не освещает еще тех великих испытаний, которые выпали на долю советского народа в дни войны. Но материал, содержащийся в данном томе, раскрывает коренные источники великой победы советского народа в Отечественной войне. Он наглядно свидетельствует, что эта победа была не случайной, а закономерной. Именно социалистический общественный и государственный строй дал Советскому Союзу ту неодолимую мощь, которая позволила его народу и армии выстоять перед натиском врага, с честью отстоять свою независимость и свободу, не только остановить, но и разгромить немецко-фашистские полчища, оказать братскую помощь народам Европы и Азии в их освобождении от ига империалистических захватчиков. Война со всей силой и убедительностью продемонстрировала историческую непобедимость социализма; решающее превосходство нового, социалистического общественного строя над отживающим свой век капитализмом.

Накануне Великой Отечественной войны Советского Союза могучий экономический потенциал, созданный народом в годы советских пятилеток, давал достаточные возможности для создания слаженного военного хозяйства в случае войны. Но опыт первых недель второй мировой войны показал необходимость значительного увеличения производственных мощностей оборонной промышленности. Коммунистическая партия поставила задачу за полтора-два года увеличить производственные мощности оборонной промышленности в 2—2½ раза как за счет строительства новых предприятий, преимущественно в восточных районах страны, так и за счет переключения мощностей из других отраслей промышленности. Эта исключительно сложная и трудная задача была в основном выполнена благодаря трудовому героизму и энтузиазму рабочего класса и интеллигенции. «Большую организационную работу, обеспечившую решение данной задачи,— говорится в томе,— проделали руководящие партийные и государственные деятели: Б. Л. Ванников, В. В. Вахрушев, Н. А. Вознесенский, К. Е. Ворошилов, П. Н. Горемыкин, А. И. Ефремов, А. Н. Косыгин, А. А. Кузнецов, И. А. Лихачев, В. А. Малышев, А. И. Микоян, И. В. Сталин, И. Ф. Тевосян, Д. Ф. Устинов, Н. С. Хрущев, А. И. Шахурин и др.» (стр. 413).

Благодаря усилиям партии и народа создавались условия для быстрого роста производства принятых на вооружение новых самолетов и авиамоторов, новых видов танков, боеприпасов, зенитной артиллерии и стрелкового оружия.

Однако имевшиеся возможности для укрепления обороны страны не были полностью использованы. В этом отношении был допущен ряд серьезных ошибок. Они сказались в недостаточно быстром развертывании производства в важных отраслях оборонной промышленности, медленном освоении ею новых образцов оружия и боевой техники. Отчасти в этих и других упущениях сказались отрицательные последствия культа личности, но этим не исчерпываются причины допущенных ошибок. Ряд руководящих работников Наркомата обороны не понял настоятельной необходимости оснастить Вооруженные Силы СССР новейшей техникой. В томе названы имена конкретных лиц, повинных в этих серьезных ошибках и упущениях, и в том числе заместителей наркома обороны Г. И. Кулика, Л. З. Мехлиса и Е. А. Щаденко, которым партия и правительство специально поручили работу по оснащению Вооруженных Сил новой военной техникой. По их вине некоторые испытанные виды оружия были необоснованно сняты с производства, новые образцы подолгу не утверждались, а производство утвержденных видов оружия развертывалось с большим отставанием. В авиационном парке Вооруженных Сил СССР по этим причинам преобладали самолеты старых типов, а среди танков — устаревшие образцы. До войны нашими конструкторами были созданы прекрасные образцы танков, значительно превосходившие немецкие, но они также медленно осваивались.

Накануне войны в армии и на флоте еще не были ликвидированы последствия необоснованных репрессий, произведенных бандой Берия в отношении руководящего состава Вооруженных Сил СССР. Вместо подвергшихся репрессиям были выдвинуты новые кадры, еще не имевшие достаточного опыта в управлении и руководстве войсками.

Перед войной особенно активизировалась разведывательная деятельность немецкой авиации. Только с октября 1939 г. до начала войны над территориями западных областей Украины и Белоруссии немецкие самолеты появлялись более 500 раз. Интенсивность воздушной разведки все возрастала. С января 1940 г. и до начала войны наши границы 152 раза нарушались немецко-фашистскими самолетами. Немецкая воздушная разведка не встречала активного противодействия. «...Как стало известно лишь впоследствии, предатель Берия еще в марте 1940 г. категорически запретил пограничным войскам открывать огонь

по германским самолетам-нарушителям, а также добивался, чтобы части Красной Армии и корабли Военно-Морского Флота не включались в борьбу с немецкой авиацией. Он фактически открыл советское воздушное пространство для вражеской разведки» (стр. 479). Это нанесло огромный вред обороне СССР.

Серьезные недостатки имелись в партийно-политической работе, проводимой в войсках и на флоте. Личный состав Красной Армии не нацеливался на отпор вероятному конкретному противнику. Не была в полной мере развернута борьба с опасными настроениями недооценки врага.

В томе со всей прямотой сказано, что в организации обороны западной государственной границы СССР имелись серьезные упущения, а в некоторых случаях допускалась и бездеятельность перед лицом надвинувшейся опасности. «Все эти недостатки,— подчеркивается в томе,— не смогли бы решающим образом повлиять на состояние обороны, если бы войска своевременно развернулись и подготовились к отражению немецко-фашистского нападения. Но советские войска так и не получили приказа о заблаговременном развертывании своих сил и занятии оборонительных рубежей вдоль западных границ СССР» (стр. 480).

В томе дан обстоятельный ответ на вопрос, как это могло случиться. В создавшейся накануне нападения Германии на СССР сложной и опасной международной обстановке крайне важно было сочетать величайшую осторожность по отношению к возможным провокациям со стороны гитлеровской Германии и других империалистических государств с одновременным осуществлением необходимых мер по приведению Вооруженных Сил СССР в боевую готовность. «Но из-за допущенного И. В. Сталиным серьезного просчета в оценке военно-политической обстановки, сложившейся непосредственно накануне Великой Отечественной войны, такого сочетания осуществлено не было» (стр. 404). Больше того, опубликованное по указанию И. В. Сталина сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г., отрицавшее намерение Германии напасть на СССР, неправильно ориентировало советских людей и ослабило бдительность Вооруженных Сил.

22 июня 1941 г. германские империалистические агрессоры начали свой военный поход против СССР. В исторической перспективе начало Великой Отечественной войны Советского Союза было и началом полного военного и политического разгрома фашизма. Советские люди осуществили то, что многим за рубежом казалось неосуществимым. Под руководством Коммунистической партии они одержали полную победу над врагом, выполнив тем самым свой великий интернациональный долг перед всем человечеством.

Изучение истории помогает более глубокому пониманию событий сегодняшнего дня. Опасность новой мировой войны существует и в современных условиях. В Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий подчеркивается, что «главная сила агрессии и войны — американский империализм. Он воплощает в своей политике идеологию воинствующей реакции... Империалистические силы США, Англии и Франции вступили в преступный сговор с западногерманским империализмом... Как и гитлеровская клика в свое время, западногерманские милитаристы, подготавливают войну против социалистических стран и других государств Европы, стремятся осуществить свои собственные планы агрессии»[7].

За годы, прошедшие после второй мировой войны, на земном шаре произошли огромные исторические перемены, открылись небывалые перспективы в борьбе за мир. «Наступило время,— говорится в

[7] «Правда», 6 декабря 1960 года.

Заявлении,— когда можно пресечь попытки империалистических агрессоров развязать мировую войну. Объединенными усилиями мирового социалистического лагеря, международного рабочего класса, национально-освободительного движения, всех стран, выступающих против войны, и всех миролюбивых сил мировую войну можно предотвратить»[8].

Советский Союз всегда проводил ленинскую миролюбивую политику. До Великой Отечественной войны соотношение сил мира и сил империалистической агрессии складывалось неблагоприятно для противников войны. Теперь же положение коренным образом изменилось. Могучий Советский Союз, с его огромным экономическим и оборонным потенциалом, мировая социалистическая система, объединившая в братском содружестве свыше миллиарда человек, международное коммунистическое и рабочее движение, единство и сплоченность которого продемонстрировало Совещание в Москве, широкое движение сторонников мира во всех странах—все эти миролюбивые силы обладают серьезным превосходством над силами империалистической агрессии.

Наступило время, когда социалистические государства, образовав мировую систему, стали оказывать могучее воздействие на все мировое развитие.

---

[8] «Правда», 6 декабря 1960 года.

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ ПЕТРОГРАДСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ в 1917 году

И. П. Лейберов, О. И. Шкаратан

Изучение состава рабочего класса России накануне Великого Октября помогает раскрыть процесс формирования основной силы политической армии социалистической революции — пролетариата. Особенно важно установить состав пролетариата Петрограда — крупнейшего промышленного и революционного центра страны. Определяя значение этого центра, В. И. Ленин подчеркивал в 1917 г.: «Петербург, как отдельная местность, не существует. Петербург — географический, политический, революционный центр всей России. За жизнью Петербурга следит вся Россия. Всякий шаг Петербурга является руководящим примером для всей России»[1].

В данной статье сделана попытка, во-первых, выявить источники пополнения рядов рабочих столицы в 1914—1917 гг. и раскрыть степень их воздействия на изменение социальной структуры петроградского пролетариата; во-вторых, установить, в какой мере сохранились довоенные кадры промышленных рабочих к моменту Великой Октябрьской социалистической революции.

★

К началу первой мировой войны Петроград являлся центром бурно растущей фабрично-заводской и прежде всего металлообрабатывающей промышленности. Темпы роста петроградской промышленности, а соответственно и темпы расширенного воспроизводства рабочей силы были значительно выше среднероссийских. С 1902 по 1917 г. численность пролетариата по стране увеличилась на 50%, в то же время в Петроградской губернии прирост его составил 185%[2]. По переписи 15 декабря 1910 г., в городе было более 500 тыс. рабочих[3]. Только на фабриках и заводах в это время работало 234 733 чел., причем в металлообрабатывающей промышленности — 62 440[4]. Основная масса рабочих трудилась на крупных предприятиях. На 1 января 1914 г. на заводах и фабриках с числом рабочих более 500 было занято 77,7% пролетариев Петроградской губернии[5].

Пролетариат столицы сформировался в основном за счет пришлого населения. В 1902 г. в Петербурге только 10% рабочих являлись местными уроженцами[6]. Несмотря на это, для петроградского пролетариата было характерно постоянство состава. Еще в 1900 г. по предприятиям, на которых было занято не меньше 50 рабочих, разность

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 503.

[2] С. Г. Струмилин. Общий обзор Северной области. «Материалы по статистике труда Северной области». Вып. 1. Птгр. 1918, стр. 11.

[3] «Статистический справочник по Петрограду». Птгр. 1919, стр. 8.

[4] «Материалы по статистике труда». Вып. 5. Птгр. 1919, стр. 58.

[5] «Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии». Птгр. 1922, стр. 50.

[6] А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России. М. 1940, стр. 301.

между минимумом и максимумом численности фабрично-заводских рабочих столицы по месяцам года составляла всего 3,5%, тогда как для городских рабочих Московской губернии она равнялась 15% [7]. Перепись населения Петербурга 15 декабря 1910 г. показала, что среди жителей города, считавшихся по сословной принадлежности крестьянами, на летние полевые работы уходило 10,4%. Поскольку бóльшую часть фабричных рабочих составляли выходцы из деревни, эти данные в известной мере раскрывают степень связи промышленного пролетариата с сельским хозяйством [8]. Они показывают, что такая форма связи с деревней, как уход на летние полевые работы, охватывала лишь небольшие группы питерских рабочих.

Что касается других форм связи пролетариев Петербурга с сельским хозяйством в предреволюционные годы, то интересны в этом отношении материалы бюджетного обследования, проведенного С. Н. Прокоповичем в 1908 году. Это обследование охватило кадровых, квалифицированных пролетариев. По вопросу о связи с деревней были обработаны анкеты 307 семейных и 263 одиноких рабочих. Оказалось, что из них 53% семейных и 35% одиноких пролетариев вообще не имели никаких связей с сельским хозяйством; около 12% семейных и 15% рабочих-одиночек имели родных в деревне; 20% семейных и 18% одиноких владели землей, и лишь 15% семейных и 32% одиноких сохранили хозяйство в деревне. Хотя формально связаны с деревней были обширные группы рабочих, действительно серьезные экономические связи имели лишь те, кто сохранил хозяйство. Таких рабочих среди всех обследованных, суммируя семейных и одиноких, было около 21% [9].

Для подавляющего большинства питерских пролетариев единственным источником существования являлась продажа собственной рабочей силы на капиталистическом рынке. Таким образом, в составе пролетариата столицы преобладали кадровые рабочие, утратившие экономические связи с деревней. Петроградский пролетариат являлся одним из передовых, наиболее сознательных и организованных отрядов российского рабочего класса.

В годы первой мировой войны промышленность столицы росла быстрыми темпами. Расширялись старые и создавались новые металлообрабатывающие и химические заводы, работавшие на армию. В результате в производство были вовлечены десятки тысяч новых рабочих. Если на 1 января 1914 г. в цензовой промышленности Петрограда было занято 242 580 пролетариев, то на 1 января 1917 г. их уже насчитывалось 384 638 [10], то есть на 58,6% больше.

В период войны усилилась концентрация рабочих на крупных и крупнейших предприятиях столицы. Если в 1914 г. на предприятиях с числом рабочих свыше 500 трудилось 77,7% питерских пролетариев, то в 1917 г. этот процент поднялся до 82,1 [11]. К началу 1917 г. на 77 предприятиях Петрограда и губернии с числом рабочих более тысячи было сосредоточено 67% всего состава питерских рабочих [12]. Рост концентрации рабочих на предприятиях-гигантах содействовал повышению сознательности и организованности петроградского пролетариата.

За годы империалистической войны пролетариат столицы претер-

---

[7] С. Г. Струмилин. Общий обзор Северной области, стр. 14. К сожалению, более поздних данных об удельном весе рабочих, уходивших летом на полевые работы, обнаружить не удалось.

[8] А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М. 1958, стр. 571.

[9] Подсчитано по данным, приведенным в монографии С. Н. Прокоповича «Бюджеты петербургских рабочих». Изд. 2-е. Птгр. 1919, стр. 16.

[10] «XV лет диктатуры пролетариата. Экономико-статистический сборник по городу Ленинграду и Ленинградской области». Л. 1932. Таблицы, стр. 73.

[11] «Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии». Птгр. 1922, стр. 50.

[12] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 23, оп. 16, д. 318, лл. 31 об., 32, 56—58 об., 72—75 об.

пел значительные изменения в своем составе. Серьезное воздействие на состав петроградских рабочих оказали те перемены, которые произошли на рынке рабочей силы.

В период войны, как и в мирное время, одним из основных источников пополнения рабочего класса являлись разорившиеся крестьяне. Война усилила процесс разорения бедняцко-середняцких слоев крестьянства. В результате этого усилился приток на предприятия столицы молодежи допризывного возраста, женщин и стариков из деревень северо-западных, западных и центральных черноземных губерний. Так, на Сестрорецком оружейном заводе с 1 июля 1914 г. по 1 июля 1917 г. число рабочих увеличилось на 3 286 человек. Бо́льшая часть их пришла из деревни, только среди мужчин насчитывалось 1 875 выходцев из крестьянской среды [13]. На Обуховский завод в первый год войны поступило 5 тыс. новых рабочих, главным образом вчерашних крестьян [14]. На Трубочном заводе большинство вновь поступивших рабочих являлись выходцами из сельских районов страны [15]. Аналогичное положение было на Путиловском заводе, на «Треугольнике», на «Айвазе» и других предприятиях [16].

Вторым важным источником пополнения рабочего класса являлись выходцы из пролетарских слоев городского населения. Это были главным образом жены и дети рабочих Петрограда и его пригородов. Подавляющее большинство питерских рабочих и их семей находилось в невыносимо тяжелых материальных условиях. К началу 1917 г. реальная заработная плата рабочих по сравнению с довоенным временем снизилась в 1,5—2 раза. За годы войны цены на продукты возросли в столице в 5—8 раз. Усилившаяся нищета рабочих масс, уход на фронт части кормильцев семей вынудили многих женщин и подростков из рабочей среды пойти на производство. В 1913 г. женщины, подростки и малолетние составляли 34,7% от общего количества рабочих Петрограда и губернии, а в 1916 г. удельный вес их поднялся до 47,4% [17].

В период первой мировой войны на рынке труда появились беженцы и эвакуированные. Чаще всего они происходили из среды городского пролетариата и из разорявшихся слоев крестьянства. Приток беженцев и эвакуированных в столицу особенно усилился летом и осенью 1915 г. в связи с отступлением русской армии из Польши и Прибалтики. На 20 декабря 1915 г. в Петрограде было зарегистрировано 84 074 беженца [18]. Кроме того, из этих районов в столицу эвакуировался ряд промышленных предприятий. В течение 1915 г. в городе было размещено 20 заводов из Риги, 25 заводов из городов Литвы [19]. Только в период с 25 июля по 5 августа из Риги в столицу прибыло свыше 6 тыс. рабочих, которых распределили по местным предприятиям: на Петроградском вагоностроительном заводе работало 419 чел., на заводе «Посселя» — 364 чел., на заводе «Треугольник» — 500 чел., на заводе «Л. Нобель» — 100 чел. и т. д.[20]. Среди них было немало революционно настроенных рабочих, которые приняли затем активное участие в стачечной борьбе в столице.

---

[13] В. А. Цыбульский. Рабочие Сестрорецкого завода в 1917 г. «История СССР», 1957, № 4, стр. 143.

[14] М. Розанов. Обуховцы. Л. 1938, стр. 327.

[15] Партийный архив Института истории партии при Ленинградском обкоме КПСС (ЛПА), ф. И-2 (рукописный фонд), св. 5, ед. хр. 31, л. 1.

[16] М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульянский. История Путиловского завода. 1941, стр. 481; Б. И. Шабалин. Фабрика на Обводном. Л. 1949, стр. 292; Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), ф. 1259, оп. 3, дд. 381, 383—385 и др.

[17] «Материалы по учету рабочего состава и рабочего рынка». Вып. 2. ЦВПК. П. 1917, стр. 86—87; «Статистический сборник за 1913—1917 гг.». Вып. 1. М. 1921, стр. 38.

[18] ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 1488, л. 27об.

[19] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М. 1956, стр. 592.

[20] ЦГИАЛ, ф. 45, оп. 1, д. 45, лл. 16, 17.

В какой-то мере социальный состав беженцев и эвакуированных прослеживается по данным о рабочих, предложивших свои руки Петроградскому военно-промышленному комитету в осенние месяцы 1915 года. Из этих данных видно, что беженцы и эвакуированные являлись в основном выходцами из крестьянских прослоек и в меньшей мере — из городской пролетарской среды [21].

Во время войны, особенно в 1916—1917 гг., на промышленные предприятия Петрограда в качестве рабочих нередко направлялись из армии отдельные группы солдат [22]. По данным Особого совещания по обороне, на предприятиях, целиком занятых выполнением военных заказов, к 1 января 1917 г. работали 3 695 военнослужащих и 1 143 рабочих, возвращенных из армии [23]. Возвращение из армии рабочих объяснялось нехваткой высококвалифицированных рабочих кадров на предприятиях. Вместе с тем военные власти и предприниматели пытались заменить наиболее революционных рабочих (которых чаще всего увольняли с завода или мобилизовывали в армию) солдатами с тем, чтобы насадить на заводах казарменную дисциплину. Но из этих попыток ничего не вышло ввиду того, что солдаты-рабочие быстро революционизировались под воздействием большевистской агитации. Кроме того, наличие в среде петроградского пролетариата отдельных групп солдат позволяло большевикам расширить революционную агитацию и влияние на войска Петроградского гарнизона.

Выявить реальное соотношение между двумя основными социальными источниками пополнения петроградского пролетариата (выходцами из крестьян и из рабочих семей) — чрезвычайно сложная задача, так как никаких обследований на этот счет в период войны не производилось. Некоторые исследователи полагали, что исходными для анализа могут явиться материалы переписи рабочих 1929 года. Поскольку ее программа содержала вопросы о социальном происхождении рабочих и времени поступления их в промышленность, то материалы переписи давали возможность нарисовать общую картину изменения социального состава пополнений рабочего класса на протяжении примерно трех десятилетий. На основании переписи А. Г. Рашин, один из ее организаторов, и вслед за ним М. И. Гильберт попытались изучить социальную структуру рынка рабочей силы в период первой мировой войны. В результате проделанной работы они установили, что если среди поступивших в хлопчатобумажную промышленность Петрограда до 1905 г выходцы из семей рабочих составляли 44,5% и в 1906—1913 гг.— 53,8%, то в 1914—1917 гг. они составляли уже 56,2% [24]. В металлообрабатывающей промышленности Петрограда среди поступивших до 1905 г. выходцев из семей рабочих было 43,2%, в 1906—1913 гг. — 52,2% и в 1914—1917 гг.— 56,9% [25]. Исходя из этих и аналогичных данных, А. Г. Рашин и М. И. Гильберт делали вывод, что в период войны выходцы из рабочей среды преобладали в составе нового пополнения пролетариата [26].

Однако этот вывод не представляется бесспорным. На промышленные предприятия в военное время зачастую поступали представители буржуазных слоев населения. После войны они покинули заводы. По-

[21] См. «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка». Вып. 1. Птгр. 1916, стр. 147; «История пролетариата СССР», 1934, № 3(19), стр. 213.

[22] Следует отметить, что многие солдаты, прикомандированные к заводам, до призыва в армию были питерскими рабочими.

[23] Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 369/с, оп. 9, 1917, д. 93, л. 14.

[24] А. Г. Рашин. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. Предварительные итоги переписи металлистов, горнорабочих и текстильщиков в 1929 г. М. 1930, стр. 19.

[25] Там же, стр. 21.

[26] А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России, стр. 576; М. И Гильберт. К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны. «История пролетариата СССР», 1935, № 1, стр. 149—152.

этому перепись 1929 г. не могла, конечно, учесть их как рабочих, пришедших в промышленность в 1914—1917 годах. На первый взгляд, из данных переписи 1929 г. вытекает, что во время войны удельный вес крестьянства в составе нового пополнения пролетариата уменьшился. Однако здесь следует учесть один важный момент. Конфискация помещичьих земель и перераспределение земельного фонда в пользу бедняцких и маломощных середняцких хозяйств после Октябрьской революции привели к значительному отливу из промышленности рабочих, связанных с деревней. По данным отдела статистики Петроградского областного комиссариата труда, 58,1% рабочих, покинувших город в первые месяцы после октября 1917 г., указали, что они выехали в сельские местности; 25,1% — в уездные и заштатные города; 16,8% — в губернские города. При этом нужно иметь в виду, что указывались лишь конечные пункты проезда по железной дороге. Ясно, что большинство уехавших рабочих направлялось в деревню, где шел раздел помещичьих земель [27].

Таким образом, удельный вес выходцев из крестьянской среды среди новых рабочих, пришедших на заводы в период войны, был намного выше, чем это вырисовывается по материалам переписи 1929 года. Более того, учитывая высокие темпы расширенного воспроизводства рабочей силы в тот период, можно предположить, что роль крестьянства как источника пополнения рядов рабочего класса выросла в годы войны по сравнению с предшествующим периодом [28]. Факты по некоторым крупнейшим предприятиям, приведенные выше, подтверждают это соображение.

Новым источником пополнения пролетариата в годы войны явились социально чуждые рабочему классу буржуазные прослойки города и деревни (торговцы, чиновники, кулаки), мелкобуржуазные слои городского населения (лавочники, ремесленники и т. п.). «Со времени войны,— писал В. И. Ленин,— фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде, ибо во время войны поступали на заводы те, кто хотел уклониться от военной службы» [29].

Приход буржуазных и мелкобуржуазных элементов на предприятия столицы объясняется тем, что рабочие заводов, выполнявших военные заказы, получали отсрочки от призыва в армию. В период мобилизаций в 1914—1915 гг. в Петрограде были нередки случаи, когда призывавшиеся в армию лица из буржуазных слоев за крупные взятки получали отсрочки от призыва, а затем поступали на предприятия, чтобы при повторных призывах избежать мобилизации. К осени 1915 г. эти факты приобрели настолько массовый характер, что по приказу военного министра в управлении Петроградского уездного воинского начальника была создана специальная комиссия для проверки документации о призыве в армию и получении отсрочек прежде всего «состоятельными запасными и ратниками» [30].

Удельный вес выходцев из чуждой пролетариату среды в составе петроградских рабочих был значительным. При проверке военнообязанных на Путиловском заводе в августе—сентябре 1917 г. комиссией завкома и районного Совета «добровольно» ушли с завода две тысячи чело-

---

[27] «Материалы по статистике труда». Вып. 6. Птгр. 1919, стр. 40; см. также Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ГАОР и СС ЛО), ф. 3299, оп. 1, св. 392, д. 66, лл. 4, 5, 23, 42.

[28] Характерно, что Н. Антонов, рабочий-металлист, один из руководителей промышленности Петрограда во время гражданской войны, отмечал, что в годы войны увеличился удельный вес выходцев из деревни, «привлеченных сравнительно высокой военной платой по сравнению с деревенским заработком» (см. Н. Антонов. Два года диктатуры пролетариата в металлопромышленности Петрограда. Птгр. 1920, стр. 15).

[29] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 228.

[30] ЦГИАЛ, ф. 1292, оп. 1, д. 1752, лл. 64—64 об.

век [31], около 7% всего состава путиловцев. Это были главным образом укрывавшиеся на заводе от мобилизации буржуазные элементы. Среди них были землевладельцы, собственники промышленных и коммерческих предприятий, домовладельцы и т. д. На Невском судостроительном заводе из 6,1 тыс. рабочих к 1917 г. около тысячи составляли лица, которые раньше никакого отношения к заводу не имели, в том числе владельцы магазинов, лабазники, лакеи и другие [32].

В период войны питерские пролетарии нередко требовали изгнания с предприятий такого рода «рабочих». В декабре 1916 г. на заводе «Сименс-Шуккерт» рабочие потребовали от администрации немедленного увольнения 20 «рабочих» — торговцев, которые в основном на заводе не работали, а занимались спекуляцией [33].

Таковы основные группы новых пополнений, пришедших в петроградскую промышленность во время мировой войны.

Принципиальное значение имеет вопрос о степени сохранения довоенных кадров пролетариата. В научной литературе неоднократно предпринимались попытки исчислить вероятный процент рабочих, мобилизованных в армию.

Впервые ориентировочный подсчет произвел буржуазный профессор В. И. Гриневецкий, утверждавший, что только мобилизации 1914 г. «оторвали от промышленности и технического хозяйства до 40% рабочих». При этом он подчеркивал, что мобилизации особенно тяжело сказались на металлических производствах. Однако В. И. Гриневецкий ничем не аргументировал своего вывода [34].

Советский историк К. Ф. Сидоров также отметил, что только в ходе первой июльской мобилизации 1914 г. было призвано 40% рабочих [35]. К. Ф. Сидоров также не привел доказательств в подтверждение своего предположения. В коллективном труде «История ВКП(б)» подчеркивалось, что уже в первую мобилизацию было изъято из промышленности до 40% пролетариев [36]. И здесь эта цифра ничем не подкреплялась.

В середине 30-х годов М. И. Гильберт сделал попытку приблизительно определить удельный вес мобилизованных промышленных рабочих относительно их общего числа. Он сделал вывод, что в 1914—1917 гг. промышленность потеряла не менее 30% всего своего довоенного рабочего состава и около 40% мужчин (около одного миллиона рабочих). Но методика расчета, предложенная автором, не совсем правильна. М. И. Гильберт исходил из того, что в общем числе мобилизованных в армию удельный вес рабочих был тот же, что и в довоенном 1913 году. Он практически не учел, что в период войны именно среди промышленных рабочих был наиболее высоким процент лиц, получавших отсрочки от призыва в армию. Однако М. И. Гильберт в конце своего исследования сделал приписку, что его предположительный расчет произведен «на

---

[31] «Путиловец на путях к Октябрю». Л. 1933, стр. 68. По-видимому, число таких «рабочих» было больше двух тысяч, ибо какая-то часть осталась на заводе и после проверки.

[32] См. «Инструкцию центральной следственной (расчетной) комиссии Путиловского завода о группах рабочих, увольняемых в связи с прекращением военного производства» (январь 1918 г.). ГАОР и СС ЛО, ф. 5870, оп. 1, д. 2, л. 99; «Список фабрично-заводских предприятий Петрограда. По данным на апрель 1918 г.». Птгр. 1918, стр. 20; Н. Паялин. Завод имени Ленина. ОГИЗ. 1933, стр. 313.

[33] Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. ДП (Департамент полиции), IV д-во, 1916, д. 61. Л. А., ч. 2, т. 4, л. 203.

[34] Проф. В. И. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности. Изд. 2-е. М. 1922, стр. 16.

[35] К. Ф. Сидоров. Рабочее движение в России в годы империалистической войны (1914—1917 гг.). «Очерки по истории Октябрьской революции». Т. 1. М.-Л. 1927, стр. 209.

[36] «История ВКП(б)». Т. III. Вып. 2. Изд. 2-е. Под редакцией Ем. Ярославского М., стр. 198.

основании недостаточного и недостаточно критически оцененного материала» и требует строгой проверки [37].

Цифра — 40% кадровых рабочих, мобилизованных в армию в годы войны,— была упомянута в кратком курсе «Истории ВКП(б)» [38]. После выхода в свет «Краткого курса» большинство авторов, касавшихся данного вопроса в связи с разработкой истории Февральской и Великой Октябрьской социалистической революций, использовали эту цифру.

Некоторые исследователи, анализируя данные о составе рабочего класса в годы первой мировой войны, отмечали, что его основные кадры сохранились на предприятиях. Так, А. Г. Рашин в своей монографии подчеркивал, что военные мобилизации не затронули сколько-нибудь значительно основные промышленные кадры пролетариата [39]. Л. С. Гапоненко в недавно вышедшей статье писал, что в годы первой мировой войны «на предприятиях сохранился основной состав кадровых рабочих с большим производственным стажем, имевших долголетний опыт революционной борьбы» [40].

Как видно из краткого обзора, вопрос о степени сохранности довоенных кадров пролетариата к моменту Великой Октябрьской социалистической революции нуждается в дальнейшей разработке. Не ставя себе задачей выяснить этот вопрос во всероссийском масштабе, авторы попытались произвести подсчет на материалах Петрограда как крупнейшего пролетарского центра страны. К сожалению, в источниках отсутствуют сведения о числе мобилизованных промышленных рабочих. В сохранившихся материалах о призывах в армию в годы первой мировой войны нет данных о социальном составе мобилизованных [41]. Поэтому при исследовании состава питерского пролетариата в период 1914—1917 гг. приходится прибегать к косвенным данным [42]. Исходя из них, можно произвести следующий приблизительный расчет.

---

[37] М. И. Гильберт. К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны. «История пролетариата СССР», 1934, № 3, стр. 210—211; 1935, № 1, стр. 171.

[38] «История ВКП(б). Краткий курс». Госполитиздат. 1946, стр. 172.

[39] А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России, стр. 266.

[40] Л. С. Гапоненко. Рабочий класс России в борьбе за победу социалистической революции. «История СССР», 1957, № 5, стр. 6.

[41] В архивных материалах имеются сведения лишь о числе мобилизованных в ходе отдельных призывов, о количестве лиц, получивших отсрочки, и о причинах, по которым была предоставлена отсрочка. Однако никаких данных о распределении призванных по социальному (а не по профессиональному) признаку не обнаружено (см. ЦГВИА, фонд Штаба войск гвардии и Петроградского военного округа — ф. 1343/Л и ф. 11/Л; ЦГИАЛ, фонд Уполномоченного по делам военнообязанных — ф. 33; фонд Управления по воинской повинности Министерства внутренних дел — ф. 1292; фонд Министерства торговли и промышленности — ф. 23). Фонд петроградского воинского начальника до настоящего времени не обнаружен. Но можно утверждать, что этот фонд также не внес бы ясности, так как при регистрации призванных социальная принадлежность не учитывалась. См., например, «Отчет о призыве запасных нижних чинов при мобилизации в уездах Петроградской губернии» в июле 1914 года. ЦГВИА, ф. 1343/Л, оп. 3, 1914, д. 25.

[42] При всем богатстве статистических и других источников по современной истории СССР исследователям зачастую необходимы показатели, которых нет в готовом виде в документальных материалах. В этой связи особого внимания заслуживают косвенные исчисления. Различные подсчеты такого рода широко применялись и применяются в экономической и историко-экономической литературе. Многочисленные примеры подобного рода подсчета как в иностранной, так и в отечественной литературе собраны в монографии П. П. Маслова «Критический анализ буржуазных статистических публикаций» (М. 1955). В частности, в его книге приведен ряд ярких примеров использования косвенных расчетов Н. Г. Чернышевским, В. В. Берви-Флеровским, В. О. Ключевским, Н. А. Рожковым, Д. И. Менделеевым и др. (П. П. Маслов. Указ. соч., гл. VII, стр. 376—462).

В. И. Ленин в своих трудах неоднократно применял расчеты по косвенным данным. Например, в работе «Развитие капитализма в России» именно таким путем им были получены данные о числе железнодорожных рабочих в 1865 г. (см. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 435), а также данные по классовой структуре населения России (см. там же, стр 438—443) и др.

Чтобы вычислить вероятное количество рабочих, которые могли быть мобилизованы в армию, необходимо располагать данными о возрастном составе пролетариата перед войной. Последняя перепись населения Петербурга накануне первой мировой войны была произведена 15 декабря 1910 года[43]. Но при разработке материалов этой переписи промышленные рабочие не были выделены в самостоятельную группу. Лишь по материалам Всероссийской переписи населения 1897 г. можно вычислить возрастной состав промышленных рабочих Петербурга. Возникает естественный вопрос: пригодны ли сведения из переписи 1897 г. для анализа состава рабочих накануне первой мировой войны?

При сопоставлении возрастных группировок населения Петербурга обнаруживается, что в начале XX в. имела место тенденция к некоторому уменьшению процента населения в возрасте 20—39 лет. Так, среди мужского населения столицы за 1900—1910 гг. удельный вес лиц в возрасте 20—39 лет сократился с 48,54% до 46,66%[44]. Однако в основном возрастные группировки сохранились прежними. Так как большую часть жителей Петербурга составляло трудовое население, можно с достаточным основанием предположить, что и в составе промышленных рабочих возрастные группировки, сложившиеся к 1897 г., не претерпели серьезных изменений, хотя, вероятно, доля пролетариев в возрасте 20—40 лет несколько уменьшилась, а процент рабочих старше 40 лет возрос[45]. Поэтому, производя подсчет вероятного числа рабочих, подлежавших мобилизации, мы несколько преувеличиваем его, приняв за основу возрастные группировки, зарегистрированные переписью 1897 года.

По опубликованным материалам этой переписи, в Петербурге промышленные рабочие (мужчины) в возрасте 20—39 лет составляли 57,31% относительно общего числа индустриальных пролетариев (мужчин); рабочие-мужчины в возрасте 17—19 лет составляли соответственно 13,5%[46].

Советские исследователи (С. Г. Струмилин, П. И. Лященко, А. Г. Рашин и др.) также широко пользуются косвенными исчислениями. Академик С. Г. Струмилин, исходя из косвенных данных, произвел, например, расчеты по оплате труда в условиях феодализма в своей монографии «История черной металлургии в СССР» (т. I. М. 1954, гл. XX); эти расчеты были вновь опубликованы им в книге «Очерки экономической истории России» (М. 1960, раздел II).

П. П. Маслов так характеризует косвенные расчеты: «Творческая работа экономиста часто проявляется там, где выводы приходится обосновывать неполным материалом... Во всех таких случаях исследователь должен строить выводы, исходя из допущений, иногда догадок, сопоставлений и прикидок, основанных на рассуждениях». И далее: «Не следует понимать косвенный расчет как какой-то специальный статистический прием. В каждом отдельном случае применяются те или иные расчеты в зависимости от особенностей изучаемого вопроса и степени полноты исходного материала. Никаких здесь общих правил быть не может. Для расчетов на неполном материале не может быть предложена никакая рецептура» (П. П. Маслов. Критический анализ буржуазных статистических публикаций, стр. 376).

[43] Обнаружить в архивах неопубликованные материалы переписи не удалось.

[44] См. «Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии». Птгр. 1922, стр. 5.

[45] Известный русский демограф С. А. Новосельский считал, что тенденция к уменьшению удельного веса мужчин в возрасте 20—40 лет, несомненно, имела место в русских городах в конце XIX — начале XX века. По его мнению, она была связана с усилившейся пролетаризацией крестьянства, что приводило к разрыву связей рабочих с деревней и увеличению их постоянных кадров, всю жизнь работавших в промышленности (см. С. А. Новосельский. Возрастной состав населения Петрограда по переписи 28 августа 1920 года. «Материалы по статистике Петрограда». Вып. 4. Птгр. 1921, стр. 8—9).

Следует учесть, что усложнение характера производства вызывало все усиливающуюся потребность в опытных, высококвалифицированных рабочих. Это практически означало возрастание роли рабочих с многолетним стажем, то есть пролетариев старших возрастных групп.

[46] Подсчет произведен по изданию «Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.» (т. 2. Б м. 1906. Таблица III, стр. 16—25). Существующие в литературе аналогичные

В 1914 г. в петроградской промышленности было занято 242,6 тыс. рабочих; из них мужчин — 68,5% (166,2 тыс.) [47]. Мобилизации подлежали мужчины в возрасте 20—40 лет. Кроме того, к концу войны достигли призывного возраста и те рабочие, которым в 1914 г. было 17—19 лет. Исходя из данных переписи 1897 г., общий процент рабочих, которые по возрасту могли быть мобилизованы в годы первой мировой войны, равнялся примерно 70 к числу рабочих-мужчин, занятых в петроградской промышленности в 1914 году. Таким образом, в годы войны в Петрограде подлежали мобилизации никак не более 116,2 тыс. фабрично-заводских рабочих, то есть 41,3% к общему количеству промышленных пролетариев столицы.

Однако практически значительный процент рабочих, которые по возрасту подлежали мобилизации в армию, не был послан на фронт. Прежде всего, начиная уже с первой мобилизации, большие группы промышленных рабочих получили отсрочку по призыву, будучи занятыми на предприятиях, выполнявших военные заказы. В ходе первой мобилизации в июле 1914 г. на сборные пункты столицы явились 115 225 человек. Из этого числа были освобождены по так называемой «служебной надобности» 7 601 чел.; среди них фабрично-заводских рабочих, выполнявших военные заказы, насчитывалось 5 450 чел., то есть 71,7% [48].

Следует отметить, что в дальнейшем процент рабочих, получавших отсрочки по мобилизации, увеличился. В феврале 1915 г. по соглашению министерств военного, внутренних дел, торговли и промышленности с мобилизационным отделом Генерального штаба был в основном регламентирован порядок отсрочек, предоставлявшихся рабочим. Отсрочками по призыву пользовались главным образом квалифицированные рабочие, занятые в военной промышленности [49].

По материалам Главного штаба царской армии, в целом по стране рабочие, получившие отсрочки к октябрю 1916 г., составляли 27% от общего числа рабочих призывного возраста, а на оружейно-слесарных заводах и в мастерских — 98%, на судостроительных заводах — 52,4%, на машиностроительных, механических заводах и в мастерских — 47% [50]. В Петрограде процент рабочих, получивших отсрочку, был выше всероссийского. В столице 98% предприятий металлообрабатывающей промышленности выпускали военную продукцию; заводы и фабрики города выполняли две трети всех военных заказов правительства в 1914—1917 годах [51]. Отсрочки получала большая часть рабочих оборонных предприятий (на Путиловском, Обуховском, «Новом Лесснере», Металлическом, Трубочном казенном и многих других заводах).

Всего на 1 октября 1916 г. в Петрограде получили отсрочки по призыву в связи с работой на предприятиях, в учреждениях, на транспорте, занятых обслуживанием нужд армии, более 164 тыс. человек [52]. Из-

подсчеты неточны, так как в них смешаны фабричные и нефабричные рабочие, торговые служащие и другие группы людей наемного труда (см. С. Бернштейн-Коган. Численность, состав и положение петербургских рабочих. П. 1910, стр. 37).

[47] «Труд и профдвижение в Ленинградской области. Статистический справочник». Л. 1932, стр. 18.

[48] Подсчитано по данным «Свода сведений о нижних чинах запаса, призванных в гор. Петрограде и освобожденных от военной службы на сборном пункте у петроградского уездного воинского начальника» (см. ЦГИАЛ, ф. 1292, оп. 1, д. 1752, лл. 46—47 об.; см. также ЦГВИА, ф. 1343, оп. 3, д. 25, лл. 3 об.—4).

[49] ЦГВИА, ф. 1343, оп. 2, д. 142, лл. 204—205; см. также «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка». Вып. 1. Птгр. 1916, стр. 30.

[50] «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)». М. 1925, стр. 101.

[51] См. «Материалы по статистике труда Северной области». Вып. 1. Птгр. 1918, стр. 18; «Петроградские большевики в Октябрьской революции». Л. 1957, стр. 28.

[52] Эти данные получены следующим образом. К 1 октября 1916 г. Центральным военно-промышленным комитетом в Петрограде рабочим и служащим было предоставлено 108 тыс. отсрочек. Кроме того, Главным управлением генерального штаба по делам об отсрочках было предоставлено по Петроградской местной бригаде лицам, заня-

вестно, что в ходе военных действий по мере роста потребностей армии в вооружении и боеприпасах царские власти вынуждены были во все возраставших размерах оставлять рабочих, подлежавших мобилизации, на предприятиях. Если уже в первую мобилизацию более 70% отсрочек приходилось на долю промышленных рабочих, то нет никаких оснований предполагать, что в дальнейшем удельный вес рабочих среди получивших отсрочки «по служебной надобности» уменьшился. Можно считать, что из 164 тыс. мужчин, получивших отсрочки, около 115 тыс. являлись фабрично-заводскими пролетариями. К концу 1916 г. в петроградской промышленности было занято 241,8 тыс. мужчин (включая подростков). Очевидно, что отсрочки от призывов в армию, которые охватывали около половины общего числа рабочих-мужчин, предоставлялись к концу 1916 г. подавляющему большинству рабочих призывного возраста.

Приведенный расчет подтверждается данными Особого совещания по обороне. По этим данным, среди рабочих оборонных предприятий Петроградского промышленного района на 1 января 1917 г. имели отсрочки *«по служебной надобности»* 100,6 тыс. человек. Рабочие Петрограда составляли 93% от общего количества пролетариев, занятых на военных предприятиях района. Поэтому мы можем считать, что примерно 93 тыс. рабочих столицы получили отсрочки от призыва. Если учесть, что в мирных отраслях промышленности некоторая часть квалифицированных рабочих также не подлежала мобилизации, то такое количество отсрочек, как 115 тыс., не покажется преувеличенным [53].

Среди новых рабочих имелись лишь две группы, где был значительный процент мужчин призывного возраста. Это, во-первых, эвакуированные и беженцы; во-вторых, представители буржуазных слоев населения города и деревни, которые укрывались от мобилизации на военных заводах. Как отмечалось, на Путиловском заводе накануне Октябрьской революции выходцы из буржуазных слоев населения составляли свыше 7%. Вероятно, в целом по промышленности Петрограда удельный вес их был несколько меньше. Даже если предположить, что среди всех промышленных рабочих столицы процент выходцев из буржуазной среды был равен 7, то и при таком оптимальном расчете этих лиц было не свыше 25 тысяч. Относительно новых рабочих из эвакуированных и беженцев, получивших отсрочки по мобилизации, нет никаких исходных данных, чтобы хоть относительно точно определить их количество. Число отсрочек, приходившихся на долю рабочих, прибывших с эвакуированными из Прибалтики заводами, никак не могло превышать 15—20 тысяч [54].

Отсюда можно сделать вывод, что из всех отсрочек, предоставленных к октябрю 1916 г., на долю новых групп рабочих приходилось не более 40—45 тысяч. Таким образом, на довоенные кадры питерского пролетариата падало не менее 70 тыс. отсрочек «по служебной надобности».

тым на казенных заводах, транспорте и в учреждениях, 112 100 отсрочек, из которых 50% (то есть 56 тыс.) приходилось на долю Петрограда. См. ЦГИАЛ, ф. 33, оп. 1. д. 44, лл. 18 об., 25, 25 об.

[53] ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, 1917, д. 93, *л. 6 об.*—7, 14. Расчет произведен на основании двух таблиц: «Распределение рабочих, занятых в обслуживающих оборону предприятиях, по губерниям (Петроградского промышленного района.— *Авт.*) и отраслям производства. По данным на 1-е января 1917 года», «Учет рабочих в обслуживающих оборону предприятиях (того же района.— *Авт.*) в отношении их к военной службе. По данным на 1-е января 1917 г.».

[54] Известно, что всего в Петроград из Прибалтики было эвакуировано 45 предприятий. Период наиболее интенсивной эвакуации предприятий и рабочих из этих районов приходится на июль — сентябрь 1915 года. Как уже отмечалось, за десять дней (с 25 июля по 5 августа 1915 г.) в Петроград прибыло 6 тыс. рабочих. Учитывая, что в эти месяцы интенсивность эвакуации не снижалась, можно считать, что за указанный период в столицу из Прибалтики прибыло около 40—50 тыс. рабочих.

Следует также иметь в виду, что часть рабочих, которые по возрасту могли быть призваны в армию, не была мобилизована по состоянию здоровья. В первую мобилизацию в июле 1914 г. из 115 тыс. чел., явившихся на мобилизационные пункты, более 9 тыс. чел. были освобождены по болезни [55]. Конечно, среди них были и фабрично-заводские рабочие. Кроме того, в годы войны, особенно в начале ее, действовали ограничения при мобилизации в армию в связи с семейным положением. Как видно из кратких отчетов о призыве, посланных петроградским губернатором в Управление воинской повинности, льготы по семейному положению получали до 20—30% лиц, внесенных в призывные списки [56]. Это в какой-то мере помогло сохранить довоенные кадры рабочих, которые несколько позднее были более надежно гарантированы от мобилизации отсрочками по «служебной надобности». Однако в ходе войны указанные льготы с течением времени уменьшались.

Подводя итоги сказанному, попытаемся определить вероятное число питерских рабочих, призванных в армию. К началу войны в Петрограде трудилось около 242 тыс. промышленных рабочих. Из них могло быть мобилизовано в армию примерно 116 тыс. человек. Получили отсрочки в связи с работой на военных предприятиях не менее 70 тыс. человек. Кроме того, некоторые рабочие не были призваны в армию по болезни и семейным льготам.

Суммируя сказанное выше, есть все основания сделать вывод, что в 1914—1916 гг. из числа довоенных рабочих в армию могло быть призвано не свыше 40 тыс. чел., что составляло около 17% от общего количества промышленного пролетариата Петрограда накануне войны[57]. Приведенные подсчеты подтверждаются тем обстоятельством, что за годы войны квалификация взрослых рабочих-мужчин в петроградской промышленности снизилась незначительно[58].

Именные списки рабочих машиностроительного завода «Айваз» дают возможность проследить, в какой мере была затронута мобилизациями рабочая масса типичного для столицы металлообрабатывающего предприятия. Произведенный подсчет охватывает 2 063 взрослых рабочих-мужчин, которые в разное время — с весны 1914 г. до конца 1916 г.— работали на заводе. Из них подлежали призыву в армию 754 человека. На фронт было мобилизовано 68. Остальные 686 чел. либо получили отсрочки, либо не были призваны вследствие физической непригодности к службе в войсках (так называемые «белобилетники»). Следовательно, из подлежавших призыву на заводе «Айваз» было мобилизовано 9% [59].

Однако вопрос не только в том, какой процент рабочих был мобилизован в армию, но и в том, за счет каких групп происходили мобилизации рабочего класса. В этой связи представляют интерес соображения А. Г. Рашина. Когда разразилась война, в ходе первых мобилизаций, наиболее ощутимо затронувших рабочий класс, призывалась в основном молодежь. Поэтому нельзя не согласиться с А. Г. Рашиным, когда он пишет, что эти люди, «несомненно, в своей значительной массе были рабочими младших возрастных групп, причем многие из них всту-

---

[55] ЦГВИА, ф. 1343, оп. 3, д. 25, лл. 3 об.—4; ЦГИАЛ, ф. 1292, оп. 1, д. 1752, лл. 46—47 об.

[56] См. ЦГИАЛ, ф. 1292, оп. 7, 1914, д. 594, лл. 213—215 об; 1915, д. 595, лл. 99—101об; 1916, д. 596, лл. 104—106.

[57] Следует отметить, что по Московскому промышленному району процент рабочих, забронированных за производством, был ниже, чем в Петрограде. По данным Московского заводского совещания, из 343 тыс. рабочих-мужчин старше 17 лет отсрочками пользовались 138,6 тыс. чел., то есть около 40%. ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, 1916—1917, д. 8, л. 47 об. По Петрограду аналогичный процент равняется 51 (из 223 тыс. рабочих-мужчин старше 17 лет отсрочки имели примерно 115 тыс. человек).

[58] С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда. М. 1957, стр. 492.

[59] ГИАЛО, ф. 1259, оп. 3, 1914, д. 381; 1915—1916, д. 382; 1915—1917, д. 383. Произведенный подсчет охватывает примерно 40% общего числа рабочих, работавших на заводе «Айваз» за годы войны.

пили в производство в период промышленного подъема 1910—1913 гг.»[60]. Отсюда следует, что первые военные мобилизации не затронули основные пролетарские кадры.

Другое дело — мобилизации, происходившие позднее, в 1915—1916 годах. В это время царские власти мобилизовывали рабочих не только для пополнения действующей армии, но и с целью вырвать из пролетарской среды революционеров. Отправка на фронт большевиков и рабочих-активистов и являлась одной из главных мер царизма в борьбе с пролетарским движением. Случаи отправки рабочих на передовые позиции за участие в стачечной борьбе имели место уже в начале войны.

В 1915—1916 гг. в связи с резким ухудшением экономического положения и благодаря усилению антивоенной агитации большевиков расширялась революционная борьба петроградского пролетариата. Царизм усиливал свои репрессии против рабочего движения. Несмотря на острую нехватку на заводах квалифицированных специалистов, царские власти со второй половины 1915 г. стали систематически прибегать к мобилизации революционных рабочих в армию. В июле 1915 г. после массовых экономических стачек в столице в армию были призваны 30 передовых пролетариев с заводов «Новый Лесснер», «Эриксон», Невского судостроительного и других[61]. В следующем месяце по приказу начальника Петроградского военного округа генерала Фролова были рассчитаны и направлены в армию с авиационного завода «В. А. Лебедева» 80 рабочих за участие в массовой политической забастовке протеста против кровавого расстрела в Иваново-Вознесенске рабочих-стачечников. Этот шаг рассматривался генералом Фроловым как «предупредительная мера против вредного влияния агитаторов на нижних чинов, работающих на заводе»[62]. В октябре 1915 г. за участие в политических стачках по приказу начальника столичного военного округа на заводах «Феникс» и «Парвиайнен» были лишены отсрочек около 800 человек[63]. После февральских стачечных боев 1916 г. были мобилизованы 2 тыс. рабочих-путиловцев[64]. В апреле 1916 г. с Невского судостроительного завода на фронт было послано 172 рабочих — участников крупной экономической забастовки на этом предприятии[65]. Аналогичный факт имел место в мае 1916 г. на петроградском Металлическом заводе, где было мобилизовано 130 рабочих[66]. После октябрьских политических стачек 1916 г. царские власти отправили в маршевые роты 1 750 передовых рабочих с крупнейших предприятий столицы[67]. Всего, судя по выявленным документальным материалам, за участие в массовых политических и отдельных антивоенных стачках, экономических забастовках было призвано в армию около 6 тыс. революционных рабочих[68].

---

[60] А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России, стр. 266

[61] Газета «Социал-демократ», № 47, 30 сентября 1915 года.

[62] ЦГВИА, ф. 1343, оп. 2, 1915, д. 304, лл. 93, 96 об.

[63] См. «Листовки петербургских большевиков. 1902—1917». Т. 2. Госполитиздат. 1939, стр. 171; ЦГИАЛ. ф. 150, оп. 1, д. 674, лл. 26—34.

[64] «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны. 1914—1917», стр. 258. (Хроника событий).

[65] ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, д. 209, л. 114 об.; ЦГВИА, ф. 11/Л, оп. 1, д. 1766, лл. 114—119.

[66] ЦГВИА, ф. 11/Л, оп. 1, д. 1766, лл. 69—72.

[67] ЦГИАМ, ф. ДП, IV, 1916, д. 61, Л. А., ч. 2, т. 4, л. 147.

[68] Подсчеты произведены на основании данных фабричной инспекции, департамента полиции, Петроградского общества заводчиков и фабрикантов, штаба войск гвардии и Петроградского военного округа, литературных источников о тех забастовках, которые кончались мобилизацией революционных рабочих в армию и отправкой их на передовые позиции. (См. сноски 61—67; см. также ГИАЛО, ф. 1229, оп. 1, д. 809, лл. 4 об.—109; д. 948, лл. 7—16; ЦГВИА, ф. 11, оп. 1, т. 1, д. 1634, л. 167; ф. 1343, оп. 2, д. 304, лл. 79—80, 275). Эти данные охватывают наиболее крупные мобилизации передовых рабочих за участие в стачках и целый ряд групповых и отдельных мобилизаций, но не являются исчерпывающими; возможно еще дальнейшее выявление отдельных фактов одиночных и групповых мобилизаций.

Несмотря на сохранение на предприятиях столицы большей части довоенных кадровых рабочих, имевших богатый опыт классовой борьбы, мобилизации как в начале войны, так и в последующий период нанесли серьезный урон питерскому пролетариату.

Однако основная масса довоенных пролетарских кадров сохранилась на заводах и фабриках Петрограда. Благодаря этому в среде питерского пролетариата сохранились традиции и опыт революционной борьбы против царского самодержавия и против буржуазии. В. И. Ленин писал об этом слое рабочих: «Правдистские газеты и работа «мурановского типа» создали единство ⅓ сознательных рабочих России... Пусть даже впятеро и вдесятеро разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя н е л ь з я. Он жив. Он проникнут революционностью и антишовинизмом. Он о д и н стоит среди народных масс и в самой глубине их, как проповедник интернационализма трудящихся, эксплуатируемых, угнетенных»[69]. Эта передовая и наиболее революционная часть рабочего класса, откуда большевистская организация столицы черпала свои лучшие кадры, вела активную борьбу против войны, царизма и буржуазии.

Основные революционные силы концентрировались на крупнейших предприятиях металлообрабатывающей, машиностроительной, судостроительной и электротехнической отраслей промышленности четырех ведущих пролетарских районов столицы: Выборгского, Нарвского, Василеостровского и Невского. В этих районах имелись цеха и мастерские на отдельных предприятиях, где из-за сложных производственных процессов и сложного машинного оборудования, которые могли выполнять или обслуживать только квалифицированные рабочие, кадровый состав рабочих лишь незначительно был затронут мобилизацией. Кадровые рабочие в этих цехах и мастерских обычно являлись инициаторами революционных выступлений, забастовок, проводниками решений большевистской организации города. Такими цехами и мастерскими являлись: на заводе «Новый Лесснер» — инструментальная и модельная, на Путиловском заводе — башенная и лафетно-штамповочная мастерские, на Ижорском — прокатный и бронезакалочные цеха, на «Дюфлоне и К⁰» — инструментальная, на Металлическом — модельная, на Трубочном казенном — 8-я инструментальная мастерская и т. д. Особо следует отметить наличие большого числа довоенных кадровых рабочих на машиностроительных предприятиях Выборгской стороны («Новый Лесснер», «Айваз», «Парвиайнен», «Старый Лесснер», «Розенкранц», «Л. Нобель», «Эриксон» и другие). Этим, в частности, объясняется то, что в годы войны именно среди рабочих Выборгского района были особенно сильны антивоенные, революционные, большевистские настроения. Петроградский комитет РСДРП(б) почти во всех массовых политических выступлениях опирался прежде всего на пролетариев-выборжцев.

Если учитывать мобилизации на фронт и естественную убыль пролетариев, с одной стороны, и приток эвакуированных кадровых рабочих — с другой, то численность кадрового промышленного пролетариата в столице в 1917 г. можно определить приблизительно в 200—220 тыс. человек. Следовательно, этот политически доминировавший в рабочем движении слой пролетариата был в то же время и численно преобладающим.

Благодаря сохранению основных пролетарских кадров, в Петрограде росло и ширилось революционное движение. Несмотря на аресты, крепли большевистские организации на заводах. Если летом 1915 г. в городе было всего 800 большевиков, то к концу 1916 г. число их выросло до 2 тысяч[70].

---

[69] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 154.

[70] «Большевики в годы империалистической войны. 1914 — февраль 1917». Сборник документов. Госполитиздат, 1939, стр. VII.

Новые пополнения рабочего класса, попадая в среду революционных питерских рабочих, быстро пролетаризировались. Начиная со второй половины 1915 г. они постепенно втягивались в экономическую и политическую стачечную борьбу, что расширяло в столице фронт революционной борьбы против царского самодержавия и империалистической буржуазии, укрепляло резервы революционных сил. Следует, однако, отметить, что новое пополнение рабочего класса еще не имело достаточного опыта политической борьбы. Оно вносило в революционное движение элементы мелкобуржуазной стихийности и неорганизованности.

В составе рабочих Петрограда за 1914—1917 гг. несколько возросла прослойка «рабочей аристократии», которая, однако, оставалась немногочисленной[71] и незначительной по степени воздействия на широкие рабочие массы. В. И. Ленин относил к ней наилучше оплачиваемых рабочих из некоторых отраслей промышленности[72]. Он характеризовал их как прослойку обуржуазившихся рабочих, «вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию...»[73]. Анализируя состав и влияние «рабочей аристократии» на рабочее движение, Владимир Ильич писал: «Мы видим в России целый ряд оттенков оппортунизма и реформизма среди интеллигенции, мелкой буржуазии и т. д. Но он — в ничтожном меньшинстве среди политически активных слоев рабочих. Слой привилегированных рабочих и служащих у нас очень слаб»[74].

В Петрограде группы «рабочей аристократии» имелись на Металлическом заводе, в некоторых мастерских Путиловского, Обуховского, Невского, Ижорского заводов, на фабрике «Скороход» и т. д. Наибольший слой «рабочей аристократии» был среди печатников города. Однако в общей массе «рабочей аристократии» доминировали привилегированные группы рабочих-металлистов, занятые в военном производстве.

Для определения удельного веса «рабочей аристократии» исходными являются данные о размерах заработной платы[75]. На одном из ведущих машиностроительных заводов столицы—«Новом Лесснере» (где работало более 5 тыс. чел.) — рабочие по размерам заработной платы за январь—февраль 1916 г. распределялись следующим образом[76]:

до 60 руб.	27%	общего количества рабочих
от 60 до 100 руб.	25%	»
от 100 до 140 »	20%	»
от 140 до 200 »	19%	»
от 200 до 240 »	5%	»
свыше 240 »	4%	»

В то время как заработная плата основных пролетарских слоев в Петрограде колебалась от 50 до 100 руб. в месяц, ничтожная группа привилегированных рабочих зарабатывала свыше 240—300 рублей.

---

[71] Определить хотя бы ориентировочно численность «рабочей аристократии» на предприятиях Петрограда авторам статьи пока что не удалось.

[72] См., например, В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 341.

[73] В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 182.

[74] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 290.

[75] Конечно, процент рабочих с высокой оплатой труда не вполне совпадает с процентом «рабочей аристократии», существенным признаком которой является буржуазное миросозерцание, что было свойственно далеко не всем высокооплачиваемым рабочим. Однако данные о заработной плате позволяют судить о ничтожности слоя привилегированных рабочих.

[76] ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 36, ч. 1, л. 280об. (Из докладной записки помощника морского министра от 26 марта 1916 г. по заводу «Новый Лесснер» помощнику военного министра генералу А. С. Лукомскому.) Аналогичные данные за март 1916 г. имеются по тормозной мастерской завода «Вестингауз», в которой работало 539 рабочих. См. ГИАЛО, ф. 1396, оп. 1, д. 311, лл. 109; 111.

По заводу «Новый Лесснер» прослойка столь высоко оплачиваемых рабочих составляла 4%, по заводу «Вестингауз» — 3%. Петроградские монополисты, захватившие в свои руки львиную долю военных заказов и получавшие гигантские военные сверхприбыли, бросали подачку верхушечной части рабочих в виде повышенной заработной платы. Уровень оплаты труда этой части рабочих соответствовал заработной плате низших категорий буржуазных специалистов.

«Рабочая аристократия» составляла основную базу оппортунизма и социал-шовинизма в рабочем движении.

С «рабочей аристократией» тесно смыкались укрывавшиеся на заводах выходцы из буржуазных слоев населения, которые являлись проводниками буржуазных влияний на рабочий класс. Составляя около 5—7% общей численности рабочих Петрограда, этот новый слой «рабочих» вместе с «рабочей аристократией» составлял социальную базу не только меньшевиков, эсеров и анархистов, но и черносотенных, откровенно реакционных организаций. Однако воздействие «рабочей аристократии» и выходцев из буржуазной среды на широкие массы пролетариата столицы было ничтожным.

Несколько месяцев, отделявших Февральскую революцию от Октябрьской, были насыщены крупными событиями как в политической, так и в экономической жизни страны. Возникает вопрос: не сказались ли они на составе рабочего класса?

Действительно, некоторые изменения произошли. В это время на предприятия вернулась часть рабочих, мобилизованных за участие в революционном движении. Еще в апреле 1917 г. завком Путиловского завода обсуждал вопрос о необходимости возвращения из армии рабочих, «пострадавших по репрессиям прежнего правительства». Завком постановил «немедленно потребовать на Путиловский завод» революционных рабочих[77]. Начиная с конца апреля стали возвращаться рабочие-солдаты, работавшие прежде на заводе[78]. Завком Адмиралтейского завода добился возвращения нескольких сот квалифицированных рабочих, имевших многолетний производственный стаж[79]. В то же время рабочие повели борьбу за очищение заводов и фабрик от укрывавшихся на них от мобилизаций выходцев из непролетарских слоев населения. На Путиловском заводе летом 1917 г. была организована даже специальная «центральная следственная комиссия», которая занималась выявлением на заводе лиц, «не принадлежащих к трудовому классу»[80].

Продолжавшаяся война и катастрофически надвигавшаяся экономическая разруха поставили петроградский пролетариат перед угрозой массовой безработицы. Империалистическая буржуазия, стремясь нанести удар по революционному движению, своей политикой скрытых и явных локаутов усиливала безработицу. В августе 1917 г. правление Путиловского завода намеревалось уволить 7—11 тыс. рабочих. Кроме того, буржуазия пыталась закрыть в столице такие крупные предприятия, как Петроградский вагоностроительный завод (Речкина), «Сименс-Шуккерт», «Динамо» и др. Однако неоднократные попытки предпринимателей и Временного правительства закрыть часть революционных заводов или сократить число рабочих на ряде предприятий, провалились, так как встретили упорное и организованное сопротивление со стороны питерского пролетариата[81]. Благодаря этой борьбе безработица в Пет-

---

[77] ГАОР и СС ЛО, ф. 101, оп. 1, д. 15, л. 35.
[78] Там же, л. 40; ф. 5870, оп. 1, д. 4, л. 53.
[79] Там же, ф. 1511, оп. 15, дд. 24—26.
[80] Там же, ф. 5870, оп. 1, д. 6, лл. 80—82.
[81] Там же, ф. 6276, оп. 1, д. 3, лл. 41—42. (Доклад В. Шмидта о деятельности Исполнительной комиссии Петроградского совета профессиональных союзов 26 сентября 1917 г.); «Металлист», 1917, № 4, стр. 3; «Путиловец» на путях к Октябрю». Л. 1933, стр. 62.

рограде накануне Октябрьской революции не затронула основных слоев промышленного пролетариата. По данным профсоюза металлистов, на 25 сентября 1917 г. среди рабочих-металлистов безработных насчитывалось 1 957 человек [82].

За период от февраля к октябрю численность и состав рабочих ведущих отраслей промышленности оставались в основном неизменными. Сводные статистические данные за этот период отсутствуют. Однако имеются сведения по крупнейшим металлообрабатывающим предприятиям, опубликованные в 1919 г. А. Г. Рашиным. По 12 крупным частным заводам [83] количество рабочих сократилось с 52 632 до 45 769 человек. Зато по 9 основным казенным и секвестрованным заводам [84] число рабочих возросло с 99 395 до 103 178. В целом по всей этой группе заводов-гигантов, на которых трудились две трети петроградских металлистов, количество рабочих почти не изменилось: на 1 января 1917 г. на них было занято 152 027 чел., а на 1 октября 1917 г.— 148 947, то есть всего на 3 тыс. меньше [85]. Следует также учесть, что до октября 1917 г. было закрыто только два крупных завода с числом рабочих более 500. На этих предприятиях работало около 1,5 тыс. человек [86]. Всего с 1 марта по 1 августа 1917 г. фабричная инспекция учла в Петроградской губернии 63 предприятия с общим количеством рабочих 4 522, приостановивших производство [87].

Таким образом, соотношение различных групп внутри столичного рабочего класса, сложившееся к началу 1917 г., к моменту Октября сохранилось неизменным. Но политическое сознание рабочих, выходцев из среды города и бедняцко-середняцких слоев деревни, существенным образом изменилось. Пройдя школу революционных схваток в период от февраля до октября 1917 г., они порвали с мелкобуржуазными иллюзиями и встали под знамена большевистской партии. Ко времени Октябрьского переворота все основные группы столичного пролетариата выступали единым фронтом. К октябрю 1917 г. подавляющее большинство петроградских рабочих шло за большевиками [88]. Питерцы стали зачинателями социалистической революции.

---

[82] ГАОР и СС ЛО, ф. 4591, оп. 1, д. 60, л. 1.

[83] «Новый Лесснер», «Парвиайнен», завод «Общества франко-русских заводов», «Айваз», «Розенкранц», завод общества «Промет», завод военных и морских приборов общества «Сименс-Шуккерт», машиностроительный завод товарищества «Феникс», арматурный и машиностроительный завод общества «Лангензипен», «Старый Лесснер», Металлический завод, Механический завод.

[84] Балтийский, Ижорский, Обуховский, Арсенал Петра Великого, Петроградский трубочный, Петроградский патронный, Петроградский оружейный, Сестрорецкий, Путиловский.

[85] Подсчет произведен по данным, опубликованным А. Г. Рашиным в «Материалах по статистике труда». Вып. 5. Птгр. 1919, стр. 43. Поскольку по Патронному заводу сведений за октябрь 1917 г. не имеется, то при подсчете общего числа рабочих по всей группе заводов за октябрь 1917 г. по этому предприятию взяты данные за январь 1917 года.

[86] Из материалов отдела статистики Областного комиссариата труда. «Металлист», 1918, № 9—10, стр. 8.

[87] «Материалы по статистике труда Северной области». Вып. 1. Птгр. 1918, стр. 18.

[88] «Протоколы VI съезда РСДРП(б)». М.-Птгр. 1919, стр. 35, 60; «Протоколы VIII съезда РКП(б)». М. 1934, стр. 217; «Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. Протоколы и материалы». М.-Л. 1927, стр. 14. Ряд исследователей при анализе состава рабочего класса в 1917 г. используют материалы промышленной и профессиональной переписи 31 августа 1918 года. Однако применительно к Петрограду использование этих материалов невозможно, так как за период с октября 1917 г. по август 1918 г. в составе рабочих Петрограда произошли радикальные изменения (О. И. Шкаратан. О составе фабрично-заводских рабочих г. Петрограда в годы революции и гражданской войны (1917—1920 гг.). «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Т. 150. Вып. I. 1957.

★

Подведем некоторые итоги.

В годы мировой войны существенно изменилась структура петроградского пролетариата. Из числа рабочих, занятых на предприятиях столицы к началу войны, около 17% было мобилизовано в армию. Мобилизации затронули в первую очередь наиболее революционную часть рабочих. В итоге уменьшился удельный вес кадровых рабочих в составе пролетариата. В эти же годы резко увеличилась прослойка выходцев из бедняцко-середняцких прослоек деревни и пролетарской среды города, не получивших еще достаточной классовой закалки. Возросла прослойка «рабочей аристократии». В своеобразных условиях империалистической войны в составе рабочего класса появился новый слой рабочих, выходцев из буржуазной среды, укрывавшихся от мобилизации. Их пребывание на предприятиях не было вызвано экономической необходимостью.

Высокий процент новых рабочих (около 40% к общему составу рабочих в 1917 г.), не имевших опыта политической борьбы, наличие на предприятиях значительного количества выходцев из буржуазной среды, мобилизация и аресты наиболее передовых рабочих — все это может во многом объяснить, почему некоторое время после Февральской революции мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров пользовались известным влиянием на пролетариат столицы.

Однако решающее значение для расстановки политических сил внутри петроградского пролетариата имело сохранение на заводах основной массы довоенных рабочих кадров. Большое значение в деле большевизации рабочего класса имело возвращение из тюрем, ссылок и с фронта репрессированных царским правительством революционных рабочих. Обучаясь на опыте революции, избавились от мелкобуржуазных иллюзий, стали надежным резервом пролетарской революции новые рабочие. Проводники буржуазного влияния — «рабочая аристократия» и выходцы из социально враждебной среды были политически изолированы от основной массы пролетариата столицы к моменту Октябрьского переворота.

Петроград явился колыбелью и неисчерпаемым источником боевых кадров Великой Октябрьской социалистической революции.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО РУБЛЯ

С. М. Троицкий

С 1 января 1961 г. по решению Советского правительства в Советском Союзе масштаб денежной единицы увеличивается в десять раз. Находящиеся в обращении денежные знаки заменяются новыми. Содержание чистого золота в советском рубле увеличивается почти в 4,5 раза.

Эти мероприятия будут способствовать дальнейшему укреплению советских финансов, повышению покупательной способности советского рубля, росту благосостояния нашего народа.

Осуществление новых мероприятий по дальнейшему укреплению советского рубля отражает огромные успехи, достигнутые советским народом под руководством Коммунистической партии в борьбе за построение коммунистического общества в нашей стране.

В дореволюционной России положение было иное. История денег и денежного обращения на Руси показывает, что эксплуататорские классы использовали различного рода денежные операции и реформы для постоянного ограбления трудящихся масс страны. В частности, об этом красноречиво свидетельствует история рубля в России в дореволюционный период.

Рубль со времени своего появления в России (конец XIII — начало XIV в.) вплоть до настоящего времени является главной счетной и денежной единицей. На протяжении веков он претерпел ряд существенных изменений, отражавших основные перемены в истории экономики и финансов России.

В истории развития рубля в дореволюционной России можно выделить несколько периодов.

Первый — от появления серебряного рубля в конце XIII — начале XIV в. до середины XVII в., когда начинаются массовая чеканка медной обесцененной монеты и выпуск реальных денежных единиц — рублей, полтин и пр. Этот период характеризуется неуклонным уменьшением веса серебряного рубля.

Второй — с середины XVII до 60-х годов XVIII в., когда в России в 1762—1764 гг. прекратилась «порча» серебряной монеты в фискальных целях, появились бумажные деньги и первые иностранные займы (1769 г.). В этот период продолжается в больших размерах выпуск серебряной монеты и одновременно в денежное обращение усиленно внедряется легковесная медная монета; появляется собственная золотая монета.

Третий — с 60-х годов XVIII в. до проведения денежной реформы в 1839—1843 годах. Этот период характеризуется резким усилением эмиссии бумажных ассигнаций, падением их курса и прекращением размена на серебряную и медную монету, а также попыткой правительства установить размен ассигнаций на серебро.

Четвертый — с середины 40-х годов XIX в. до введения золотого денежного обращения в 1897—1899 гг., когда усилилась инфляция и велась подготовка к денежной реформе.

Пятый — с конца XIX в. до 1917 г., когда относительно устойчивое

золотое обращение было ликвидировано во время первой мировой войны и начался в огромных размерах выпуск бумажных денег, что привело к росту инфляции и развалу денежного обращения.

★

В XII—XIV вв. на Руси единственной денежной единицей были гривны — слитки серебра весом в полфунта (48 золотников, 204,756 г), известные на Руси с IX века. В России вплоть до конца XVII в. в обращении находилось иностранное серебро, так как своего серебра не добывалось.

Огромный урон народному хозяйству Руси нанесли татаро-монгольские захватчики. В результате этого в конце XIII — начале XIV в. в государстве (особенно в Северо-Восточной Руси) стал остро ощущаться недостаток серебряных монет. К этому же времени и относится возникновение рубля на Руси [1]. Недостаток серебра привел к уменьшению вдвое веса слитков [2]. В конце XIII — начале XIV в. в «низовских» землях появляется самостоятельная денежная единица — серебряные слитки или разрубленные слитки, неклейменные, весом в 97,5 г, то есть вдвое меньше по весу слитков, имевших хождение в Новгородской земле.

Серебряный рубль упоминается в 1316 г. в Тверской («низовской») летописи при описании заключения мира князя Михаила Ярославича тверского с новгородцами [3]. Деньги в это время чеканили из серебра, так как оно имело относительно высокую ценность. По своим физическим качествам (не подвержено окислению) этот металл более всего подходил для чеканки монеты (следует иметь в виду, что золота в средневековье добывалось крайне мало).

Источники XIV — XV вв. содержат сведения о наличии в денежном обращении гривны весом в 48 золотников (195 г) и «низовского» рубля в 24 золотника (97,5 г). В Новгородской земле гривна иногда называлась «рублем». В XIV в. в «низовских землях» старая гривна исчезает.

С ростом экономического и политического могущества Московского княжества, возглавившего в XIV в. борьбу за объединение русских земель, а также борьбу с татарскими завоевателями, расширением торговых связей, все настоятельнее проявлялась потребность в создании более устойчивой и определенной денежной единицы. Так, в правление великого князя Дмитрия Ивановича Донского (1359—1389 гг.) начинает чеканиться серебряная монета.

Советский археолог Г. Б. Федоров показал ошибочность точки зрения буржуазных историков (И. И. Кауфман [4] и др.), утверждавших, что русский денежный счет был заимствован у татар, якобы вынудивших московского князя начать чеканить монету. Московские князья заимствовали у татар лишь часть денежной терминологии — «деньга», «алтын», «чекан». Серебряный рубль был в это время только счетной единицей.

---

[1] Самое раннее упоминание о русском рубле относится ко второй половине XIII века. Оно содержится в берестяной грамоте, обнаруженной А. В. Арциховским при раскопках в Новгороде в 1952 году.

[2] Г. Б. Федоров. Происхождение московской монетной системы. «Краткие сообщения» Института истории материальной культуры АН СССР (КСИИМК). Вып. 16. М. 1947, стр. 113—120; его же. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359—1425). «Материалы и исследования по археологии СССР». № 12. М.-Л. 1949, стр. 150.

[3] «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. XV, стр. 408—409.

[4] И. И. Кауфман. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. «Записки нумизматического отделения Русского археологического общества», Т. 2. Вып. 1—2. СПБ. 1910, стр. 19—26, 34—36 и др.

При Дмитрии Донском из «низовского» рубля в 97,5 г стали чеканить 100 денег весом 0,92 г каждая. При этом 5,52 г серебра шло денежным мастерам в качестве вознаграждения за работу[5]. Впервые деньга упоминается в договорной грамоте князя Дмитрия Донского с Олегом рязанским: «А мыта съ воза по дензе»[6].

В конце XIV — начале XV в. произошло отделение денежной единицы (рубля) от весовой (гривенки)[7]. Наряду с рублем в это время появились другие счетные денежные единицы: алтын, равный 6 деньгам (5,52 г серебра), и полтина[8].

В первой четверти XV в. серебряную монету чеканили в 21 русском городе[9]. На монетах Московского княжества было выбито на одной стороне имя Дмитрия Донского (на монетах более поздних периодов — имена других князей), на другой — надпись на татарском языке. С конца XV в. татарская надпись была заменена русской. На лицевой стороне монеты, помимо изображения князей, иногда указывалось место ее чеканки (особенно часто Новгород и Псков), а также изображались или Самсон со львом или различные животные, сцены охоты с соколом, собакой и т. д. В правление Василия Темного (1425—1462 гг.) на московских монетах все чаще стали выбиваться надписи, в которые вкладывался политический смысл: «Государь всея земли Русския», «Государь всея Руси».

Вскоре после этого русский рубль начал подвергаться весьма существенным изменениям, сопровождавшимся уменьшением его веса. Это было вызвано желанием правительства повысить доход от монетной регалии. Увеличение доходов от чеканки монеты достигалось двумя путями: понижением монетной стопы (то есть веса монеты) или ухудшением пробы монеты (то есть уменьшением количества серебра и увеличением доли различного рода примесей, так называемой лигатуры). «Порча» монеты не так сильно затрагивала основную массу населения, пока товарно-денежные отношения в России были слабо развиты. По мере расширения и углубления процесса развития товарно-денежных отношений неуклонно возрастала роль денег в экономической жизни страны. Денежные реформы, ухудшавшие качество монеты и снижавшие ее покупательную способность, очень тяжело сказывались на положении трудящихся масс.

Недостаток средств в княжеской казне приводил к постепенному уменьшению веса серебряной монеты. Раньше всего этот процесс начался в удельных княжествах, более слабых экономически, чем великое княжество Московское. Крупная «порча» монеты произошла в правление великого князя Василия Темного. В связи с захватом Москвы галицким князем Дмитрием Юрьевичем Шемякой вес московской деньги был доведен до 0,40—0,37 г в одной деньге. Вслед за этим понизился вес монеты в Новгороде[10]. «Порча» монеты вызвала в 1446 г. резкое возмуще-

---

[5] Г. Б. Федоров. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359—1425), стр. 150—158.

[6] «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Коллегии иностранных дел» (СГГ и Д). Т. I. М. 1813, № 32, стр. 55.

[7] См. В. Л. Янин. О метрологических закономерностях в развитии русских монет норм XIV—XVII вв. «Археографический ежегодник за 1957 год». М. 1958, стр. 17—20.

[8] Алтын впервые упомянут в договорной грамоте 1368 г. князя Дмитрия Донского с князем Михаилом Александровичем тверским: «Хоженного в городе алтын, на правду два». СГГ и Д. Т. 1, № 28, стр. 48; см. И. Г. Спасский. Алтын в русской денежной системе. КСИИМК. Вып. 66. М. 1956, стр. 12—20. В. Л. Янин. Алтын и его место в русских денежных системах. КСИИМК. Вып. 66. М. 1956, стр. 21—30. К 1382 г. относится первое летописное известие о полтине. (ПСРЛ. Т. XVIII, стр. 133).

[9] Г. Б. Федоров. Деньги Московского княжества..., стр. 166—167.

[10] См. Н. Д. Мец. Монеты Великого княжества Московского середины XV в. Василий II (1425—1462 гг.). Автореферат кандидатской диссертации. М. 1955, стр. 10—12; И. И. Кауфман. Указ. соч., стр. 39—40.

ние народных масс, вылившееся в восстание. Новый порядок чеканки монеты в Новгороде был отменен.

Волнения в ответ на резкое понижение веса монеты имели место и среди населения Москвы. В результате из Москвы был изгнан Дмитрий Шемяка. Однако чеканка деньги по 0,40 и 0,37 г весом не была приостановлена. Правительство Василия II, остро нуждавшееся в средствах, прибегло к значительному выпуску легковесной монеты. Известно, что Василий Темный, попав в плен к татарам, обещал им заплатить выкуп в 200 тыс. руб. серебром [11].

Постепенно вес монеты стабилизируется. Уже при Василии II начинают чеканить из гривенки в полфунта (около 204 г) 520 денег (1 деньга ≈ 0,39 г). Таким образом, вес московской деньги был приравнен к половине новгородской деньги [12]. В результате этой порчи вес новгородского рубля понизился примерно на 15%, московского — на 65% [13].

С образованием русского централизованного государства великий князь московский Иван III (1462—1505 гг.) приобрел право чеканки монеты на всей территории страны. К этому времени в денежном обращении наряду с московской и новгородской деньгой находились также монеты ряда удельных княжеств. Перед правительством Ивана III встал вопрос о необходимости привести в соответствие московскую и новгородскую денежные единицы. Не имея возможности установить единый рубль для всего государства и не желая нести убытки от упразднения более тяжелых новгородских денег, правительство Ивана III, по выражению И. И. Кауфмана, приняло «гениально простое и гениально мудрое решение»: новгородская денежная система была введена в московскую. После этой реформы московская деньга относилась к новгородской как 1 : 2. Московский рубль стал содержать 200 денег московских или 100 новгородских [14].

Таким образом, было создано более простое и удобное отношение между двумя системами. В конце XV — начале XVI в. по мере консолидации русских земель и укрепления экономических связей между ними московский рубль постепенно вытеснял все остальные монеты.

По данным Г. Б. Федорова, за 72 года (1462—1533 гг.) вес серебряной монеты понизился на 15% [15]. Необходимо было привести монетную стопу в соответствие с фактическим весом денег или восстановить ее прежний вес. Последнее было очень невыгодно правительству.

Это обстоятельство, а также неудобство чеканки монеты по существующей стопе (260 новгородских денег из гривенки в 48 золотников) и необходимость упорядочить чеканку монеты (деньга — «новгородка» и полуденьга — «московка», — имели одинаковые надписи) привели к денежной реформе в 1534—1535 годах. Чеканка денег во всем государстве унифицировалась. Монетная стопа была понижена: вместо 260 денег (новгородок) стали чеканить 300 денег или 600 полуденег. Вес деньги снизился с 0,787 до 0,68 грамма.

---

[11] См. Л. В. Черепнин. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М. 1960, стр. 789—790.

[12] См. Н. Д. Мец. Указ. соч., стр. 13.

[13] И. Г Спасский высказал предположение, что московский рубль со времени своего появления до середины XV в. делился на 200 денег. Их вес близко соответствовал весу новгородского рубля — слитка, который в тот момент был, следовательно, и московским рублем, а перестал им быть при Василии II после первого уменьшения веса деньги (см. И. Г. Спасский. Русская монетная система. Изд. 2-е. М. 1960, стр. 150).

[14] И. И. Кауфман. Указ. соч., стр. 53—62; Н. Д. Мец. Указ. соч., стр. 13.

[15] Г. Б. Федоров. Унификация русской монетной системы и указ 1535 г. «Известия» АН СССР. Серия истории и философии. Т. VII, № 6, М. 1950, стр. 548.

Уменьшение веса денег тяжело отразилось на положении крестьян и посадских людей. По свидетельству Псковской летописи, «бысть людям вельми убыток в старых деньгах».

На новых деньгах стали чеканить изображение всадника (московский великий князь) с копьем (отсюда происходит название «копейка») [16]. До этого на монетах преобладало изображение всадника с мечом (так называемые «мечевые деньги»).

Видимо, в 1535 г. взамен мелкой медной монеты пуло, вес которого к началу 30-х годов XVI в. резко упал (до 0,32—0,30 г), стали чеканить мелкую разменную серебряную монету «четвертицу», «полушку», равную $^1/_4$ копейки (=0,16—0,17 г) [17].

В результате денежной реформы в монетную систему была введена новгородка — копейка, равная двум московским деньгам. Этим самым было придано большее единообразие русской денежной системе. Старые деньги были заменены новыми, едиными для всего государства.

В 30-е годы XVI в. в денежном обращении России были три монетные единицы — копейка, деньга и полушка. Наряду с ними существовали три счетные единицы — рубль, деньга и алтын.

Счетный рубль состоял из 33 алтын 2 денег (1 алтын = 6 деньгам), или 1 рубль = 200 деньгам; или 1 рубль = 10 гривнам (1 гривна = 20 деньгам); 1 рубль = 2 полтинам; 1 полтина = 2 полуполтинам.

Проведение денежной реформы отвечало экономическим потребностям страны, содействовало дальнейшему развитию товарно-денежных отношений в России. Оно ликвидировало остатки феодальной раздробленности в денежном обращении России. В то же время денежная реформа имела и фискальное значение для правительства, так как вес монетной стопы был значительно понижен [18].

Особенно много серебряных денег чеканилось в 1609—1610 гг., в царствование Василия Шуйского, стремившегося пополнить государственную казну, опустошенную во время борьбы правительства с антифеодальной крестьянской войной в начале XVII века [19].

Советскому исследователю И. Г. Спасскому на основе точных нумизматических данных, в частности тщательного исследования штемпелей, которыми чеканилась монета в начале XVII в., удалось доказать, что дальнейшее понижение веса монеты произошло во время недолговременного хозяйничанья в России польских и шведских интервентов. В период польской интервенции имело место понижение монетной стопы на 25% (с 3 до 4 руб. из 0,5 фунта серебра), чеканилось много серебряной монеты Владислава Жигимонтовича по 3 руб. 60 коп., а затем по 4 руб. из гривенки серебра в полфунта весом. В начале 1611 г. по такой стопе поляки чеканили монету также и в Новгороде.

Одновременно в 1612—1613 гг. в Ярославле земское правительство, созданное вторым ополчением К. З. Минина и Д. М. Пожарского, чеканило монету по 3 руб. 60 коп., а затем — по 4 руб. из гривенки.

Кроме того, после захвата Новгорода шведами там вплоть до 1615 г. из 100 руб. старой монеты, выпускавшейся при Василии Шуйском (3 руб. из полуфунта серебра), чеканили 120 руб. новых (360 коп. из гривенки, как и польские интервенты в 1611—1612 гг.). В 1615 г. шведы стали чеканить по 130 руб. из 100 руб. старых денег [20].

---

[16] Термин «копейные деньги» встречается в письменных источниках с середины XV века.

[17] Г. Б. Федоров. Унификация русской монетной системы..., стр. 555.

[18] См. там же, стр. 547—558; И. Г. Спасский. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г. «Материалы и исследования по археологии СССР». № 44. М. 1955, стр. 214—290.

[19] К этому же времени относится в общем неудачная попытка правительства Шуйского организовать чеканку собственной золотой монеты: достоинством в 10 денег (5 коп.), гривна и, видимо, полтина.

[20] См. И. Г. Спасский. Денежное обращение..., стр. 321—354.

Таким образом, хищническое хозяйничанье польских и шведских интервентов в России в начале XVII в. привело к резкому ухудшению русского рубля. Порча монеты явилась для иностранных интервентов дополнительным средством ограбления русского народа.

После изгнания польских интервентов из Москвы правительство Михаила Романова было вынуждено чеканить монету по 4 руб. из гривенки, так как государственная казна была пуста, хозяйство страны было подорвано. До 1620 г. из обращения не изымалась старая, тяжелая монета. В это время наблюдается ее отлив за границу, что привело к уменьшению доходов казны.

Восстановление государственного хозяйства России, подорванного польской и шведской интервенцией, укрепление обороноспособности государства и проведение активной внешней политики русским правительством в XVII в. сопровождались значительным усилением фискального гнета для тяглого населения. В целях увеличения доходов казны правительство в 1626 г. стало чеканить из гривенки в полфунта серебра по 4 руб. 25 коп.; к 1630 г. монетная стопа была понижена примерно до 4 руб. 32 коп.— 4 руб. 50 коп. из гривенки [21].

Таким образом, в результате всех переделов серебряный рубль XVII в. составлял лишь $^3/_4$ от рубля, находившегося в обращении в 1535—1610 гг., 60% от рубля Ивана III и Василия III и меньше 23% от первоначального рубля XIV века.

В середине XVII в. острая нужда правительства Алексея Михайловича (1645—1676 гг.) в средствах вызвала новую денежную реформу. 8 мая 1654 г. был издан указ о чеканке рублей из ефимков [22]. Было приказано переделать 893 620 ефимков, сбив с них «наглатко» изображения, и чеканить из них рублевики (так называемые «ефимки с признаком»). Это давало государству большую прибыль. Одновременно было дано распоряжение о чеканке медных денег — полтин, полуполтинников, гривенников и алтынников по 10 руб. из одного фунта меди. Курс медной монеты принудительно приравнивался к курсу серебряных денег.

От этой монетной операции правительство ожидало доход на сумму в 4 175 тыс. руб. (223 тыс. руб. от перечеканки серебряных ефимков и 3 952 тыс. руб. от выпуска медных денег) [23].

Особенно огромный доход дала чеканка медных денег. Рыночные цены серебра относились к меди как 60—62,5 : 1. Цена одного фунта меди составляла в это время на рынке 12 копеек. Рыночная стоимость меди, заключенной в 1 руб. медных денег, составляла 1,2% их номинальной стоимости.

Эта огромная сумма примерно в 2 раза превышала государственный бюджет России в середине XVII века. Чистая прибыль от денежной операции почти в 12 раз превосходила самый большой сбор «пятой деньги» (20% с торгов и промыслов) в 1632—1634 гг. (около 300—325 тыс. руб.) [24].

В результате проведения этой реформы в денежном обращении России впервые появились реальные монеты, а не счетные единицы,— серебряный рубль и медные полтинники, полуполтинники, гривенники и

---

[21] И. И. Кауфман. Указ. соч., стр. 100—101.

[22] Русская серебряная монета чеканилась из иностранных серебряных денег, которые назывались в России ефимками — от иоахимсталлеров (название происходит от г. Иоахимсталь в Богемии). Ефимки принимались в казну по два на рубль. На фунт серебра шло 14 ефимков, то есть по 7 руб. за фунт (см. И. Г. Спасский. Денежное хозяйство русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг. «Археографический ежегодник за 1959 год». М. 1960, стр. 107—119). Из 14 ефимков чеканилось мелкой серебряной монеты на 9 рублей, или, покупая ефимок по 50 коп., правительство чеканило из них серебряной монеты на 64 коп., то есть получало доход 28%.

[23] К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л. 1936, стр. 9—14.

[24] Там же, стр. 14—15.

алтынники [25]. Наряду с новыми денежными единицами в обращении находилась некоторое время старая монета. Однако она довольно скоро начала исчезать из обращения, значительная часть ее ушла за границу.

Получение прибыли от денежной реформы позволило правительству временно обойтись без повышения налогов. Первое время после выпуска новых денег не было значительного увеличения цен, так как в стране не хватало разменной монеты. Медные деньги должны были приниматься только при платежах внутри России. Этим правительство хотело избежать вывоза серебра за границу. Запрещалось совершать сделки на них в Сибири, так как правительство боялось, что население быстро скупит пушнину.

Однако по мере роста выпуска медных денег в 1658—1659 гг. появился лаж [26] на медные деньги, который стал быстро расти. Правительство само содействовало росту лажа, так как требовало некоторых платежей только серебряными деньгами (например, таможенные пошлины). Одновременно стали быстро расти цены на продукты, особенно на хлеб. На рынке образовались две цены: на «белые» (серебряные) и «красные» (медные) деньги. Так, в декабре 1658 г. цены на хлеб в Вологде выросли вдвое по сравнению с 1656 г.: с 12—15 алтын на четверть ржи до 26 алтын 4 деньги. В январе 1663 г. четверть ржи стоила 24 руб.; цены выросли в 50 раз. Так же быстро росли цены в других городах России [27]. Резкий рост цен, помимо падения покупательной способности рубля, объяснялся также и неурожаем в 1660—1661 годах.

К 1660 г. весьма отчетливо обнаружились последствия денежного кризиса в России. Монетная операция перестала приносить доход. Курс рубля резко падал, возрастал лаж. В начале 1662 г. за 1 рубль серебром давали 4 рубля медных. К январю 1662 г. правительству была ясна необходимость отказа от медных денег и возвращения к серебряным.

Рост возмущения населения расстройством денежного обращения вылился 25 июля 1662 г. в открытое восстание в Москве (так называемый «медный бунт») [28].

К 15 июня 1663 г., когда правительство отдало распоряжение об изъятии из обращения медных денег и переходе к серебряной денежной системе, 1 серебряный рубль равнялся 15 медным. С 1 июля 1663 г. был установлен 2-недельный срок для обмена медных денег на серебряные из расчета 2 серебряные деньги за 1 рубль медными монетами, что составляло всего 1% [29].

В середине XVII в. русская монетная система не отвечала потребностям складывающегося всероссийского рынка. В стране не хватало номиналов монеты, а также крупных монетных единиц. Фактически в обращении находилась легковесная копейка из серебра. В связи с уменьшением веса серебряной деньги и полушки их выпуск сокращался, а в конце века прекратился совсем, так как при ручной чеканке эта операция не имела выгоды для государства. Наличие большого количества мелкой монеты требовало много времени на ее подсчет.

Новое понижение веса серебряного рубля было проведено в правление царевны Софьи Алексеевны (1682—1689 гг.). Из гривенки серебра стали чеканить не 4 руб. 32 коп. — 4 руб. 50 коп. (из фунта серебра — 8 руб. 64 коп.— 9 руб.), а 5 руб. 4 коп. (из фунта — 10 руб. 8 коп.) [30].

По этой монетной стопе серебряная монета чеканилась до 1698 г.,

[25] См. И. И. Кауфман. Указ. соч., стр. 104—112; И. Г. Спасский. Денежное хозяйство русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг., стр. 119—143.

[26] *Лаж* — разница в курсах между золотой или серебряной монетой и медной монетой или бумажными деньгами. Лаж появляется в периоды денежных кризисов.

[27] См. К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 33—50 и др.

[28] Там же, стр. 84—116.

[29] Там же, стр. 71.

[30] И. И. Кауфман. Указ. соч., стр. 119.

когда Петр I снова уменьшил вес рубля. С 1664 по 1681 г. было сделано без установленной пробы серебряных денег по 9 коп. из золотника на сумму 991 351 рубль[31]. С 1681 по 1698 г. было выпущено денег на 4 464 665 рублей.

Проведение в первой четверти XVIII в. таких значительных государственных мероприятий, как реорганизация армии и строительство флота, развитие промышленности и торговли, усиление бюрократического аппарата управления, потребовало огромных средств. Правительство Петра I было вынуждено ввести ряд новых налогов, а также повысить размеры старых. Для пополнения государственных доходов Петр I широко использовал монетную регалию, особенно в первые годы Северной войны.

Начиная с 1698 г. при чеканке серебряных денег была понижена монетная стопа: с $9^{11}/_{12}$ золотника в одном рубле до $6^{2}/_{3}$ золотника, то есть чеканили по 15 коп. из одного золотника. При этом проба не была точно установлена и оставалась без существенных изменений (около 82—84-й пробы). Таким образом, из гривенки в полфунта серебра стали чеканить 7 руб. 20 коп. (из фунта — 14 руб. 40 коп.).

С 1699 г. начали чеканить по этой же монетной стопе новый серебряный номинал — гривенники; с 1701 г.— серебряные пятаки («десять денег»), полтинники, четвертаки; с 1704 г.— серебряные рубли и алтыны. Вся серебряная монета чеканилась неустановленной пробы. Всего с 1699 по 1711 г. было начеканено серебряной монеты на 19 734 805 рублей[32]. Чистая прибыль государства от чеканки монеты в 1701—1709 гг. составила 4 439,5 тыс. рублей[33].

Выпуск такого огромного количества монеты привел к быстрому уменьшению доходов казны от монетной регалии. Остро встал вопрос о снабжении денежных дворов серебром, так как своего металла в России в то время добывалось по-прежнему еще очень мало.

Для получения прибыли от чеканки серебряной монеты правительство Петра I в 1711 г. решило также уменьшить пробу серебряной монеты (с 84-й до 70-й), сохранив прежний вес монеты. При 84-й пробе в лигатурном фунте[34] (96 золотников) содержится 84 золотника чистого серебра. Рубль 1711 г. равнялся $^{5}/_{6}$ рубля 1704 года. Уменьшение пробы должно было поднять доходы правительства от чеканки серебра, так как на рынке серебро стало очень дорогим.

В то же время в 1713—1714 гг. правительство решило начать чеканку пятикопеечников, алтынников и круглых копеек из серебра 38-й пробы — по $7^{5}/_{96}$ коп. из золотника[35].

14 февраля 1718 г. Петр I издал указ, по которому для рублевиков, полтинников и гривенников устанавливалась 70-я проба серебра; для алтынников и копеек — 38-я проба (с примесью меди)[36]. Из числа крупной монеты исключался полуполтинник. Фактически с 1718 г. прекратилась чеканка серебряных алтынов и копеек и начался выпуск медных денег (копеек, алтынов, денежек, полушек и полуполушек). Уменьшение веса серебряных копеек и алтынов сделало невыгодным их чеканку. При высоких ценах на серебро на рынке доход казны от чеканки серебряной монеты стал небольшим[37].

После издания указа 1718 г. серебряная монета вплоть до 1762 г. не претерпела существенных изменений, денежная стопа не менялась.

---

[31] «Горный журнал». Ч. IV. СПБ. 1832, стр. 313.

[32] Там же, стр. 314—333.

[33] П. Н. Милюков. Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПБ. 1892, стр. 203.

[34] Лигатура — смесь различных металлов, добавлявшаяся к серебру.

[35] См. И. И. Кауфман. Указ. соч., стр. 133—141.

[36] «Полное собрание законов Российской империи». Собрание первое (I ПСЗ). Т. 5 № 3164.

[37] См. И. И. Кауфман. Указ. соч, стр. 147.

В 20—50-х годах XVIII в. в обращении находилось большое количество серебряной монеты 70-й и 77-й проб часто одинакового достоинства, но разного веса, что вело к злоупотреблениям, нарушению нормального размена монеты, утечке серебра за границу в виде монеты с более высокой пробой. Все это вредно отражалось на экономической жизни страны.

Новое изменение пробы серебряной монеты произошло в 1764 году. Во избежание утечки тяжеловесной русской серебряной монеты П. И. Шувалов еще в 1762 г. предложил правительству уменьшить пробу серебряного рубля с 77-й до 72-й, так как «соседи наши главную свою монету имеют 72-й пробы, яко то Швеция — каролины, а Дания — кроны; что и во всей Римской империи мелкая монета в 72 пробу кладется...» [38].

Это предложение было осуществлено в 1764 году. В результате из фунта чистого серебра стали чеканить монеты на 22 руб. 75 коп.; вес чистого серебра в 1 рубле составил 4 зол. 21 долю (в 1718 и 1731 г. вес серебряного рубля был равен $4^{31}/_{36}$ золотника, в 1704 г.— $5^{5}/_{6}$ золотника). Шувалов предложил, чтобы фунт чистого серебра стоил 22 руб. 75 коп., а не 19 руб. 74 копейки [39]. После этого вес серебряного рубля не менялся вплоть до второй половины XIX века. Основной доход от эксплуатации монетной регалии правительству стал давать выпуск бумажных денег.

В 1701—1704, 1706, 1707 и 1711 гг. правительство Петра I чеканило в небольшом количестве золотую монету: червонцы без обозначения цены (весом около 3,4 г), а с 1718 г. — двурублевики (весом около 4 г). Однако в этот период, как и позже в XVIII в., золотая монета не играла существенной роли в денежном обращении России. Понижение пробы серебряного рубля в 1764 г. сопровождалось уменьшением веса золотой монеты. Империалы и полуимпериалы было решено делать не по 246 руб. 80 коп. из лигатурного фунта 88-й пробы, как они чеканились до этого, а по 284 руб. 38 копеек. Прибыль от этого составила 37 руб. 57 коп. при чеканке монеты из одного фунта. Было решено не делать червонцы 94-й пробы.

Указом от 30 марта 1764 г. правительство закрепило соотношение между ценами золота и серебра [40], исходя из того, что золото в Западной Европе в первой половине XVIII в. было в 15 раз дороже серебра.

Одновременно с массовым выпуском серебряной монеты правительство начало в больших размерах чеканить медную монету. 11 марта 1700 г. был издан указ о чеканке вместо серебряных денег и полушек медных денег, полушек и полуполушек. В 1700—1701 гг. медная монета выпускалась по 12 руб. 80 коп. из пуда меди, в 1702—1703 гг.— по 15 руб. 40 коп., а с 1704 по 1717 г.— по 20 руб. В результате с 1704 по 1717 г. было выпущено в обращение медной монеты на 2,5 млн. рублей [41].

В 1718 г. вес медной монеты был еще понижен, и в 1718—1723 гг. было начеканено на 500 тыс. руб. полушек по 40 руб. из пуда меди.

В результате реформ Петра I в начале XVIII в. русская монетная система стала включать золотые, серебряные и медные монеты многих номиналов, соотношения между которыми строились по десятичной системе.

В это время в денежное обращение прочно вошла медная монета, вытеснив серебряную копейку, вес которой сильно упал.

Чеканка большого количества металлической монеты наряду с фи-

---

[38] Георгий Александрович, вел. кн. Монеты в царствование имп. Елизаветы Петровны. Т. I. СПБ. 1896, док. № 323, стр. 234—235.

[39] См. И. И. Кауфман. Указ. соч., стр. 162—164.

[40] I ПСЗ. Т. 16. № 12116; Центральный государственный архив древних актов в Москве (ЦГАДА), 1-й Деп.-т Пр. Сената, оп. 259/1, кн. 24 (3955), лл. 57—58 об; И. И. Кауфман. Указ. соч. стр. 164—166.

[41] «Горный журнал». Ч. III, 1832, кн. 8, стр. 240—241; И. И. Кауфман. Указ. соч., стр. 127—129.

скальными интересами правительства объективно способствовала развитию товарно-денежных отношений в стране, облегчала расчеты на рынке.

Финансовые затруднения во второй четверти XVIII в. привели к тому, что русское правительство широко прибегало к чеканке легковесной медной монеты, хотя и признавало в принципе нежелательность и вред этой меры для торговли [42].

Еще при жизни Петра I в 1723 г. был издан указ о чеканке на 500 тыс. руб. медных пятаков, «а если возможно, то и больше, в которых бы весом было против нынешних копеек вполы», то есть по 40 руб. из пуда [43].

Прямым следствием выпуска огромного количества легковесной монеты было понижение курса рубля и падение его покупательной способности. Население отказывалось принимать медные деньги в платежи [44]. Позже, во второй четверти XVIII в., правительство неоднократно понижало вес медной монеты для пополнения своих доходов.

Увеличение государственных расходов на ведение Семилетней войны привело к тому, что в 1756 г. правительство по предложению П. И. Шувалова уменьшило вдвое вес мелкой разменной монеты (с 8 руб. из пуда меди до 16 руб.) [45]. В фискальном отношении реформа имела успех. В 1757—1761 гг. было начеканено медных денег на 11 млн. руб., что превысило в 2,5 раза количество медной монеты, выпущенной в предшествующие 16 лет [46].

Чистая прибыль казны от денежного передела составила более 6 млн. руб., так как часть меди была получена не по рыночной цене 5 руб. пуд, а по себестоимости с казенных заводов.

Однако этой суммы не хватало для покрытия растущих военных расходов. По сведениям Штатс-конторы от 12 октября 1760 г., в разные места нужно было отпустить 8 147 924 руб., а денег не было. На Военной коллегии с начала войны было свыше 5 млн. руб. долгов [47].

Для разрешения финансовых затруднений П. И. Шувалов снова предложил правительству «ближайшой, верной и скорой» способ получения средств, который заключался в том, чтобы довести количество медной монеты до 16 млн. руб., а затем всю ее переклеймить и вдвое увеличить курс.

Его предложение было утверждено Петром III в начале 1762 года. Всего к началу ноября 1762 г. было выпущено 3 859 тыс. руб. по 32 руб. из пуда меди. Чистая прибыль казны от этой операции составила 1 840 тыс. руб. Кроме того, около 600 тыс. руб. прибыли было получено от чеканки медной монеты по 16 руб. из пуда меди. Всего около 2,5 млн. руб. за первую половину 1762 года [48].

Изложенный выше материал достаточно убедительно свидетельствует о том, как грубо и беззастенчиво эксплуатировало правительство трудовой народ с помощью монетной регалии. Выпуск огромного количества медных и серебряных денег ухудшенного качества был своеобразным резервом для правительства. В то же время систематическое снижение веса монеты фактически было дополнительным налогом для крестьян и посадских людей. Эти махинации правительства отмечались современниками. Так, князь М. М. Щербатов писал: «Те безумные политики, кои советуют убавлять цену монет, не понимают, что сие есть род побора, положенного на народ... По мере уменьшения веса денег цена товаров

---

[42] См. ЦГАДА. 1-й Деп-т Пр. Сената, оп. 259/1, кн. 22/3593, л. 397; И. И. Кауфман. Указ. соч., стр. 148—149.

[43] I ПСЗ. Т. 7, № 4393.

[44] Там же, № 4960.

[45] Там же. Т. 14, № 10717.

[46] И. И. Кауфман. Указ. соч., стр. 160.

[47] ЦГАДА. 1-й Деп-т Пр. Сената, оп. 259/1, кн. 23/3594, лл. 161, 177—177 об.

[48] Георгий Александрович, вел. кн. Монеты в царствование имп. Екатерины II. Т. I. СПБ. 1894, док. № 17, стр. 8—9; док. № 21, стр. 14—16.

умножается» [49]. Неуклонное повышение цен вследствие выпуска огромного количества денег ухудшало положение налогоплательщиков.

Всю тяжесть последствий от выпуска монеты худшего качества правительство также стремилось переложить на плечи крестьян и посадских людей.

Характеризуя состояние Германии в начале XVI в., Ф. Энгельс отмечал, что в условиях роста расходов, использовав все средства повышения налогов, князья «прибегали к монетным операциям самого грязного свойства: чеканили неполноценные деньги, устанавливали то высокие, то низкие принудительные курсы, в зависимости от того, как было выгоднее казне» [50].

Эта характеристика целиком и полностью применима к истории денежного обращения в России в XIV—XVIII веках.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. привела к новому росту государственных расходов. 29 декабря 1768 г. Екатерина II издала манифест о выпуске ассигнаций на 1 млн. руб., которые разменивались на металлическую монету [51]. В 1769 г. Россия заключила с Голландией первый иностранный заем на сумму в 2 млн. руб. [52].

Помимо фискальных соображений, введение бумажных денег было вызвано ростом товарно-денежных отношений в России и необходимостью заменить тяжеловесную медную монету, неудобную в обращении при подсчетах, а также для перевозок [53]. В последующие годы выпуск ассигнаций быстро увеличивался. В 1780 г. их было в обращении на 24,5 млн. руб., в 1790 г.— на 111 млн. руб., в 1800 г.— на 212 млн. рублей [54]. Выпуск такого огромного количества ассигнаций вызывался ростом дефицита в государственном бюджете России во второй половине XVIII века [55]. К 1796 г. внешний долг России составил 41,4 млн. рублей [56].

При недостатке мелкой разменной монеты население в первые годы выпуска ассигнаций охотно принимало их в платежи. До 1787 г. курс ассигнационного рубля составлял 98—99 коп. серебром.

Усиленная эмиссия бумажных денег привела к тому, что в 1786 г. правительство прекратило размен ассигнаций на серебро, а с середины 90-х годов XVIII в.— и на медные деньги. Курс ассигнаций упал с 92,75 коп. в 1788 г. до 65,25 коп. серебром в 1800 году [57]. В конце XVIII в. серебряный рубль обменивался с лажем в 40 коп.; существовал лаж и при размене ассигнаций на медные деньги [58]. Одновременно происходил рост цен, что делало номинальным увеличение доходов в бюджете России.

Участие России в войнах с Наполеоном I в начале XIX в. сопровождалось огромным ростом дефицита. Лишь за 9 лет (с 1801 по 1809 г.) он составил 366,6 млн. руб., в 1812—1815 гг.— 423,6 млн. рублей. Внут-

---

[49] М. М. Щербатов. Замечания на большой наказ Екатерины «Неизданные сочинения». М. 1935, стр. 57.

[50] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, изд. 2-е, стр. 349.

[51] I ПСЗ. Т. 16, №№ 13219, 13220.

[52] Н. Бржесский. Государственные долги России. СПБ. 1884, стр. 128—135.

[53] Так, в середине XVIII в. в Москву и Петербург ежегодно привозили до 11 млн. руб. в медной монете. При чеканке монеты по 16 руб. из пуда меди вес этих денег составлял около 625 тыс. пудов. Для их перевозки требовалось много подвод и охраны (см. В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М. 1953, стр. 39).

[54] М. Кашкаров. Денежное обращение в России. Т. I. СПБ. 1898, стр. 24—25.

[55] П. П. Мигулин. Русский государственный кредит. Т. I. Харьков. 1899, стр. 25.

[56] И. И. Кауфман. Государственные долги России. «Вестник Европы». Т. I. СПБ 1885, стр. 192.

[57] М. Кашкаров. Указ. соч., стр. 25; А. Д. Друян. Очерки по истории денежного обращения России в XIX в. М. 1941, стр. 9.

[58] См. Е. И. Ламанский. Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 по 1817 г. Б. м. и б. г., стр. 150—153.

ренний долг составил около 90 млн. рублей. Иностранный же долг России в 1810 г. равнялся 148,6 млн. рублей [59].

В этих условиях русское правительство усилило выпуск бумажных ассигнаций. С 1801 по 1811 г. было напечатано на 369 млн. руб. ассигнаций, с 1812 по 1817 г. (когда был прекращен выпуск ассигнаций) — еще на 255 млн. рублей. Итого на сумму 624 млн. руб. за 17 лет. Всего же ассигнаций за 49 лет (с 1769 по 1817 г.) было напечатано на сумму 836 млн. рублей [60]. Большая часть их не была обеспечена серебром. В результате курс ассигнационного рубля упал в 4 раза. В связи с отказами населения принимать ассигнации в платежи правительство в 1812 г. установило обязательность уплаты всех налогов и сборов только ассигнациями.

В 1818—1823 гг. правительство предприняло попытку повысить курс ассигнаций, изъяв часть (240,2 млн. руб.) их, после чего в обращении осталось ассигнаций на 595,8 млн. рублей. Курс их вырос с 25 до 27 копеек [61].

Огромный выпуск неразменных бумажных денег, курс которых часто менялся в пределах года и в различных районах России, привел в 20—30-х годах XIX в. к колебанию цен на рынке, повсеместному распространению лажей и спекуляции монетой. Министр финансов граф Е. Ф. Канкрин сообщал Государственному совету, что лаж на ассигнации составлял в Московской губернии 17%, в Нижегородской и Ярославской — 18% и т. д. В ряде случаев лаж достигал 27% [62]. Канкрин был вынужден признать, что от лажа более всего страдают крестьяне: «Поселяне, получая за произведения труда своего почти исключительно серебряную и золотую монету по народному курсу, теряют при взносе податей ассигнациями до 18%, при размене же и покупке гораздо еще более».

В России росла инфляция, назревал вопрос о проведении реформы денежного обращения. Увеличение количества ассигнаций и падение их курса уменьшали прежде всего доходы казны, что признал в своей записке «О монетном обращении» М. М. Сперанский. В 30-х годах XIX в. Сперанский, Канкрин и др. выступили против повышения курса ассигнационного рубля, так как от этого прежде всего пострадали бы «заемщики», то есть помещики [63].

Против лажей выступала русская буржуазия. Распространение лажа вредно влияло на экономику, вызывало протесты купцов [64]. Недовольны ими были и русские помещики. Они выступали за увеличение выпуска ассигнаций, усиление инфляции, так как в условиях растущей задолженности дворян им было выгодно уплачивать долги обесцененными ассигнациями.

Несмотря на аргументы сторонников стабилизации валюты и инфляции, правительство колебалось проводить реформу. Но потребности экономического развития страны, а также боязнь крестьянского возмущения заставили его провести реформу денежного обращения [65].

Рост русского экспорта в 20—30-х годах и усиленный приток золота и серебра в Россию содействовали укреплению курса ассигнаций и благоприятствовали проведению в 1839—1843 гг. денежной реформы.

По манифесту 1 июля 1839 г. провозглашалась фиксация курса ассигнаций на уровне, близком к биржевому: 3 руб. 50 коп. ассигнациями

---

[59] П. П. Мигулин. Указ. соч., стр. 38, 68; И. И. Кауфман. Государственные долги России, стр. 194.

[60] М. Кашкаров. Указ. соч., стр. 24—25.

[61] И. И. Кауфман. Государственные долги России, стр. 206; В. Т. Судейкин. Восстановление в России металлического обращения (1839—1843 гг.), М. 1891, стр. 6, 57—58; А. Д. Друян. Указ. соч., стр. 9—10.

[62] «Материалы по вопросу об устройстве денежной системы». СПБ. 1896, стр. 1—6.

[63] Там же, стр. 141—148, 181.

[64] Там же, стр. 18

[65] См. А. Д. Друян. Указ. соч., стр. 18—22.

были приравнены к 1 руб. серебром. Манифест установил размен ассигнаций на серебро до 100 руб. в одни руки; всякий лаж запрещался; с 1 января 1840 г. все сделки должны были производиться только на серебро, а ассигнации принимались по указанному курсу [66].

Золотая монета принималась и выдавалась из казны тремя процентами выше нарицательной ее ценности (империал — в 10 руб. 30 коп., полуимпериал — в 5 руб. 15 коп.), так как к этому времени золото стало дороже серебра более чем в 15 раз [67]. Для мелкой разменной монеты устанавливалось следующее соотношение: 1 коп. серебром приравнивалась к 3,5 коп. медью.

1 июля 1841 г. правительство Николая I издало манифест о выпуске на 30 млн. руб. кредитных билетов, разменяваемых на серебро из расчета рубль за рубль [68]. В этом состояло их отличие от ассигнаций. С изданием манифеста 1 июля 1843 г. о замене ассигнаций депозитных и кредитных билетов государственными кредитными билетами завершалась реформа денежного обращения [69]. В целом реформа на время укрепила денежное обращение царской России, что содействовало развитию торговли и промышленности в стране.

★

После реформы 1839—1843 гг. вплоть до Крымской войны (1853—1856 гг.) в России существовал размен кредитных билетов на серебряную и золотую монету. В ходе Крымской войны денежная система потерпела крах. В годы войны резко увеличился дефицит в бюджете России. В 1856 г. он составил до 265,8 млн. рублей [70].

Для покрытия дефицита царское правительство прибегло к увеличению эмиссии кредитных билетов [71].

В 1853—1858 гг. было выпущено на 423,9 млн. руб. кредитных билетов. Большая часть находившихся в обращении бумажных денег не была обеспечена разменным фондом. В 1858 г. разменный фонд составлял 141,4 млн. руб., металлическая часть его составляла 19,2% от общего количества кредитных билетов [72].

27 февраля 1854 г. правительство запретило вывоз золота за границу, а затем прекратило размен на золото кредитных билетов. В 1854 г. размен на серебро производился с большими перебоями, возрастал лаж на серебряную монету. Вскоре размен вовсе прекратился. Это обстоятельство вместе с массовым выпуском бумажных денег увеличило цены на товары [73].

Попытки правительства изъять часть кредитных билетов в 1858 г. и возобновить их размен в 1862—1863 гг. на золото и серебро не имели успеха, так как постоянно рос дефицит в бюджете и государственный долг [74]. Усилилась утечка золота и серебра за границу.

В конце 50—начале 60-х годов XIX в. курс рубля упал на 15—20% [75].

Чтобы приостановить исчезновение монеты из обращения, правительство в 1860 г. понизило на 15% содержание серебра в мелкой разменной

---

[66] II ПСЗ. Т. 14, № 12497.
[67] См. И. И. Кауфман. Серебряный рубль, стр. 203.
[68] II ПСЗ. Т. 16, № 14700.
[69] Там же. Т. 18, № 16903; см. В. Т. Судейкин. Восстановление металлического обращения (1839—1843 гг.). М. 1891; «Материалы по вопросу об устройстве денежной системы». СПБ. 1896; М. Кашкаров. Указ. соч., стр. 29—71; П. П. Мигулин. Указ. соч., стр. 88—163; А. Д. Друян. Указ. соч., стр. 5—34.
[70] П. П. Мигулин. Указ. соч., стр. 195.
[71] М. Кашкаров. Указ. соч., стр. 72.
[72] Там же.
[73] См. А. Д. Друян. Указ. соч., стр. 46—48.
[74] П. П. Мигулин. Указ. соч., стр. 300—309 и сл.
[75] И. И. Кауфман. Серебряный рубль..., стр. 222; А. Д. Друян. Указ. соч., стр. 68.

монете, так как оно считало, что курс кредитного рубля не понизится более чем на 15%. Однако эти ожидания не оправдались. В 1864 г. курс рубля составлял 83 коп., в 1866—76 копеек [76]. Указом 21 марта 1867 г. было предписано чеканить серебряную монету «с понижением внутреннего достоинства сей монеты на 50% против нарицательной ее цены» [77].

В период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. снова резко возросло количество бумажных денег. К 1 января 1879 г. их было в обращении 1 188,1 млн. руб. (увеличилось за два года на 391,1 млн. руб.). Рост инфляции вызвал повышение цен, что тяжелым бременем легло на плечи рабочих, резко уменьшив их реальную заработную плату. Так, в конце 70—начале 80-х годов XIX в. в связи с усилившимся выпуском бумажных денег цена ржаной муки в Иваново-Вознесенске возросла по сравнению с пятидесятыми годами XIX в. на 100%, коровьего масла — на 103%, мяса — почти на 220% и т. д. За это же время зарплата рабочих выросла всего лишь на 15—20%.

Рост инфляции тяжело ударил и по сельскохозяйственным рабочим, батракам и крестьянам. Необходимо также иметь в виду, что рост цен на промышленные товары обгонял повышение цен на продукты сельского хозяйства. Так, с 1876 по 1879 г. индекс цен на сельскохозяйственные товары вырос на 2,5%, а на промышленные — на 17,8% [78].

Хроническая дефицитность в бюджете была следствием отсталости экономического и политического строя царской России, недостаточного развития ее производительных сил. Огромная недоимка по налогам объяснялась в значительной мере разорением крестьянства. Пережитки феодализма сохранялись после отмены крепостного права в 1861 г. и в финансовой системе (подушная подать, выкупные платежи и т. п.). Чтобы приспособить налоговую систему к интересам буржуазного развития России в начале 80-х годов XIX в., правительство отменило соляной налог, подушную подать и некоторые другие сборы на сумму в 40 млн. рублей. Но взамен этого была увеличена сумма поземельного налога и особенно косвенных налогов. В результате доход от налогов с населения за период с 1887—1892 гг. вырос с 630 до 701 млн. руб., а к 1901 г. он достиг 1 040 млн. рублей [79].

Развитие капитализма сопровождалось внедрением в денежное обращение золота и вытеснением серебра. Во второй половине XIX в. изменилось соотношение ценности золота и серебра: в 1900 г. золото было дороже серебра в 33,3 раза. Во второй половине XIX в. в связи с увеличением мировой добычи золота оно смогло в значительной части государств заменить серебро в обращении (в функции денег).

Переход от серебряной к золотой валюте был обусловлен ростом товарного обращения, созданием капиталистической кредитной системы, образованием мирового рынка, обесценением серебра и развитием золотопромышленности.

Для перехода к золотому денежному обращению Россия стремилась увеличить золотой запас. На 1 января 1881 г. разменный фонд составлял 170,3 млн. руб. золотом и 1,1 млн. серебром. Кредитных билетов в обращении было на 1 113,5 млн. рублей. Металлический запас покрывал их размен лишь на 15% [80]. Чтобы золотой запас мог гарантировать устойчивость денежной системы, необходимо было ликвидировать дефицит платежного баланса. Иначе утечка золота за границу была бы неизбеж-

---

[76] А. П. Погребинский. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX—XX вв.). М. 1954, стр. 109—110.

[77] Если в монете, чеканившейся с 1764 г., фунт чистого серебра стоил 22 руб. 75 5/9 коп., то теперь он стал стоить 45 руб. 51 1/9 коп. Было решено начеканить новой монеты на 6 млн. руб., а также на 3 млн. руб. медной монеты.

[78] См. А. Д. Друян. Указ. соч., стр. 82—85.

[79] А. П. Погребинский. Указ. соч., стр. 107.

[80] М. Кашкаров. Указ соч., стр. 73.

ной. С этой целью в 80—90-х годах XIX в. царское правительство несколько ограничило импорт товаров в Россию и усилило экспорт хлеба и других сельскохозяйственных товаров, для чего повысило налоги с крестьян.

Особенно усилилась экспортная политика при министре финансов И. А. Вышнеградском. Она содействовала накоплению золота в России [81]. С середины 80-х годов XIX в. сложился устойчивый перевес экспорта над импортом.

Таким образом, осуществление печально известного лозунга Вышнеградского «Недоедим, а вывезем», разоряя крестьян, привело к накоплению золотых запасов. В 1891 г., во время страшного неурожая и голода, торговый баланс России был сведен с активным сальдо в 328 млн. рублей.

Крупным источником пополнения государственной казны и ее золотого запаса были государственные займы, составившие в 1881—1897 гг. 1 050 млн. рублей. В эти же годы в промышленность и железнодорожное строительство было привлечено 750 млн. рублей. Государственный долг России в 80—90-х годах непрерывно увеличивался, составив к 1897 г. огромную сумму в 6 735 млн. рублей. Уплата процентов за границу и дивидендов составляла 2 900 млн. рублей [82]. Рост займов и выплаты процентов по ним вели к новым займам, а это, в свою очередь, содействовало дальнейшему закабалению России.

Наряду с названными выше мерами правительство пополняло золотой запас за счет роста добычи золота. Так, за период с 1881 по 1897 г. в России было добыто золота на сумму в 450 млн. рублей. Значительная часть его была скуплена Государственным банком [83].

На 1 января 1897 г. золотой запас России составлял 814 млн. рублей. Разменный фонд достиг 500 млн. руб. золотом и покрывал кредитные билеты на 44,6% (всего их находилось в обращении на 1 121,3 млн. рублей) [84].

Введение золотой валюты и стабилизация курса рубля отвечали потребностям развития капитализма в России. Поэтому денежная реформа встретила в целом полную поддержку крупной промышленной и торговой буржуазии, так как она укрепляла ее позиции в экономике России, а также на мировом рынке.

Русскую буржуазию в вопросе о введении золотой валюты поддерживала западноевропейская буржуазия, заинтересованная в прочной валюте, чтобы обеспечить себе выкачку из России процентов и дивидендов на вложенный в Россию капитал в прочной валюте.

Иначе отнеслись к подготовлявшейся реформе помещики и часть сельской буржуазии, боровшиеся за сохранение бумажно-денежного обращения и обесценение рубля. Инфляция позволяла им оплачивать обесцененными бумажными деньгами свои долги государству. Так, за время с 1866 по 1876 г. долги помещиков, получавших ссуды в дореформенных кредитных установлениях, снизились с 279 до 79 млн. руб., то есть на 200 млн. рублей [85]. При экспорте хлеба и других сельскохозяйственных продуктов помещики наживались на разнице в курсе на русские бумажные деньги за границей и внутри России.

После длительной подготовки денежная реформа была проведена министром финасов С. Ю. Витте. К моменту ее проведения курс бумажного рубля составлял примерно 66 коп. золотом. 3 января 1897 г. был издан закон «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет». Витте изменил золотое содержание рубля, уменьшил масштаб цен. Вес чистого

---

[81] См. В. Е. Власенко. Денежная реформа в России. 1895—1898. Киев. 1949, стр. 58—68.

[82] А. П. Погребинский. Указ. соч., стр. 113—115.

[83] Там же. Указ. соч., стр. 115.

[84] М. Кашкаров. Указ. соч., стр. 73; В. Е. Власенко. Указ. соч., стр. 74.

[85] См. А. П. Погребинский. Указ. соч., стр. 116.

золота в рубле был понижен на одну треть — с 26,1 до 17,4 доли. Существовавшие до реформы десятирублевые империалы были превращены в пятнадцатирублевые империалы, а пятирублевые — в полуимпериалы (7 руб. 50 коп.). Вес новой монеты был понижен.

По закону от 4 ноября 1897 г. было предписано чеканить пятирублевую монету, а указом от 11 декабря 1898 г.— десятирублевые монеты. С 1899 г. прекратили чеканку империалов и полуимпериалов и постепенно изъяли их из обращения. Новые монеты облегчали расчеты. С 1896 г. усиленно внедрялась высокопробная серебряная монета.

Проведенная Витте девальвация носила скрытый характер, что позволило относительно безболезненно провести реформу. Золотой рубль был приспособлен к курсу бумажного рубля. Поэтому реформа не вызвала на рынке обычного после девальвации всеобщего изменения товарных цен.

Законом 29 августа 1897 г. эмиссия кредитных билетов была возложена на Государственный банк, который мог выпускать кредитных билетов на 600 млн. руб. В целях усиления устойчивости денежной системы количество непокрытых золотом кредитных билетов не должно было превышать 300 млн. рублей.

При проведении реформы было установлено, что серебряной монеты должно быть в обращении из расчета не более, чем по 3 руб. на душу населения. При платежах следовало считать серебряный рубль равным $^1/_{15}$ империала [86].

Реформа Витте ввела в России систему золотого монометаллизма, которая в конце XIX в. была господствующей во всем капиталистическом мире. Серебру отводилась роль разменной монеты.

Золотая валюта сохранялась в России до начала первой мировой войны. Однако золотое денежное обращение России имело слабую экономическую базу, оно в основном поддерживалось за счет непрерывного притока иностранных займов [87]. Значительная часть золотой наличности России хранилась за границей.

Особенно быстро стал уменьшаться золотой запас государственного банка с начала революции в 1905 году. В 1906 г. был заключен новый кабальный заем за границей на сумму 2,25 млрд. руб., что позволило царизму выйти из финансовых затруднений и сохранить золотую валюту.

Внешний государственный долг России перед первой мировой войной составлял около 6 млрд. рублей [88]. Слабость русской денежной системы в конце концов привела к тому, что 23 июля 1914 г., то есть через 8 дней после начала первой мировой войны, в связи с массовым изъятием населением золотых денег из кредитных учреждений, правительство прекратило размен кредитных билетов. Курс рубля стал принудительным. Государственный банк получил право выпустить на 1,5 млрд. руб. кредитных билетов без золотого покрытия.

Выпуск бумажных денег при огромном росте дефицита в бюджете явился одним из важных источников финансирования войны. По подсчетам Г. Дементьева, расходы царского правительства на ведение войны составили к 1 марта 1917 г. колоссальную цифру — 30,5 млрд. рублей.

---

[86] См. «Материалы по денежной реформе 1895—1897 гг.». Вып. I. П.-М. 1922; В. Е. Власенко. Указ. соч.

[87] Достаточно сказать, что для покрытия расходов во время русско-японской войны царское правительство заключило иностранных займов на 1 092,5 млн. рублей. (См. А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М. 1960, стр. 20. Одновременно резко возросла эмиссия кредитных билетов: в 1904 г. в обращении их было на 578,4 млн. руб., а в 1906 — на 1 207,5 млн. руб. Количество кредитных билетов выросло примерно на 540 млн. рублей. Процент золотого покрытия обращающихся кредитных билетов уменьшился с 156,1% в 1904 г. до 76,2% в 1906 году. См. А. Д. Гусаков. Очерки по денежному обращению России. М. 1946, стр. 7.)

[88] А. Д. Гусаков. Указ. соч., стр. 15.

Примерно 7,555 млрд. руб. (около 20%) для покрытия этих расходов было получено за счет иностранных займов, остальные средства дали выпуск бумажных денег, различные займы и т. п. [89].

С июля 1914 по февраль 1917 г. было выпущено кредитных билетов на 8 234,2 млн. руб. (в июле—декабре 1914 г. на 1 316,2 млн. руб., в 1915 г.— на 2 670,2 млн., в 1916 г.— на 3 480,6 млн., в январе—феврале 1917 г. — на 767,2 млн. руб. [90]).

Таким образом, количество кредитных билетов по сравнению с довоенным временем выросло в 6 раз, а вся денежная масса (включая золото и серебро) — в 4 раза. Накануне Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. рост цен привел к падению покупательной способности рубля до 27 копеек. Рост инфляции привел к повышению цен на все товары.

Хищническое хозяйничанье буржуазного Временного правительства привело к тому, что за 8 месяцев (с марта по 1 ноября 1917 г.) было выпущено бумажных денег на сумму около 9,5 млрд. руб.; их количество увеличилось вдвое по сравнению с предшествующим периодом. Для ускорения выпуска денег и упрощения техники их печатания Временное правительство прибегло к печатанию казначейских знаков, не имевших ни подписи, ни даты (так называемые «керенки»). Курс рубля к 1 ноября 1917 г. упал примерно в 4 раза. Рубль стоил 6—7 коп. [91].

Огромный рост инфляции бумажных денег позволял буржуазии наживать миллионы. Необходимо подчеркнуть, что наиболее тяжело инфляция сказывалась на положении рабочих и беднейшего крестьянства.

Хозяйничанье царского правительства, а затем Временного буржуазного правительства привело к инфляции и развалу денежного обращения России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Это способствовало нарастанию хозяйственного и финансового кризиса в России.

★

Итак, вся 500-летняя история русского рубля свидетельствует, что деньги в руках господствующих классов дореволюционной России являлись важным орудием эксплуатации и ограбления трудящихся масс.

Социальная природа денег в корне изменилась в условиях советского социалистического государства. Отныне они поставлены на службу социалистической экономике, способствуют укреплению мощи нашей страны, повышению материального благосостояния трудящихся. Коммунистическая партия и Советское правительство придают большое значение укреплению курса рубля, повышению его покупательной способности. Введение нового масштаба цен способствует повышению золотого содержания рубля с 0,222 168 г, как это было установлено в 1950 г., до 0,987 412 грамма. Одновременно повышается курс советского рубля по отношению к американскому доллару. Доллар теперь будет равняться 90 копейкам. Увеличение золотого содержания и укрепление курса советского рубля приведут к понижению курса валют капиталистических стран и соответствующему снижению торговых цен на внешнем рынке.

Повышение золотого содержания и курса советского рубля — это еще одно доказательство огромных успехов экономики СССР, достигнутых под руководством Коммунистической партии, свидетельство выдающихся успехов в мирном соревновании социализма с капитализмом.

---

[89] А. Л. Сидоров. Указ. соч., стр. 116, 132—133.

[90] Там же, стр. 143.

[91] См. А. Д. Гусаков. Указ. соч., стр. 37—52 и сл.; А. Л. Сидоров. Указ. соч., стр. 144—150.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ Н. П. ОГАРЕВА

Е. Л. Рудницкая

Н. П. Огарев вошел в историю русского освободительного движения как революционер-демократ, поднявшийся от идеологии дворянской революционности до выражения интересов русского крестьянства. Взгляды Н. П. Огарева были облечены в форму утопического «русского», «крестьянского» социализма. Объективным условием возникновения последнего был глубокий кризис крепостнической формации, происходивший в России в период, когда буржуазное общество Запада уже обнаружило свои коренные противоречия. Русские социалисты-утописты восприняли критику противоречий буржуазного общества, содержавшуюся в учениях западноевропейского критически-утопического социализма. В их сознании нашла глубокий отклик идея гармонического общественного устройства, создания общества без эксплуатации, в котором было бы обеспечено подлинное, а не формальное равенство людей. Эта идея выражала революционное стремление к равенству, которое являлось исходным моментом идейных исканий первых русских социалистов-утопистов. Их учения с самого начала, в отличие от западноевропейского утопического социализма, были неразрывно связаны с революционными устремлениями широких крестьянских масс. Оставаясь утопическим, «русский» социализм представлял собой наиболее зрелую форму социалистических учений, предшествовавших научному социализму, ибо он сочетался с революционным демократизмом. И все же в этом учении, по словам В. И. Ленина, не было «ни грана социализма»[1], так как для возникновения подлинно научных социалистических теорий в России не было еще исторических условий.

Будучи родоначальниками «крестьянского» социализма, А. И. Герцен и Н. П. Огарев пришли к его основным положениям долгим путем идейных исканий, ошибок и разочарований. Тема становления и развития взглядов Н. П. Огарева еще не имеет своей специальной историографии. Правда, ее бегло касаются в той или иной степени исследователи, занимавшиеся изучением его мировоззрения[2]. Сложный и подчас противоречивый путь идейных исканий Н. П. Огарева в период, когда его взгляды еще складывались, остался в их работах недостаточно раскрытым. Вследствие этого переход Н. П. Огарева на позиции «русского» социализма рассматривался часто не как итог его собственного пути, а лишь как результат влияния на него А. И. Герцена[3]. Не ставя перед собой задачи исчерпать вопрос о формировании утопических взглядов Н. П. Огарева, автор данной статьи уделяет особое внимание социальным экспериментам Н. П. Огарева в период, предшествовавший его

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 11.

[2] М. В. Яковлев. Мировоззрение Н. П. Огарева. М. 1957; Н. Г. Тараканов. Мировоззрение Н. П. Огарева. Вступительная статья к двухтомнику «Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения». (Тт. I—II. М. 1952—1956); Е. М. Филатова. Экономические взгляды Герцена и Огарева. М. 1953; М. Т. Иовчук. Философские и социологические взгляды Н. П. Огарева. М. 1957; В. Путинцев в книге «Н. Огарев. Критико-биографический очерк» (М. 1959) рассматривает в основном творчество Н. П. Огарева как поэта.

[3] См. М. В. Яковлев. Указ. соч., стр. 155.

эмиграции из России и началу активной революционной деятельности. Социальные эксперименты Н. П. Огарева интересуют нас как этап в поисках им путей и форм преобразования России.

★

Понимание необходимости коренного переустройства существовавшего в России общества завершило собой первый этап в формировании взглядов Н. П. Огарева, когда, осознав себя преемником дела декабристов, он вместе с А. И. Герценом поклялся посвятить свою жизнь делу революции. Их юность, годы учебы в Московском университете были началом той деятельности, которая стала затем содержанием всей их дальнейшей жизни: активное участие в общественной жизни, стремление найти путь для практического воздействия на нее и неутомимые поиски правильной революционной теории. Коренными теоретическими вопросами, которые ставились в студенческом кружке, возглавлявшемся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, были проблемы движущих сил исторического развития и гармонического общественного устройства. Поскольку первым открытым революционным выступлением в России было восстание декабристов, то первоначально у членов кружка сложилось глубоко ошибочное мнение о революционности русского дворянства в целом. Однако непонимание классовой сущности последнего, его идеализация сталкивались с утверждавшимся в кружке представлением о народе как решающей силе исторического процесса и будущего общественного переворота. Этому способствовали события, происходившие в то время: июльская революция во Франции, польское восстание 1830—1831 гг., крестьянские волнения в России (чумные бунты).

Все больше входившее в сознание Н. П. Огарева понимание роли масс в историческом процессе толкало его мысль к выводу, что ни одно из существовавших общественных устройств не отвечало истинным потребностям народа. Ключ к решению стоявших перед человечеством задач он находил в идее социализма. В письме к А. И. Герцену от 10 июля 1833 г., рекомендуя ему план чтения, в который входили работы по философии, древней, средневековой и новой истории, он особо обращал его внимание на К.-А. Сен-Симона. В сохранившемся отрывке рукописи Н. П. Огарева на немецком языке, которая была отобрана у него при аресте, он писал: «Европа требует новой жизни... Но в чем же должна состоять новая жизнь? В новой организации всего мира. В чем же должна состоять эта организация, на какой основе она должна развиваться? Вот в чем вопрос! Место религии должна заступить сияющая идея, которая, будучи всеми понятой, поведет людей к их истинной цели...»[4]. Ни мелочная регламентация фаланстера Ш. Фурье, ни мистицизм школы К.-А. Сен-Симона, ни одна из социалистических утопий в целом не захватили ни Н. П. Огарева, ни А. И. Герцена. В работах западноевропейских социалистов-утопистов их внимание привлекли лишь критика современного общества и идея его гармонической организации в будущем. В 1834 г. студенческий кружок Герцена—Огарева был разгромлен. Но и будучи в ссылке, Н. П. Огарев продолжал упорно работать над теоретическими вопросами, занимавшими их кружок. Так, в одном из своих писем летом 1835 г. Н. П. Огарев делился с Н. Кетчером мыслями относительно третьего сословия. В этой связи им впервые ставится вопрос о перспективах развития буржуазии в России; Н. П. Огарев вынес ей отрицательный приговор. Перспективе буржуазного развития страны он противопоставил другой путь: «образовать общины — dans la lie du peuple. Но общины, между собой связанные

[4] «Литературное наследство». Т. 63, стр. 288.

одною общиной, которая была бы их sensorium communis»[5]. Таким образом, уже тогда Н. П. Огарев высказывал мысль о федерации общин, которая впоследствии, в 60-е годы, стала одним из краеугольных камней его социально-политических взглядов. Но пока она имела еще самый отвлеченный характер. Община, о которой говорил здесь Н. П. Огарев,— это не реально существовавшая русская поземельная община, а идеальная, абстрактная община, ячейка будущего общества, которую, по мнению Н. П. Огарева, надо было организовать.

Подводя итог своим идейным исканиям 30-х годов, Н. П. Огарев писал А. И. Герцену в начале 1840 г.: «Первая идея, которая запала в нашу голову, когда мы были ребятами,— это социализм. Сперва мы наше я прилепили к нему, потом его применили к нашему я, и главною целью сделалось: мы создадим социализм»[6]. Таким образом, Н. П. Огарев с самого начала своей деятельности сознавал себя социалистом, хотя объективно идея утопического социализма была лишь формой, в которую облекались его революционные убеждения. В приведенном отрывке из письма А. И. Герцену Н. П. Огарев подчеркивал субъективистский элемент, который имелся в то время в их отношении к социалистической идее.

Неудовлетворенность своей теоретической подготовкой побудила Н. П. Огарева с начала 40-х годов приступить к систематической разработке ряда философских проблем. Живя с 1841 по 1846 г. (с небольшим перерывом) за границей, он углубился в изучение философии. Стремясь обосновать социализм как некую объективную закономерность, Н. П. Огарев сначала подошел к решению этой проблемы сугубо идеалистически и абстрактно, рассматривая социализм только как необходимую стадию в развитии человеческого сознания. Однако, будучи объективной закономерностью, социализм, по мысли Н. П. Огарева, может быть достигнут лишь общими усилиями человечества, а не деятельностью выдающихся личностей, предписывающих людям определенную форму их будущей жизни. В 1841 г. он писал жене: «Нового Мессии не жди. Один человек не будет Мессией... Вследствие общественного сознания и любви, политическое положение общества должно возбуждать участие каждого и быть уделом каждого. Каждый внесет свое. Мысль ли Фурье или другое что осуществится, не знаю; но знаю то, что современный человек необходимо привязан к социальному вопросу. Разумное, свободное общество — вот задача современная, которая разрешается в будущем. Все будут работать около этой задачи и только все решат ее»[7]. Итак, социализм — это объективная закономерность; его осуществление обусловлено активной деятельностью масс. Этот вывод ставил Н. П. Огарева на голову выше тех социалистов-утопистов, которые надеялись осуществить свои проекты при поддержке имущих классов или даже их отдельных представителей. Но, будучи, как и западноевропейские социалисты-утописты, идеалистом, Н. П. Огарев не понимал единственной объективной закономерности социализма, заключающейся в развитии производительных сил общества.

К середине 40-х годов объективный идеализм стал уже для Н. П. Огарева пройденным этапом. Переход на позиции материализма, упорная работа мысли, сосредоточенной на поисках цельного материалистического мировоззрения, привели его к пересмотру взглядов на социализм. Центр тяжести проблемы он перенес на человеческую личность, для которой, по его мнению, социалистический строй составляет естественную необходимость. Ему кажется, что в естественнонаучном познании человека — основа научного разрешения социальных вопросов. Антропо-

[5] Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. II, стр. 271.
[6] Там же, стр. 306.
[7] Там же, стр. 320—321.

логия — ключ ко всему социальному, и только из нее, писал Н. П. Огарев, «может развиться Fraternite»[8]. Как всякая попытка рассматривать человека вне конкретных социально-экономических условий, только как определенный комплекс духовных и физиологических качеств, антропологические взгляды Н. П. Огарева были ограничены и не приблизили его к научно-материалистическому пониманию истории. Переживаемый Н. П. Огаревым переход от абстрактности к конкретности, от фантастичности к действительности, от идей к практике сыграл серьезную роль в дальнейшем развитии его социалистических идеалов. Однако ошибка Н. П. Огарева состояла в том, что он понял практику не как общественную, а как индивидуальную. Сложившийся у Н. П. Огарева к моменту его возвращения в Россию план практической деятельности питался не только ошибочными теоретическими посылками, но и конкретными обстоятельствами русской действительности 40-х годов XIX века. В обстановке жестокой политической реакции николаевского царствования, при отсутствии массового крестьянского движения Н. П. Огарев не видел в России перспектив близкой революции. Но, будучи глубоко убежден в неизбежности коренного преобразования страны, он считал своим долгом собственной деятельностью способствовать созданию условий, приближающих социалистическое будущее. Так родилась у него идея заняться экономическим реформаторством и просветительством.

В письмах 1844—1845 гг. Н. П. Огарев излагает своим друзьям теоретические основы и конкретное содержание сложившегося у него плана. Придавая принципу единства теории и практики морально-этический смысл, Н. П. Огарев обращался к друзьям и, в частности, к А. И. Герцену с призывом: «Друг! Чувствовал ли ты когда-нибудь всю тяжесть наследного достояния? Был ли у тебя когда-нибудь горек кусок, который ты кладешь в рот? Был ли ты унижен перед самим собою, помогая бедным на чужие деньги? Как глубоко чувствуешь ты, что только личный труд дает право на наслаждение? Друг! Уйдем в пролетарии. Иначе задохнемся»[9]. Н. П. Огарев решил создать коммунистическую колонию из своих ближайших друзей, поселиться в народе, слиться с ним и работать на его благо. Отсюда его призыв «идти в пролетарии», отказаться от своего состояния в пользу народа. Подготовительным этапом должны были стать занятия наукой. Н. П. Огарев писал о принятом им решении своему товарищу по студенческому кружку Н. Сазонову[10]. В своем ответе Сазонов противопоставлял утопическим идеалам Н. П. Огарева необходимость политической борьбы, доводы здравого смысла и призывал его не заражать близких ему людей своими заблуждениями. Не получил Н. П. Огарев поддержки и у остальных своих друзей. Но это не поколебало его. К практическому осуществлению сложившегося у него плана он приступил после приезда в Россию.

Объектом своей реформаторской и просветительной деятельности Н. П. Огарев избирает принадлежавших ему крепостных крестьян. В наследство от отца и матери он получил более 4 тыс. ревизских душ. Ему принадлежало более десяти имений в Рязанской, Пензенской и Орловской губерниях. Вопрос о том, как распорядиться этими владениями, встал перед Н. П. Огаревым сразу же после смерти его отца в 1838 году. Находясь в то время в ссылке, Н. П. Огарев искал наиболее радикального средства для решения судьбы своих крепостных. Таковым, по его мнению, могло стать освобождение от крепостной неволи на основании закона 1803 г. «О вольных хлебопашцах» крестьян имения Верхний Белоомут, Рязанской губернии, в котором насчитывалось более

[8] Там же, стр. 362.
[9] Там же, стр. 370.
[10] «Звенья». Т. 6, стр. 348.

1 800 ревизских душ. В этом оброчном имении были лучшие в округе заливные луга на Оке, прекрасный строевой лес, выгонная и усадебная земля, рыбные ловли и другие угодья. Н. П. Огарев полагал, что, сохраняя общинное землевладение и самоуправление и выделив в подворную наследственную собственность луга, главное богатство Верхнего Белоомута, он тем самым оградит интересы бедняков. Наличие в имении большого количества земли, как он полагал, должно было создать для крестьян благоприятные условия существования. Сумма выкупа, назначенная Н. П. Огаревым за землю (он пошел на это только по категорическому требованию жены), по сравнению с действительной стоимостью земли была низкой. Договор на изложенных началах был заключен Н. П. Огаревым с крестьянами в октябре 1840 г., а в 1842 г. утвержден царем. Крестьяне села Верхний Белоомут вместе с личной свободой получили «в вечную и потомственную их собственность» все земли этого имения (леса, луга, выгоны и усадьбы) и рыбные ловли. Н. П. Огарев с большим вниманием и интересом вникал в жизнь Верхнего Белоомута. Ведь здесь в масштабе одного имения решался, по его мнению, коренной вопрос русской жизни — об экономических и социальных путях развития деревни.

В 1846 г. Н. П. Огарев вернулся из-за границы в Россию. По пути в свое пензенское имение (Старое Акшено) он заехал в Верхний Белоомут, заранее осведомленный о том, что дела там идут неблагополучно. 2 ноября 1846 г он писал А. И. Герцену о цели своей поездки: «С послезавтра еще дней пяток предстоит мне тяжелая, не свойственная мне, но интересная работа. Это маленькое государство, называемое село Белоомут, наведет меня на много вопросов. Уже сегодня, говоря с одним из мужиков из плебса, я вижу, что сладить будет потруднее, чем я думал... Ну! коротко же придется узнать, что такое община!» [11]. Ознакомившись с положением дела на месте, Н. П. Огарев убедился, что крестьянская община и в условиях, свободных от крепостной зависимости, далеко не обеспечивает хозяйственного благополучия всех ее членов. Экономическая дифференциация крестьянства, далеко зашедшая в этом богатом промысловом селе (здесь имелась зажиточная верхушка, в составе которой были владельцы крупных состояний, нажитых на винных откупах), создавала полную невозможность предполагаемого Н. П. Огаревым «гармонического сосуществования» в рамках общины. Исходя из эксперимента и результатов, к которым он привел, Н. П. Огарев пытался дать анализ экономической сущности общинного строя. Итоги своих наблюдений он изложил в плане «Ecole politechnique populaire», разработанном им в 1847 г.: «Общинный быт...— писал он.— есть формальное равенство. Я не знаю, как иначе назвать равенство подати при неравенстве сил, равенство земель при неравенстве трудов и капиталов. Наша община есть равенство рабства» [12].

Вразрез со славянофильской идеализацией общины Н. П. Огарев дал ей резко отрицательную оценку. Не будучи в состоянии обеспечить действительное равенство, о чем свидетельствовал пример Верхнего Белоомута, поземельная община, органически связанная с крепостническим хозяйством и характерной для нее хозяйственной рутиной, искусственно стремилась сохранить равенство «рабства» и нищеты. Подходя к оценке общины как просветитель, подчеркивая ее отрицательное нравственное влияние на русского крестьянина, Н. П. Огарев квалифицировал общинное хозяйственное и общественное устройство как своего рода предрассудок. Отсюда он делал вывод о необходимости образования и перевоспитания народа, чтобы развить в нем качества, необходимые для

---

[11] «Литературное наследство». Т. 61 М. 1953, стр. 728.

[12] Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, Т. II, стр. 9.

свободного и сознательного члена будущей ассоциации. Таким образом, критика русской поземельной общины, заключавшаяся в плане «Ecole politechnique populaire», не означала отрицания ее Н. П. Огаревым вообще. Он критиковал исторически существовавшую общину в ее конкретной взаимосвязи со всем социальным строем русской жизни. Пример с Верхним Белоомутом был для Н. П. Огарева дополнительным аргументом в пользу сложившегося у него плана практической деятельности, включавшего как экономическое реформаторство, так и просвещение народа.

Поселившись с осени 1846 г. в своем пензенском имении Старое Акшено, Н. П. Огарев приступил к осуществлению намеченных проектов. Существо реформаторской деятельности Н. П. Огарева состояло в отказе от крепостнических методов ведения хозяйства и переходе к системе вольнонаемного труда. Последний рассматривался им как основное средство повышения общего культурного уровня работника и воспитания в нем чувства человеческого достоинства, сознательного отношения к труду и свободы личности. Исходя из этого, он начал в Старом Акшено с замены барщинного труда крепостных их же трудом с денежной оплатой, с устройства сахарного и суконного производств. Он рассчитывал в течение трех лет превратить все свои имения в фермы, организовать там небольшие промышленные предприятия с тем, чтобы крестьяне (он предполагал освободить их от крепостной зависимости) самостоятельно вели свое хозяйство на землях, ими обрабатываемых, выплачивая долг в опекунский совет. Переход к системе фермерского хозяйства Н. П. Огарев рассматривал в это время как ближайшую перспективу развития сельскохозяйственного производства в России. Поэтому своим собственным опытом ведения хозяйства на новых основах он хотел показать помещикам выгодность фермерского хозяйства. Свой опыт он хотел сделать общим достоянием и, излагая в письме к А. И. Герцену подробнейшие расчеты, сообщал, что на основании их сделает «весьма отчетливую статью, вероятно, для журнала Министерства государственных имуществ»[13]. Н. П. Огарев рассматривал свою практическую деятельность как общественный долг[14]. Однако чисто субъективное понимание им существа своих действий не меняло объективного содержания намечавшихся им хозяйственных мероприятий как чисто буржуазных. Их подсказывала Н. П. Огареву практика изживающего себя помещичьего хозяйства. Это был, по сути дела, фермерский, американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве.

Но при реализации своего плана Н. П. Огарев столкнулся с упорным сопротивлением не только соседей-помещиков, но и его собственных крестьян. Следствием этого было чудовищное противоречие. Действуя по глубокому убеждению на благо крестьян, он осуществлял свои начинания путем насилия, используя свою власть помещика. Понимая всю порочность такого метода, он применял его, будучи уверенным в конечной его пользе для крестьян. Позже, вскрывая причину своих реформаторских неудач, Н. П. Огарев подчеркнул несовместимость идеальных принципов с действиями, к которым прибегает помещик-реформатор: употребляя власть, последний действует вопреки своим убеждениям; крестьяне не питают к нему доверия именно как к помещику и не принимают его советов[15].

Наряду с изменением хозяйственного строя крепостных, элементом их перевоспитания должно было стать, по плану Н. П. Огарева, их просвещение. Поэтому сразу по приезде в Старое Акшено он занялся

---

[13] Там же, стр. 413.

[14] «Литературное наследство». Т. 61, стр. 770.

[15] Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. I, стр. 157.

разработкой плана народной школы для крестьянских детей. Согласно его проекту, по окончании четырехгодичной школы дети крепостных крестьян становятся свободными людьми, но в продолжение следующих 4 лет они обязуются остаться в своем крае, чтобы «успеть иметь влияние и обучать других». Различая чисто воспитательные и образовательные задачи школы, Н. П. Огарев подчинял их одной цели. Воспитание состояло в том, чтобы переделать сознание крепостного человека, подавленного вековым рабством, одурманенного религией, в сознание свободного человека. Обучение же должно было привить ему понятие «чести, права и гражданства», вооружить «научным объяснением естественных явлений и приложением науки к промышленности» [16].

По своему типу предполагаемая Н. П. Огаревым школа должна была представлять закрытый интернат, в котором обучение совмещалось бы с практической работой летом на принадлежащей школе ферме, а зимой в различных мастерских при школе, где «ученики делают усовершенствованные полевые орудия и модели самых несложных машин». Полученные учащимися знания должны были применяться также при постройке «какого-нибудь завода, который сами пустят в ход» [17]. Таким образом, школа, кроме общеобразовательной подготовки, давала минимум практических знаний, необходимый культурному работнику как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Церковные предметы из программы обучения совершенно исключались. Школа должна была готовить людей, способных противостоять «закоренелой нелепости среды, в которой им придется действовать». Еще будучи учениками, они должны были обучать грамоте детей в воскресной школе. Н. П. Огарев предполагал ограничить число учащихся своей школы 10—15 человеками по выбору с тем, чтобы не подрывать крестьянское хозяйство чрезмерным отвлечением рабочей силы.

Воспитанникам школы Н. П. Огарев отводил роль «ферментов», которые должны были содействовать поднятию общего культурного уровня своих односельчан, сблегчая тем самым осуществление новых хозяйственных и социальных преобразований. Сообщая летом 1847 г. о своем плане Е. Ф. Коршу, Н. П. Огарев просил его и Т. Н. Грановского подыскать для школы учителя. Повторяя эту просьбу в сентябре, он сокрушался, что не удастся открыть школу ранее весны 1848 года. Однако полностью план этот так и остался нереализованным [18]. Н. П. Огарев сумел организовать только школу-мастерскую с общежитием для девочек. Свои эксперименты, носившие явно утопический характер, Н. П. Огарев рассчитывал осуществить в течение трех лет. Однако его намерениям не суждено было осуществиться, ибо уже в 1849 г. он полностью разорился. От некогда огромного состояния у Н. П. Огарева остались только орловское имение Уручье и Тальская писчебумажная фабрика в Корсуньском уезде, Симбирской губернии, купленная им на деньги, занятые у А. И. Герцена.

Между тем в III Отделение поступил доклад о Н. П. Огареве, А. А. Тучкове и Н. М. Сатине, образовавших будто бы коммунистическую секту. В обстановке только что происшедшего разгрома петрашевцев донос произвел на жандармов особое впечатление. Кроме того, в III Отделении уже имелись сообщения пензенского губернатора Панчулидзева о Тучкове, а также доносы управляющего огаревским имением с угрозами по адресу Н. П. Огарева и Тучкова, которых он на-

---

[16] Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. II, стр. 7—8.

[17] Там же, стр. 13.

[18] В план просветительной деятельности Н. П. Огарева в деревне входила и организация широкой медицинской помощи местному населению. В Старом Акшено была открыта больница, в которой Н. П. Огарев сам лечил крестьян. См. И. Д. Воронин. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск. 1951, стр. 32.

зывал «революционистами»[19]. 24 февраля 1850 г. Н. П. Огарев был арестован в Симбирске. Заранее предупрежденный Н. А. Тучковой, с которой он вступил в гражданский брак в конце 1848 г., Н. П. Огарев успел уничтожить все компрометирующие его документы. За неимением улик дело приняло характер расследования исключительно в области семейных отношений. Н. П. Огарев был освобожден с отдачей под надзор полиции и запрещением выезда за границу.

К этому времени, весной 1850 г., последнее орловское имение Н. П. Огарева в счет векселей, выданных им ранее бывшей жене М. Л. Огаревой, перешло к ее поверенному. У Н. П. Огарева осталась одна Тальская писчебумажная фабрика «... с находящимися при ней фабричными посессионными крестьянами... двумя стами пятьюдесятью двумя мужска и двумя стами шестнадцатью женска пола душами...»[20]. Эта фабрика была приобретена Н. П. Огаревым в совместное пользование с его сводным братом, купцом И. И. Маршевым, в лице которого Н. П. Огарев рассчитывал иметь доверенного и опытного в практических делах помощника. Однако Маршев к осени 1849 г. наделал громадных долгов, которых нельзя было покрыть за счет доходов фабрики. После освобождения из-под ареста Н. П. Огарев откупил долю, принадлежавшую Маршеву, и принял на себя все числившиеся на нем долги (почти 250 тыс. руб.). Кроме того, фабрика была заложена Ульяновой. Таким образом, Н. П. Огарев оказался владельцем предприятия, которое только условно можно было назвать его собственностью. Поэтому, прежде чем как-то распорядиться фабрикой, он должен был освободить ее от долгов. Деятельность его в данном случае приобретала бы по необходимости характер обычного предпринимательства.

Однако есть документ, дающий основание рассматривать намерения Н. П. Огарева в отношении Тальской фабрики совершенно в ином свете. Речь идет об отрывке из его записной книжки № 38, опубликованном Б. П. Козьминым. В пояснениях к публикации Б. П. Козьмин указал, что в отрывке говорится об орловском имении Уручье, пошедшем в 1850 г. на уплату долга М. Л. Огаревой; после ее смерти (март 1853 г.) имение должно было отойти частью Н. П. Огареву (1/4), частью ее племяннику Карамазову (3/4). Б. П. Козьмин полагает, что Н. П. Огарев намеревался отдать Ульяновой в счет долга за Тальскую фабрику свое орловское имение с тем условием, чтобы она освободила имевшихся в нем крестьян. Внимательное изучение отрывка, однако, вызывает сомнение в таком его толковании. Текст отрывка гласит: «Для моей личной очистки необходимо мою личную долю из наследства после М[арии] Л[ьвовны] употребить на уплату Ульяновой с тем (а не иначе), чтобы Ульянова, вступив во владение имением, освободила бы работников немедленно с утверждением за ними всей земли, строений, машин и всякого материала безвозмездно. Одна отдача строений внаймы под мельницы обеспечит им взнос подушных и даст способ образоваться общинному капиталу, который прокормит их в дорогие года и даст возможность учредить со временем или фабрики, или мукомольные мельницы на общинный счет с дивидендом для каждого. На все продолжение времени найма мельниц и накопления капитала рабочие могут беспрепятственно зарабатывать свой прожиток, где угодно, не заботясь о взносе подушных, которые будут уплачиваться из суммы найма...»[21].

При чтении отрывка бросаются в глаза два интересных обстоятельства. Прежде всего условием вступления Ульяновой во владение имением выставляется немедленное безвозмездное освобождение ра-

[19] Я. З. Черняк. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.-Л. 1933, стр. 316.

[20] Цит. по: И. Д. Воронин. Указ. соч., стр. 37.

[21] «Литературное наследство». Т. 39—40. М. 1941, стр. 356. Документ датируется Б. П. Козьминым временем не ранее осени 1853 г. и не позднее начала осени 1855 года.

ботников с утверждением за ними всей земли, строений, машин и всякого материала. В чем же выражалась тогда уплата долга, если от всего, что Ульянова получит, она должна сразу же отказаться? Если Н. П. Огарев имеет здесь в виду орловское имение, то почему он пишет о «работниках» и даже о «рабочих», а не о крестьянах? Как в Уручье могли появиться «строения, машины и всякий материал», если в этом оброчном имении Н. П. Огарев никогда не был, фабрик там не заводил [22] и, следовательно, промышленных заведений с машинами, а тем более сельскохозяйственных машин там быть не могло? Изложив свой план устройства общины, в котором ни слова нет о сельскохозяйственных работах, а речь идет исключительно об устройстве фабрик, мельниц и заработках на стороне, Н. П. Огарев резюмирует: чтобы осуществить все это, «надо расплатиться с Ульяновой из моей доли наследства после М[арии] Л[ьвовны]» [23]. «Доля наследства», о которой здесь говорится, является чем-то посторонним по отношению к объекту, о котором идет речь. Кроме того, вообще мало вероятно, чтобы Н. П. Огарев разрабатывал столь детальный план переустройства имения, которое могло принадлежать ему только в своей четвертой части (немногим более 100 ревизских душ).

Следовательно, в приведенном отрывке говорится не об орловском имении, как считал Б. П. Козьмин, а об устройстве посессионных крестьян, работавших на сгоревшей 15 июня 1855 г. Тальской писчебумажной фабрике, и рассматриваемый документ датируется временем не ранее июня 1855 года. После пожара уцелели село и дом Н. П. Огарева. Сам он вскоре переехал с женой к Н. М. Сатину в Старое Акшено и намеревался покинуть Россию. Судьба посессионных крестьян, как и оставшегося фабричного имущества и земли, должна была как-то решиться. Так как фабрика была заложена Ульяновой, то совершенно естественно, что расплата с ней при отсутствии у Н. П. Огарева других средств должна была произойти путем перехода в ее собственность того, что осталось от фабрики. В этом смысле и было, вероятно, заключено с ней соглашение. Однако Н. П Огарев для своей «личной очистки» предпочитал рассчитаться с Ульяновой средствами, которые он надеялся получить из наследства своей бывшей жены. Ульянова, вступив во владение имением, должна была безвозмездно освободить работников со всей землей и фабричным имуществом. Некоторые детали, выясняющиеся из текстов купчей, заключенной с Ульяновой, и соглашения Н. П. Огарева с Маршевым, подтверждают верность именно такого толкования приведенного выше отрывка. В этих документах называются, в частности, «мельничные строения», использованию которых уделено основное внимание в разработанном Н. П. Огаревым проекте устройства свободной крестьянской общины. В обоих документах подробно перечисляется та же собственность, относящаяся к фабрике, что и в записной книжке Н. П. Огарева: крестьяне (рабочие), земли, строения и всякие материалы.

Разбираемый отрывок имеет для нас особый интерес, поскольку изложенный в нем проект является отражением дальнейшего развития взглядов Н. П. Огарева. При этом явно обозначается стремление Н. П. Огарева приспособить идею ассоциации к реально существовавшим в России устоям жизни народа. Это был первый шаг, сделанный Н. П. Огаревым в направлении к «русскому» социализму. Если еще в 1847 г. Н. П. Огарев отрицательно высказывался о русской общине, как о «равенстве рабства», и считал условием перехода к высшим формам организации производства преодоление связанного с общиной строя жизни и предрассудков в сознании народа, то теперь в основу его ассоциа-

[22] См. Я. З. Черняк. Указ. соч., стр. 451.
[23] «Литературное наследство». Т. 39—40, стр. 356.

ции была положена исконная поземельная крестьянская община. Двойственное положение посессионного крестьянина как бы подсказывало именно такое решение. С одной стороны, он жил как член обычной крестьянской общины с ее земельными наделами, с другой — он был уже приобщен к производству, и фабричный труд составлял его основное занятие. Н. П. Огарев предполагал положить поземельную общину в основание ассоциации промышленного типа, или, вернее, промысловой кооперации.

★

Таким образом, становится очевидным, что нет никакого разрыва во взглядах Н. П. Огарева на общину до эмиграции из России и в период совместной с А. И. Герценом деятельности в «Колоколе», когда Н. П. Огарев выступал как горячий пропагандист русской общины. Этим опровергается установившееся представление о том, что Н. П. Огарев просто усвоил герценовскую теорию «русского» социализма. Приступить же к осуществлению самостоятельно выработанной им социальной утопии Н. П. Огарев по указанным выше причинам не смог и поэтому не имел возможности на практике убедиться в нереальности своих планов. Либерально-реформаторские иллюзии имели место и в его последующей публицистической и революционно-практической деятельности. Однако именно ко времени эмиграции из России Н. П. Огарев убедился в необходимости крестьянской революции. Основанием для такого вывода послужил и тот общественный подъем, явившийся следствием неудержимо нараставшего в стране массового крестьянского движения, свидетелем которого был Н. П. Огарев, когда покидал в 1856 г. родину. Эксперименты Н. П. Огарева окончились его «освобождением» от наследственного состояния. От узкопрактической деятельности он перешел к широкой политической борьбе как соредактор и соиздатель «Колокола».

Не случайно Н. П. Огарев сразу же после приезда в Лондон, в апреле 1856 г., приступил к работе над серией статей «Русские вопросы». Одна из этих статей, опубликованная в «Колоколе» в феврале 1858 г., называлась «Крестьянская община». В ней подводились итоги почти десятилетнего изучения Н. П. Огаревым русской деревни. Отрицательные свойства общины, о которых он писал в 1847 г. в проекте политехнической школы и которых он не затушевывал и теперь, Н. П. Огарев считает результатом крепостного права в целом, помещичьей власти и бюрократической системы управления. В самом принципе общинной земельной собственности и самоуправления заложены, по его мнению, основания для гармонического развития общества в будущем. Чтобы сделать такое развитие возможным, писал Н. П. Огарев, «снимемте препятствие к этому развитию, т. е. помещичье право и чиновничество...» [24]. В условиях складывавшейся в России с конца 1850-х годов революционной ситуации он выступал уже как один из идеологов крестьянской революции. На нераздельность теории «русского» социализма с идеей народной революции указывал В. И. Ленин, когда писал: «Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции...» [25]. Все содержание последующей революционно-практической и теоретической деятельности Н. П. Огарева было пронизано именно этой верой.

---

[24] Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. I, стр. 169. В указанной статье Н. П. Огарев полностью отбрасывает славянофильскую идеализацию русской общины.

[25] В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 271.

ВЬЕТНАМО-КИТАЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СВЯЗИ В ГОДЫ ПРОБУЖДЕНИЯ АЗИИ

Л. С. Кюзаджян

Много общего можно найти в исторических судьбах Китая и Вьетнама — стран не только соседних, но и близких друг другу по духовной и материальной культуре. Обе они в XIX в. стали объектом агрессии европейских капиталистических держав. В антиимпериалистической, антифеодальной борьбе китайского и вьетнамского народов возникали, крепли и развивались связи между деятелями освободительного движения обеих стран, делались попытки объединения революционных сил на основе общей программы. Реакционные буржуазные авторы пытаются представить китайский народ исконным врагом соседних с ним народов. Они умышленно представляют политику правящих кругов Китая до 1949 г. как якобы отношение китайского народа к народам пограничных стран, сосредоточивают свое внимание на описании завоевательных походов китайских феодальных правителей, их ассимиляторской политике [1].

В Китайской Народной Республике и Демократической Республике Вьетнам за последние годы появился ряд работ, в которых в той или иной мере затронута интересующая нас проблема. Это прежде всего книга китайского историка Чэнь Сю-хэ, статьи Чжоу И-ляна, труды вьетнамских ученых Чан Хьюи Лье́у, Тон Куан Фиета. Большое значение имеют публикация материалов по истории вьетнамской революции в новое время, предпринятая Комитетом по изучению литературы, истории и географии, а также недавно переизданные в КНР статьи из журнала «Юньнань», выходившего в Токио в 1906—1911 годах. Особый интерес для освещения данной темы имела работа Фан Бой Тяу «Самокритика» [2].

Традиции совместной борьбы китайского и вьетнамского народов против общего врага — французского империализма зародились еще во второй половине XIX века [3].

Руководство освободительной борьбой вьетнамского народа пытались осуществлять тогда феодалы-сановники, которые группировались вокруг бывшего регента Тон Тхат Тхюэта, эмигрировавшего в Китай. Патриотическая антииностранная программа этой группы не учитывала антифеодальных требований крестьянства и основывалась главным об-

---

[1] Harold C. Hinton. China's Relations with Burma and Vietnam. New York. 1958; Harold J. Wiens. China's march toward the tropics. Vale University Press. 1954; W. Thayer (ed.). Southeast Asia in Coming World. Baltimore. 1953.

[2] Phan bôi Châu. Tux phê phân (*Самокритика*). Há-nôi. 1955.

Автор пользуется случаем, чтобы выразить свою признательность товарищам за помощь в переводе некоторых вьетнамских источников, в частности А. Н. Бариновой, познакомившей нас со своим вариантом перевода «Самокритики» Фан Бой Тяу.

[3] Наглядным примером этого могут служить совместные действия вьетнамских войск и китайских отрядов «Черных флагов» под командованием Лю Юнь-фу — военачальника тайпинской армии, который после поражения восстания вместе с частями отступил на территорию, расположенную между провинцией Юньнань и Вьетнамом. Борьба «Черных флагов» против колониальной экспансии Франции во Вьетнаме являлась частью вьетнамского освободительного движения в 80—90-х годах XIX века.

разом на лозунге «Восстановление власти короля» («кан выонг»). Естественно, она не могла поднять на борьбу широкие слои крестьянства и городского населения.

Становление новых классовых сил — мелкой и средней буржуазии — создавало предпосылки для зарождения в стране буржуазных движений. В ходе национально-освободительной борьбы в начале XX в. здесь начало формироваться демократическое направление, одним из видных представителей которого был Фан Бой Тяу. Одновременно во Вьетнаме наметилось и реформаторское направление, возглавляемое Фан Тю Чинем. Это движение, предусматривавшее осуществление реформ с помощью французских колонизаторов, объективно тормозило развитие национально-освободительной борьбы вьетнамского народа.

В настоящей статье освещаются некоторые стороны взаимных связей вьетнамских и китайских революционеров, прослеживается в общем плане процесс формирования демократических идей во Вьетнаме, рассматривается главным образом деятельность демократического, революционного направления, связанного с именем Фан Бой Тяу, который сумел преодолеть либеральные помещичье-буржуазные воззрения и перейти на революционные, демократические позиции. На формирование взглядов Фан Бой Тяу большое влияние оказала китайская революционная демократия во главе с Сунь Ят-сеном, внимательно следившим за событиями во Вьетнаме. Господство помещиков и иностранного капитала являлось объективной предпосылкой для совместной освободительной борьбы китайского и вьетнамского народов.

В начале XX в. в социально-экономической жизни колониального и феодального Вьетнама наметились определенные сдвиги. Здесь появились первые крупные торговые фирмы и централизованные мануфактуры, рисоочистительные, лесопильные и другие предприятия, принадлежавшие местным торговцам и помещикам.

Однако колониальные власти ограничивали и подавляли нарождавшуюся местную буржуазию. Банковские и промышленные круги Франции рассматривали Индокитай как рынок сбыта для своей продукции, источник дешевого сырья. Конкуренция французских фабричных товаров с традиционными для вьетнамских ремесленников изделиями вызывала разорение местной промышленности и ремесла, тормозила развитие производительных сил.

На рубеже XX в. во Вьетнаме начали распространяться буржуазные идеи. Известную роль сыграли в этом труды французских просветителей Вольтера, Монтескье, Руссо и др. (их произведения проникали в страну в китайских переводах). Среди представителей нарождавшейся буржуазии, интеллигенции и чиновничества, а также либеральных помещиков находили отклик также идеи китайских реформаторов (Кан Ю-вэя, Лян Ци-чао и их сторонников). Популярность взглядов китайских реформаторов можно объяснить тем, что обе страны имели примерно одинаковый низкий уровень социально-экономического развития. Во Вьетнаме, как и в Китае, в пропаганде реформаторской идеологии видную роль сыграли представители феодального класса — либеральные помещики и чиновники.

В начале своей политической деятельности значительное влияние идей китайских реформаторов испытал на себе и Фан Бой Тяу [4].

Уже в 90-х годах он познакомился с работами Кан Ю-вэя и Лян Ци-чао, позднее систематически следил за журналом реформаторов «Синьминь цунбао» («Новый народ»), издававшимся в Токио эмигрантами — конституционными монархистами, которые приехали сюда после поражения их движения в Китае. Фан Бой Тяу так описывал свои впечатле-

---

[4] Фан Бой Тяу родился в 1867 г. в обедневшей помещичьей семье, отец его был учителем.

ния от произведений китайских реформаторов: «Изучая эти книги, я заново осознал борьбу, развернувшуюся во всем мире, страшное поражение моей страны, и сердце мое еще более взволновалось... С этого момента мысль моя пыталась вырваться из клетки» [5]. Просветительские идеи Фан Бой Тяу в то время нашли наиболее полное отражение в его «Письмах кровью и слезами из-за границы» (1903 г.), в которых он призывал к развитию просвещения, самоусовершенствованию и поощрению народных талантов [6]. Подобно китайским реформаторам, Фан Бой Тяу видел все беды Вьетнама только в том, что в стране отсутствовало просвещение, царили «старые обычаи», затруднявшие развитие общества. Он ставил в пример Японию, которая отказалась от «давних обычаев», «встав на путь прогресса». Фан Бой Тяу считал ее в то время образцом [7].

В силу своеобразия внутреннего развития Вьетнама Фан Бой Тяу и его сторонники не стали буржуазными либералами. Для формирования у них чисто буржуазных представлений в стране еще не созрели условия, а превратиться в реформаторов, призывавших восстановить власть династии Нгюенов, они не могли, так как видели полную капитуляцию королевского двора перед захватчиками. Появление у них просветительских взглядов означало лишь то, что в их старом мировоззрении была пробита первая брешь.

Созданная Фан Бой Тяу весной 1904 г. организация «Вьет-нам Зюитан хой» («Общество обновления Вьетнама») еще не имела четкой политической программы. Общие цели ее сводились к изгнанию захватчиков и восстановлению независимой просвещенной монархии. Так представлял еще в 1904 г. Фан Бой Тяу будущее своей родины [8]. Руководители общества рассчитывали на поддержку извне. Учредительный съезд общества пришел к заключению, что эту помощь надо искать не у цинского правительства, как полагали деятели тайных патриотических организаций вьетнамского чиновничества конца XIX в., а в Японии.

Руководствуясь решением съезда общества, Фан Бой Тяу и его сподвижник Тан Бат Хо с помощью китайских друзей перешли в апреле 1905 г. вьетнамо-китайскую границу, добрались до Сянгана, оттуда в Шанхай и затем в Японию.

Так в 1905 г. начался период непосредственных связей Фан Бой Тяу с представителями китайских политэмигрантов в Японии, бывшей в те годы убежищем для революционеров многих стран Азии.

Приехав на Японские острова, Фан Бой Тяу и Тан Бат Хо очутились в центре политической эмиграции Азии. Здесь, главным образом в Токио, Иокогаме и Нагасаки, находились китайцы, индийцы, филиппинцы, корейцы, русские и многие другие. Самой многочисленной и активной была колония китайцев: студенты, обучавшиеся в Японии, сторонники реформаторского движения 1898 г., эмигрировавшие в эту страну, группа революционеров — сподвижников Сунь Ят-сена. По некоторым сведениям, уже в 1905 г. число политэмигрантов достигло 8 тыс., а в 1906 г.— 13 тысяч. В дальнейшем оно увеличилось до 15 тыс. человек [9].

Почему японские правящие круги, отнюдь не отличавшиеся демократизмом, терпели, а иногда даже поощряли деятельность политических эмигрантов в своей стране? [10].

---

[5] Фан Бой Тяу. Указ. соч., стр. 40.

[6] Там же, стр. 47; см. также Чэнь Хуай-нань. Юэнань жэньминьды цзефан доучжэн. (Освободительная борьба вьетнамского народа). Пекин, 1954, стр. 7.

[7] См. Жан Шено. Очерк истории вьетнамского народа. М. 1957, стр. 207.

[8] Фан Бой Тяу. Указ. соч., стр. 52.

[9] M. B. Jansen. The Japanese and Sun Yat-sen. New York. 1954, p. 112; F. L. Hawks Pott. The emergency in China. London. 1913, p. 27.

[10] Интересно отметить, что к Фан Бой Тяу и Тан Бат Хо в Японии проявлялось большое внимание. Уже в мае 1905 г. Фан Бой Тяу был принят высокопоставленными лицами, в частности графом Окума Сигэнобу, обещавшим вьетнамцам неофициальную поддержку.

Это объясняется тем, что в последнее десятилетие XIX в. в среде буржуазных деятелей некоторых стран Азии получила широкое распространение идея о том, что Япония — как азиатская страна, стремившаяся освободиться от неравноправных договоров, навязанных ей европейскими державами и США, и вступившая на путь промышленного развития,— якобы является форпостом против экспансии западных стран на Дальнем Востоке. Не без участия японских руководителей возникла и другая идея, тесно связанная с первой,— создать содружество азиатских государств под руководством «страны Восходящего солнца». Отдельные представители японских правящих кругов надеялись использовать эмигрантов в качестве проводников своего влияния в странах Дальнего Востока.

Именно поэтому вплоть до 1907 г. японское правительство не предпринимало активных действий против китайской эмиграции. Японские империалисты, допуская пребывание и деятельность азиатских, в частности китайских, революционеров, преследовали при этом корыстные, захватнические цели. Но авантюристическая идея создания агентуры из среды революционеров потерпела крах, деятельность же революционеров из стран Азии на Японских островах в первые годы XX в. сыграла положительную роль. Эмигранты сумели создать и укрепить свои партии, вести печатную пропаганду, подготавливать вооруженные восстания и т. д.

В многоголосом хоре токийских эмигрантов Фан Бой Тяу и Тан Бат Хо трудно было сразу отличить китайских реформаторов от революционеров, буржуазно-помещичьих либералов от демократов и определить свое отношение к ним, так как еще не произошло четкого размежевания политических направлений [11]. Это случилось лишь после основания Сунь Ят-сеном «Союзной лиги», когда разрыв между революционным и реформаторским лагерями стал очевиден. Вьетнамцы слышали о разногласиях между революционерами и либералами в среде китайской эмиграции, но не придавали этому особого значения. Для них больший интерес представляла практическая деятельность первых студенческих организаций, эмигрантских печатных органов, массовые собрания, на которых обсуждались судьбы Китая [12]. Фан Бой Тяу и его сторонники еще не поняли той эволюции, которую претерпели после 1898 г. китайские реформаторы — буржуазно-помещичьи либералы: от реформаторских иллюзий последние скатились до признания монархической действительности, едва прикрытого формулой «просвещенного абсолютизма». Деятелей вьетнамского освободительного движения первоначально привлекала личность Лян Ци-чао, работы которого были им известны.

Во время встречи с Фан Бой Тяу Лян Ци-чао обещал оказать помощь оружием и солдатами вьетнамскому освободительному движению со стороны южнокитайских провинций [13]. Это обещание воодушевило вьетнамцев, хотя неизвестно, в чем конкретно выразилась поддержка. Уже в июле 1905 г. Фан Бой Тяу, возвратившийся к тому времени на родину, получил от Лян Ци-чао письмо, в котором он давал разъяснения по поводу создания различных легальных организаций. По совету

[11] Более того, в первые годы XX в. со стороны реформаторов, и прежде всего Лян Ци-чао, были сделаны предложения Сунь Ят-сену объединить партии «Защиты императора» и «Союз возрождения Китая». Правда, эти предложения не удалось осуществить, но самый факт переговоров очень показателен. См. Joseph R. Levenson. Liang Chi-chao and the Mind of Modern China. New York. 1953, pp. 59—61.

[12] Насколько политически активны были группы студентов, можно судить по донесениям китайского посла в Японии своему правительству: «Китайские студенты, проживающие в Токио, сформировали добровольческие отряды численностью свыше 200 человек... по существу — с революционными целями. Ныне они уже переправились в Китай, необходимо поэтому приказать всем начальникам областей и уездов установить за ними строгий контроль и арестовывать их». Фэн Цзы-ю. Гэминь иши. (Очерк истории революции.) Т. I, Чунцин. 1943. стр. 106.

[13] Фан Бой Тяу. Указ. соч., стр. 64.

китайских либералов вьетнамцы приступили к организации кооперативов, торговых и просветительских обществ [14]. Возник ряд торговых компаний, школы и т. д. Для вьетнамских революционеров большое значение имели конкретные формы борьбы, предложенные Лян Ци-чао: антифранцузская пропаганда с помощью памфлетов и призывов к соотечественникам и отправка молодых вьетнамцев на учебу в Японию. Эта идея легла в основу движения, известного под названием «Донг зу» («Восточная учеба»), развернувшегося во Вьетнаме в 1905—1908 годах. Лян Ци-чао также предложил Фан Бой Тяу в сентябре 1905 г., когда не хватало средств для отправки учащихся за границу, обратиться за помощью к торговцам, земельным собственникам и чиновникам [15].

В этот период Фан Бой Тяу выступил со своими известными десятью «Обращениями к единомышленникам» («Донг там»), в которых призывал вьетнамцев к борьбе с французскими захватчиками. В 1905 г. он написал «Историю потери независимости Вьетнама», изданную при содействии Лян Ци-чао в Японии [16]. С помощью последнего была отпечатана прокламация Фан Бой Тяу «Расширить помощь нации заграничной учебе». Влияние Лян Ци-чао отразилось на программе общества «Зюи-тан».

Фан Бой Тяу указывал, что рост общества, развитие движения «Донг зу», переход к письменной агитации — все это требовало более ясной политической программы. В феврале 1906 г., после двукратного посещения Японии и бесед с Лян Ци-чао, Фан Бой Тяу выработал новую программу. Главная задача общества была сформулирована так: «Освобождение Вьетнама и создание конституционной монархии» [17]. Программа, одобренная Лю Юнь-фу и Тан Тхуатом, была принята как официальная платформа общества. Политическая эволюция во взглядах вьетнамских революционеров (от принципа просвещенной монархии к конституционной монархии) объясняется не только тем, что все эти события происходили в период успехов Японии и кажущегося торжества принципа конституционной монархии, но и, несомненно, влиянием китайских реформаторов.

Однако при этом следует еще раз заметить, что, несмотря на активное воздействие Лян Ци-чао, Фан Бой Тяу и его друзья не стали либералами типа буржуазно-помещичьих реформаторов в Китае и местных вьетнамских реформаторов, возглавляемых Фан Тю Чинем. Лян Ци-чао толкал вьетнамцев на путь, по которому шли китайские реформаторы. Но Фан Бой Тяу и его сторонники выбрали другой путь, революционный. Правда, они заимствовали некоторые формы легальной пропагандистской деятельности у китайских реформаторов. Но всю работу подобного рода Фан Бой Тяу считал второстепенной. Он писал по этому поводу: «...Я, с одной стороны, посылал на учебу, а с другой — поддерживал среди народа идеи революционных действий» [18].

Уже в первый период вьетнамо-китайских связей деятельность группы Фан Бой Тяу подготавливала почву для установления контактов с китайскими революционерами в Токио.

Сближение революционеров двух стран ускорили события второй половины 1905 года. Летом наступило обострение идеологической борьбы между либеральным и революционным направлениями в среде китайской эмиграции. С созданием Сунь Ят-сеном первой массовой партии китайских революционеров «Гэмин тунмэнхуэй» («Объединенной рево-

---

[14] Там же, стр. 69.
[15] Там же, стр. 68.
[16] Там же, стр. 72.
[17] Там же, стр. 79.
[18] Там же, стр. 85.

люционной лиги», обычно именуемой в нашей литературе «Союзной лигой») произошел окончательный разрыв с либералами.

«Союзная лига» сплотила прогрессивных деятелей как среди китайской эмиграции, так и в самом Китае. Используя опыт русской революционной печати, китайские революционеры на страницах журнала «Минь бао» начали активную борьбу со своими политическими противниками — реформаторами и монархистами. В то время как «Минь бао», выражая настроения китайской демократии, звал к революции, «Синь минь цунбао» выступал против демократии и революционного движения [19].

Победа в среде китайской эмиграции революционного крыла, возглавляемого Сунь Ят-сеном, идейный разгром либералов оказали значительное воздействие на прогрессивных деятелей Вьетнама. События в России, странах Азии красноречиво подтверждали правильность революционного, а не реформаторского пути.

Революционный лагерь китайской эмиграции имел программу и тактическую линию, которая предусматривала курс на вооруженное восстание. Эта тактическая линия объединяла Фан Бой Тяу с Сунь Ят-сеном и явилась главной причиной своеобразного «иммунитета» у вьетнамцев против чисто реформаторских методов борьбы, предложенных Лян Ци-чао.

Революционная практика толкала сторонников Фан Бой Тяу к сотрудничеству с «Союзной лигой». Они на собственном опыте познали всю иллюзорность надежд на добрую волю Цинов, о которой говорил им Лян Ци-чао [20]. Сама монархия, ее слуги и освободительное движение в стране постепенно разрушали их монархические иллюзии.

Живя в Токио, вьетнамские революционеры уже с осени 1905 г. были связаны не только с Лян Ци-чао, но и с руководителями «Союзной лиги» — Хуан Сином, Чэнь Ци-мэем и др. [21].

Тесными были отношения Фан Бой Тяу с южнокитайскими революционерами (выходцами из провинций Юньнань, Гуйчжоу, Гуандун), которые выделялись среди других эмигрантов своими антиимпериалистическими, особенно антифранцузскими, настроениями. Последнее обстоятельство сближало их с вьетнамскими революционерами. Журнал «Юньнань» (орган юньнаньцев) по своей антииностранной направленности был, пожалуй, первым китайским изданием подобного рода. На страницах этого журнала часто публиковались материалы о прошлом и настоящем Вьетнама. Сочувствуя и горячо симпатизируя вьетнамскому на-

---

[19] Там же.

[20] В 1905 г., находясь в Сянгане, Фан Бой Тяу получил от одного китайца, члена «Общества возрождения Китая», рекомендательное письмо к губернатору провинции Гуанси, в котором содержалась просьба оказать посильную помощь вьетнамским революционерам. Письмо осталось без ответа. Подобное же разочарование постигло Фан Бой Тяу и осенью 1905 г., когда его друг — китайский революционер из провинции Юньнань — направил письмо с аналогичной просьбой крупному цинскому чиновнику, служившему на границе. Но чиновник ответил оскорбительным отказом. После этого вьетнамские революционеры пришли к выводу, что сущность Цинов и Нгюенов одинакова.

[21] Китайские революционеры помогли устроить четырех вьетнамских эмигрантов (в том числе и принца Кыонг Ле — формального главу общества «Зюи-тан») в военную школу в Токио, которая готовила командирские кадры для революционных отрядов. Редакторы «Минь бао» Чжан Бинь-линь и Чжан Цзи в тяжелую для вьетнамских эмигрантов осень 1905 г., когда у них кончились деньги, приняли несколько человек на работу в редакцию журнала. Тесными были отношения Фан Бой Тяу с южнокитайскими революционерами, с которыми он познакомился через Лян Ци-чао (цель этого знакомства заключалась в том, чтобы совместными усилиями начать диверсии на Юньнаньской железной дороге, о чем сам Лян Ци-чао, конечно, не догадывался). Фан Бой Тяу помещал свои статьи, в том числе и «Историю потери независимости Вьетнама», в органе юньнаньских революционеров журнале «Юньнань». «Cách mạng cận đại Việt-Nam» («Материалы по истории вьетнамской революции в новое время»). Tập III. Hà-nội. 1955, tr. 23.

роду, юньнаньцы призывали его к совместной борьбе против общего врага — французского империализма.

Так, видимо, в 1906 г. юньнаньские студенты, обучавшиеся в Ханое, написали политический памфлет «Остерегайся, Юньнань!» [22]. В нем студенты-китайцы, дав детальное описание истории агрессивных действий французских правящих кругов на Дальнем Востоке, призывали народ к антиимпериалистической борьбе. О Вьетнаме в памфлете говорилось: «Всего двадцать с небольшим лет прошло со времени потери независимости Вьетнамом, а население страны уменьшилось наполовину. А если сравнивать отношение французов к вьетнамцам 20 лет назад и теперь, то оно стало куда хуже; с начала захвата люди не покорились, и можно думать, что сердца людей ожесточатся и тогда произойдут перемены» [23].

С Сунь Ят-сеном Фан Бой Тяу встретился в период самой ожесточенной борьбы между либералами и революционерами — осенью 1905 года. Они виделись дважды в Иокогаме и каждый раз беседовали по 2—3 часа. Фан Бой Тяу с радостью узнал, что Сунь Ят-сен знаком с его «Историей потери независимости Вьетнама». Сунь Ят-сену было известно также, что взгляды его собеседника не выходят за рамки конституционно-монархических идей [24]. Фан Бой Тяу, соглашаясь с Сунь Ят-сеном, уже в то время признавал, что республиканский строй справедливее, чем конституционная монархия, но считал для Вьетнама преждевременным бороться за республику.

Фан Бой Тяу так писал по этому поводу: «У меня не было представления о сущности китайской революционной партии. Сунь также не представлял себе истинного лица вьетнамской революционной партии. Поэтому обе стороны не сошлись в основных вопросах» [25].

При обсуждении практического плана действий обнаружились разногласия между Сунь Ят-сеном и Фан Бой Тяу. Первый предлагал, чтобы члены общества «Зюи-тан» приняли непосредственное участие в работе «Союзной лиги», и обещал поддержку вьетнамскому освободительному движению после того, как будет одержана победа китайской революции.

Фан Бой Тяу в противовес этому плану выдвинул свой: «Союзная лига» превращает Северный Вьетнам в свою базу и вторгается в провинции Гуандун и Гуанси, начиная отсюда освобождение всего Китая. Обе революционные организации («Союзная лига» и общество «Зюи-тан») действуют совместно, на равных правах. Но Сунь Ят-сен не мог в то время принять этот смелый и решительный план.

Несмотря на установление контактов между китайскими и вьетнамскими революционерами в 1905—1906 гг., союз обеих революционных групп в тот период не был осуществлен. Этому в основном помешали еще не изжитые монархические иллюзии Фан Бой Тяу. Следует также отметить, что в программе Сунь Ят-сена в то время антиимпериалистические требования не занимали важного места, а для Фан Бой Тяу империалисты — французские колонизаторы — были главными врагами.

Однако активизация действий китайских революционеров в 1906—1907 гг., осуществление ими на практике многих принципов своей тактики (вооруженные восстания, солдатские мятежи) оказали значительное влияние на тактические и политические положения программы вьетнамских революционеров.

Идейное воздействие членов «Союзной лиги» на вьетнамцев особенно усилилось после того, как Сунь Ят-сен, вынужденный по требованию япон-

[22] Этот интересный документ датируется лишь косвенно. Судя по тому, что в нем упоминается «Юньнаньский дневник» француза Кюртельмана, начало которого было помещено в журнале «Юньнань» в декабре 1906 г., памфлет также может быть отнесен к этому году. «Юньнань Гуйчжоу Синьхай гэмин цзыляо» («Материалы о Синьхайской революции в провинциях Юньнань и Гуйчжоу»). Пекин. 1959, стр. 3.

[23] Там же, стр. 8.

[24] Фан Бой Тяу. Указ. соч., стр. 77.

[25] Там же, стр. 62.

ского правительства покинуть эту страну, развернул революционную работу на территории Индокитая.

Высылка из Японии не была неожиданностью для Сунь Ят-сена. Предвидя осложнение отношений с японским правительством, Сунь Ят-сен и другие китайские революционеры готовились к тому, чтобы перенести центр своей организации в другую страну. Их выбор пал на Вьетнам не случайно.

Общая китайско-вьетнамская граница открывала широкие возможности для проникновения на территорию Китая не только отдельных агитаторов «Союзной лиги», но и вооруженных отрядов. Для китайских революционеров исключительную важность представляло и то обстоятельство, что, перенося свою деятельность во Вьетнам, они оказывались в стране, народ которой сочувствовал и симпатизировал освободительному движению китайцев. Во Вьетнаме давно жили сотни тысяч китайских эмигрантов, которых деятели «Союзной лиги» рассматривали как потенциальную силу в будущих революционных боях.

Наконец, некоторую роль сыграла позиция правительства Франции и высших колониальных чиновников в Индокитае, которые несколько раз прозрачно намекали Сунь Ят-сену, что не будут возражать против его антицинской деятельности на территории колонии, и обещали ему помощь [25]. Французские правящие круги преследовали определенную цель: в случае успеха республиканского движения в Китае заранее оговорить свои преимущественные права, а если удастся, «прирезать» к своим владениям и южные провинции этой обширной страны. Следует отметить, что Сунь Ят-сен, принимая такое предложение, не сомневался в подлинных намерениях французских властей, как, впрочем, и империалистов других стран. И тем не менее он ошибочно полагал, что, умело используя противоречия между отдельными капиталистическими державами, столкновение их интересов в Китае, можно принимать помощь империалистов, не нанося ущерба будущей Китайской республике.

С переброской штаб-квартиры «Союзной лиги» в Ханой Сунь Ят-сен начал оттуда руководить деятельностью своих сторонников и в остальных частях Вьетнама (отделение партии находилось и в Сайгоне), а также в самом Китае. Вьетнамские революционеры стали непосредственными свидетелями подготовки и осуществления героических восстаний и вооруженных рейдов, организованных «Союзной лигой».

1906—1908 гг. явились периодом подъема освободительного движения во Вьетнаме, высшей точкой которого были крестьянские восстания весной и летом 1908 года.

В этот период особенно активизируется национально-освободительная борьба во Вьетнаме. Крестьянство роптало, находясь под гнетом налогов и государственной барщины. Даже среди старой интеллигенции росло своеобразное движение пассивного протеста, поддерживаемое группами

---

[26] Фэн Цзы-ю. Указ. соч., стр. 107—108; L. Sharman. Sun Yat-sen, his Life and its Meaning. New York. 1934, p. 75.

Установление связей между Сунь Ят-сеном и французскими официальными лицами относится к 1903 г., когда китайский революционер прибыл в Ханой по приглашению генерал-губернатора Индокитая П. Думера. Уже тогда Сунь Ят-сен вступил в контакт с представителями французской администрации. В 1905 г. Сунь Ят-сен, совершая кругосветное путешествие, посетил Францию, где встретился с П. Думером и познакомился со многими членами правительства и генерального штаба. В 1906 г. генштаб французской армии направил в распоряжение Сунь Ят-сена группу офицеров. Китайский революционер много лет спустя отразил этот эпизод в своих воспоминаниях: «...Ко мне пришел французский офицер Буцзяпай (французское написание фамилии, по-видимому, Воусораіх.— *Л. К.*) с целью переговоров по приказу своего военного министра. Он заявил, что его правительство готово оказать поддержку делу китайской революции, и спросил меня о размерах революционных сил». «Цзунли цюаньцзи» («Собрание произведений Сунь Ят-сена»). Т. I, Чунцин. 1943, стр. 273.

вьетнамских торговцев и помещиков в Нам-бо (Южный Вьетнам). Этот протест выражался в том, что они покидали страну [27].

В 1906 г. «Союзная лига» развернула активную работу в Индокитае. В декабре того же года Фан Бой Тяу тайно вернулся во Вьетнам. Он рассчитывал использовать благоприятную обстановку, сложившуюся в стране в связи с ростом недовольства народных масс и присутствием китайских революционеров, и организовать вооруженное восстание.

Как только ситуация в стране изменилась, колонизаторы предприняли ряд мер, чтобы ограничить, а затем пресечь деятельность «Союзной лиги».

Вот почему французские власти по первому требованию маньчжурского правительства так поспешно отозвали своих офицеров, командированных в распоряжение Сунь Ят-сена. Именно тогда они провели некоторые мероприятия с целью ограничения прав китайского населения во Вьетнаме и раскола его единства, так как китайские переселенцы в значительном большинстве сочувствовали и помогали Сунь Ят-сену [28]. Во Вьетнаме насчитывалось около 230 тыс. китайцев [29]. Среди них были крестьяне, но в описываемый период преобладала мелкая буржуазия (ремесленники и торговцы). Экономически наиболее влиятельными были группы крупных торговцев и промышленников — выходцев из прибрежных провинций Китая.

Демократически настроенные слои китайских переселенцев издавна принимали активное участие в антифранцузской борьбе вьетнамского народа. Французская колониальная администрация предпринимала неоднократные попытки посеять вражду между китайцами и вьетнамцами, но они не дали результатов. В то время французские власти и провели ряд ограничительных мероприятий [30].

Они стремились внести разброд в движение, отделить от него крупных торговцев. От выборов глав конгрегаций устранялись несостоятельные лица. Например, созданные в Южном Вьетнаме по закону 1906 г. гуанчжоуская и фуцзяньская конгрегации были объединениями крупных торговцев, а три остальные включали лишь крестьян и кули [31].

Такими мерами колонизаторы пытались помешать деятельности Сунь Ят-сена во Вьетнаме, изолировать его от демократической части эмиграции и накрепко связать с верхушкой китайской буржуазии.

Деятельность «Союзной лиги» на территории Индокитая не могла быть продолжительной. И все же этот период сыграл заметную роль в развитии национально-освободительного движения вьетнамского народа, который получил наглядный урок ведения революционной войны, учился на ошибках и успехах китайских революционеров.

В течение 1906—1908 гг. революционеры обеих стран действовали во Вьетнаме в тесном контакте друг с другом. К сожалению, нам известны далеко не все факты такого сотрудничества. Но даже те скупые сведения, которые встречаются в литературе и некоторых документальных источниках, представляют большой интерес.

В 1906 г. глава вьетнамских революционеров Фан Бой Тяу установил

---

[27] «Trân-huy-Liêu. Lich sĭ tàm mươi năm chông Pháp» («История восьмидесятилетней антифранцузской борьбы»). Q. I. Hà-nôi. 1956, tr. 178—179.

[28] L. Sharman. Указ. соч., стр. 105.

[29] Согласно официальным французским переписям, численность китайского населения во Вьетнаме составляла: до франко-китайской войны — 65 тыс., в 1900 г.— 100 тыс., а десятью годами позже — около 232 тыс. (из них половина — в Южном Вьетнаме). Правда, при этом надо учитывать известную текучесть китайского населения. Так, в 1907 г. в Кохинхину прибыло более 30 тыс. китайцев и уехало свыше 20 тысяч. Хотя эти цифры и не вполне точны, но все же они дают некоторое представление о расселении и численности китайцев во Вьетнаме. H. F. Macnair. The Chinese abroad. Shanghai. 1925, p. 49.

[30] Чжоу И-лян. Чжунго юй Ячжоу гэго хэпин юхао лиши (История мирных дружественных связей Китая со странами Азии). Шанхай. 1955, стр. 19—20.

[31] «Les relations entre l'Indo-Chine et la Chine». Paris. 1913, p. 37.

связь с руководителями некоторых партизанских отрядов китайских крестьян, действовавших в районе китайско-вьетнамской границы.

Сунь Ят-сен часто посещал в Ханое собрания и митинги, проводившиеся «Восточной учебой» — легальной организацией, созданной в марте 1907 г. и преследовавшей цели просвещения и образования [32]. Сунь Ят-сен одобрительно отзывался о деятельности этой организации. Однако в беседах с ее руководителями он неоднократно указывал, что просвещение не должно быть самоцелью, его надо подчинить задаче воспитания и подготовки кадров революционеров-демократов.

Самым важным событием этого периода было личное участие вьетнамцев-революционеров в вооруженных выступлениях «Союзной лиги», ставших для них школой практической борьбы. В 1907 г. в восстаний, руководимом Сунь Ят-сеном, на территории провинции Гуанси в районе Чжэннаньгуана принимали участие более 100 вьетнамских добровольцев [33]. Вьетнамцы оценили и восприняли опыт работы с войсками, подготовки мятежей и т. д. Иными словами, вьетнамские революционеры стали участниками и свидетелями того, как на деле проводилась тактическая линия «Союзной лиги».

В Китай вместе с отрядами Сунь Ят-сена уходили и вьетнамские революционеры, в их числе был, например, То Тхьеу Ляу, один из близких помощников Фан Бой Тяу. Во время вооруженного рейда на территории провинции Юньнань и наступления на Хэкоу «Союзная лига» также пользовалась непосредственной поддержкой вьетнамцев [34].

Летом 1908 г. колониальные власти предложили Сунь Ят-сену покинуть Индокитай. Начались репрессии против китайских революционеров. Сунь Ят-сен уехал в Сингапур, туда же были высланы 600 китайцев — бойцы отряда, отступившего во Вьетнам после удачного рейда по провинции Юньнань [35]. Заигрывание французских властей с китайскими революционерами окончилось, как только первые увидели, что население колонии не осталось безучастным к судьбам освободительного движения китайского народа, что деятельность «Союзной лиги» во Вьетнаме революционизировала передовых вьетнамцев, активизировала их борьбу против собственных угнетателей — французских империалистов.

Влияние «Союзной лиги» сильнее всего сказалось на работе общества «Зюи-тан», на взглядах его руководителей.

Если до 1906 г. Фан Бой Тяу искал сторонников вооруженной борьбы среди чиновничества, из представителей которого в основном и состояло его общество, то позже он начинает распространять свое влияние на мелкобуржуазную интеллигенцию, на более широкие слои. На это обстоятельство указывает в своей работе Тон Куан Фиет: «Фан Бой Тяу опирался на

---

[32] «Жэньминь жибао», 12 ноября 1956 года. Свидетельством того, насколько Сунь Ят-сен был осведомлен о положении во Вьетнаме, могут служить следующие его слова: «Французы с каждым годом все увеличивают тяжелое налоговое бремя вьетнамцев, попирают их законы, хватают людей и ведут их на расправу, бросают их за тюремные решетки, откуда не возвращаются живыми. В районе Бак-бо, в плодородном Аннаме они принялись за подъем целины. С того времени как французы управляют Вьетнамом, население обложено растущими из года в год тяжелыми налогами... собранных урожаев не хватает для их уплаты... и земледельцы вынуждены покидать свои поля, уходить в города в поисках какой-нибудь работы, чтобы прокормить себя.

В Бак-бо тысячи ли пустых земель, а вьетнамцы терпят голод.., смерть преследует их по пятам, а те, кому посчастливится продлить свою жизнь, уже не найдут в ней радостей. Французы всячески приглашают своих соотечественников селиться на целинных землях, предоставляя им льготы — освобождение от налогов. На самом деле так называемая целина — это ранее распаханные земли, которые превратились в заброшенные, так как люди, задавленные тяжелыми налогами, покинули их». («Цзунли цюаньцзи». Т. 2. Чунцин. 1943, стр. 121—122).

[33] Чэнь Сю-хэ. Чжун Юэ лянго жэньминьды юхао гуаньси хэ вэньхуа цзяолю (Дружественные связи и культурный обмен между китайскими и вьетнамскими народами). Пекин. 1957, стр. 21.

[34] Там же.

[35] L. Sharman. Указ. соч., стр. 108.

феодальные силы, то есть на силы класса, который терял свои позиции, и вместе с тем опирался на силы мелкой буржуазии и буржуазии, то есть те силы, которые еще не сформировались как класс, но выступали против старого... Только учитывая это, можно... правильно оценить место Фан Бой Тяу в истории революционного движения во Вьетнаме» [36].

Под непосредственным влиянием «Союзной лиги» вьетнамские революционеры стремились увеличить число своих единомышленников, агитируя среди учащихся, студентов, солдат, государственных служащих. Несомненно, новые социальные силы, принимая участие в деятельности общества «Зюи-тан», оказывали на него известное влияние. Так, от просветительской работы оно начало переходить к революционным методам борьбы. В 1906—1907 гг. члены общества приступили к систематической пропаганде. Этой цели служили печатные издания общества, в частности множество листовок [37]. В отличие от прежних в новых листовках говорилось не только о гибели старой монархии, но и о страданиях народа, находившегося под гнетом налогов и барщины, под игом колонизаторов [38].

В 1907 г. в Центральном Вьетнаме началось восстание крестьянских масс, в ходе которого крестьяне впервые потребовали снижения налогов [39]. Члены общества «Зюи-тан» пытались приурочить к началу этого восстания другое — в провинции Ха-тинь, но, как и многие другие выступления, оно было подавлено. Более тысячи человек — убито. В ответ на выступления крестьянства колониальные власти начали жесточайший террор. Всех, у кого находили китайские или иные запрещенные газеты, преследовали [40]. Тем не менее под воздействием китайских революционеров сторонники Фан Бой Тяу из «Восточной учебы» подготавливали диверсию против французского гарнизона в Ханое. Сразу вслед за этим актом планировалось восстание солдат.

Это выступление солдат в 1908 г., безусловно, имеет много общего в отношении своей организации с восстаниями, поднятыми «Союзной лигой» в Китае.

Под влиянием Лиги деятельность общества «Зюи-тан» обогатилась новым, революционным содержанием, оно стало сочетать легальные и тайные методы борьбы за национальную независимость. Значительным было воздействие китайских революционеров на политические взгляды вьетнамцев, в частности на Фан Бой Тяу. В 1907 г. он писал о своих настроениях: «Я много раз обменивался мнениями с членами китайской революционной партии и все больше проникался демократическими идеями. Хотя старый план (конституционно-монархический.— *Л. К.)* еще сковывал мозг, хотя разум еще слабо противился ему, но в сердце с этой поры начались изменения» [41]. Вьетнамский революционер понял тогда, что император Ты Дык — предатель и душитель народного освободительного движения.

Определяя воззрения Фан Бой Тяу этого периода как одну из разновидностей социальной утопии на Востоке, мы должны помнить о том, что В. И. Ленин учил проводить резкую грань между утопиями либеральными и утопиями народническими и рассматривал последние как спутник, симптом, отчасти даже выразитель демократического подъема масс [42].

Ответ на вопрос о том, почему у Фан Бой Тяу и его сподвижников сравнительно долго сохранялась утопическая вера в конституционную

---

[36] Tôn Quang Phiệt. Phan Bôi Châu và Phan Chu Trinh (Фан Бой Тяу и Фан Тю Чинь). Hà-noi. 1956, tr. 58—59.

[37] Чан Хюи Льеу. Указ. соч., стр. 73; Чэнь Хуай-нань. Указ. соч., стр. 7.

[38] Чан Хюи Льеу. Указ. соч., стр. 134.

[39] Чан Зан Тиен. Рассказы о жизни и деятельности президента Хо Ши Мина. М. 1958, стр. 18.

[40] Там же, стр. 19.

[41] Фан Бой Тяу. Указ соч., стр. 57.

[42] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 328.

монархию нам помогает найти ленинское положение о том, что чем меньше свободы в стране, чем сильнее классовый и колониальный гнет, чем ниже уровень сознательности масс, тем легче возникают политические утопии и тем дольше они держатся [43].

Мы далеки от мысли объяснять все важные сдвиги в политических воззрениях вьетнамских революционеров исключительно ростом влияния китайских демократов и дискредитацией группы Лян Ци-чао — приверженцев конституционной монархии. Решающее значение в этой эволюции имели изменения внутри страны. В 1907 г. французы совершили во Вьетнаме дворцовый «переворот», на престоле оказался император-ребенок. Последняя видимость королевской власти исчезла.

В эти годы во Вьетнаме развилось также буржуазно-реформаторское направление, возглавляемое Фан Тю Чином. Будучи честным патриотом, он проповедовал идеи установления конституционного строя с помощью Франции. Вьетнамский историк Тон Куан Фиет пишет по этому поводу: «Политические идеалы Фан Тю Чиня не выходили за рамки конституционной монархии типа Японии..., средства же для достижения подобного строя он видел в деятельности французов, не понимая, что деятельность колонизаторов не может сопровождаться насаждением культуры и проведением реформ» [44]. Движение, возглавляемое Фан Тю Чинем, отражало недовольство определенных слоев интеллигенции и чиновничества мероприятиями французской администрации [45].

Во взаимоотношениях Фан Бой Тяу с Фан Тю Чинем отразилось различие двух направлений общественного движения во Вьетнаме — революционного и реформаторского. Фан Бой Тяу стоял за свержение французского господства, а Фан Тю Чинь призывал лишь к пропаганде за расширение прав народа. «Когда народ проснется к борьбе за свои права, тогда постепенно можно будет заняться другими делами»,— говорил Фан Тю Чинь [46]. Его сподвижники стояли в стороне от развернувшегося в стране национально-освободительного движения. Их неспособность и нежелание осуществлять какие-либо решительные действия против колонизаторов проявились особенно отчетливо в момент крестьянского восстания 1908 г. в Куанг-наме, на родине Фан Тю Чиня. Тон Куан Фиет писал, что в эти дни Фан Тю Чинь «не только не использовал могучие силы крестьянства, но всячески старался убедить французского губернатора в своей преданности колонизаторам» [47].

Различие между двумя направлениями отчетливо сказывалось и в методах борьбы. Фан Тю Чинь ограничивался лишь просветительской деятельностью. В противоположность этому Фан Бой Тяу сочетал в своей революционной практике как легальные просветительские методы, так и революционные активные действия.

Переломным моментом в революционном сотрудничестве китайцев и вьетнамцев явились 1907—1908 годы. В это время возникли первые революционные многонациональные по своему составу организации. Их создание было подготовлено активной деятельностью токийских эмигрантов в предшествовавший период. Подобные качественные изменения в национально-освободительном движении на Востоке могли произойти лишь в обстановке общего подъема борьбы народов Азии под влиянием первой русской революции. Это были объективные причины сближения азиатских революционеров. Частным фактором, содействовавшим тесному содружеству китайцев и вьетнамцев, было подписание японо-французского соглашения в 1907 г. о взаимной гарантии существовавших колониальных владений Японии и Франции в Азии. Этот акт империалистов окончатель-

---

[43] См. там же, стр. 326.
[44] Тон Куан Фиет. Указ. соч., стр. 101—102.
[45] Там же, стр. 114.
[46] См. Фан Бой Тяу. Указ. соч., стр. 83.
[47] Тон Куан Фиет. Указ. соч., стр. 115.

но подорвал веру Фан Бой Тяу в японскую конституционную монархию. Вьетнамский революционер писал: «Я ясно понял, что далее нельзя рассчитывать на Японию, и переориентировался на китайскую революционную партию и на нации, пограничные с нашей страной» [48].

Подъем национально-освободительного движения в странах Азии в 1905—1908 гг. способствовал упрочению международных связей. Революционеры — представители разных национальностей — все больше понимали необходимость объединения друг с другом. Центром, вокруг которого сплачивались и японские, и индийские, и филиппинские, и вьетнамские революционеры, являлась «Союзная лига». С помощью Хуан Сина, Чжан Бинь-линя — видных деятелей «Союзной лиги» — Фан Бой Тяу организовал «союз» (по характеру своему напоминавший землячества) вьетнамских, гуансийских и юньнаньских эмигрантов, который имел общую казну. Это позволило ему начать печатание прокламаций под названием «Письма из-за границы» и «Призывы к единомышленникам». «Донг там» (вьетнамское название прокламаций) через Сянган переправлялись во Вьетнам. За три месяца их было издано более трех тысяч экземпляров на вьетнамском и китайском языках. Вскоре японские власти запретили китайско-вьетнамский «союз».

После отъезда Сунь Ят-сена из Токио его соратники Чжан Бинь-линь, Чжан Цзи продолжали поддерживать тесный контакт с японскими социалистами, вьетнамцами и деятелями освободительного движения из других стран.

В 1907 г. в Токио было создано «Азиатское общество мира и дружбы» («Асиа васин кай»), которое имело свои печатные издания на китайском и английском языках. На собраниях общества бывало по нескольку десятков человек, в том числе и вьетнамцы. Общество было многонациональным [49]. Но вскоре и оно прекратило свое существование. В октябре 1908 г. под руководством Фан Бой Тяу возникло новое интернациональное объединение — «Лига Восточной Азии». Это была попытка Фан Бой Тяу спасти общество «Зюи-тан».

Почти сразу же после заключения франко-японского соглашения японское правительство нанесло удар вьетнамскому освободительному движению. В течение первой половины 1908 г. с островов были изгнаны члены общества «Зюи-тан».

В этот период у Фан Бой Тяу под влиянием японского социалиста, по-видимому, Котоку Сюсуй, возникла мысль о всемирной революции. Конечно, она была далека от пролетарского понимания мировой социалистической революции.

После 1908 г. и вплоть до 1910 г. в результате вмешательства империалистических стран и цинского Китая связи вьетнамских и китайских революционеров — борцов за национальную независимость — несколько ослабли. Фан Бой Тяу провел эти годы в Таиланде, где он не прекращал политической деятельности среди вьетнамских и китайских эмигрантов, поддерживал отношения с местным отделением «Союзной лиги», но с ее руководителями уже не встречался.

Революционные связи китайского и вьетнамского народов оживились в 1911 г., когда произошла Синьхайская революция в Китае.

В декабре 1911 г. Фан Бой Тяу приехал в Гуандун. Сюда одновременно с ним приехали революционеры из Вьетнама, Таиланда и Китая. На собрании вьетнамцев выступил прибывший из Ханоя Нгуен Чунг Тхюэт, который сказал: «Успех китайской революции чрезвычайно воодушевил наш народ. Если сейчас будет помощь извне, то нечего опа-

---

[48] Фан Бой Тяу. Указ. соч., стр. 129—130.

[49] M. B. Jansen. Указ. соч., стр. 118. Подробнее о деятельности этих организаций см. Л. С. Кюзаджян. Влияние русской революции 1905—1907 годов на китайских революционеров-демократов («Вестник истории мировой культуры», 1959, № 6).

саться за поражение внутри страны» [50]. Это заявление отражало тогдашние настроения вьетнамцев. Вскоре Фан Бой Тяу разработал план действий, который предусматривал пересмотр программы общества «Зюи-тан», посылку во Вьетнам революционеров, установление тесного контакта с китайскими революционерами, «создание совместной организации, способной помочь вооружением и продовольствием» вьетнамским повстанцам [51].

В феврале 1912 г. на съезде общества «Зюи-тан» Фан Бой Тяу предложил заменить требование конституционной монархии лозунгом республики.

Большинство участников съезда поддержало это предложение; программа и название общества были изменены (оно стало называться «Вьет-нам куан-фук хой» — «Общество возрождения Вьетнама»). Таковы первые признаки влияния Синьхайской революции на вьетнамское освободительное движение [52].

После съезда встал вопрос о конкретных связях революционных деятелей Вьетнама и Китая. Слабость революционных сил во Вьетнаме, неподготовленность к «вооруженной революции» (выражение Фан Бой Тяу) заставили вьетнамцев активно искать новых связей с китайскими революционерами.

Люди, близко знавшие вьетнамцев и по токийской эмиграции и по работе в Китае и Вьетнаме, теперь занимали ответственные посты в республиканских органах власти. Среди них были Хуан Син, Ху Хань-минь, Чэнь Ци-мэй, генерал Чэнь Цзюнь-минь, Чжан Бинь-линь и многие другие.

Фан Бой Тяу рассчитывал, что Китайская республика окажет военную помощь вьетнамскому народу. Но в лагере китайских республиканцев в начале 1912 г. произошло размежевание, за которым последовало ожесточенное наступление контрреволюции. Левое крыло «Союзной лиги» оказалось в меньшинстве и вынуждено было пойти на уступки. Развивавшееся в стране аграрное движение толкало недавних буржуазных республиканцев вправо, и большинство китайцев — бывших друзей вьетнамцев — теперь примыкало к правому крылу.

Подобные обстоятельства препятствовали осуществлению плана Фан Бой Тяу. Он убедился в этом, прибыв в Наньцзин в последние дни февраля. Правительство Сунь Ят-сена уступило власть реакционеру Юань Ши-каю, надеясь такой ценой сохранить национальное единство перед угрозой империалистического вторжения. В этой обстановке Сунь Ят-сен не мог уделить достаточно внимания вьетнамским революционерам. Наиболее важными были встречи Фан Бой Тяу с Хуан Сином. Однако последний призывал вьетнамских революционеров ждать благоприятного момента и готовить силы для революции, считая, что республиканский Китай не располагает возможностями для оказания непосредственной помощи Вьетнаму [53]. Вьетнамцам все же была оказана поддержка в подготовке военных кадров. Вьетнамские революционеры зачислялись в военные училища — офицерское (7 человек), интендантское (2 человека) в Пекине, в Гуандунскую и Гуансийскую военные школы. Правда, и до революции 1911 г. многие члены общества «Зюи-тан» окончили военные училища в Пекине и в южных провинциях (например, Лыонг Лап Нян, Нгюен Тхык Дыонг и др.). Во время учебы они не порывали связей с китайскими революционерами, особенно в южных провинциях, где действовали члены общества Данг Ты Ман, Нгюен Кюин

---

[50] Фан Бой Тяу. Указ. соч., стр. 153.
[51] Там же, стр. 153—154.
[52] Чэнь Хуай-нань. Указ. соч., стр. 7.
[53] См. Фан Бой Тяу. Указ. соч., стр. 158.

Лам. Вместе с китайскими солдатами они участвовали в боях против маньчжурской армии во время революции в 1911 году [54].

Эти кадры и составили командный костяк Армии возрождения, созданной обществом после 1912 года. Полученный вьетнамцами опыт революционных боев 1911 г. помог им подготовить пособие по тактике Армии возрождения, а позднее использовать этот опыт в операциях по уничтожению французских постов в районе вьетнамо-китайской границы, проведенных во время первой мировой войны [55]. Кроме помощи такого рода, вьетнамцы получали большие денежные суммы от представителей новой власти в Китае и даже от отдельных лиц [56].

Если вьетнамским революционерам не удалось добиться широкой поддержки правого крыла «Союзной лиги», то в Южном Китае сложился крепкий союз вьетнамских и китайских революционеров. Это объясняется как географической близостью провинций Гуандун и Гуанси к Вьетнаму, так и задачами борьбы против общего врага — французского империализма, позиции которого были сильны именно в этих районах Китая.

К лету 1912 г. в Гуандуне насчитывалось более 100 вьетнамских революционеров, тесно связанных с китайцами. Последние раньше бывали во Вьетнаме, совершая оттуда вооруженные нападения на цинские войска. Хо Тунг Мау с помощью гуандунских революционеров занимался выпуском денежных сертификатов «Общества возрождения Вьетнама», их печатанием и распространением. Вьетнамским революционерам оказывалась финансовая поддержка.

Гуандунские революционеры предложили Фан Бой Тяу создать вьетнамо-китайское пропагандистское революционное общество. Фан Бой Тяу разработал программу этого общества. Так появилась совместная китайско-вьетнамская организация, названная «Обновление Китая — путь к процветанию Азии». В основе ее «Манифеста» было положение о том, что победа революции в Китае превратила его в центр освободительного движения на азиатском континенте. В этой преамбуле совершенно явственно видна переоценка роли и значения революции 1911 года. Так как «Манифест» составлялся вьетнамскими и южнокитайскими революционерами, то, естественно, главным врагом обоих народов называлась Франция, как основная сила, противостоявшая освободительному движению. В констатационной части «Манифеста», где анализировалось международное положение, революционное движение, нараставшее в России и Германии, оценивалось как объективная поддержка освободительной борьбы вьетнамского народа [57]. Восстановление независимости Вьетнама в «Манифесте» намечалось осуществить в результате прихода китайских революционных войск, приуроченного к восстанию вьетнамских солдат.

Из этого видно, что вьетнамские революционеры в то время представляли освобождение своей родины только лишь с помощью революционного Китая. Но «Манифест» выходил за рамки сотрудничества двух стран. Он предусматривал поддержку Китаем не только Вьетнама, но и других стран — Индии, Бирмы, а затем — Кореи.

«Манифест» широко распространялся среди населения. Гуандунские газеты, издатели которых хорошо знали Фан Бой Тяу, пропагандировали положения «Манифеста».

В июле 1912 г. открылся первый съезд этой довольно пестрой по своему классовому составу китайско-вьетнамской организации. «Большинство участников его составляли рабочие торговых предприятий, уча-

---

[54] Там же, стр. 117—118

[55] Чэнь Хуай-нань. Указ. соч., стр. 8.

[56] «Cách mang cân dai Viêt-nam». Tap. III. Hà-nôi. 1955, tr. 80.

[57] Фан Бой Тяу. Указ. соч., стр. 165.

щиеся; были также люди широко известные по всему Китаю, генералы и прочие» [58]. На съезде председателем общества избрали китайца, заместителем — Фан Бой Тяу. Основные посты поделили между китайцами и вьетнамцами поровну.

Не ограничиваясь созданием совместной организации, вьетнамцы предложили ввести в состав «Общества возрождения Вьетнама» революционеров южнокитайских провинций. Один из них стал заместителем Фан Бой Тяу, а другие заняли посты министров или их заместителей во Временном правительстве, созданном обществом в расчете на победу революции.

Фактически реорганизованное и ставшее теперь вьетнамо-китайским, «Общество возрождения Вьетнама» перешло с осени 1912 г. к активным вооруженным действиям в самом Вьетнаме. Но ряд обстоятельств делал эту организацию непрочной. В первую очередь в это время не было революционного подъема в стране: народное движение было ослаблено репрессиями французских властей.

Поражение революционеров в Китае и укрепление позиций Юань Ши-кая сказались на положении общества. Террористические акты против колонизаторов во Вьетнаме не вызвали ожидавшегося подъема движения; деньги, выпускавшиеся обществом, стали постепенно терять цену, гуандунские торговцы отказывались брать их [59]. Поражение так называемой «второй революции» в Китае вызвало усиление реакции; Юань Шикай назначил на пост губернатора провинции Гуандун Ло Цзэ-гуана, который запретил деятельность общества на территории провинции; не довольствуясь этим, он по представлению Сарро, генерал-губернатора Индокитая, арестовал Фан Бой Тяу и Май Лао Банга.

После этого оба вьетнамо-китайских общества распались; существование их было очень непродолжительным — менее года.

Таковы некоторые основные моменты истории совместной революционной борьбы двух дружественных народов в эпоху пробуждения Азии.

Временное поражение революционного движения обескуражило буржуазных революционеров; началось усиление правых и либерально-соглашательских элементов в национальных партиях и организациях.

При оценке дооктябрьского этапа совместной борьбы китайских и вьетнамских революционеров, которая закончилась поражением, для нас главный интерес представляют формы борьбы и идейные течения, характеризующие период «пробуждения Азии». Замечательным явлением этой эпохи было вовлечение в освободительную борьбу многомиллионных масс трудящихся Востока. «... Никакие силы в мире,— писал В. И. Ленин в 1913 г.,— не восстановят старого крепостничества в Азии, не сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах» [60].

Говоря о крупных недостатках Сунь Ят-сена, В. И. Ленин в то же время высоко оценивал деятельность суньятсеновской партии в Китае, отмечая, что она сделала многое для пробуждения народа. «Втягивая в движение и в политику все более широкие массы китайского крестьянства, эта партия Сунь Ят-сена становится тем самым (и в той самой мере, в какой происходит это втягивание) великим фактором прогресса Азии и прогресса человечества. Работа этой партии не пропадет никогда, каковы бы ни были возможные поражения ее политическими проходимцами, авантюристами и диктаторами, опирающимися на реакционные силы страны» [61].

---

[58] Там же, стр. 167.
[59] Там же, стр. 174.
[60] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 546.
[61] «Коммунист», 1960, № 6, стр. 11—12.

Было бы, однако, неправильно представлять путь, пройденный вьетнамскими революционерами, как простой переход от сотрудничества с китайскими буржуазно-помещичьими либералами типа Лян Ци-чао к союзу со сторонниками Сунь Ят-сена. Этот переход оказался чрезвычайно сложным; вплоть до 1911 г. вьетнамские революционеры не отказывались от лозунга конституционной монархии, хотя практически они давно уже порвали отношения с китайскими монархистами и сотрудничали с республиканцами. Эта сложная эволюция политических и тактических взглядов ярче всего сказалась у самого Фан Бой Тяу. Его превращение из феодального бунтаря в мелкобуржуазного демократа было обусловлено в первую очередь развитием борьбы вьетнамского и китайского народов. Рост капиталистических отношений в стране, появление мелкобуржуазной интеллигенции, отрицавшей монархический строй, неудачи монархических восстаний — вот что вызывало развитие взглядов вьетнамских революционеров. Но и до этого, несмотря на самое тесное общение с китайскими либералами, Фан Бой Тяу и его единомышленники оставались революционерами. Это доказывает самостоятельность их взглядов и опровергает версию некоторых буржуазных французских авторов о том, что вьетнамцы якобы были всего лишь плохими подражателями китайских образцов.

Следует отметить, что одновременно с деятельностью Фан Бой Тяу во Вьетнаме подвизались буржуазные реформаторы во главе с Фан Тю Чинем, которые надеялись осуществить демократизацию страны с помощью французских колонизаторов. Не случайно сейчас в Южном Вьетнаме так поднято на щит имя именно Фан Тю Чиня. Идеологи нгодиньдьемовского режима пытаются доказать, что Фан Тю Чинь — это идеал национального героя, который нашел в себе смелость поверить в культуртрегерскую роль колонизаторов.

Для рассмотренного периода национально-освободительного движения характерны были два течения — революционное антифранцузское (Фан Бой Тяу) и реформаторское (Фан Тю Чинь).

Прав Тон Куан Фиет, называя этот период промежуточным в истории борьбы вьетнамского народа [62]. Он начался после подавления движения «кан выонг». В 20-х годах во вьетнамском освободительном движении начался новый этап, связанный с выходом на политическую арену рабочего класса.

Китайское освободительное движение помогло обрести зрелость борьбе вьетнамских революционеров, руководимых Фан Бой Тяу. Революционные связи между китайскими и вьетнамскими революционерами сыграли важную роль в распространении буржуазно-демократических идей во Вьетнаме, которые подготовили почву для развития революционно-демократического движения, возникшего после первой мировой войны под руководством пролетариата.

---

[62] Тон Куан Фиет. Указ. соч., стр. 59.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФРАНЦИИ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОСВЕЩЕНИИ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

И. С. Киссельгоф

После второй мировой войны во Франции появилось большое количество книг буржуазных историков, сборников статей и документов, мемуаров и другой литературы, посвященной истории разгрома Франции в 1940 г., ее оккупации и движению Сопротивления.

Ряд такого рода изданий подготовлен Комитетом по изучению истории второй мировой войны [1]. Так, по инициативе комитета во Франции предпринят выпуск сборников документов и книг по внутренней и внешнеполитической истории Франции периода второй мировой войны [2], которые вошли в серию «Esprit de la Résistance» («Дух Сопротивления»).

Общие исследования истории Сопротивления дополняются работами, посвященными отдельным организациям движения и проблемам политической истории Франции 1939—1945 годов [3]. Опубликованы также стенографические отчеты судебных процессов над предателями Франции — Петэном, Лавалем, де Бринoном, Дарнаном, Люшером и другими коллаборационистами. Вышли в свет три тома военных мемуаров де Голля, мемуары Леона Блюма, Рейно, Бонкура, Боннэ, Сустеля, Бодуэна, генералов Гамелена, Вейгана и других.

Группа историков во главе с Анри Мишелем проделала положительную работу по разоблачению тех, кто пытается пересмотреть оценку вишистов как предателей страны и реабилитировать Петэна, Лаваля и других пособников гитлеровских оккупантов [4]. Однако в освещении других

---

[1] Комитет создан в 1951 году. Его генеральным секретарем является видный французский буржуазный историк Анри Мишель, перу которого принадлежит ряд книг и множество статей по истории Франции в годы войны; он же является главным редактором издаваемого комитетом журнала «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale».

[2] «Les idées politiques et sociales de la Résistance. Documents clandestins (1940—1944)». Paris. 1954; Michel Borwicz. Ecrits des condamnés à mort sous l'occupation allemande (1939—1955). Paris. 1954; André Truchet. L'armistice de 1940 et l'Afrique du Nord. Paris. 1955; Marie Granet et Henri Michel. Combat. Paris. 1957; Général Gaston Schmitt. Les accords secrets franco-britanniques de novembre — décembre 1940. Paris. 1957; Jean Vidalenc. L'Exode de mai — juin 1940. Paris, 1957; René Hostache. Le Conseil National de la Résistance. Paris. 1958; «La France sous l'occupation». Paris. 1959; «Le délégation française auprès de la Commission allemande d'armistice». Tt. I—V. Paris. 1947—1959. О политической направленности этой литературы можно судить уже по тому, что в состав Патронажного комитета (Comité de Patronage), шефствующего над изданием упомянутой серии, входят такие лица, как Жорж Бидо (председатель), генерал Кениг, Тетжен, Морис Шуман, Кристиан Пино, Пароди, Анри Френэ и др., снискавшие себе в послевоенной Франции репутацию крайне правых.

[3] См., например, L. Aubrac. La Résistance, naissance et organisation. Paris. 1945; A. Dansette. Histoire de la libération de Paris. Paris. 1946 (см. рецензию Н. Г. Цырульникова на эту книгу в журнале «Вопросы истории», 1951, № 12); A. Michel. Histoire de la Résistance. Paris. 1950; Paule Farmer. Vichy. Political Dilemma. London. 1956; Alexandre Werth. France 1940—1955. London. 1956; Calmette. La Formation de l'O.C.M. «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», № 35, juillet 1959.

[4] См. Général Gaston Schmitt. Указ. соч.; «La France sous l'occupation».

вопросов для тех же историков характерна односторонность, определяющаяся ограниченностью их мировоззрения и реакционными политическими взглядами. Многие из них не останавливаются перед грубой фальсификацией фактов, намеренным извращением исторической правды.

В данной статье мы остановимся на том общем, что характеризует тенденциозность и фальсификацию истории, присущие в той или иной мере всей французской буржуазной литературе по рассматриваемому вопросу. Эта фальсификация истории Франции проходит по линии отрицания решающей роли народных масс в освобождении страны, искажения деятельности и целей Французской коммунистической партии, неверной оценки событий, связанных с происхождением войны, извращения причин разгрома Франции и, наконец, характеризуется отрицанием влияния Советского Союза и побед его вооруженных сил на развитие движения Сопротивления.

★

Наиболее славной страницей истории Франции периода второй мировой войны являлось народное движение Сопротивления, ведущей силой которого был рабочий класс. Это движение было организовано Французской коммунистической партией, действовавшей в глубоком подполье. Народные массы сыграли решающую роль в освобождении страны, которому благоприятствовала обстановка, сложившаяся в результате разгрома гитлеровских армий на советско-германском фронте.

Между тем для реакционной французской буржуазной историографии характерно отрицание или большей частью замалчивание роли народных масс Франции в период второй мировой войны. Говоря о движении Сопротивления, реакционные буржуазные историки меньше всего подразумевают при этом движение народных масс. Самый термин «сопротивление» они распространяют только на движение, организованное генералом де Голлем, так называемое «внешнее Сопротивление», а также на движение небольших групп, объединивших представителей буржуазных и военно-интеллигентских кругов, к которому они сводят все «внутреннее Сопротивление». Народ, борьба рабочих и крестьян, их страдания и чаяния — все это остается, как правило, вне поля зрения буржуазных историков. Начало Сопротивления, по мнению одной части буржуазных историков, было положено не выступлением французских народных масс, а речью де Голля по радио в Лондоне 18 июня 1940 года [5]. Другие, например, Р. Осташ [6], возникновение движения Сопротивления связывают с деятельностью небольших групп, оторванных от народа. Движение, по мнению Р. Осташа, возникало якобы стихийно, в нем участвовали лишь отдельные энтузиасты, которые начали создавать небольшие группы Сопротивления, позже объединившиеся в Национальном совете Сопротивления. Эти группы распространяли листовки и газеты, где писали о грабительской политике оккупантов, знакомили население с речами Рузвельта и Черчилля, с деятельностью движения генерала де Голля, призывали ждать от победы союзников «глубоких изменений в экономической жизни и в социальном отношении» [7]. Постепенно, пишет Р. Осташ, движение де Голля и движение Сопротивления стали синонимами. Без связи с де Голлем, утверждает Р. Осташ, Сопротивление было бы лишь умственным, интеллектуальным движением [8]. Такова примерная схема развития движения Сопротивления, которую дают Р. Осташ и многие другие французские буржуазные историки.

---

[5] H. Michel. Histoire de la Résistance, p. 7; Marie Granet et Henri Michel. Указ. соч., стр. 25.

[6] R. Hostache. Указ. соч., стр. 6—11; Calmette. Указ. соч.

[7] «Les idées politiques et sociales de la Résistance», pp. 45, 136.

[8] R. Hostache. Указ. соч., стр. 15, 18—19.

Вся героическая борьба рабочего класса Франции, его забастовки, вооруженная борьба народных масс сбрасываются со счетов буржуазной историографией. В ее представлении герои Сопротивления — лишь буржуазные деятели движения де Голля.

Несомненно, что так называемое «внешнее Сопротивление» — движение Свободной, а затем Сражающейся Франции,— организованное генералом де Голлем, сыграло большую роль в освободительной борьбе французского народа (хотя к этому движению примкнул и ряд антидемократических элементов). Эта борьба, в которой участвовали многие представители буржуазных слоев населения, представители интеллигенции, крестьянские массы, при ведущей роли рабочего класса, приняла общенациональный характер. Марсель Сервэн в докладе на пленуме ЦК ФКП в октябре 1958 г. подчеркивал, что именно «благодаря борьбе народа против оккупантов французскому правительству в Лондоне, а затем в Алжире удалось добиться признания в качестве представителя всей нации»[9]. Многие участники движения Сопротивления из буржуазных кругов показали себя подлинными патриотами и отдали свои жизни за освобождение родины. Из 200 тыс. человек, высланных в гитлеровские лагеря смерти, в 1945 г. вернулись всего 38 тысяч. 40—50 тыс., а по некоторым данным, около 100 тыс. французов были расстреляны и погибли под пытками гестаповцев. Вместе с коммунистами, рядом с ними боролось и погибло немало буржуазных радикалов, демократов, социалистов (например, радикал Жан Мулен, социалист Поль Бросоллет и другие)[10]. «Те, кто называл себя «голлистами»...— говорил Морис Торез на пленуме ЦК ФКП в феврале 1960 г.,— в течение всей войны, в подполье и Сопротивлении разделяли вместе с коммунистами всю тяжесть борьбы против гитлеровцев и их сообщников. Они боролись и страдали вместе с коммунистами»[11].

Порочность реакционной буржуазной историографии состоит в том, что, отмечая деятельность буржуазных группировок Сопротивления, она недооценивает и умаляет роль широких народных масс, отрицает ведущую роль рабочего класса и его боевой партии в национальной борьбе за освобождение Франции от немецко-фашистского ига.

Для реакционной буржуазной историографии характерно также стремление принизить значение славного победного восстания парижан в 1944 г.— героического события в истории французского народа. По мнению Дансетта, например, освобождение Парижа по своей значимости было более символическим, чем военным, событием[12].

Реакционный журналист А. Фабр-Люс назвал героическое восстание парижан «бесполезной бойней», в которую ввергли народ «коммунисты-экстремисты»[13]. Это заявление, представляющее собой злостный пасквиль и глумление над патриотами, было продиктовано страхом буржуазных кругов, что в случае успеха восстания власть окажется в руках коммунистов. Мемуары де Голля свидетельствуют, что только боязнь того, что Париж окажется в руках «анархии»[14], толкнула военное руководство союзников поспешить с направлением войск на Париж. «В тактическом отношении,— утверждал генерал Брэдли,— Париж не представлял никакой ценности». Было бы хорошо, цинично признавал он, «если бы Париж потуже затянул пояс и пожил с немцами еще немного»[15].

---

[9] «Коммунист», 1958, № 14, стр. 102.
[10] «La Libération — oeuvre d'un peuple et non d'un homme». Paris. 1958, p. 21.
[11] «L'Humanité», 6 февраля 1960 года.
[12] A. Dansette. Указ. соч., стр. 437.
[13] A. Fabre-Luce. Journal de la France. 1939—1944. Genève. 1946, p. 647.
[14] Ш. де Голль. Военные мемуары. Ч. II. Единство. 1942—1944. М. 1960, стр. 348—349.
[15] О. Брэдли. Записки солдата. М. 1957, стр. 417.

В работах буржуазных историков нет и правильной оценки массового вооруженного восстания французского народа, деятельности ФФИ (французских внутренних вооруженных сил) и их роли в освобождении большей части Франции от немецко-фашистских оккупантов в 1944 году [16].

Какова же была действительность? Уже весной 1940 г. горняки департаментов Нор и Па-де-Кале, оккупированных немецко-фашистскими полчищами, начали под руководством коммунистов устанавливать связи, собирать оружие, тайно распространять листовки, призывавшие к борьбе против оккупантов и их французских пособников [17]. Картина, нарисованная в романе Л. Арагона «Коммунисты», имеет документальную основу.

Рабочий класс Франции первым поднялся на борьбу против оккупантов и их прихвостней. Саботаж на предприятиях, стачки рабочих, срыв производственных планов оккупантов — таковы были проявления массовой народной борьбы за национальную независимость и свободу страны в начальный период Сопротивления. В июле 1940 г. «L'Humanité» сообщала об организации на заводах Франции народных комитетов солидарности. Уже в сентябре только в одном Парижском округе их было 110 [18]. В августе в подпольной печати появились сообщения о стачках французских рабочих на парижских предприятиях. Начались диверсионные акты на железных дорогах. В октябре металлисты Парижа провели крупную забастовку, организатором которой был коммунист-рабочий Эжен Энаф [19].

С 26 мая по 10 июня 1941 г. бастовали более 100 тыс. шахтеров в департаментах Нор и Па-де-Кале. Забастовку возглавляли коммунисты Нестор Калонн и Жюльен Апьо — участники борьбы за свободу республиканской Испании. Выступление шахтеров показало, что рабочий класс Франции отказался капитулировать, что его борьба носит политический характер.

Лондонское радио «Свободная Франция» не оповестило мир о забастовке французских рабочих весной 1941 года. Робер Арон, ренегат А. Росси (Таска) и другие пытаются ныне утверждать, что эта стачка имела якобы только экономический характер и что коммунисты, мол, выдумали легенду о том, что рабочие Франции выступали против оккупантов [20]. Между тем, когда рабочих одной из шахт в Брюэ спросили, чего они хотят, раздались голоса: «Винтовок!» [21]. Действительно, в ходе стачки возникали вооруженные группы самозащиты, которые впоследствии превратились в партизанские отряды. Многие руководители стачки (например, герои Сопротивления Шарль Дебарж, Жюльен Апьо) стали организаторами вооруженной борьбы первых отрядов вольных стрелков и партизан против оккупантов. «Именно эта ожесточенная, самоотверженная борьба...— писал М. Торез,— лучше всего подготовила почву для всенародного восстания против оккупантов» [22].

От первых актов саботажа до вооруженного восстания народных масс Парижа в августе 1944 г.— такова непрерывная линия борьбы рабочих, поддержанной крестьянством и передовой интеллигенцией Франции. Документы свидетельствуют, что народ был той силой, которая освободила страну от оккупантов. Еще в 1943 г. местными патриотами была освобождена Корсика, а в дни национального восстания 1944 г.

---

[16] H. Michel. Указ. соч., стр. 11, 15, 112, 114.

[17] См. «Les Carnets de Charles Débarge, recueillis et commentés par Madeleine Riffaud». Paris. 1951.

[18] «L'Humanité», 17 июля, 16 сентября 1940 года.

[19] Ныне генеральный секретарь профсоюзного объединения департамента Сены.

[20] Robert Aron. Histoire de Vichy. Paris. 1954, p. 413; A. Rossi. La Guerre des papillons. Quatre ans de politique communiste. Paris. 1954, pp. 164—166.

[21] «La Vie Ouvrière», 30 мая — 5 апреля 1951 года.

[22] Морис Торез. Избранные произведения. Т. II. М. 1959, стр. 20.

силами французских патриотов была очищена огромная зона — около половины всей территории Франции [23].

Показательно и то, что от рук гестаповцев больше всего пострадал рабочий класс. Среди погибших преобладали рабочие — коммунисты, профсоюзные активисты. «Эти люди действительно были первыми организаторами национального освобождения, зародившегося во время забастовок и переросшего в восстание, прокатившееся по всей стране и так ярко вспыхнувшее в Париже» [24].

Действительная история развития героического Сопротивления во Франции свидетельствует о ведущей роли рабочего класса в освободительной борьбе французского народа [25]. Игнорируя этот бесспорный факт, буржуазные фальсификаторы утверждают, что своим освобождением Франция обязана только англо-американским войскам, а также тем буржуазным кругам, которые были объединены вокруг генерала де Голля. Реакционные буржуазные идеологи и историки стремятся представить народ пассивной массой, утвердить руководящую роль буржуазии в движении Сопротивления.

★

Для буржуазных концепций истории Франции периода второй мировой войны является характерным изображение деятельности Французской коммунистической партии в совершенно искаженном виде.

Фальсификация буржуазной историографией деятельности Французской коммунистической партии имеет свою предысторию. Никогда не прекращавшаяся против ФКП клеветническая кампания с началом войны приняла грандиозные масштабы. Реакция организовала травлю Французской коммунистической партии за то, что она в своей деятельности умело сочетала национальные интересы народа с высокими принципами пролетарского интернационализма. Буржуазные идеологи еще в годы второй мировой войны пытались представить дело так, будто ФКП действовала по приказу извне, из Москвы. Эту клевету, имевшую целью опорочить Коммунистическую партию, подхватили правые лидеры социалистов. Кристиан Пино в январе 1941 г. писал о якобы «русской политике» французских коммунистов [26]. В марте 1943 г. Леон Блюм, находившийся тогда в немецком плену, писал де Голлю в связи с борьбой ФКП за объединение всех сил в едином национальном фронте, против немецкого фашизма и его французских пособников, что ФКП должна отказаться от подчинения своего поведения категорическим приказам «иностранной державы» [27].

В послевоенный период реакционные буржуазные историки пытаются продолжать дискредитацию ФКП, облекая ложь и клевету в форму «научных» трактатов. В позициях, занимаемых буржуазными учеными, имеются некоторые нюансы. Одни из них, как, например, Р. Осташ, вообще стараются замолчать борьбу ФКП за освобождение страны. При этом Р. Осташ договаривается до того, что ФКП якобы вовсе не потеряла в борьбе за свободу родины 75 тыс. своих членов, что это, мол, выдумка самих немцев (!) [28]. К числу таких изданий относится и «Хронология французского Сопротивления», составленная и опубликованная в 1959 г. Комитетом по изучению истории второй мировой войны. В ней нет даже

---

[23] P. Montauban. L'insurrection nationale de 1944 et le rôle de la Résistance dans la libération. «Cahiers du communisme». 1950, № 8, p. 62.

[24] Из доклада Бенуа Фрашона 10 сентября 1944 г. на собрании профсоюзных работников Парижского района. Цит. по: Жан Брюа. История рабочего движения во Франции. Т. I. М. 1953, стр. 15.

[25] См. «La Libération — oeuvre d'un peuple et non d'un homme».

[26] «Les idées politiques et sociales de la Résistance», p. 177.

[27] Там же, стр. 385.

[28] R. Hostache. Указ. соч., стр. 70, 75.

упоминания об ФКП и ее борьбе, о ряде героических событий Сопротивления, связанных с вошедшими в историю именами коммунистов — верных сынов Франции [29].

Другие пытаются отрицать ведущую роль ФКП в объединении всех патриотических сил, выступавших против оккупантов и вишистов. Продукцией этой группы историков является сборник документов «Политические и социальные идеи Сопротивления» [30], изданный в 1954 г. Комитетом по изучению истории второй мировой войны. Введение к сборнику, написанное Ж. Бидо, статьи А. Мишеля и Б. Миркин-Гезевича в традиционно-буржуазном плане искажают историческую правду и искусственно противопоставляют идеи Сопротивления целям и задачам Французской коммунистической партии в движении Сопротивления.

Реакционные буржуазные историки практикуют различные приемы, стараясь убедить читателей в правоте своих писаний. Одним из таких приемов является игнорирование документов, не отвечающих их концепции. Так, составители сборника «Политические и социальные идеи Сопротивления» не включили в публикацию известные документы ФКП, призывавшие к сплочению национальных сил для борьбы за свободу и независимость Франции. Естественно, что сборник не дает представления о целях и программе партии, о позиции ФКП по важнейшим политическим вопросам, волновавшим французский народ в 1940—1944 годах.

Между тем именно те документы ФКП, которые столь усердно замалчиваются буржуазными историками, показывают во весь гигантский рост героическую борьбу французских коммунистов. Достаточно обратиться к подпольной «L'Humanité», чтобы убедиться в ведущей роли ФКП в движении Сопротивления. Марсель Кашен писал: «Будущие историки Французской коммунистической партии найдут здесь («L'Humanité».— *И. К.*) все необходимые аргументы, чтобы разоблачить фальсификаторов и клеветников — постоянных врагов рабочего класса» [31]. В своем знаменитом манифесте «К народу Франции!» от 10 июля 1940 г. (который не фигурирует ни в одном из буржуазных изданий по истории движения Сопротивления) ФКП, возлагая «великую надежду на национальное и социальное освобождение», призвала народ объединиться вокруг рабочего класса для создания «фронта свободы, независимости и возрождения Франции» [32].

Из номера в номер «L'Humanité» призывала массы к объединению сил для борьбы за независимость страны. «Единство, единство и еще раз единство всех трудящихся против репрессий как вишистских, так и оккупационных властей... Осуществляйте единство борьбы всего французского народа» [33],— повторяла боевая газета Коммунистической партии.

Безответственные утверждения, не подкрепляемые аргументами и фактами,— один из излюбленных приемов буржуазных фальсификаторов. А. Мишель в статье, вошедшей в сборник «Политические и социальные идеи Сопротивления», желая скомпрометировать руководство ФКП, лживо утверждает, будто руководители партии остались в стороне от движения, будто в Сопротивлении приняли участие лишь «люди, относительно новые» [34]. Но хорошо известно, в том числе и А. Мишелю,

---

[29] «Comité d'histoire de la deuxième guerre mondiale. Chronologie de la Résistance Française (1940—1945)». Paris. 1959.

[30] «Les idées politiques et sociales de la Résistance».

[31] См. коллекцию фотокопий подпольной «L'Humanité», хранящуюся в ФБОН АН СССР.

[32] Полный текст манифеста см. «Oeuvre de Maurice Thorez». T. XIX. Paris. 1959, pp. 54—64. Манифест был напечатан в «L'Humanité» и распространялся в виде листовки в миллионах экземпляров.

[33] «L'Humanité», 16 сентября 1940 года.

[34] «Les idées politiques et sociales de la Résistance», p. 28.

что от рук гестаповцев погибло восемь членов ЦК ФКП, среди которых были такие выдающиеся деятели, как Пьер Семар, Габриэль Пери, Феликс Кадрас, Жан Катла и другие. Многие члены ЦК томились на алжирской каторге. Из глубокого подполья борьбой французского народа руководили Жак Дюкло, Марсель Кашен, Бенуа Фрашон и другие. Генеральный секретарь ФКП Морис Торез, когда гитлеровцы и вишисты организовали настоящую охоту на него, по решению ЦК ФКП эмигрировал в СССР. Находясь в эмиграции, М. Торез активно участвовал в руководстве движением Сопротивления. Его многочисленные страстные выступления и статьи в защиту свободы родины вдохновляли французский народ на борьбу против оккупантов и вишистов.

Наиболее злостным измышлением буржуазных фальсификаторов является утверждение, что Французская коммунистическая партия якобы не участвовала до июня 1941 г. в движении Сопротивления и только после нападения гитлеровской Германии на СССР включилась в борьбу против оккупантов[35]. Некоторые реакционные историки в своем антикоммунистическом рвении идут еще дальше, обвиняя ФКП в сотрудничестве с немцами в начальный период второй мировой войны[36]. Известно, что авторами вымысла, будто Коммунистическая партия не вела борьбы против оккупантов до 1941 г., являются немецкие фашисты[37].

Факты и документы разоблачают все измышления фальсификаторов. В нашей печати уже рассматривался вопрос о деятельности ФКП в период «странной войны», деятельности, направленной на беспощадную борьбу против гитлеровского фашизма и французской империалистической реакции[38]. Приведем некоторые факты, свидетельствующие о героической борьбе ФКП против оккупантов и их пособников после капитуляции страны.

Именно коммунисты возглавили с лета 1940 г. забастовки французского рабочего класса и стали во главе народного движения Сопротивления. Широко известны обращение ФКП от 6 июня 1940 г., призывавшее оборонять Париж и превратить войну в народную битву, а также манифест «К народу Франции!».

Период с июня 1940 до июня 1941 г. был временем организации и первых шагов народного движения. «Это был период первой перегруппировки национальных сил, враждебных захватчикам и вишистским коллаборационистам, начала национального сопротивления»[39]. Единственной организованной политической силой в стране, поднимавшей народ на борьбу за независимость, была Коммунистическая партия. В Париже был создан нелегальный партийный центр под руководством Жака Дюкло. В различные районы страны ЦК направил коммунистов, ответственных за организацию движения Сопротивления: в оккупированную зону — Габриэля Пери, в южную — Артура Далиде[40]. В октябре 1940 г. Жорж Марран выехал в департамент Верхняя Савойя[41]. В феврале 1941 г. по поручению ЦК ФКП на Корсике побывал Пьер Жорж (будущий легендарный герой Сопротивления, известный как полковник Фабьен) с целью мобилизации патриотических сил острова[42].

---

[35] Эту клевету проводят в своих работах как историки, входящие в Комитет по изучению истории второй мировой войны, так и авторы профашистских книг и мемуаров.

[36] Сюда надо отнести прежде всего таких авторов, как ренегат Росси, Робер Арон, Ренэ Остан и др.

[37] «L'Humanité», 1 апреля 1942 года.

[38] См. В. П. Смирнов. Деятельность Французской коммунистической партии во время «странной войны» (сентябрь 1939— май 1940 г.). «Новая и новейшая история», 1958, № 1, стр. 74—95, и др.

[39] «Oeuvres de Maurice Thorez». T. XIX, p. 77.

[40] Arthure Dallider. Metalló. Paris. 1949, p. 12.

[41] «R.J.S. Franc-Tireurs et Partisans de la Haute-Savoie». Paris. 1946, p. 18.

[42] Maurice Choury. Résistance et libération de la Corse. Paris. 1956, p. 23.

Рабочий-металлист Роль-Танги с первого дня фашистской оккупации Парижа стал создавать в городе партизанские отряды. В июле Коммунистическая федерация молодежи, которой тогда руководил Раймон Гюйо, призвала французских юношей и девушек объединиться для борьбы против захватчиков и вишистских предателей [43]. Под руководством Бенуа Фрашона на предприятиях создавались профсоюзные, народные комитеты, комитеты солидарности и единства [44]. Эти организации сыграли большую роль в сплочении патриотических сил Франции в борьбе за свободу.

Французская коммунистическая партия развернула широкую пропаганду идей освободительной борьбы. Только за период 1939—1940 гг. вышло 99 номеров «L'Humanité» общим тиражом в 11 430 тыс. экземпляров. Кроме того, было распространено около одного миллиона экземпляров листовок [45]. В 1940 г. был возобновлен выпуск изданий для рабочих, крестьян, молодежи: «La Vie Ouvrière», «La Terre» и «L'Avangarde». Газеты выходили и в провинции [46].

В конце 1940 г. ФКП стала создавать группы саботажа и разрушений, «Специальные организации» и «Батальоны молодежи», из которых затем возникли первые отряды вольных стрелков и партизан [47], боевые группы. Увеличивалось число актов саботажа и диверсий. По данным Национального фронта, до июня 1941 г. было осуществлено силами партизан 75 различных диверсионных актов [48]. Подчеркивая ведущую роль рабочего класса в движении Сопротивления, католический писатель Франсуа Мориак писал, что различные классы общества находились в полном разброде, «только рабочий класс остался верен поруганной Франции» [49].

Кипучую деятельность, направленную против оккупантов, развернули в 1940—1941 гг. под руководством коммунистов многие преподаватели и студенты Парижского университета [50].

Факты говорят и о том, что ФКП первая подверглась ударам со стороны оккупантов. Сразу же после оккупации резко усилились репрессии против коммунистов. В ноябре 1940 г. Морис Торез писал: «Правда заключается в том, что тысячи коммунистов содержатся в тюрьмах теми, кто хочет уничтожить Францию, так как коммунисты одни представляют силу, способную возродить нацию, так как наша партия объединяет народные массы на борьбу за хлеб, свободу и независимость Франции» [51]. Уже в июле 1940 г. было арестовано 300 коммунистов, главным образом рабочих и профсоюзных деятелей. Префект департамента Сены и Уазы Марк Шевалье 23 августа 1940 г. опубликовал приказ, угрожавший тюрьмой активистам Французской коммунистической партии в связи с тем, что «акты саботажа совершаются против материальной части оккупационной армии». Префект полиции Парижа 14 ноября 1940 г. заявил через газету «Matin», что «парижская полиция лояльно сотрудничает с оккупационными властями: она ведет борьбу против коммунистической пропаганды... и арестовала в течение нескольких недель 871 зачинщика» [52].

---

[43] «Sept ans de luttes ardentes au service du peuple contre l'hitlérisme et fachisme, pour une France libre, démocratique et indépendante». «Rapports du Comité central pour le X-ème Congrès National du Parti communiste français». Paris, juin 1945, p. 198.

[44] «L'Humanité», 16 сентября 1940 года.

[45] «Sept ans de luttes ardentes...», p. 180.

[46] «Catologue des periodiques clandestins diffusés en France de 1939 à 1945», Paris. 1954, p. 5.

[47] «La France Nouvelle», 7—13 августа 1940 года.

[48] B. Nardain. Les Franc-Tireures et partisans français et l'insurrection Nationale. Paris. 1947, pp. 47—48.

[49] François Mauriac. Le cahier noir. Les Éditions de minuit. 1947, p. 18.

[50] André Vogner. Souvenirs de l'année universitaire 1940—1941. «La Pensee», № 89, janvier — février 1960, pp. 24—25.

[51] «Oeuvres de Maurice Thorez». T. XIX, p. 76.

[52] «Cahiers du communisme», 1955, № 2, p. 224.

Новые документы из архива гестапо, найденные недавно в Германской Демократической Республике, до конца разоблачают клеветников. Обнаружены доклады гестапо, данные которых свидетельствуют о размахе патриотической борьбы ФКП в начале 1941 года. В одном из них говорится, что за период с 17 по 24 января были арестованы 1 250 коммунистов, из них 842 преданы трибуналу. Гестаповцы признавались, что коммунисты действовали с большой осторожностью и что их руководителей не удавалось обнаружить [53].

Внимательное изучение материалов, связанных с деятельностью Французской коммунистической партии, неопровержимо показывает, что коммунисты первыми начали борьбу против оккупантов, сразу же после вторжения врага в страну. Можно с уверенностью сказать, что ФКП была единственной политической организацией, выступившей в 1940—1941 гг. в качестве авангарда нации и начавшей тяжелую борьбу по сплочению всех национальных сил для освобождения Франции от оккупантов и их вишистских лакеев. «Коммунисты,— говорил Жак Дюкло 19 ноября 1945 г. в Учредительном собрании,— гордятся тем, что они стояли в авангарде борьбы против захватчиков в 1940 г., а не с 1941 г., как утверждают некоторые» [54].

Поступаясь научной совестью, долгом историка-исследователя ради осуществления реакционных политических целей, буржуазные фальсификаторы извращают роль коммунистов в 1940—1941 гг. и рисуют картину, ничего общего не имеющую с исторической правдой. Этим самым они стремятся оторвать Коммунистическую партию от народа, лишить ее доверия масс. В современной Франции реакционные лидеры буржуазных партий в своих классовых интересах пытаются опорочить ФКП, лишить ее ореола подлинно национальной партии.

★

Буржуазная историография искажает и ряд других вопросов истории Франции периода второй мировой войны, в частности причины возникновения войны и поражения Франции. Буржуазные историки пытаются уверить народы в том, будто война велась правительствами западных стран в целях защиты свободы, демократии и цивилизации, в целях защиты Польши, с которой Англия и Франция имели соглашения о взаимопомощи [55]. Ни документы, опубликованные во французской «Желтой книге», ни исторические труды буржуазных авторов не показывают истинных причин войны: остроты противоречий между империалистическими державами, стремления направить агрессию фашистских стран против СССР, страха перед международным рабочим и национально-освободительным движением.

Известно, что опубликованные в Советском Союзе документы из архива министерства иностранных дел Германии разоблачают фальсификаторов и восстанавливают историческую правду о том, как возникла вторая мировая война и какую неблаговидную роль в ее развязывании сыграли правительства США, Франции и Англии. «Новые документы из истории Мюнхена» и материалы переговоров 1939 г. раскрывают до конца правду о развязывании войны [56]. Западные державы сорвали попытки СССР образовать антигитлеровскую коалицию в 1939 году. Отмечая это, Н. С. Хрущев говорил в беседе с корреспондентом француз-

[53] «Recherches internationales à la lumière du marxisme», № 9—10. Paris. 1958, pp. 84—85.

[54] Жак Дюкло. Избранные произведения. Т. I. М. 1959, стр. 420.

[55] См. об этом G. Willard. A propos de quelques études sur la France pendant la seconde guerre mondiale. «Recherches internationales à la lumière du marxisme», № 9—10 p. 45.

[56] См. «Новые документы из истории Мюнхена». М. 1958; «Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г.». Журнал «Международная жизнь», 1959, №№ 2, 3.

ской газеты «Le Figaro» Груссаром в марте 1958 г.: «Если бы в 1939 году, когда в Советском Союзе была делегация от Франции и Англии, французы и англичане серьезнее отнеслись бы к переговорам, то войны не было бы. Но французское правительство лишь играло в переговоры с нами, а фактически не хотело договориться и тем самым толкало Гитлера против нас» [57].

Реакционная буржуазная литература игнорирует все эти документы и материалы. М. Торез еще в октябре 1939 г. отмечал, что правящие круги «прикрывают свою преступную политику ширмой антигитлеризма, надеясь тем самым обмануть трудящихся» [58]. На процессе Петэна в 1945 г. было приведено следующее признание Дарлана: «Мы вступили в эту войну под предлогом борьбы за свободу. Как и в предыдущей войне, свобода служила нам лишь предлогом» [59].

Фальсификаторы истории замалчивают вопрос об истинных причинах поражения Франции, затушевывают предательство французских правящих кругов. Генерал де Голль признает, что «некоторые круги усматривали врага скорее в Сталине, чем в Гитлере» [60]. Но реакционные буржуазные историки, как правило, проходят мимо этого замечания де Голля. Правдивого ответа на вопрос о причинах поражения Франции мы не находим в их трудах. Сами капитулянты объясняют падение Франции слабостью режима Третьей республики, обусловленной якобы победой Народного фронта [61]. Морис Торез по этому поводу говорил, что катастрофа 1940 г. была вызвана не чрезмерной демократией, а ее «постоянными ограничениями» со стороны реакции [62]. Попытки искать причины поражения в деятельности французских демократических сил характерны для работ ряда буржуазных историков [63]. Некоторые из них, следуя пропагандистским лозунгам правительств Рейно и Петэна, обвиняют Коммунистическую партию в антивоенной деятельности [64].

Антикоммунизм мешает буржуазным историкам показать на основе имеющихся документов, что правящие круги Франции вели войну не против Германии, а против своего народа и готовили войну против СССР. Именно в этом и заключалась одна из главных причин поражения Франции.

Французские политические деятели, а вслед за ними и реакционные буржуазные историки ссылаются на якобы недостаточную подготовленность Франции к войне. Даладье, например, говорил об «ошибочных военных концепциях» [65]. Де Голль отмечал плохое вооружение французских войск, рассредоточенных к тому же на участках обширного фронта [66]. Специальная комиссия по расследованию причин поражения Франции, созданная в 1946 г., установила, что страна была плохо подготовлена к войне [67]. Однако французский генерал Думенк в августе 1939 г. заявил в Москве: если «главные силы фашистских войск будут брошены на западную границу, Франция встретит их сильным и непрерывным фронтом и, опираясь на свои укрепления, задержит наступление про-

[57] Н. С. Хрущев. К победе в мирном соревновании с капитализмом. М. 1959, стр. 151.
[58] Морис Торез. Избранные произведения. Т. I. М. 1959, стр. 450—451.
[59] См. «Le Procès du maréchal Pétain». Paris. 1945, p. 85.
[60] Ш. де Голль. Военные мемуары. Ч. I. Призыв. 1940—1942. М. 1957, стр. 61.
[61] P. Maz et R. Genebrier. Les grandes journées du procès de Riome. Paris. 1945, p. 21.
[62] Морис Торез. Избранные произведения. Т. II, стр. 57.
[63] Jean Vidalenc. Указ. соч., стр. 368; Marie Granet et Henri Michel. Указ. соч., стр. 11.
[64] R. Hostache. Указ. соч., стр. 68.
[65] «Le Procès du marechal Pétain», p. 145; Goutard. 1940, la guerre des occasions perdues. Paris. 1955.
[66] Ш. де Голль. Военные мемуары. Ч. I. Призыв. 1940—1941, стр. 65.
[67] «Assemblée National», par Charles Serre. Paris. 1951.

тивника»[68]. Да и анализ соотношения сил показывает, что численность дивизий вступивших в войну группировок империалистических стран была почти равной, а в танках и особенно во флоте Англия и Франция имели превосходство[69]. Морис Торез по поводу подобной фальсификации причин поражения говорил: «Наши реакционеры заявили, что разгром 1940 г. объясняется неподготовленностью и ошибками гражданских властей. В действительности это не так... Только предательство среди руководителей государства и армии открыло Францию гитлеровским захватчикам...»[70].

Предпринимаются также попытки дать искаженное представление о характере самого режима Виши. Так, Робер Арон пытается представить вишистский режим не как фашистский, а в виде какой-то «самобытной, французской концепции, принятой в эпоху немецкого господства». Он же, подтасовывая факты, говорит, повторяя Петэна, что перемирие якобы спасло Францию от оккупации врагом всей страны, а население — от зверств фашизма[71]. Делаются попытки противопоставить Петэна и его сторонников французской группе гитлеровцев в Париже Деа, Дарнану и другим. Публикуются книги с жалкой попыткой реабилитировать Лаваля и т. д.[72].

Историки, объединяющиеся вокруг Комитета по изучению истории второй мировой войны, учитывают политические настроения народных масс и выступают, как уже отмечалось, против провишистской литературы. Однако попытки реабилитировать вишистов продолжают иметь место. В недавно вышедшей «Конституционной истории Франции» Мориса Жаллю говорится, что правительство Виши в условиях оккупации должно было лавировать и что некоторые конституционные акты режима Виши имели характер маневров против оккупантов[73].

Попытки оправдать предателей французского народа преследуют цель укрепления позиций правящих классов перед лицом наступления демократических сил во всем мире. Но эти попытки не имеют и не могут иметь успеха во Франции, народ которой не забыл преступлений вишистов и своих страданий в годы войны.

Опубликованные в нашей печати новые документы о сотрудничестве Виши с гитлеровской Германией показывают марионеточный характер фашистского режима Виши и раскрывают фашистский облик Петэна, Лаваля и других вишистских правителей[74].

★

В буржуазной историографии замалчивается или искажается вопрос о роли Советского Союза и значении его борьбы против гитлеровской Германии в истории Франции периода второй мировой войны. Некоторые реакционные буржуазные историки продолжают писать свои «исследования» в духе «холодной войны», намеренно извращая миролюбивую внешнюю политику СССР. Они пытаются представить ее как агрессивную, направленную на захват чужих территорий.

В работах французских буржуазных исследователей замалчивается

---

[68] См. «Международная жизнь», 1959, № 2, стр. 149.

[69] «Вторая мировая война». Военно-исторический очерк. М. 1959, стр. 79—80.

[70] «Правда», 13 июня 1958 года.

[71] Robert Aron. Указ. соч., стр. 94, 205.

[72] «La Vie de la France sous l'occupation». Tt. I—III. Paris. 1957. Обращает на себя внимание то, что эта работа, в которой открыто прославляется вишистский режим и в создании которой принимала участие дочь Лаваля — Ренэ де Шамбрен, издана Институтом Гувера в Калифорнии, финансируемым американскими монополиями, особенно Рокфеллером.

[73] Maurice Jallut. Histoire constitutinnelle de la France. T. II. Paris. 1958, p. 278.

[74] «Международная жизнь», 1959, №№ 8, 9.

или отрицается решающее значение побед Советской Армии в ходе всей второй мировой войны, игнорируется тот факт, что победы советского народа в Великой Отечественной войне воодушевляли французских патриотов на вооруженную борьбу против захватчиков, за свободу своей родины. В работах, посвященных движению Сопротивления, можно прочитать о действиях союзных войск в Африке, но в них не найти упоминания о Сталинграде. Крупнейшие победы Советских Вооруженных Сил реакционные буржуазные историки ставят в один ряд с битвами союзных войск второстепенного характера, победоносный итог которых, в конечном счете, был обусловлен разгромом гитлеровских войск на советско-германском фронте[75]. Вызывает удивление, что в «Хронологии французского Сопротивления» (как и в работах, например, А. Мишеля или Р. Осташа) даже не отмечено начало Великой Отечественной войны Советского Союза.

Между тем именно под влиянием побед советских войск во Франции стала широко развертываться вооруженная борьба против оккупантов и их пособников. «Великая битва за освобождение Франции началась»,— констатировала «L'Humanité» 5 мая 1942 года. Реакционные буржуазные историки проходят мимо таких волнующих документов, как письма расстрелянных коммунистов — героев Сопротивления. Эти письма — яркое свидетельство высоких моральных качеств французских коммунистов. Они показывают их глубокую веру в победу первого в мире социалистического государства и в разгром фашизма[76].

Благодаря Сталинграду 1943 год стал переломным и в движении Сопротивления: это период создания Национального совета Сопротивления, очищения от врага всей Северной Африки и образования Французского комитета национального освобождения, год освобождения Корсики силами местных патриотов.

В буржуазной историографии замалчивается важнейший вопрос — о том, что победа советских войск над гитлеровской Германией как военно-политический фактор сыграла главную, решающую роль в освобождении Франции.

С самого начала советско-германской войны гитлеровское командование перебрасывало свои войска из Франции на Восток. «Чтобы сопротивляться огромному наступлению Красной Армии,— писала «L'Humanité»,— Гитлер вынужден посылать на Восточный фронт войска, расквартированные во Франции»[77]. К началу июня 1944 г. во Франции, Бельгии и Голландии находилось всего 60 дивизий гитлеровской Германии, имевших пониженную боеспособность[78]. Главным условием освобождения Франции явились победы Советской Армии, создавшие благоприятные предпосылки для высадки союзников и победы национального восстания французского народа.

Выступая в муниципалитете города Дижона во время посещения Франции в марте — апреле 1960 г., Н. С. Хрущев привел слова участника Сопротивления каноника Феликса Кира: «Я могу даже сказать совершенно искренне, что если бы русская армия окончательно не заставила отступать врага, то мы, французы, все еще были бы под иностранным господством». Феликс Кир выразил признательность за «первостепенную роль, которую ваши (советские.— *И. К.*) армии взяли на себя в деле окончательной победы»[79].

Решающую роль Советской Армии в освобождении Франции отмечал и генерал де Голль. 2 декабря 1944 г. он заявил: «Французы знают,

---

[75] См., например, Marie Granet et Henri Michel. Указ. соч., стр. 276.
[76] «Письма расстрелянных французских коммунистов». М. 1949, стр. 21.
[77] «L'Humanité», 19 февраля 1943 года.
[78] «Вторая мировая война», стр. 640.
[79] «Правда», 29 марта 1960 года.

что сделала для них Советская Россия, и знают, что именно Советская Россия сыграла главную роль в их освобождении»[80].

Известно также, что в годы войны сложилось боевое содружество французских патриотов и советских людей. Оно ярко проявилось в боевых делах французского авиационного полка «Нормандия — Неман», действовавшего на советско-германском фронте. На приеме в ратуше Парижа 24 марта 1960 г. Н. С. Хрущев напомнил, «что три фашистские дивизии, которые в июне 1940 г. ворвались в столицу Франции, нашли в 1943 г. свою гибель у стен Сталинграда»[81]. С 1943 г. многие тысячи советских людей, бежавших из гитлеровского плена, приняли активное участие в движении Сопротивления. Например, только в департаменте Гар в этом движении участвовало, по некоторым данным, 1 800 советских граждан[82].

К сожалению, всех этих и им подобных фактов мы не найдем в работах реакционных буржуазных историков.

Во французской буржуазной историографии замалчивается еще одна сторона советско-французских отношений. Речь идет об огромной роли советской внешней политики в освободительной борьбе французского народа. Опубликованные документы о советско-французских отношениях убедительно показывают, что Советское правительство неизменно стояло за возрождение независимой, сильной и демократической Франции. Оно оказывало последовательную поддержку Национальному комитету де Голля и содействовало его признанию США и Англией[83]. Представитель Французского комитета национального освобождения в СССР Р. Гарро выражал в июле 1943 г. глубокую благодарность французского народа и ФКНО правительству и народам СССР «за многочисленные и столь трогательные доказательства симпатии и доверия, которые они беспрерывно проявляли в этот период испытаний. Это дружественное отношение было для нашей несчастной нации самой сильной поддержкой...»[84].

Генерал де Голль также отмечает, что из всех великих держав только Советский Союз в годы войны поддерживал боровшуюся Францию и ратовал за восстановление ее величия и независимости. Что касается англосаксов, писал де Голль, то они «никогда не соглашались обращаться с нами, как с настоящими союзниками»[85]. В освещении советско-французских отношений мемуары де Голля, собственно, представляют собой исключение в потоке буржуазной литературы. В мемуарах приведены документы, в которых много раз подчеркивается значение благожелательной позиции и поддержки, постоянно оказываемой Советским Союзом сражавшейся Франции[86].

Изучить историю Франции периода второй мировой войны можно, лишь опираясь на многочисленные документы эпохи, подпольную печать, на материалы архивов. Игнорирование же источников, дающих характеристику народного движения Сопротивления, положения и борьбы народных масс, рабочих и крестьян, неизбежно ведет к фальсификации исторической правды.

---

[80] «Советско-французские отношения в период Великой Отечественной войны». М. 1959, стр. 340.

[81] «Правда», 25 марта 1960 года.

[82] «Правда», 28 марта 1960 года.

[83] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании». Т. I. М. 1957, стр. 134, 137—138.

[84] «Советско-французские отношения...», стр. 182.

[85] Ш. де Голль. Военные мемуары. Ч. II. Единство, стр. 303.

[86] Там же, стр. 704, 726, 764.

В Отделении исторических наук АН СССР и научных совстах

АКАДЕМИК СЕРГЕЙ ДАНИЛОВИЧ СКАЗКИН.

(К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И 45-ЛЕТИЮ НАУЧНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

19 октября 1960 г. советская историческая общественность на заседании, организованном Отделением исторических наук АН СССР, Институтом истории АН СССР и историческим факультетом Московского государственного университета, отметила 70-летие выдающегося советского историка академика Сергея Даниловича Сказкина и 45-летие его научной, педагогической и общественной деятельности. С трибуны собрания юбиляра приветствовали маститые историки разных специальностей и студенты, ученые Москвы и периферии, профессора университетов и представители учительской общественности. С большим удовлетворением встретили все участники собрания зачитанный председательствующим акад. И. И. Минцем Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении С. Д. Сказкина за большие заслуги в области исторической науки и подготовки научных кадров орденом Ленина.

С. Д. Сказкин родился 19 октября 1890 года. В 1915 г. он окончил Московский университет, где учился у профессоров А. Н. Савина и Р. Ю. Виппера, и в том же году сдал магистерский экзамен. После Великой Октябрьской социалистической революции завершилось формирование С. Д. Сказкина как историка-марксиста широкого научного диапазона, исследователя, педагога, общественника, пропагандиста. Вся его творческая деятельность связана со строительством советской исторической науки. Он был участником той борьбы, которая происходила на историческом фронте в 20-х годах против остатков буржуазных влияний в историографии, в 30-х годах — против так называемой школы Покровского, за подлинно марксистскую историческую науку и за популяризацию ее достижений в широких кругах читателей.

Задачи разработки марксистско-ленинской медиевистики, популяризация достижений этой отрасли исторической науки, выработка новых методов ее преподавания в вузах и школе, научно-организационные вопросы, необходимость решительной борьбы с буржуазной историографией — все это требовало от С. Д. Сказкина, как и от других советских ученых, умения сочетать глубокий конкретно-исторический анализ с широкими обобщениями, а многообразие исследовательских интересов — с самыми различными формами научной и педагогической работы. Творческая деятельность С. Д. Сказкина — живой пример постоянной связи научных исследований с пропагандой истории в широких массах, той связи теории с практикой, которая должна быть неотъемлемой чертой творчества каждого советского ученого.

С. Д. Сказкин стоит у истоков всех важнейших начинаний на фронте советской исторической науки, особенно в области медиевистики. С 1920 г.— преподаватель, в 30-е годы — профессор Московского университета, в военные годы (1940—1943) — декан исторического факультета МГУ, а с 1949 г.— заведующий кафедрой истории средних веков, С. Д. Сказкин в разные годы ведет также преподавательскую работу в Московском институте истории, философии и литературы, Московском городском педагогическом институте, Высшей партийной школе, наконец, в Академии общественных наук, где он работает по настоящий день. Его научная деятельность тесно связана с Институтом истории (сначала РАНИОН, затем АН СССР), где Сергей Данилович работал с момента основания в качестве старшего научного сотрудника, а одно время в

качестве заместителя директора. С. Д. Сказкин принимал активное участие в организации периодического органа советских медиевистов — сборника «Средние века», ответственным редактором которого он сейчас является; Сергей Данилович состоит в редакционной коллегии журнала «Вопросы истории» и уделяет журналу большое внимание.

Возглавляя недавно созданную группу по истории Италии при Институте истории и Научный совет по проблеме генезиса капитализма при Отделении исторических наук АН СССР, С. Д. Сказкин собрал вокруг них немало историков, работающих в данных областях науки, и добился значительной активизации исследований по этим вопросам. Одним из его любимых детищ является Комиссия по изучению аграрной истории, организующая ежегодные симпозиумы, на которых историки всего Советского Союза — не только медиевисты, но и специалисты по истории СССР, новой истории и другим разделам исторической науки — обмениваются мнениями, обсуждают наиболее важные или спорные проблемы аграрной истории. Как действительный член Академии педагогических наук РСФСР С. Д. Сказкин ведет большую и плодотворную работу в области разработки методов преподавания истории в школе.

Можно было бы продолжить перечень полезнейших для развития советской исторической науки начинаний, в которых деятельно участвует С. Д. Сказкин. Но гораздо важнее отметить, что за какую бы работу С. Д. Сказкин ни взялся, он всегда оставляет на ней печать своего творческого лица, вносит в нее свою глубокую любовь к науке и нетерпимость к какому бы то ни было шаблону, умеет сплотить коллектив энтузиастов.

Для С. Д. Сказкина как ученого в первую очередь характерна необычайная широта и многогранность интересов [1]. Недаром в вечер юбилея его называли своим учителем и коллегой и медиевисты, и специалисты по новой истории, и историки искусства. В самом деле, будучи медиевистом по образованию и по призванию, он всегда интересовался и занимался новой историей. С. Д. Сказкин — автор талантливой, основанной на изучении архивных материалов работы «Конец австро-русско-германского союза» (вышедшей в 1928 г., но не утратившей до настоящего времени своего научного значения); им написан ряд статей по истории Франции, Германии и Италии нового времени [2]. С. Д. Сказкин является также одним из авторов и ответственным редактором первого тома учебника новой истории для вузов [3].

В медиевистике научное творчество С. Д. Сказкина отличается большим разнообразием. Как и других виднейших советских медиевистов старшего поколения, Сергея Даниловича всегда особенно привлекала аграрная история средневековья. Здесь его личные научные интересы счастливо совпали с насущными нуждами советской медиевистики: ведь для дальнейшей разработки марксистской концепции истории средних веков было необходимо в первую очередь выяснить общий характер эволюции аграрных отношений эпохи средневековья. В работах С. Д. Сказкина по аграрной истории, в его статьях и специальных курсах удачно сочетается глубокое исследование конкретного материала с широкими обобщениями. Творчески применяя в объяснении конкретно-исторического материала теоретические марксистско-ленинские положения о феодальной формации, С. Д. Сказкин вносит большой вклад в изучение общих закономерностей аграрного развития средневековой Европы и специфики феодальных производственных отношений. Он решительно отстаивал тезис о том, что феодальная собственность, а не внеэкономическое принуждение составляет основу феодализма [4]; подтвердив на конкретном материале положение о мелком характере феодального производства, установив, что крупная феодальная вотчина континентальной Европы была не производственной ячейкой феодального общества, а лишь организацией для сбора

---

[1] Подробную библиографию научных трудов С. Д. Сказкина см. в сборнике «Средние века». Вып. XVII. М. 1960.

[2] С. Д. Сказкин. Сорок восьмой год во Франции. М. 1918; его же. Кавур и воссоединение Италии. «Историк-марксист», 1935, № 5—6; его же. Фридрих II после Кунерсдорфа. «Исторический журнал», 1945, № 3, и др.

[3] «Новая история». Т. I (1640—1789). Под ред. В. В. Бирюковича, Б. Ф. Поршнева, С. Д. Сказкина. М. 1951.

[4] С. Д. Сказкин. Классики марксизма-ленинизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении. «Средние века». Вып. V. М. 1951.

феодальной ренты[5]. Отвергая бытующее среди буржуазных историков представление о феодальной собственности как полностью разделенной между феодалом и крестьянином, С. Д. Сказкин вместе с тем показал на богатом материале источников, насколько важно помнить о специфике феодальной собственности, поскольку последняя обязательно связана с наделением крестьян землей и с наличием у них самостоятельного хозяйства.

С. Д. Сказкин многое делает для конкретного исследования ряда вопросов аграрной истории Европы, до него мало привлекавших внимание отечественных ученых. В советской медиевистике он является пионером изучения аграрной истории средневековой Италии. В частности, он совершенно по-новому осветил историю восстания Дольчино[6], социально-экономические и идеологические предпосылки этого движения[7]. На примере этого и других восстаний XIII—XV вв. С. Д. Сказкин отчетливо показал те общие причины, которые не только в Италии, но и в других странах Западной Европы привели к значительному обострению классовой борьбы[8].

Интересный цикл работ С. Д. Сказкина посвящен аграрной истории позднего средневековья, в частности Франции XVI—XVIII веков[9]. Особенно заслуживает внимания успешно развиваемая им концепция о двух различных путях аграрного развития стран Европы в позднее средневековье, состоящая в том, что для большинства западноевропейских стран того времени было характерно разложение феодальных отношений и зарождение капитализма в сельском хозяйстве, тогда как в странах Центральной и Восточной Европы (включая Россию) XVI—XVIII века являлись периодом укрепления барщинной системы феодального хозяйства, периодом так называемого «второго издания крепостничества»[10]. С. Д. Сказкин выдвинул и свою гипотезу для объяснения этого различия, вызвавшую большой интерес среди советских историков. Широко охватив своими исследованиями аграрную историю Европы с XIII по XVIII в., С. Д. Сказкин во многих случаях дал отправную точку и наметил пути дальнейших исследований в этой области для советских и зарубежных историков-марксистов.

С. Д. Сказкин не замыкается в рамках аграрных исследований. Его внимание привлекала также история средневекового государства, и прежде всего вопрос о социальной природе абсолютизма. В пору зарождения советской медиевистики для наших историков в этом вопросе было много спорного и неясного. Некоторые советские исследователи, упрощая проблему, сводили причины возникновения абсолютной монархии исключительно к нарастанию классовой борьбы в феодальном обществе XVI—XVIII веков. От решения данного вопроса зависело правильное понимание ряда узловых проблем истории позднего средневековья. Опираясь на марксистско-ленинское учение о государстве, С. Д. Сказкин подчеркнул, с одной стороны, феодальную природу абсолютизма, с другой стороны — специфику этой формы феодального государства и подтвердил на конкретном материале марксистское положение о том, что абсолютная монархия возникает на последнем этапе развития феодализма и опирается на новое соотношение социальных сил, сложившееся в результате зарождения в недрах феодального строя капиталистических отношений. При этом С. Д. Сказкин отметил специфику абсолютизма в разных странах Западной Европы, в частности во Франции, Испании, городах-государствах Северной Италии, где, как он считает, тирания XV—XVI вв.

---

[5] С. Д. Сказкин, М. Н. Мейман. Об основном экономическом законе феодальной формации. «Вопросы истории», 1954, № 2.

[6] С. Д. Сказкин. Исторические условия восстания Дольчино. «Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме». М. 1955.

[7] С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино. «Из истории социально-политических идей». Сборник статей. К 75-летию акад. В. П. Волгина. М. 1955; его же. Восстание Дольчино. «Преподавание истории в школе», 1949, № 4.

[8] С. Д. Сказкин. Борьба крестьян против эксплуататоров в средние века. «Преподавание истории в школе», 1952, № 3.

[9] С. Д. Сказкин. Февдист Эрве и его учение о цензиве. «Средние века». Вып. I. М.-Л. 1942; его же. Отражение феодальной реакции в наказах некоторых бальяжей Шампани и Северо-Восточной Франции. «Памяти А. Н. Савина. 1873—1923». «Труды» Института истории РАНИОН. Вып. I. 1926; его же. Дифференциация крестьянства во Франции накануне революции. «Историк-марксист», 1936, № 2.

[10] С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2.

была одной из разновидностей абсолютизма [11], а также выявил характерные особенности абсолютной монархии в некоторых странах Восточной Европы.

Всегда живо интересуясь историей идеологии, Сергей Данилович посвятил ряд своих работ сложным и спорным вопросам истории Возрождения и гуманизма [12]. Ему пришлось здесь ставить и решать многие спорные проблемы, определять конкретный путь изучения таких надстроечных явлений, как право, мораль, философия, религия, искусство, в связи с историческим процессом эпохи средневековья. С. Д. Сказкин дал яркую характеристику специфических особенностей культуры Возрождения, наглядно показал зависимость характерных для этой идеологии черт индивидуализма, эмпиризма, рационализма, реализма в искусстве от насущных потребностей буржуазии периода Возрождения, когда этот класс еще только вырастал из средневекового сословия горожан. Исходя из марксистской оценки Возрождения, С. Д. Сказкин в ряде статей выпукло обрисовал отдельных мыслителей, писателей и художников той эпохи.

Верный долгу и призванию советского ученого, С. Д. Сказкин вложил большой труд в обоснование марксистско-ленинской концепции истории средних веков. В течение многих лет он читал общий курс истории средневековья на историческом факультете МГУ и участвовал в коллективных работах советских медиевистов в данной области. Он является одним из ведущих авторов и ответственных редакторов второго тома первого издания учебника «Средние века» для вузов [13]. С. Д. Сказкин активно участвовал как автор и редактор во втором, значительно переработанном издании этого учебника [14]. Им были написаны отдельные главы для III и IV томов «Всемирной истории» [15]. Его перу принадлежат живые, красочные очерки истории западноевропейской средневековой дипломатии в коллективном труде советских историков «История дипломатии» (том I).

О чем бы ни писал С. Д. Сказкин, его работы, как исследовательские, так и научно-популярные, всегда отмечены высокой марксистской принципиальностью, широтой и оригинальностью постановки проблем, обширнейшей эрудицией. Как одному из ведущих советских медиевистов, С. Д. Сказкину постоянно приходится выступать с критикой буржуазной историографии [16].

Пожалуй, ярче всего связь повседневной деятельности С. Д. Сказкина с текущими запросами общественной и научной жизни проявляется в его отношении к преподаванию истории в школе. Начав свой трудовой путь в качестве преподавателя средней школы, он навсегда сохранил привязанность к ней, оставаясь другом и советчиком огромной армии учителей, их неизменным помощником в благородном деле воспитания подрастающего поколения. При всей своей занятости С. Д. Сказкин всегда находит время для содействия средней школе. Будучи в течение ряда лет ответственным редактором журнала «Преподавание истории в школе», он популяризовал достижения советской исторической науки, помогал улучшению методики ее преподавания в школе, писал научно-популярные и учебно-методические статьи для учителей по разным вопросам средневековой истории. Сергей Данилович отдает немало времени и сил разработке и внедрению в практику новой школьной программы по истории, которая составлялась в Академии педагогических наук в 1959—1960 гг. в связи с партийно-правительственными решениями об укреплении связи школы с жизнью. С. Д. Сказкин еще

---

[11] С. Д. Сказкин. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме. «Ученые записки» Московского городского педагогического института. Т. III. 1941; его же. Проблема абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения). «Из истории средневековой Европы (X—XVII вв.)». Сборник статей. М. 1957.

[12] С. Д. Сказкин. К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма. «Средние века». Вып. XI. 1958; его же. Коперник и Возрождение. «Исторический журнал», 1943, № 10; его же. Леонардо да Винчи (1452—1519). К 500-летию со дня рождения. «Преподавание истории в школе», 1952, № 4, и др.

[13] «История средних веков». Т. II. Под ред. С. Д. Сказкина и О. Л. Вайнштейна. М. 1939.

[14] «История средних веков». Т. I. Под редакцией Е. А. Косминского и С. Д. Сказкина. М. 1952; т. II. Под редакцией С. Д. Сказкина, А. С. Самойло и А. Н. Чистозвонова. М. 1954.

[15] «Всемирная история». Т. III. М. 1957; т. IV. М. 1958.

[16] См., например, С. Д. Сказкин. Фальсификация крестьянской войны 1525 г. в фашистской историографии. «Против фашистской фальсификации истории». Сборник статей. М.-Л. 1939.

до войны был одним из инициаторов создания ценного пособия для учителей — «Хрестоматии по истории средних веков» [17]. Вместе с коллективом молодых историков он подготовил к печати «Книгу для чтения по истории средних веков» в трех томах, главным редактором и одним из авторов которой он является [18]. Этой книгой вот уже многие годы постоянно пользуются учителя, а также школьники, работающие в исторических кружках. С большим увлечением работает С. Д. Сказкин в качестве редактора «Детской энциклопедии». При всей своей загруженности он всегда охотно откликается на предложения прочитать лекцию в Институте усовершенствования учителей, считая повседневное общение с учительским коллективом прямым долгом советского ученого.

Необходимо сказать и о педагогической деятельности С. Д. Сказкина. Он исключительно талантливый педагог, воспитатель молодежи по призванию. Более 40 лет читает Сергей Данилович на историческом факультете МГУ общий и специальные курсы по истории средних веков, и его лекции пользуются большой популярностью у студентов. С. Д. Сказкин ведет просеминарий на II курсе по истории средних веков, уделяя много времени индивидуальной работе со студентами, читая с ними источники, пробуждая в них интерес к научному исследованию [19].

За более чем сорокалетний период своей педагогической деятельности С. Д. Сказкин воспитал многих советских историков, работающих в разных областях исторической науки и в разных концах нашей Родины. Среди них есть учителя и научные работники, кандидаты и доктора исторических наук. Талант ученого и педагога сочетается у С. Д. Сказкина с высокими достоинствами его как человека, с большим личным обаянием, которое знают все, кто когда-либо сталкивался с ним по общей работе. Человек высокой принципиальности, умеющий твердо отстаивать свою позицию в научных дискуссиях, С. Д. Сказкин в общении с людьми отличается исключительной простотой, скромностью, чуткостью к окружающим. Всегда готовый помочь своим товарищам и ученикам, С. Д. Сказкин, где бы он ни работал, является душой коллектива, умеет сплотить его и создать в нем дружескую атмосферу взаимного доверия и уважения, которая служит залогом творческих успехов. Человек высокой и разносторонней культуры, тонкий ценитель живописи и музыки, Сергей Данилович духовно обогащает своих товарищей по работе и особенно учеников, знакомя их с достижениями мировой культуры и воспитывая в них любовь к науке и искусству.

Советская общественность искренне желает Сергею Даниловичу Сказкину долгих лет жизни и новых больших творческих успехов.

Е. В. Гутнова

---

[17] «Хрестоматия по истории средних веков». Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. Т. I. М. 1939; т. II. 1938. Второе, дополненное издание в 3-х томах: т. I. М. 1949; т. II. 1950; т. III. 1950. Третье, исправленное издание: т. I. М. 1953.

[18] Книга для чтения по истории средних веков. Под ред. С. Д. Сказкина. Ч. 1. М. 1940; изд. 2-е, ч. 1. М. 1948; ч. 2. 1951; ч. 3. 1953.

[19] См. С. Д. Сказкин. Семинарские занятия по истории. «Вестник высшей школы», 1951, № 5; его же. Вовлечение студентов в научную работу. «Вестник высшей школы», 1952, № 9.

Обзоры и рецензии

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР (1954—1960 гг.) *

Всестороннее изучение внешней политики СССР — одна из актуальных задач советской исторической науки. Значение глубокого разъяснения миролюбивой внешней политики Советского Союза подчеркнуто в постановлении Центрального Комитета КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» [1].

Буржуазными авторами написано немало работ о внешней политике СССР. Однако в этих работах, как правило, извращаются факты, распространяются клевета на советскую дипломатию, вымыслы о мифическом «красном империализме», делаются попытки исказить ленинский принцип мирного сосуществования стран с различными социальными системами. В целях обмана народных масс буржуазные ученые фальсифицируют теорию и практику марксизма-ленинизма в вопросах международных отношений, приписывают советской внешней политике чуждые ей экспансионистские, захватнические цели [2].

Советские историки решительно разоблачают все эти измышления реакционной буржуазной историографии и, опираясь на неопровержимые факты и бесспорные доказательства, показывают в своих трудах, что ничего общего с реальной действительностью подобные выдумки не имеют.

Размах исследований в СССР по истории внешней политики и международных отношений значительно увеличился после XX съезда КПСС. Издан ряд ценных монографий, брошюр, исследовательских статей. По данным Всесоюзной книжной палаты, в течение 1953—1958 гг. в нашей стране было опубликовано на русском, украинском и других языках 155 книг, брошюр, лекций, посвященных вопросам внешней политики Советского государства. В 1959 г. вышло еще около 60 работ [3]. В это число не входят труды по истории зарубежных стран и международных организаций, в отдельных главах или параграфах которых освещается внешняя политика Советского Союза.

Большую ценность представляет сборник «Ленин о внешней политике Советского государства» (М. 1960). В книгу вошли статьи и речи Владимира Ильича, относящиеся к послеоктябрьскому периоду истории нашей Родины. Материалы, собранные в ней, показывают, как глубоко анализировал организатор и руководитель Советского государства международную обстановку, гениально предвидел развитие событий на длительное время вперед. Основоположник внешней политики Страны Советов, В. И. Ленин был инициатором главных мероприятий Советского правительства в сношениях с иностранными государствами на протяжении 1917—1923 годов. В. И. Ленин повседневно руководил работой Народного комиссариата по иностранным делам. Выход сборника в свет способствует всестороннему изучению ленинских документов по вопросам внешней политики и международных отношений.

---

* Обзор А. Е. Иоффе обсуждался на совещании в редакции с участием В. М. Кулакова, Г. А. Деборина, Г. Л. Розанова, А. О. Чубарьяна, А. П. Шемарулиной, И. К. Коблякова, И. Ф. Ивашина. Участники совещания поддержали инициативу автора и редакции, подготовивших данный обзор, и высказали пожелание усилить на страницах журнала разработку вопросов истории внешней политики СССР. Статья А. Е. Иоффе может явиться первым шагом в выполнении этой задачи.

[1] «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Постановление Центрального Комитета КПСС. М. 1960, стр. 14.

[2] См., например, Max Beloff. The Foreign Policy of Soviet Russia. 1929—1941. London, New York, Toronto. 1947; Th. Bailey. America faces Russia. Russian-American Relations from early Times to our day. Stanford University. 1950; L. Fischer. The Soviets on World Affairs. Vol. I-II. Princeton. 1951; G. V. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Rußland. Wiesbaden. 1955; G. F. Kennan. Soviet-American Relations. Vol. I. Russia Leaves the War. Princeton. 1956. Vol. II. Decision to Intervene. Princeton. 1958; Donald W. Treadgold. Twentieth Century Russia. Chicago. 1959; G. Kennan. Peaceful Co-Existence. A Western View. «Foreign Affairs». Vol. 38, № 2, January 1960.

[3] См. «Книжная летопись» за соответствующие годы.

Основополагающими документами для изучения советской внешней политики являются решения съездов Коммунистической партии Советского Союза и пленумов ЦК КПСС по вопросам международного положения и внешней политики СССР, а также решения по этим вопросам съездов Советов РСФСР и СССР [4]. Огромное значение для изучения современных международных отношений и внешней политики СССР имеют доклады и выступления Н. С. Хрущева, его речи, заявления на пресс-конференциях, ответы на письма и вопросы [5].

В докладах Н. С. Хрущева на XX и XXI съездах Коммунистической партии Советского Союза [6] дан исчерпывающий анализ современного этапа развития международных отношений, творчески развит ряд ленинских теоретических положений с учетом тех коренных изменений, которые произошли в мире за послевоенные годы, определены задачи Коммунистической партии в области внешней политики.

В осуществлении на практике этой политики Н. С. Хрущев принимает, как известно, личное активнейшее участие. Его визиты в Китайскую Народную Республику, Венгрию, Польшу, Румынию, Чехословакию и другие социалистические страны, двукратная поездка в США, пребывание в Индии, Индонезии, Бирме, Афганистане, во Франции, Австрии, Финляндии и других государствах, частые встречи и беседы с зарубежными государственными деятелями, дипломатами, журналистами, деловыми людьми, представителями науки и культуры десятков стран способствуют росту миролюбивых сил во всем мире. Большое значение имеют выступления Н. С. Хрущева на Ассамблее Организации Объединенных Наций с программой всеобщего разоружения, состоявшиеся 18 сентября 1959 г. и 23 сентября 1960 года.

Глубокий марксистско-ленинский анализ современного международного положения содержится в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в ноябре 1960 г. в Москве. В исторических документах, единодушно принятых Совещанием, показано, что мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества. Ныне уже не существует фатальной неизбежности мировой войны, хотя агрессивная природа империализма не изменилась и военная опасность не миновала. Наступило время, сказано в Заявлении, когда можно пресечь попытки империалистических агрессоров развязать мировую войну [7]. Совещание с новой силой подчеркнуло, что в условиях разделения мира на две системы единственно правильным и разумным принципом международных отношений является выдвинутый великим Лениным принцип мирного сосуществования государств с разным социальным устройством. Политика мирного сосуществования отвечает коренным интересам всех народов, она способствует мобилизации мировой демократической общественности на активную борьбу против врагов мира. Эту ленинскую политику неуклонно осуществляют Советский Союз и все социалистические страны.

За последнее время опубликованы специальные труды о В. И. Ленине как осно-

---

[4] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Чч. I—IV. М. 1953—1960; «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях». Сборник документов под общей редакцией А. Я. Вышинского. М. 1939; «Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях». Сборник документов под общей редакцией А. Я. Вышинского. М. 1939; «Съезды Советов в документах. 1917—1936». Под редакцией М. П. Георгадзе. Т. I. М. 1959; Тт. II и III. М. 1960, и др.

[5] См. Н. С. Хрущев. За прочный мир и мирное сосуществование. М. 1958; его же. К победе в мирном соревновании с капитализмом. М. 1959; его же. Мир без оружия — мир без войн. Т. I. Январь — июль 1959 года. М. 1960; т. II. Август — декабрь 1959 года. М. 1960; «Жить в мире и дружбе». Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в США 15—27 сентября 1959 г. М. 1959; «Счастье и мир — народам!». Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в Индии, Бирме, Индонезии и Афганистане 11 февраля — 5 марта 1960 г. М. 1960; «Советско-французская дружба — залог мира!». Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева во Франции 23 марта — 3 апреля 1960 г. М. 1960; Н. С. Хрущев. За мир, за разоружение, за свободу народов! М. 1960.

[6] Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии 14 февраля 1956 г. М. 1956; его же. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Доклад и заключительное слово на Внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза 27 января и 5 февраля 1959 г. М. 1959.

[7] См. «Правда», 6 декабря 1960 года.

воположнике внешней политики СССР[8]. М. Айрапетян и П. Кабанов освещают разработку В. И. Лениным, Коммунистической партией основных принципов, направлений и задач внешней политики социалистического государства. Авторы показывают глубоко научные основы советской внешней политики, ее связь с внутренней политикой. К сожалению, в книге есть недостатки. В ней слабо освещена советская политика в отношении государств Востока. В книге мало свежего конкретного материала.

Значительную ценность представляет коллективный труд научных сотрудников Института народов Азии АН СССР, вышедший в свет к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. В центре внимания авторов — значение ленинизма для исторических судеб государств Востока, анализ высказываний В. И. Ленина по различным вопросам истории, экономики, культуры Китая (статьи Го Шао-ган и Н. П. Виноградова), Индии (статья Г. Ф. Девяткина и А. М. Дьякова), Индонезии (статья А. А. Губера), Кореи (статья В. М. Мазурова) и других восточных стран.

В. И. Ленин пристально следил за ходом советско-китайских переговоров, внимательно изучал соответствующие документы, а также материалы, рассказывающие об обстановке в Китае, принимал у себя посланцев китайского народа. Много внимания руководитель Коммунистической партии и Советского государства уделял также отношениям Советской России с Индией, Ираном, Ираком, Афганистаном.

В работе А. Н. Хейфеца использованы наряду с ленинскими трудами и опубликованными документами новые материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а также мемуарная литература. Изучение источников позволило А. Н. Хейфецу осветить разработанные В. И. Лениным основы политики Советского государства по отношению к странам Востока, показать, как В. И. Ленин заботился об оказании материальной поддержки угнетенным народам Востока, руководил борьбой советской дипломатии за установление дружественных и равноправных отношений со всеми государствами Востока.

Общие проблемы ленинской стратегии и тактики в международной политике рассматривает С. Ю. Выгодский. К сожалению, в его содержательной книге есть ряд недостатков. Довольно обстоятельно осветив политико-дипломатические вопросы, автор гораздо менее убедительно показал заботу В. И. Ленина о налаживании международных торговых, финансовых, научно-технических связей Советской страны с зарубежными странами как экономической основы мирного сосуществования[9]. Мало внимания уделено борьбе В. И. Ленина с противниками мирного сосуществования стран — «левыми» коммунистами, бухаринцами и другими.

Несомненный интерес представляют статьи А. Богомолова[10] и Б. Е. Штейна[11], опубликованные к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Работы по конкретной истории советской внешней политики, вышедшие в свет за последние несколько лет, условно можно разделить на три группы: работы, посвященные отношениям СССР с отдельными странами; книги, в которых рассматриваются определенные периоды или крупные проблемы внешней политики СССР; обобщающие труды.

Среди работ первой группы особенно важны и интересны книги об отношениях Советского Союза со странами народной демократии.

---

[8] М. Айрапетян, П. Кабанов. Ленинские принципы внешней политики Советского государства. М. 1957; «Ленин и Восток». Сборник статей. Ответственный редактор Б. Г. Гафуров. М. 1960; А. Н. Хейфец. Ленин — великий друг народов Востока. М. 1960; С. Ю. Выгодский. В. И. Ленин — руководитель внешней политики Советского государства. Л. 1960; см. также И. Ивашин. Ленинский принцип мирного сосуществования в действии. «Великая сила ленинских идей». Сборник статей. М. 1960.

[9] См. «Ленин о внешней политике Советского государства», стр. 331, 364, 374, 443; «Ленинский сборник» XXXVI, стр. 311—312, 338—339, 341, 351—352 и др. Об отношении В. И. Ленина к предоставлению концессий иностранцам см. интересную статью В. И. Касьяненко, Л. Ф. Мороэова и Л. К. Шкаренкова «Из истории концессионной политики Советского государства». Журнал «История СССР», 1959, № 4.

[10] А. Богомолов. В. И. Ленин и внешняя политика Советского государства. «История СССР», 1960, № 2.

[11] Б. Е. Штейн. Ленин и Генуэзская конференция. «Вестник» Московского университета. Серия IX. Исторические науки. М. 1960.

После победы народно-демократических революций в ряде европейских и азиатских стран социализм вышел за рамки одного государства, возникла мировая социалистическая система. Главная отличительная черта нашего времени состоит в том, что мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества. Между странами социалистического лагеря сложились межгосударственные отношения нового типа. Исследование этих отношений представляет огромный научный и практический интерес.

В настоящее время в изучении взаимоотношений СССР с социалистическими странами имеются уже некоторые успехи.

В нескольких работах освещается история советско-китайских отношений. Издан сборник документов, раскрывающий взаимоотношения двух государств более чем за сорок лет [12]. Обстоятельно освещаются советско-китайские отношения в монографии М. С. Капицы [13], написанной на богатой источниковедческой базе. Используя советские и некоторые китайские архивы, документальные публикации обеих стран, материалы прессы, а также специальную литературу, автор показывает последовательную борьбу Советского правительства в 1917—1949 гг. за установление дружественных отношений с Китаем, большую и бескорыстную помощь советского народа китайской революции на разных ее этапах. В книге охарактеризованы дружеские связи между двумя народами, развивавшиеся несмотря на сложность обстановки в старом Китае и неоднократные антисоветские провокации со стороны китайских милитаристов. Работа дает также представление о состоянии советско-китайских деловых связей в различные периоды.

Исследованию экономических отношений между СССР и Китаем посвящен труд М. И. Сладковского [14]. Особенно интересны страницы, рассказывающие о большой и разнообразной помощи СССР Китайской Народной Республике в период восстановления народного хозяйства и в первые годы планового строительства социалистической экономики Китая. Уже в 1950—1952 гг. советские организации оказывали техническую помощь Китаю в восстановлении, реконструкции и развитии более чем 50 крупнейших промышленных предприятий. Удельный вес советско-китайского товарооборота в общей стоимости внешней торговли КНР поднялся с 23,4% в 1950 г. до 51,5% в 1952 году. В течение 1953—1955 гг. Советский Союз поставил в КНР комплектное оборудование для 156 промышленных объектов и 21 отдельного цеха (стр. 313, 336—337).

Наряду с монографиями, охватывающими длительный период истории, имеются работы, посвященные конкретным вопросам советско-китайских отношений. В частности, обстоятельно освещен вопрос об участии китайских трудящихся, находившихся к моменту Октябрьской революции в России, в вооруженной борьбе за победу Советской власти, против белогвардейцев и иностранных интервентов в годы гражданской войны [15]. Вместе с советским народом в вооруженной борьбе против сил старого мира участвовали также тысячи корейских трудящихся [16].

Ценные материалы об отношениях между СССР и Китаем, Кореей, а также другими государствами Востока содержатся в книге А. Н. Хейфеца [17] и в коллективных

---

[12] «Советско-китайские отношения. 1917—1957». Сборник документов. Ответственные редакторы И. Ф. Курдюков, В. Н. Никифоров, А. С. Перевертайло. М. 1959. Сборник содержит также некоторые документы за 1958 год.

[13] М. С. Капица. Советско-китайские отношения. М. 1958.

[14] М. И. Сладковский. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М. 1957.

[15] Н. А. Попов. Они с нами сражались за власть Советов. Л. 1959; Д. Лаппо, А. Мельчин. Страницы великой дружбы. Участие китайских добровольцев на фронтах гражданской войны. М. 1959; И. Бабичев. Участие китайских и корейских трудящихся в гражданской войне на Дальнем Востоке. Ташкент. 1959; Г. Новогрудский, А. Дунаевский. Товарищи китайские бойцы. М. 1959; см. также «Дружба, скрепленная кровью (Сборник воспоминаний китайских товарищей — участников Октябрьской революции)». М. 1959.

[16] С. А. Цыпкин. Участие корейских трудящихся в борьбе против интервентов на советском Дальнем Востоке (1918—1922). «Вопросы истории», 1957. № 11; С. А. Хан. Участие корейских трудящихся в гражданской войне на русском Дальнем Востоке (1919—1922); Сборник «Корея (История и экономика)». М. 1958.

[17] А. Н. Хейфец. Великий Октябрь и угнетенные народы Востока. М. 1959.

трудах [18]. В этих работах анализируются принципы в отношениях с государствами Востока, впервые в истории последовательно применяемые Советской страной. Советско-монгольские экономические отношения исследованы М. В. Мещеряковым [19].

В ряде работ рассматривается история взаимоотношений Советского Союза с социалистическими странами Европы. Определенные положительные итоги можно отметить в изучении советско-германских отношений в первые послеоктябрьские годы [20], а также в исследовании содружества советского народа с чехословацким и польским народами в период Великой Отечественной войны [21].

Немало сделано советскими историками в области изучения влияния Октябрьской революции на развитие классовой и национально-освободительной борьбы трудящихся в странах, ныне ставших на путь социалистического развития [22].

По вопросам отношений СССР с европейскими странами народной демократии, помимо значительного количества лекций, популярных брошюр и статей, можно назвать работы Б. Д. Зотова [23] и С. Д. Сергеева [24], в которых освещается проблема экономического сотрудничества. Авторы — особенно убедительно, на большом фактическом материале это сделано С. Д. Сергеевым — рассматривают принципы и формы экономического сотрудничества, показывают масштабы и значение братской помощи между этими странами в социалистическом строительстве. Более 75% товарооборота СССР приходится на торговлю с народно-демократическими странами, которые получают из Советского Союза первоклассные машины, станки, готовую промышленную продукцию, сырье и, в свою очередь, осуществляют ценные поставки в СССР. В отношениях между братскими странами широко распространены различные формы кредитов, оказание друг другу научно-технической помощи. В течение 1947—1958 гг. СССР передал странам народной демократии 14,8 тыс. комплектов различной научно-технической документации и около 3,5 тыс. комплектов получил из этих стран [25]. Гораздо слабее разработан вопрос о том, как создается международное разделение труда, складывалась и развивается система мирового социалистического хозяйства.

---

[18] «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)». Под общей редакцией Е. М. Жукова. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М. 1956; «Великий Октябрь и народы Востока». Ответственный редактор А. Л. Губер. М. 1957.

[19] М. В. Мещеряков. Очерк экономического сотрудничества Советского Союза и Монгольской Народной Республики. М. 1959.

[20] И. К. Кобляков. От Бреста до Рапалло. Очерки истории советско-германских отношений с 1918 по 1922 г. М. 1954 (Позднее издана в ГДР: I. K. Koblјakov. Fon Brest bis Rapallo. Berlin. 1956); его же. Борьба Советского государства за сохранение мира с Германией в период действия Брестского договора (март — ноябрь 1918 г.). «История СССР», 1958, № 4; И. А. Росенко. Рапалльский договор — важная победа ленинской политики мира. «Вестник» Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. Вып. 2. М. 1960; см. также «Ноябрьская революция в Германии». Сборник статей и материалов. М. 1960.

[21] С. Грачев. Помощь СССР народам Чехословакии в их борьбе за свободу и независимость (1941—1945). М. 1953; И. А. Петерс. Содружество чехословацкого и советского народов в борьбе против фашизма в годы второй мировой войны. Киев. 1959 (на украинском языке); Г. М. Славин. Из истории советско-польских отношений (январь — май 1945 г.). «Вопросы истории», 1959, № 8.

[22] «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы». Сборник статей под редакцией А. Я. Манусевича. М. 1957; «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. Ответственный редактор академик И. И. Минц. М. 1957; М. В. Мисско. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М. 1957; И. Матвеев. У истоков вечной дружбы. Новосибирск. М. 1958; М. А. Бирман. К вопросу об участии болгар в защите завоеваний Октябрьской революции (1917—1919). Журнал «Новая и новейшая история», 1957, № 5; П. А. Голуб. Польские революционные войска в России в 1917—1920 гг. «Вопросы истории», 1958, № 3; Ф. А. Комарова. Интернационалисты зарубежных стран в борьбе за власть Советов в России. М. 1958; Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Интернациональные части Красной Армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. М. 1960, и др.

[23] Б. Д. Зотов. Внешняя торговля европейских стран народной демократии на службе строительства социализма. М. 1958.

[24] С. Д. Сергеев. Экономическое сотрудничество и взаимопомощь стран социалистического лагеря. 2-е издание, переработанное и дополненное. М. 1959.

[25] Там же, стр. 125.

Некоторые вопросы отношений СССР со странами народной демократии рассмотрены в кандидатских диссертациях [26].

Серьезное внимание советские ученые уделяют исследованию отношений СССР с капиталистическими странами. Они показывают те огромные усилия, которые неизменно прилагал и прилагает Советский Союз в целях установления и развития хороших отношений со всеми, без исключения, буржуазными государствами.

Изучая международные отношения, историки стремятся показать, как миролюбивые силы добились значительного перевеса над силами агрессии, какую роль сыграла в этом активная, целеустремленная советская внешняя политика, охарактеризовать ту борьбу по вопросам войны и мира, которая происходила и происходит ныне в буржуазных странах, раскрыть, как миролюбивая деятельность СССР способствует укреплению позиций противников войн и милитаризма в буржуазных странах, помогает создать широкий и могучий международный антивоенный фронт.

Определенные успехи в изучении истории отношений Советского Союза с отдельными капиталистическими странами уже есть. Две книги по истории англо-советских отношений опубликовал Ф. Д. Волков [27]. Используя публикации документов и ряд архивных фондов, прессу и мемуары, Ф. Д. Волков показывает борьбу по «русскому вопросу», которая велась в английских правящих кругах, непоследовательность политики английского правительства по отношению к СССР [28]. Автор приводит интересные данные о борьбе СССР за установление прочных дружественных отношений с Великобританией, показывает развитие не только политических, но и деловых связей между двумя странами.

Материалы, приводимые Ф. Д. Волковым, служат убедительным доказательством того, что хорошие отношения и широкие деловые связи с Советским Союзом всегда были жизненно необходимы для Великобритании, а разница в социально-политических системах обеих стран не является препятствием для их дальнейшего развития и укрепления. Обе работы Ф. Д. Волкова обладают серьезными достоинствами, но, к сожалению, не лишены и некоторых недостатков. Автор не освещает отношения к Советскому Союзу английской прогрессивной интеллигенции, скупо говорит о позиции Коммунистической партии Англии [29], о взаимных контактах советских и английских трудящихся. В дальнейшем исследовании нуждается такой важный для понимания развития международных событий в новейшее время вопрос, как давление реакционных кругов США на политику Англии в отношении Советского Союза. Эти круги вели борьбу против установления нормальных советско-английских отношений, против развития широкого делового сотрудничества между обеими странами.

К работам Ф. Д. Волкова близко примыкает монография В. И. Попова [30]. Однако авторы не дублируют друг друга. В. И. Попов, уделяя большое внимание разоблачению антисоветских провокаций со стороны английских правящих кругов, в то же время обстоятельно разрабатывает проблему взаимоотношений народных масс обоих государств. Он широко использует материалы советской и прогрессивной английской печати, а также документы Архива внешней политики СССР. Привлекая некоторые английские и американские источники, В. И. Попов разоблачает антисоветские интриги государственного департамента в период разрыва Англией дипломатических отношений с СССР, роль США в попытках создания единого антисоветского фронта.

---

[26] В. А. Бойченко. Советско-болгарские отношения 1944—1952 гг. Киев. 1956; Д. Б. Мельцер. Роль Советского Союза в обеспечении свободы и независимости болгарского народа (1939—1952 гг.). Л. 1954; С. М. Пархомчук. Роль Советского Союза в борьбе румынского народа за освобождение от фашистского ига и установление народно-демократического строя в Румынии (1941—1946 гг.). Киев. 1955, и др.

[27] Ф. Д. Волков. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства. М. 1954; его же. Англо-советские отношения. 1924—1929 гг. М. 1958.

[28] Этот вопрос освещается также в кандидатских диссертациях: А. И. Конощев. Англо-советские отношения (1924—1925). Л. 1955; С. В. Никонова. Антисоветская политика английского консервативного правительства Болдуина. 1924—1927. М. 1955.

[29] В книге «Англо-советские отношения. 1924—1929 гг.», например, указанным вопросам посвящено только несколько страниц (145—146, 215—217, 219).

[30] В. И. Попов. Англо-советские отношения (1927—1929). М. 1958.

Борьба двух тенденций в Великобритании по вопросам взаимоотношений с СССР в последующие годы (после восстановления осенью 1929 г. дипломатических отношений с Советским Союзом) — годы наиболее острого проявления мирового экономического кризиса — является темой монографии А. Н. Красильникова [31]. Эта борьба показана на большом, частично новом или малоизвестном советскому читателю материале. Лейбористское правительство, стоявшее в 1929—1931 гг. у власти, не проявляло должной дальновидности и государственной мудрости, и в силу этого многие возможности развития взаимовыгодных связей — и в политике и в экономике — не были использованы.

Обобщенная характеристика англо-советских отношений за длительное время — с 1917 по 1951 г.— содержится в трудах В. Г. Трухановского [32].

Во всех названных работах освещается такой существенный аспект антисоветской деятельности английской реакции, как ее активное участие в восстановлении военно-промышленного потенциала и вермахта Германии.

Значительно слабее изучены советско-американские отношения. Литература по данному вопросу пополнилась книгами Г. К. Селезнева и Д. Н. Сташевского, в которых содержатся некоторые новые материалы об антисоветской деятельности реакционных кругов США в первые годы существования Советской власти [33], работами Р. Г. Симоненко [34], В. Иванова и В. Леоняна [35]. Привлекая американскую прессу и специальную литературу, авторы последней работы показали, что дальнейшее развитие США требовало установления нормальных дипломатических отношений и широких экономических связей с Советским Союзом, взаимных уступок и отказа от каких-либо форм дискриминации. В. Иванов и В. Леонян проанализировали расстановку сил в США в начале 30-х годов по вопросу об отношении к СССР [36].

Отношения между двумя сильнейшими державами мира всегда играли первостепенную роль в мировой политике. Советский Союз в самые различные периоды истории неизменно активно выступал за полное взаимопонимание, за широкое сотрудничество с США в интересах обеих стран, в интересах мира во всем мире. Глубокое изучение советско-американских отношений с привлечением широкого круга источников, в том числе архивных, является, с нашей точки зрения, одной из актуальных задач историков. Очень важно также продолжить исследование позиций различных партий и классов в самих США по «русскому вопросу», вести разоблачение антисоветской деятельности американской реакции — главной силы агрессии и войн,— препятствовавшей развитию добрососедских отношений Советского Союза с капиталистическими странами.

По истории взаимоотношений с Францией были в последние годы опубликованы монография, исследующая период 1917 г. [37], сборник статей, касающихся времени второй мировой войны и послевоенного периода [38], книги Ю. В. Борисова, а также несколько отдельных статей [39]. Некоторые факты о политической и дипломатической поддержке,

---

[31] А. Н. Красильников. Политика Англии в отношении СССР. 1929—1932 гг. М. 1959.

[32] В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии после второй мировой войны. М. 1957; его же. Новейшая история Англии. М. 1958.

[33] Г. К. Селезнев. Тень доллара над Россией. Из истории американо-русских отношений. М. 1957; Д. Н. Сташевский. Провал антисоветской политики международного империализма (1917—1924). Киев. 1957 (на украинском языке).

[34] Р. Г. Симоненко. Империалистическая политика США по отношению к Украине в 1917—1918 годах. Киев. 1957 (на украинском языке).

[35] В. Иванов, В. Леонян. В интересах народов. К вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и США в 1933 г. М. 1958.

[36] Подробнее на эту тему см. кандидатские диссертации: В. К. Фураев. Политическая борьба в США по вопросу о советско-американских отношениях в 1929—1933 гг. Л. 1954; Г. Н. Цветков. Провал антисоветской политики США в период мирового экономического кризиса (1929—1933 гг.). Киев. 1955.

[37] А. Е. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г. М. 1958.

[38] «СССР — Франция (Из истории политических, экономических и культурных отношений)». М. 1960.

[39] Ю. В. Борисов. Уроки истории Франции и современность. М. 1955; его же. Советско-французские отношения и безопасность Европы. М. 1960; А. Манфред. Франко-советские отношения в мировой политике. «Международная жизнь», 1959, № 12; его же. Некоторые вопросы франко-советских отношений в период 1917—1957 гг. «Французский ежегодник. 1958». М. 1959; Ю. В. Борисов. Советский Союз и Франция в годы второй мировой войны (1941—1945). «Новая и новейшая история», 1960, № 3.

оказанной Советским Союзом силам, боровшимся за освобождение и восстановление Франции, о защите Советским правительством законных интересов французского государства на международной арене в годы второй мировой войны и в послевоенное время содержатся в книге Н. Н. Молчанова [40].

Из трудов, посвященных взаимоотношениям СССР с другими западными странами, может быть названа книга А. Ефремова [41], анализирующая советскую политику последовательной защиты нейтралитета и независимости Австрии. Экономические и культурные связи обеих стран охарактеризованы в ней менее обстоятельно. Следует сказать также о трех небольших работах — о советско-финляндских, советско-турецких и советско-иранских отношениях,— в которых показано величайшее уважение СССР к суверенности каждого государства и каждого народа, большая помощь, оказанная СССР в укреплении политической и экономической независимости как Финляндии, так и Турции и Ирана [42].

★

Одна из основных проблем внешней политики СССР, особенно привлекающая внимание исследователей в последние годы,— борьба за всеобщую безопасность, за разоружение, за превращение международных организаций — Лиги Наций (до войны) и Организации Объединенных Наций (в послевоенные годы) — в учреждения, которые действительно стояли бы на страже мира, надежно защищали суверенитет всех без исключения государств. В разработке этой проблемы имеются определенные успехи, хотя, в общем, нельзя еще сказать, что она исследуется достаточно интенсивно. Вышло в свет, кроме популярных брошюр, лекций, отдельных статей, несколько монографий: В. М. Хайцмана, А. С. Протопопова, К. А. Багиняна и Г. И. Морозова [43].

В книге В. М. Хайцмана, основанной на обширном круге советских и зарубежных источников, рассказывается о том, как упорно правительства западных держав препятствовали практическому осуществлению сокращения армий, вооружений, военных расходов. Не решаясь прямо и открыто заявить о своих позициях, империалисты придумывали ссылки на «несговорчивость» СССР, заявляя, будто бы эта несговорчивость была причиной безрезультатности длительных прений сначала в подготовительной комиссии по разоружению, затем на Ассамблее и в различных комитетах Лиги Наций. В. М. Хайцман разоблачает подобную клевету (а к ней, как известно, западные дипломаты прибегают и по сей день).

Материалы книги убедительно свидетельствуют о том, что начиная с Генуэзской конференции 1922 г. Советское правительство вело последовательную, целеустремленную борьбу за всеобщее сокращение вооружений и вооруженных сил, а затем и полное разоружение. Свои предложения СССР подкреплял практическими делами. С декабря 1920 до середины 1922 г. вооруженные силы в нашей стране были сокращены с 5 300 тыс. до 800 тыс. человек. Известно, что в послевоенные годы Советский Союз также первым, не дожидаясь заключения международного соглашения по этим вопросам, значительно сократил и продолжает сокращать свои вооруженные силы.

В ценной книге А. С. Протопопова обстоятельно проанализирована последовательная борьба СССР в послевоенный период (до 1957 г.) за сокращение вооружений и запрещение оружия массового уничтожения. Автор убедительно разоблачает виновников длительной затяжки переговоров по назревшим вопросам международных отношений — правящие круги США и поддерживающих их правительств других стран. Он

---

[40] Н. Н. Молчанов. Внешняя политика Франции. 1944—1954. М. 1959.

[41] А. Ефремов. Советско-австрийские отношения после второй мировой войны. М. 1958.

[42] Е. А. Амбарцумов. Советско-финляндские отношения. М. 1956; М. Моисеев, Ю. Розалиев. К истории советско-турецких отношений. М. 1958; Р. А. Тузмухамедов. Советско-иранские отношения. 1917—1921. М. 1960.

[43] В. М. Хайцман. СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами). М. 1959; А. С. Протопопов. Советский Союз в Организации Объединенных Наций. Из истории борьбы СССР за мир и независимость народов (1945—1957 гг.). М. 1957; К. А. Багинян. Борьба Советского Союза против агрессии. М. 1959; Г. И. Морозов. Организация Объединенных Наций (к 15-летию Устава ООН). Вступительная статья А. В. Топчиева. М. 1960.

характеризует деятельность советских представителей в ООН, стоящих на страже национальной независимости и суверенных прав народов [44]. Деятельность ООН в последние годы рассмотрена Г. И. Морозовым.

К. А. Багинян в своей содержательной работе оценивает факты борьбы Советского Союза против агрессии с международно-правовых позиций. Он показывает, что четкие определения таких понятий, как агрессия — прямая, косвенная, экономическая, идеологическая,— как право государств на индивидуальную и коллективную самооборону, как ответственность государств и лиц, виновных в развязывании и ведении несправедливой войны, даны непосредственно Советским Союзом или международными организациями при активном участии советских представителей. Практическая борьба за правильную квалификацию действий милитаристских сил и организацию коллективного отпора агрессорам раскрывается автором на многих ярких фактах. Последовательное соблюдение принципа самоопределения в международно-правовой практике Советского Союза показано в книге Г. Б. Старушенко [45].

Наряду с упомянутыми работами в последние годы опубликовано несколько книг, рассматривающих внешнюю политику Советской страны в определенные периоды. Некоторые работы касаются первых лет Советской власти. Это книги Я. Г. Темкина, С. Ю. Выгодского, С. М. Майорова [46], а также «История гражданской войны в СССР» (т. III, 1957, т. IV, 1959).

В работе Я. Г. Темкина рассматривается борьба партии большевиков за прекращение преступной войны и заключение справедливого мира, без аннексий и контрибуций, на протяжении всего периода участия России в мировой империалистической войне. В специальной главе освещается ленинская программа мира в действии, характеризуются особенности тактики В. И. Ленина, руководившего работой советской делегации во время Брест-Литовских переговоров.

В центре внимания С. М. Майорова история Брест-Литовских переговоров. Работа над документами Архива внешней политики СССР и Центрального военно-исторического архива позволила автору пополнить ранее известные сведения рядом новых фактов, прежде всего о предательской деятельности Троцкого. Готовя под тщательной маскировкой срыв переговоров, Троцкий заблаговременно принимал меры к тому, чтобы открыть русский фронт для будущего наступления немецкой армии. Меньше внимания С. М. Майоров уделил деятельности правительств США, Англии и Франции и других сил, стремившихся сорвать соглашение между Советской Россией и государствами четверного союза.

Этот вопрос обстоятельно исследован в диссертации А. О. Чубарьяна [47].

Опубликованы также новые исследования, раскрывающие политику капиталистических держав в отношении первого в мире социалистического государства в последующие годы. Из монографических работ назовем книгу Б. Е. Штейна [48], в которой впервые в нашей литературе дается обобщенный анализ международного положения Советской России в 1920—1921 годах.

Серьезную научную ценность представляет монография Н. Л. Рубинштейна [49], в которой особенно обстоятельно исследованы проблемы внешнеполитических отношений

---

[44] Некоторые материалы, дополняющие работу А. С. Протопопова, содержатся в кандидатской диссертации Н. Д. Дятленко «Борьба Советского Союза против использования Соединенными Штатами Америки Организации Объединенных Наций в качестве орудия агрессии против Китая и Кореи (1950—1953 гг.)». М. 1955.

[45] Г. Б. Старушенко. Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике Советского государства. М. 1960.

[46] Я. Г. Темкин. Большевики в борьбе за демократический мир (1914—1918 гг.). М. 1957; С. Ю. Выгодский. Ленинский декрет о мире. Л. 1958; С. М. Майоров. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. М. 1959. На эту тему см. также статью В. С. Васюкова и А. О. Чубарьяна «Борьба большевистской партии и Советского правительства за революционный выход из войны». «Победа Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1957.

[47] А. О. Чубарьян. Брестский мир и позиция стран Антанты. М. 1959.

[48] Б. Е. Штейн. «Русский вопрос» в 1920—1921 гг. М. 1958. Книга является продолжением монографии ««Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.)». М. 1949.

[49] Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Советского государства 1921—1925 гг. М. 1953.

СССР со странами Дальнего, Среднего и Ближнего Востока, а также деятельность советских дипломатов на Генуэзской, Гаагской, Московской и Лозаннской конференциях.

Исследование некоторых вопросов темы продолжил Л. Р. Клецкий [50].

Хуже обстоит дело с изучением внешней политики Советской страны в последующие годы (1925—1939). Обобщающих работ по истории взаимоотношений СССР с зарубежным миром в этот длительный период пока очень мало [51]. Зато можно говорить о некоторых успехах в изучении международной политики СССР в годы второй мировой войны, о чем свидетельствуют монографии Г. А. Деборина, Л. Н. Иванова и В. Л. Израэляна [52].

Используя советскую и зарубежную печать, документальные издания, многочисленные мемуары, Г. А. Деборин показывает, какие большие усилия прилагало Советское правительство, стремясь не допустить развязывания второй мировой войны, пытаясь организовать коллективный отпор агрессорам.

В книге Л. Н. Иванова уделено большое внимание анализу политики западных держав в эти годы, показано, что английское и французское правительства, поддерживаемые США, стремились превратить войну в Европе в войну антисоветскую.

Изучение внешней политики Советского Союза накануне и в первые годы второй мировой войны (до нападения гитлеровской Германии на СССР) значительно продвинулось вперед с выходом в свет первого тома «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» [53]. Авторы этого ценного труда широко использовали советские и зарубежные архивы, что дало им возможность обстоятельно проанализировать настойчивую борьбу СССР против разжигавшегося совместными усилиями фашистских стран и империалистов Англии, Франции, США военного пожара. Исторические факты свидетельствуют о том, что вторую мировую войну можно было предотвратить.

Внешняя политика СССР после нападения гитлеровской Германии на нашу страну изучена недостаточно. В книгах Г. А. Деборина и Л. Н. Иванова этому вопросу уделено мало внимания. Не опубликованы еще и соответствующие тома «Истории Великой Отечественной войны».

Данная проблема в качестве самостоятельной темы разрабатывается В. Л. Израэляном. Его книга представляет несомненный интерес. Материалы, содержащиеся в ней, вновь напоминают, что вполне возможно тесное сотрудничество государств с различными социальными системами.

Более полно данная проблема рассмотрена в работах, обобщающих внешнеполитическую деятельность СССР и развитие международных отношений в послевоенные годы [54]. В этих работах приводятся многочисленные факты борьбы между участниками антифашистской коалиции в 1945—1959 гг. вокруг важнейших международных вопросов. Эта борьба проходила в новой обстановке — превращения социализма в мировую систему, невиданного прежде роста международного престижа Советского Союза, с одной стороны, и обострения общего кризиса капиталистической системы — с другой.

---

[50] Л. Р. Клецкий. Ленинское учение о мирном сосуществовании двух систем и его реализация в 1921—1925 годах. Л. 1959 (кандидатская диссертация).

[51] Издана популярная работа Л. Григорьева, Л. Оленева «Борьба СССР за мир и безопасность в Европе (1925—1933 гг.)». М. 1956; кроме того, интерес представляют статья В. Сиполс «Борьба СССР за мир в Прибалтике. 1933—1940 гг.». «Коммунист Латвии», 1959, № 9, и кандидатская диссертация А. А. Васильева «Борьба Советского государства за мир, против попыток создания единого антисоветского империалистического фронта в 1927 г.». Л. 1954. О советской политике накануне мировой войны имеются материалы в книгах В. А. Матвеева «Провал мюнхенской политики (1938—1939)». М. 1955; А. М. Некрича «Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 — сентябрь 1939)». М. 1955; В. Г. Полякова «Англия и мюнхенский сговор». М. 1960, в статьях В. М. Хвостова, Г. А. Деборина и других авторов.

[52] Г. А. Деборин. Вторая мировая война. М. 1958; Л. Н. Иванов. Очерки международных отношений в период второй мировой войны (1939—1945 гг.). М. 1959; В. Л. Израэлян. Дипломатическая история Великой Отечественной войны. М. 1959.

[53] «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.». Т. I. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. М. 1960.

[54] «Международные отношения и внешняя политика Советского Союза. 1945—1949». Под редакцией проф. Г. А. Деборина. М. 1958; «Международные отношения и внешняя политика СССР. 1950—1959». I полутом. М. 1960; С. Выгодский. Внешняя политика СССР — политика мира и международного сотрудничества. М. 1958.

Реакционные силы на Западе, прежде всего в США, продолжали выступать против мирного сосуществования, против сотрудничества с СССР. В результате противодействия этих сил, как известно, до сих пор не ликвидированы многие последствия второй мировой войны. В капиталистических странах не прекратилась гонка вооружений. Продолжается широкая шпионско-диверсионная работа против Советского Союза и других социалистических стран, раздаются открытые призывы к новому военному походу против «международного коммунизма».

В упомянутых книгах показана борьба советской внешней политики за срыв этих провокационных планов, за справедливое решение таких вопросов, как заключение мирных договоров с бывшими фашистскими странами и их союзниками в войне, за разоружение и коллективную безопасность, за расширение взаимовыгодного сотрудничества со всеми государствами.

Выход в свет исследований по отдельным проблемам или периодам советской внешней политики создает благоприятные условия для создания сводных работ; потребность же в последних очень велика.

Из числа подобного рода книг по истории внешней политики СССР, опубликованных в последние годы, могут быть названы краткое учебное пособие, подготовленное кафедрой международных отношений Высшей партийной школы при ЦК КПСС [55], работа В. М. Хвостова [56] и книга И. Ф. Ивашина [57].

В книге, написанной коллективом преподавателей ВПШ, кратко, в соответствии с характером этого издания, изложены основные факты борьбы Советского Союза за мир и международное сотрудничество в 1917—1957 годах.

Работа В. М. Хвостова, хотя она и носит научно-популярный характер, содержит не только систематическое изложение фактов, но и глубокий анализ принципов, направлений, целей советской внешней политики, органически связываемых автором с освещением внутренней политики Советского Союза и важнейших особенностей международного развития новейшего времени.

С точки зрения научной разработки проблемы, особенный интерес представляет третья глава работы, в которой содержатся интересные, частично новые материалы о борьбе СССР против мюнхенской политики западных держав и о последовательной защите Советским Союзом суверенитета малых стран, в частности шведского нейтралитета в 1940 году [58].

Наиболее полным по объему обобщающим трудом является книга И. Ф. Ивашина, излагающая историю советской внешней политики с 1917 по 1958 год. Автор опирается на советскую историческую литературу, прессу, документальные сборники. Его работа в определенной степени характеризует как успехи, так и упущения, недостатки в разработке истории внешней политики Советского Союза. Этот труд, по нашему мнению, заслуживает более подробного рассмотрения.

Разумеется, И. Ф. Ивашин не мог в одной книге одинаково обстоятельно изложить все вопросы темы. Но автором сделан несомненный шаг вперед в удовлетворении потребностей широких читательских кругов: преподавателей, студентов, лекторов, пропагандистов, слушателей семинаров и кружков сети партийного просвещения, живо интересующихся историей внешней политики Советского государства.

Главное внимание в «Очерках» отведено изложению генеральной линии внешней политики СССР — борьбе за мир, за мирное сосуществование государств с различными социально-политическими системами. Наиболее полно представлен в книге конкретно-исторический материал при изложении борьбы Советского государства за укрепление мира в 20-х и 30-х годах. В центре внимания советской дипломатии в этот период стояли вопросы разоружения и организации коллективного отпора агрессорам.

В «Очерках» приводятся убедительные факты, показывающие действительных ви-

---

[55] «История международных отношений и внешней политики СССР (1870—1957 гг.)». М. 1957.

[56] В. М. Хвостов. 40 лет борьбы за мир. М. 1958.

[57] И. Ф. Ивашин. Очерки истории внешней политики СССР. М. 1958.

[58] См. об этом также: К. Дмитриева. Выступление СССР в защиту Швеции от гитлеровской агрессии. «Международная жизнь», 1958, № 3; М. Андреева, К. Дмитриева. Советский Союз и нейтралитет Швеции в годы второй мировой войны. «Международная жизнь», 1959, № 9.

новников второй мировой войны. Несмотря на усилия Советского Союза и миролюбивых сил других стран, предотвратить войну не удалось. Но благодаря дальновидности советской внешней политики, в основе которой лежал глубокий и всесторонний анализ международных политических и экономических отношений, был сорван коварный план мюнхенцев — натравить Германию на СССР в условиях международной изоляции Советского государства.

Создание союза антифашистских государств после нападения гитлеровской Германии на СССР, показано далее в книге, явилось продолжением многолетней борьбы нашей страны за коллективную безопасность, против агрессоров. Образование такой коалиции было объективной необходимостью.

Излагая историю внешней политики СССР в послевоенное время, И. Ф. Ивашин уделяет большое внимание борьбе Советского Союза за мирное сосуществование, за укрепление мира, причем он подчеркивает, что эта борьба ведется уже не только СССР: величайшим итогом второй мировой войны явился выход социализма за рамки одной страны и превращение его в мировую систему.

Одной из важнейших задач внешней политики Советского Союза продолжает оставаться борьба за разоружение. «Всеобщее и полное разоружение,— говорил Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев на Генеральной Ассамблее ООН 18 сентября 1959 г.,— дало бы возможность переключить огромные материальные и финансовые средства с производства орудий смерти на созидательные цели. Энергия людей может быть направлена на создание материальных и духовных ценностей, которые украшают и облагораживают труд и жизнь людей» [59]. Нет такого народа на земле, который не поддержал бы предложений Советского Союза.

В книге И. Ф. Ивашина собраны материалы, показывающие усилия СССР в деле справедливого решения германского вопроса, на основе постановлений Потсдамской конференции [60].

Труд И. Ф. Ивашина представляет несомненный интерес для широкого читателя. Но в нем есть упущения. Так, чересчур общо, неконкретно характеризуются особенности внешней политики Советского государства, его международное положение на отдельных этапах. Наименее удачно в этом отношении написана последняя глава «Очерков» — «Борьба Советского Союза за укрепление мира и мирное сосуществование двух систем в послевоенные годы». Вместо анализа и обобщения фактов здесь дается лишь беглое их перечисление.

Следовало бы, по нашему мнению, уделить больше внимания экономическим отношениям СССР с капиталистическими государствами. Автор слабо использовал имеющиеся по этому вопросу статистические данные и научную литературу.

Все сказанное не колеблет вывода о полезности и ценности книги И. Ф. Ивашина

★

Расширять и углублять изучение внешней политики СССР необходимо прежде всего путем мобилизации новых документов, вовлечения в научный оборот новых фактов, конкретных материалов.

В настоящее время созданы благоприятные условия для научной разработки проблем внешней политики. Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР приступила к выпуску многотомного сборника «Документы внешней политики Советского Союза». Уже вышли в свет первые четыре тома, охватывающие время с октября 1917 по конец 1921 года [61]. В них опубликовано 1 594 советских документа, в том числе более половины (805) печатается впервые; кроме того, приведены десятки документов, ранее не публиковавшихся на русском языке. Издана переписка глав великих держав в годы Отечественной войны, что дало возможность разоблачить различные

---

[59] Н. С. Хрущев. Мир без оружия — мир без войн. Т. 2, стр. 160.

[60] О борьбе Советского Союза за мирное решение германской проблемы см. также А. Е. Авалдуев. Борьба Советского Союза за мирное демократическое решение германского вопроса (март 1952 — март 1954 г.). М. 1956 (кандидатская диссертация); В. М. Бузуев. Борьба Советского Союза за демократический мирный договор с Германией (1945—1949 гг.). «История СССР». 1959, № 2.

[61] «Документы внешней политики СССР». Т. I. М. 1957; т. II. М. 1958; т. III. М. 1959; т. IV. М. 1960.

вымыслы, получившие распространение в капиталистических странах, восстановить истинную роль международной политики СССР в мобилизации всех сил и средств на борьбу с фашизмом. Опубликованы ценные тематические документальные сборники [62].

Отрадно отметить наличие контактов между историками и архивистами Советского Союза и стран народной демократии, в результате чего осуществлены совместные издания документов [63]. Несколько оживилась публикация статей и мемуаров видных советских дипломатических работников, о чем свидетельствует выход в свет книг А. В. Луначарского, В. В. Воровского, И. М. Майского [64].

Интересные внешнеполитические документы печатаются на страницах журналов «Международная жизнь», «Исторический архив», «Военно-исторический журнал» [65]. Надо пожелать, чтобы подобная издательская деятельность расширялась, велась более быстрыми темпами. Этого требуют интересы науки. Нельзя не пожалеть в этой связи о том, что прервано ежегодное издание сборников документов советской внешней политики за послевоенный период. Последняя вышедшая в свет книга содержит дипломатическую документацию за 1950 год. Представляется весьма желательным возобновление этого полезного издания.

Одновременно мы должны больше изучать и использовать в научной работе архивные документы по вопросам советской внешней политики. Неполнота, слабость фактической аргументации являются недостатком ряда работ по этой проблеме. Широкое привлечение новых материалов позволит еще более успешно разоблачать клеветнические измышления реакционных буржуазных историков по внешнеполитическим вопросам. Борьба с фальсификаторами остается одной из актуальных задач советских исследователей.

К сожалению, лишь в немногих книгах по истории советской внешней политики имеются историографические очерки, в которых были бы проанализированы и подвергнуты обстоятельной критике наиболее характерные, типичные для буржуазной литературы тенденции в освещении советской внешней политики, дан отпор ревизионистским вылазкам, извращающим внешнюю политику СССР и других социалистических стран. Нередко, как показывает практика, повинны в этом издательства, исключающие данные очерки из текста рукописей.

Перед советскими историками, изучающими международную политику СССР, стоят и многие другие серьезные задачи. Необходимо, по нашему мнению, углубить научно-историческую постановку самой проблемы, полнее раскрывать связи и взаимозависимость, существующие между внешней и внутренней политикой. Внутренняя по-

---

[62] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Тт. I и II. М. 1957; «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Документы и материалы. М. 1959; «Локарнская конференция 1925 г.». Документы. М. 1959.

[63] «Новые документы из истории Мюнхена». Совместное издание министерств иностранных дел СССР и Чехословацкой Республики. М. 1958; «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Совместное издание министерств иностранных дел СССР и Чехословацкой Социалистической Республики. М. 1960; «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922)». М. 1957; «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924)». М. 1958; «Международная солидарность трудящихся в борьбе с наступлением реакции и военной опасностью (1925—1927)». М. 1959. Последние три документальных сборника изданы с участием архивных учреждений Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Китая, Кореи, Польши, Румынии, Чехословакии.

[64] А. В. Луначарский. Статьи и речи по вопросам международной политики. М. 1959; В. В. Воровский. Статьи и материалы по вопросам внешней политики. М. 1959; И. М. Майский. Воспоминания советского посла в Англии. М. 1960.

[65] См., например, «Из истории советско-германских экономических отношений (1920—1926 гг.)». «Международная жизнь», 1957, № 1; «Документы о взаимоотношениях между Советской Россией и Венгерской Советской Республикой». Там же, 1957, № 4. Две публикации из истории советско-турецких отношений. Там же, 1958, № 2; 1960, № 7; «Из истории советско-югославских отношений в период второй мировой войны». Там же, 1958, № 8; «Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г.». Там же, 1959, №№ 2, 3; «К истории советско-китайской интернациональной солидарности (1924—1928 гг.)». «Исторический архив», 1959, № 4; «Об установлении связей между СССР и США». Там же, 1960, № 2; «Помощь Советского правительства и командования советских войск населению Берлина в 1945 году». «Военно-исторический журнал», 1959, № 8, и др.

литика страны, выступающей за мир, за сотрудничество со всеми странами, направлена на развитие мирных отраслей экономики, широкое строительство научных и культурных учреждений, непрерывное улучшение положения трудящихся. Иными, противоположными устремлениями характеризуется внутренняя политика тех государств, где правящие круги стремятся к войне, а не к миру.

Научной разработке следует подвергнуть в первую очередь те внешнеполитические проблемы, которые поставлены на XX и XXI съездах Коммунистической партии Советского Союза, в Московской Декларации и Манифесте мира 1957 г., в постановлении ЦК КПСС о задачах партийной пропаганды в современных условиях от 9 января 1960 г., в документах Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в ноябре 1960 г. в Москве. Почетный долг историков — показать, как сложилось новое, благоприятное для социалистического лагеря соотношение сил на мировой арене, какое воздействие оказывают внутренние и внешние успехи социалистических стран на укрепление миролюбивых сил во всем мире.

Недостаточно, далее, по нашему мнению, разработан вопрос о претворении в жизнь великого принципа пролетарского интернационализма во взаимоотношениях Советской страны с зарубежными государствами [66]. Для исследования этой проблемы имеется отличная документальная база, в том числе такой ценный и еще недостаточно используемый источник, как печать братских коммунистических партий. Читатель ждет серьезных научных трудов о новом типе международных отношений, сложившихся между странами социалистического лагеря.

Большая потребность испытывается в книгах, раскрывающих на большом и ярком фактическом материале историю деловых, научных, культурных связей [67] между СССР и буржуазными государствами, показывающих значение этих форм сосуществования и сотрудничества для укрепления мира во всем мире.

Советские ученые могут убедительно показать, что Советский Союз, противопоставляя лозунгу империалистической реакции «давайте вооружаться» лозунг «давайте торговать», непрерывно расширяет и укрепляет многосторонние связи с буржуазными странами. Они могут проследить, насколько помогают такие контакты улучшению международной обстановки, как выгодны и полезны они и для социалистических и для капиталистических государств. Ведь, несмотря на созданные правительством США препятствия, товарооборот Советского Союза с капиталистическими странами Европы и Америки в 1958 г. вырос почти в три раза по сравнению с 1950 г., а торговля СССР с такими странами, как Франция, Англия, Италия, Австрия, имеет хорошие перспективы. За 1959 г. внешнеторговый оборот Советского Союза вырос более чем на 25% по сравнению с предыдущим годом [68].

---

[66] Следует отметить интересные статьи на эту тему Э. Б. Генкиной «Интернациональные связи советских трудящихся в восстановительный период» («Из истории рабочего класса и революционного движения». Сборник памяти академика А. М. Панкратовой. М. 1958) и М. С. Кузьмина «Борьба международного пролетариата за поддержку СССР в 1924—1927 годах» («Вестник» Ленинградского университета, № 8, серия истории, языка и литературы. Вып. 2. ЛГУ. 1960).

[67] Вопросы культурных связей СССР с зарубежными странами пока рассматривались лишь в некоторых статьях и диссертациях. См., например, К. А. Крутиков. Из истории советско-китайских научных и культурных связей. «История СССР», 1959, № 4; М. С. Кузьмин. Из истории советско-французских культурных связей. «История СССР», 1960, № 3; Р. Грушка. Советско-чехословацкие культурные связи в 1945—1948 гг. М. 1959; Д. В. Вашаев. Развитие советско-иранских культурных связей (1921—1956). Ташкент. 1959 (кандидатская диссертация); Л. Р. Клецкий. К вопросу о роли международных культурных связей Советского государства в развитии мирного сосуществования двух систем (1921—1925 гг.). «Ученые записки» ЛГПИ имени Герцена, 1958, № 175 (кафедра истории КПСС); его же. К истории советско-китайских культурных связей в 1949—1959 годах. «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 1; А. Н. Соловьев. Из истории франко-советских культурных и научных связей в 1931—1935 годах. Там же. Ряд малоизвестных сведений по этому вопросу применительно к послевоенным годам, взятых из архивов Министерства культуры СССР, ВОКС, Украинского общества культурной связи с заграницей, приводится в кандидатской диссертации М. С. Золотарева «Ленинский принцип мирного сосуществования двух систем и борьба КПСС и Советского правительства за его осуществление на современном этапе (1953—1956 гг.)». Киев. 1957.

[68] «Правда», 2 июля 1960 года.

Недостаточно еще ведется изучение вопроса о бескорыстной помощи Советского Союза слаборазвитым странам [69].

СССР только за последние несколько лет добился прекращения интервенционистских действий против Объединенной Арабской Республики, не допустил вторжения интервенционистских войск в Ливию, Ирак, последовательно защищает независимость Кубы, Конго, Лаоса. Большому количеству государств, в том числе таким, как Индия и Индонезия, Советский Союз в течение многих лет оказывает большую экономическую помощь.

Подготовка обобщающих работ не исключает, разумеется, монографических исследований отдельных проблем и периодов истории советской внешней политики. Требуется дальнейшая монографическая разработка истории борьбы Советского Союза за разоружение, за запрещение атомно-водородного оружия, за коллективную безопасность в послевоенные годы. Читатели ждут и новых трудов по истории советско-американских, советско-французских отношений. Нет еще книг на темы «СССР и Италия», «Советский Союз и страны Латинской Америки» [70], «СССР и Япония».

Что касается отдельных периодов истории советской внешней политики, то нет еще сводной работы о внешней политике СССР в 1917—1920 гг., хотя, как мы видели, несколько авторов в последние годы выступили с книгами на смежные, почти совпадающие темы (конец 1917 — весна 1918 г.) — свидетельство слабой еще координации исследовательской работы. Несмотря на наличие ряда книг и статей, еще мало изучены такие вопросы, как международная обстановка в период заключения Брестского мира, борьба большевистской партии по принципиальным проблемам международной политики и особенно советская дипломатия в годы гражданской войны. Необходимо, наконец, усилить изучение внешней политики Советского Союза в 20—30-е годы. Здесь перед исследователями встают такие, например, проблемы, как борьба СССР за коллективную безопасность, против агрессии, политическое и экономическое сотрудничество Советского Союза с государствами Востока, СССР и Лига Наций.

Многое может сделать в деле успешного развертывания исследовательской деятельности недавно созданный сектор истории внешней политики СССР Института истории АН СССР. Видимо, сектор должен объединить не только группу своих штатных работников, но и ученых других учреждений, преподавателей, лекторов, установить контакты не только с москвичами, но и с историками других городов страны, стать центром по организации научных диспутов, обсуждению намеченных к печати рукописей, подготовке молодых ученых.

В нынешнем семилетии, когда советский народ решает величественные задачи развернутого коммунистического строительства, можно ожидать появления новых трудов по истории советской внешней политики. Отрадными фактами являются выпуск в свет второго, значительно расширенного и дополненного издания «Дипломатического словаря» и особенно второго издания «Истории дипломатии», III, IV и V тома которого будут посвящены истории международной политики СССР.

Советские историки должны создать капитальные научные исследования по истории внешней политики Советского Союза, смело разрабатывать теоретические проблемы, обобщить богатейший опыт международной политики Советской страны. К созданию таких фундаментальных трудов призывает советских ученых Коммунистическая партия.

А. Е. Иоффе

---

[69] Можно назвать лишь две научно-популярные работы на эту тему, освещающие экономические стороны проблемы: А. К. Кохаров, Г. М. Прохоров. Дружеская помощь и взаимовыгодное сотрудничество (экономические связи СССР с промышленно слаборазвитыми странами Востока). Л. 1959; М. З. Гетманец. Экономическое сотрудничество Советского Союза со слаборазвитыми странами. Киев. 1957 (на украинском языке). См. также: Внешняя торговля СССР со странами Азии, Африки и Латинской Америки. М. 1959. Некоторые данные о помощи СССР Индии имеются в кандидатской диссертации Г. Н. Олейниченко. Советско-индийские отношения. М. 1958.

[70] Хороший почин сделан А. П. Самсоновым, выступившим со статьей об экономическом сотрудничестве СССР со странами Латинской Америки с середины 20-х годов до наших дней. См. «Латинская Америка в прошлом и настоящем». Сборник статей по экономике, истории и культуре стран Латинской Америки. М. 1960.

«История Латвийской ССР». Том III. С 1917 г. по 1950 г. Ответственный редактор академик Академии наук Латвийской ССР К. Я. Страздинь. Изд-во АН Латв. ССР. Рига. 1958. 798 стр. Тираж 5 000. Цена 28 руб.

В 1958 г. вышел в свет III том «Истории Латвийской ССР», подготовленный Институтом истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР. Тем самым завершено фундаментальное исследование истории Латвии от глубокой древности до наших дней [1].

В томе всесторонне охарактеризованы важнейшие этапы жизни и борьбы латышского народа за победу социализма (1917—1950 гг.). Книга имеет большое политическое, научное и культурное значение. Она помогает воспитанию трудящихся Латвии в духе верности марксизму-ленинизму, делу Коммунистической партии. История народных масс, их героической борьбы за светлое будущее стоит в центре внимания авторов.

Работая над III томом «Истории Латвийской ССР», авторский коллектив широко использовал как опубликованные источники — научную литературу, статистические труды,— так и новые материалы, извлеченные из Центрального государственного архива Советской Армии, Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства СССР, Архива Министерства обороны СССР, Центрального государственного архива Латвийской ССР, Рижского городского архива, Архива Института истории партии при ЦК КПЛ и ряда других.

В книге рассмотрен на основе марксистско-ленинской методологии ряд кардинальных проблем истории Латвии новейшего периода. Особое внимание обращено на анализ событий социалистической революции в Латвии, освещение революционной борьбы пролетариата, шедшего во главе освободительного движения трудящихся масс, руководящей роли Коммунистической партии в борьбе латвийского народа против господства буржуазии, за восстановление Советской власти, за строительство социализма.

Используя богатый материал, авторы показывают великое значение дружбы латышского народа с русским и другими народами Советского Союза для исторических судеб трудящихся Латвии. Вместе с тем книга наносит удар по зарубежным фальсификаторам истории, извращающим в угоду правящим кругам империалистических держав историю Латвии. Неопровержимые факты, приводимые в ней, разоблачают ложь буржуазной пропаганды о том, будто социалистический строй «навязан» Латвии «извне».

Исторические судьбы латышского народа всегда были тесно связаны с судьбами русского и других народов нашей страны. Эти связи еще более окрепли в период борьбы трудящихся царской России против помещиков и капиталистов, за торжество социалистической ревслюции. Возглавлял революционную борьбу рабочий класс России, в том числе один из его мощных отрядов — латышский пролетариат. Руководимые Коммунистической партией, трудящиеся массы Латвии преодолели огромные трудности и временные неудачи и добились победы в борьбе за построение нового, социалистического общества.

Много внимания в III томе уделено разоблачению реакционных концепций, которые усиленно распространяла латышская буржуазия на протяжении двух десятилетий своего господства (отрицание самобытного характера латышской культуры, утверждение, что только иноземные завоеватели принесли латышскому народу культуру и просвещение и т. д.).

Книга состоит из трех разделов, каждый из которых соответствует определенному этапу истории латышского народа после 1917 года. Первый — Великая Октябрьская социалистическая революция, иностранная военная интервенция и гражданская война в Латвии; второй — господство националистической буржуазии и героическая революционная борьба латышских трудящихся против фашистской диктатуры; третий — победа социалистической революции в Латвии, образование Латвийской ССР, участие латышского народа в Великой Отечественной войне и борьбе за победу социализма. В конце каждого раздела освещают-

[1] Оценку первых двух томов см. в рецензиях А. Л. Монгайта, Л. В. Черепнина, В. К. Яцунского («Вопросы истории», 1953, № 6); А. К. Вассара, Г. Ф. Лукина, И. М. Саата, Э. А. Янсен («Вопросы истории», 1955, № 9); К. Граудина, А. Мильштейна («Известия» АН Латвийской ССР, № 9 (98), 1955).

ся вопросы культуры за соответствующие годы.

В трех первых главах первого раздела рассказывается о подготовке и проведении Октябрьской революции в Латвии, а также о периоде германской оккупации. Эти главы написаны в значительной мере на основе новых материалов. Латвия показана как одна из наиболее развитых окраин России, тесно связанная политически и экономически с другими областями страны. Для Латвии была характерна высокая степень концентрации промышленного пролетариата. В книге приводятся яркие факты о росте классового сознания латышского пролетариата.

Достоинство рецензируемого труда в том, что события Октябрьского вооруженного восстания в Латвии показаны не обособленно, а на фоне общероссийских и международных событий, в тесной связи с рабочим движением не только в России, но и в основных капиталистических государствах. Пролетарская революция в Латвии являлась частью общероссийской революции, была обусловлена теми же социально-политическими противоречиями.

Латышский пролетариат, руководимый большевиками, сочетал революционную борьбу за социализм с борьбой за осуществление самых насущных требований малоземельного и безземельного крестьянства. Большевики Латвии решительно выступали за мир, за прекращение империалистической войны. На стороне Коммунистической партии находились широчайшие массы рабочего класса и трудового крестьянства.

Борьба трудящихся Латвии против буржуазии и помещиков, за социальное освобождение сочеталась с борьбой за освобождение национальное. В книге приведено много материалов, свидетельствующих о жестокой эксплуатации трудящихся масс Латвии со стороны русского царизма и привилегированного немецкого меньшинства. Все это накладывало особый отпечаток на ход революционного движения в Латвии. Здесь несколько раньше, чем во многих районах России, большинство Советов рабочих и солдатских депутатов, а также Советов безземельных крестьян перешло на сторону революции [2].

4-я глава книги посвящена знаменательному в истории латышского народа событию — восстановлению Советской власти в Латвии в 1919 году. Рабочий класс и безземельное крестьянство, возглавляемые латвийскими большевиками, изгнали при помощи русского пролетариата германских оккупантов из Латвии и свергли власть помещиков и капиталистов. Латышская националистическая историография усиленно фальсифицировала события славного 19-го года. В опровержение этой клеветы в главе приводятся многочисленные документы, рисующие руководящую роль ЦК СДЛК, героизм латышских трудящихся в борьбе за восстановление Советской власти, бескорыстную, братскую помощь, оказанную им рабочими и крестьянами Советской России. Яркой страницей в истории Латвии является вооруженное восстание трудящихся Риги, поднятое 3 января 1919 года.

Большое внимание уделено в главе политике большевиков по отношению к ранее угнетенным царизмом народам окраин, в частности значению декрета Советского правительства о признании независимости Советской Латвии, подписанного В. И. Лениным.

Первые социалистические преобразования в Латвии осуществлялись не всегда гладко. Допускались при этом и ошибки. Так, ряд ошибок имелся в 1919 г. в аграрной политике. В книге они обстоятельно проанализированы (стр. 176—179), показано, как эти ошибки были впоследствии исправлены Коммунистической партией и Советским правительством Латвии. В октябре 1921 г. В. И. Ленин писал: «Мы ни на минуту не забываем того, что неудач и ошибок у нас действительно было много и делается много. Еще бы обойтись без неудач и ошибок в таком новом, для всей мировой истории новом деле, как создание невиданного еще типа государственного устройства! Мы будем неуклонно бороться за исправление наших неудач и ошибок, за улучшение нашего, весьма и весьма далекого от совершенства, применения к жизни советских принципов» [3].

Опыт 1917—1919 гг. помог впоследствии латвийскому пролетариату в борьбе за восстановление Советской власти и победу социализма. Идеи Октябрьской революции всегда были живы в сердцах трудящихся. И никакие репрессии, никакой террор, свирепствовавший в Латвии во время германской оккупации 1918 г., а затем в годы

[2] См. Т. Я. Драудин. Безземельные Латвии в борьбе за землю и власть Советов в 1917 г. Рига. 1957 (на латышском языке); 1959 (на русском языке).

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 32.

господства националистической буржуазии, не могли их искоренить.

Во втором разделе книги обстоятельно освещена внутренняя обстановка и международное положение Латвии после того, как здесь в 1919 г. империалистами Антанты и латышскими реакционерами с помощью германских войск была свергнута Советская власть. Приведен обширный материал о распродаже латышской буржуазией народных богатств страны иностранным, прежде всего американским, империалистам. Территория Латвии стала ареной деятельности различных антисоветских организаций. На средства англо-американских банкиров действовала контрреволюционная организация Б. Савинкова. Шпионажем и диверсиями занимались некоторые сотрудники американской организации «АРА» («Американская администрация помощи»). В Ригу широким потоком доставлялось вооружение армиям, предназначенным для вторжения в Советскую Россию. Империалисты Антанты мечтали превратить латышский народ в пушечное мясо.

Латышские буржуазно-националистические правители ненавидели первое в мире социалистическое государство и жаждали его гибели. Но в то же время они не решались на открытую военную авантюру. В этой связи В. И. Ленин отмечал, что правительство буржуазной Латвии, а также правительства других прибалтийских государств «выжидали, оттягивали, писали ноты, посылали делегации, устраивали комиссии, сидели на конференциях и просидели до тех пор, пока Юденич, Колчак и Деникин оказались раздавленными, и Антанта оказалась бита...» [4].

В книге глубоко исследовано экономическое развитие буржуазной Латвии, раскрыта внутренняя политика ее правящих кругов. Промышленность Латвии в этот период резко деградировала. Удельный вес отраслей, производивших средства производства, снижался из года в год. Буржуазная Латвия попала в экономическую и политическую зависимость от крупных империалистических держав Европы и США. За двадцать лет буржуазного господства она превратилась в марионеточное государство, в полуколонию международного империализма. Целые отрасли народного хозяйства полностью перешли в этот период под контроль иностранного капитала. Например, в 1928 г. правительство буржуазной Латвии передало в руки спичечного концерна Крейгера всю спичечную промышленность. В сельском хозяйстве также снижалось производство. В рецензируемой книге приведены убедительные данные, свидетельствующие о разорении и обнищании латышского рабочего класса, а также трудового крестьянства в годы буржуазного господства (стр. 258, 259).

Внешняя политика буржуазной Латвии на протяжении всего двадцатилетия была направлена против советского социалистического государства, вела к полному подчинению национальных интересов Латвии интересам империалистических государств Запада. Эта политика противоречила коренным интересам латышского народа.

Содержащийся в книге документальный материал подтверждает тот вывод, что 20 лет (1920—1940) господства буржуазии и отрыв Латвии от Советской России привели страну на край гибели (стр. 410) [5].

Под руководством Коммунистической партии трудящиеся Латвии развернули упорную борьбу за свержение как господства собственной буржуазии, так и засилья иностранных империалистов, за восстановление Советской власти.

Большое внимание во втором разделе уделено рабочему движению в буржуазной Латвии. Читатель найдет здесь немало ярких страниц, повествующих о героической борьбе пролетариата против буржуазии и фашизма. Обширный материал говорит о зверствах реакции, массовых арестах коммунистов и революционных рабочих, расстрелах выдающихся борцов за народное дело.

Как и в предыдущем разделе, события в Латвии освещены на широком фоне международного революционного движения. Развертывая нелегальную деятельность, Коммунистическая партия умело использовала и различные легальные формы для вовлечения трудящихся в революционное движение. В книге подчеркивается, что в период фашистской диктатуры основное внимание партия уделяла развертыванию нелегальной работы по созданию оппозиционных групп в фашистских профсоюзах, проведению совместно с рабочими социал-демократами забастовок, различных политических выступлений, укреплению нелегальных свя-

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 363.

[5] См. подробнее по этому вопросу: А. А. Дризул. Латвия под игом фашизма. 1934—1940 гг. Рига. 1959 (на латышском языке); 1960 (на русском языке).

зей с различными антифашистскими организациями в целях сплочения всех демократических сил для борьбы против реакции и угрозы войны (стр. 390). Книга рассказывает о стачках и демонстрациях, о движении среди безработных, об укреплении единого пролетарского фронта. К сожалению, слабее показаны выступления сельскохозяйственного пролетариата, мало сказано о революционном движении в воинских частях, недостаточно освещены совместные антифашистские действия компартий Латвии, Литвы и Эстонии.

Фашизм в Латвии оказался не в силах подавить революционное движение. Он не мог заглушить, а лишь обострил классовые противоречия и классовую борьбу в стране. Сердца всех честных латышей неизменно были с советским народом. По призыву Коммунистической партии широкие народные массы активно выступили против антинародной политики клики Ульманиса.

Третий раздел книги охватывает период 1940—1950 годов. Здесь убедительно показано, что социалистическая революция и восстановление Советской власти спасли Латвию от национальной катастрофы. Под руководством Коммунистической партии латышский народ сверг ненавистный фашистский режим, вступил в дружную семью советских народов. Наступил новый этап в истории Латвии — период строительства социализма и коммунизма.

В 10-й главе рассказывается о победе социалистической революции и образовании Латвийской Советской Социалистической Республики. Подробно излагаются первые мероприятия Советского правительства по подавлению сопротивления свергнутых эксплуататорских классов, революционному преобразованию общественного и экономического строя. Приведены данные, показывающие громадную созидательную деятельность трудящихся, освобожденных от эксплуатации. С помощью братских советских республик и правительства СССР Латвия стала быстро превращаться из отсталой, аграрной страны в страну высокоразвитую, индустриальную.

11-я глава посвящена Великой Отечественной войне, подвигам воинов-латышей в боях с гитлеровскими захватчиками, борьбе народных мстителей в тылу врага. В книге использовано много новых данных о партизанском движении на территории республики.

Ввиду огромного военно-стратегического значения Прибалтики немецко-фашистское командование сосредоточило здесь большое количество войск и боевой техники. «Для удержания Прибалтики,— говорится в книге,— гитлеровцы создали мощные оборонительные полосы и сосредоточили крупные силы войск оперативной группы «Север», в состав которой входили: 18-я и 16-я армии, 3-я танковая армия, а также специально созданная армейская группа «Нарва». Группа «Север» насчитывала в своем составе более 50 дивизий, в том числе 7 танковых и две моторизованные» (стр. 568). Однако мощными ударами советских войск, в том числе Латышского стрелкового корпуса, противник был разгромлен. Прибалтика снова стала советской. Латышские стрелки, указывают авторы, своими боевыми подвигами в годы Великой Отечественной войны «продемонстрировали горячую любовь латышского народа к великой Советской Родине, его преданность Коммунистической партии и Советскому правительству, готовность преодолевать любые трудности и идти на жертвы во имя победы над врагом» (стр. 583). Советское правительство за проявленные в боях геройство и отвагу наградило орденами и медалями свыше 15 тыс. латышских солдат и офицеров.

Глава была бы еще более содержательной, если бы больше внимания уделялось освещению боевых действий не только Латышского стрелкового корпуса, но и других частей и соединений Советской Армии. Мало говорится о действиях Краснознаменного Балтийского флота, а ведь его удары по морским коммуникациям врага, особенно в районе Финского и Рижского заливов, имели чрезвычайно важное значение для разгрома гитлеровских сил в бассейне Балтийского моря.

12-я (последняя) глава книги рассказывает о победе социализма в Латвийской республике. Обстоятельно освещен переход к мирному социалистическому строительству, охарактеризована борьба латышского народа за проведение в жизнь ленинской политики индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, собраны яркие цифры и факты, свидетельствующие об успехах латышского народа в строительстве социализма. Из приведенных материалов сделаны важные выводы и теоретические обобщения. Достоинство главы и в том, что в ней раскрыта ведущая роль Коммунистической партии как вдохновителя и боевого руководителя рабочего класса, кол-

козного крестьянства, трудовой интеллигенции Советской Латвии. Под водительством Коммунистической партии латышские трудящиеся добились огромных успехов в восстановлении и развитии народного хозяйства республики в послевоенный период.

В книге показано, как партийная организация Латвии укрепляла свои ряды, усиливала связи с народом, преодолевала трудности, подчиняя свою деятельность борьбе за новый мощный подъем народного хозяйства. Одной из важнейших задач органов Советской власти и партийной организации республики после изгнания немецко-фашистских оккупантов из Латвии являлась борьба с остатками разгромленных эксплуататорских классов и деклассированных элементов, с бандами буржуазных националистов. В книге приведены яркие примеры этой борьбы, показана обреченность враждебных социализму сил, отсутствие у этих сил опоры в народе.

В рецензируемом томе значительное место уделено истории национальной культуры. В 4, 9 и 12-й главах приведен большой материал, который характеризует самоотверженную борьбу революционной, прогрессивной интеллигенции в буржуазной Латвии против реакционной, фашистской идеологии во всех областях культуры и вместе с тем показывает развитие народного просвещения, литературы, театра, изобразительного искусства, печати в Советской Латвии. В томе подчеркивается, что «тесное общение между народами СССР содействовало успешному развитию культуры латышского народа. В семье братских народов Советского Союза латышский народ в невиданно короткие сроки добился значительных успехов во всех областях народной культуры» (стр. 698).

В «Заключении» книги говорится об огромном значении мероприятий ЦК КПСС по крутому подъему сельского хозяйства, ускорению технического прогресса, перестройке управления промышленностью и строительством для дальнейшего подъема производительных сил Латвии. Авторы в кратких чертах характеризуют перспективы развития социалистической экономики республики в семилетке. Разумеется, история Советской Латвии в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму нуждается в специальном исследовании, о чем говорится в предпосланном книге вступлении «От редакции» (стр. 3).

Книга снабжена научно-вспомогательным аппаратом (хронологией, библиографией, указателем географических названий) и большим количеством иллюстраций, фотодокументов, таблиц, схем, диаграмм, портретов выдающихся деятелей революционного движения и активных участников социалистического строительства в Латвии.

В заключение следует сказать, что выход в свет III тома «Истории Латвийской ССР» — большое событие в научной жизни Латвии, в советской исторической науке.

К. М. Граудин, А. А. Мильштейн

С. Е. ТОЛЫБЕКОВ. *Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках.* Казахское государственное издательство. Алма-Ата. 1959. 448 стр. Тираж 10 000. Цена 8 руб.

Изучение истории Казахстана занимает важное место в историографии СССР. В предвоенные и особенно в послевоенные годы появился ряд монографических исследований и обобщающих трудов по истории казахского народа. Среди них прежде всего надо отметить изданный в 1957 г. первый том «Истории Казахской ССР», написанный коллективом авторов и являющийся результатом многолетних исследований и дискуссий по ряду сложных, малоизученных, спорных вопросов исторического прошлого республики. В ней получил обобщение ряд накопленных советской исторической наукой, главным образом казахскими учеными, данных. Известную роль в накоплении фактов сыграл и автор рецензируемой книги С. Е. Толыбеков. Изданная им ныне монография может рассматриваться как некоторый итог изысканий автора в области истории общественных отношений в дореволюционном Казахстане.

Цель книги — «поставить и осветить основные вопросы общественно-экономического строя кочевого скотоводческого хозяйства казахов в XVII—XIX вв. путем анализа и обобщения конкретных фактов из истории казахского народа, а также разбора их в сопоставлении с материалами, характеризующими кочевое хозяйство различных стран и исторических эпох, начиная с древнейших времен» (стр. 5). Как видим, здесь сформулирована весьма широкая проблема для исследования. Автор взял на себя труд не только разобраться в сложных и порой спорных вопросах истории социально-экономического развития казахского народа в дооктябрьский период, но и теоретически обобщить данные об общественных отношениях у кочевых народов вообще, для того чтобы установить и сформулировать некоторые общие закономерности их исторического развития. Постановка проблемы в предложенном плане представляет большой интерес, а конкретный материал по истории казахского народа, несомненно, может стать ценным источником для понимания и теоретического анализа специфических черт и закономерностей развития кочевых народов.

Положительной стороной рецензируемой работы является то, что в ней собран значительный фактический материал по ряду вопросов истории казахского народа, рассмотрены существующие в литературе мнения о развитии кочевых народов вообще, дана правильная оценка исторического значения присоединения Казахстана к России. В этом отношении рецензируемая книга кое в чем дополняет обобщающий труд «История Казахской ССР», поскольку в последнем, как уже отмечалось нашей печатью [1], по некоторым вопросам фактический материал не всегда достаточен, а историографический обзор вовсе отсутствует. С. Е. Толыбеков, как и авторы «Истории Казахской ССР», в полном соответствии с исторической действительностью обосновывает положение об исторической обусловленности, неизбежности и прогрессивности добровольного вхождения казахских жузов в состав России. Аргументируя этот тезис, он делает упор на экономической стороне вопроса, что еще более подкрепляет убедительность вывода автора.

Монография состоит из шести глав. В первых трех (стр. 7—191) излагаются общие вопросы истории, материального производства и общественных отношений у кочевых народов «различных стран и исторических эпох, начиная с древнейших времен», в четвертой и пятой (стр. 192—374) рассматриваются факторы, обусловившие присоединение в 30-х годах XVIII в. казахских жузов к России, прослеживается процесс этого присоединения, устанавливается его прогрессивное значение для кочевников. Лишь самая последняя, шестая, глава книги (стр. 375—433) непосредственно посвящена исследованию общественно-экономического строя казахов в XVII—XIX веках. Такое соотношение материала в монографии свидетельствует о том, что ее содержание не вполне соответствует названию, поскольку вопросы экономического строя казахов в XVII—XIX вв. заняли в книге довольно скромное место.

К каким же выводам пришел С. Е. Толыбеков по существу поставленной им проблемы?

Автор считает несомненным тот факт, что кочевому скотоводству как особому виду материального производства присущ особый экономический базис, которому соответствует и своя политическая надстройка. «В условиях кочевого скотоводческого общества,— пишет он,— сохраняется отсталая форма общественно-производственных *отношений в виде полуфеодальных, патриархально-феодальных* или патриархально-рабовладельческих отношений с патриархально-родовым бытом и отсталой политической надстройкой — аморфным полугосударственным (?) образованием переходного типа в виде кочевого ханства» (стр. 376). Иного базиса и иной надстройки у кочевников, пока они остаются таковыми, по мнению автора, никогда не было и быть не могло. С. Е. Толыбеков убежден в том, что основным средством производства у кочевников-скотоводов является не земля, а скот, что основой классового деления и эксплуатации трудящихся в таком обществе служит не собственность на землю, а собственность на скот. Земля, пастбищные угодья составляют общее достояние. Автор по этому поводу пишет: «...владение землей имело широкую общинную форму (в пределах целого кочевого ханства или соседних ханств известной народности, состоявшей из многочисленных племен и родов) при частной собственности на стада и табуны»

[1] И. Брагинский, И. Златкин, Н. Устюгов. Полезная книга по истории Казахстана. Журнал «Коммунист», 1957. № 16.

(стр. 104). «Такая форма кочевой общины была обусловлена технико-экономическими особенностями кочевого скотоводства...» (стр. 107, см. также стр. 251 и др.). Обществу кочевников, считает С. Е. Толыбеков, свойственно презрение к оседлому образу жизни и его культуре (стр. 144). Такому обществу органически необходимы грабительские войны против культурных оседлых народов. «Беспрерывному передвижению со скотом кочевников постоянно сопутствовала война»,— пишет он (стр. 166). Отсюда резко отрицательное влияние кочевых народов на оседлое земледельческое общество (стр. 168). Автор утверждает, что в условиях кочевой жизни народы лишены возможности прогрессивного развития, их жизнь в течение тысячелетий протекает в одних и тех же формах (стр. 78, 86, 146, 152 и др.).

Таковы в самом сжатом виде выводы С. Е. Толыбекова о закономерностях исторического развития кочевых народов мира, начиная с древнейших времен и кончая XIX веком. На основании этих общих выводов и решаются в книге вопросы об общественном строе казахов в XVII—XIX веках. Следует при этом отметить, что как в общетеоретическом плане, так и в конкретном применении к истории казахского народа утверждения С. Е. Толыбекова коренным образом расходятся с позицией авторов «Истории Казахской ССР».

Что же представляет собою та источниковедческая база, опираясь на которую С. Е. Толыбеков пришел к своим заключениям? Приходится признать исключительную скудость материалов, которыми автор подкрепляет свои выводы. Он приводит множество цитат из работ, относящихся к самым различным идеологическим направлениям. На страницах книги в изобилии встречаются высказывания А. Смита, Э. Реклю, Ш. Монтескье, Н. И. Зибера, Н. Г. Чернышевского, Г. В. Плеханова, Д. И. Писарева, Дж. Бернала, П. И. Лященко, Ч. Валиханова, С. Г. Струмилина, У. Фостера, М. М. Хвостова и другие, которые, по мнению автора, подтверждают правильность его положений.

Полемизируя с рядом советских историков, С. Е. Толыбеков часто обвиняет их в антиисторизме. Однако в этом с гораздо большим основанием можно упрекнуть самого автора. Вряд ли оправдан применяемый им метод исследования, когда для обоснования того или иного положения привлекаются не источники, не достоверные факты, а суждения любых авторов, лишь бы цитата из их произведений соответствовала его заключению. Приведем один лишь пример. На стр. 124 после цитаты из учебника «История Древнего Востока» В. И. Авдиева, в которой говорится о частной собственности на скот в Ново-Вавилонском царстве, С. Е. Толыбеков пишет: «Если такое положение имело место в рабовладельческом обществе с развитым городским ремеслом и многоотраслевым орошаемым земледелием, где основными отраслями производства были хлебопашество, садоводство и виноградарство, то совершенно бесспорно (!), что в условиях кочевого скотоводства основным средством эксплуатации человека человеком могла быть частная собственность на скот». Так путем произвольного перенесения фактов из одного периода истории в другой автор строит свою схему. Ему следовало бы вспомнить известное предупреждение В. И. Ленина: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (Υ) лишь в связи с конкретным опытом истории»[2].

Не будем останавливаться на трактовке С. Е. Толыбековым вопроса о роли земли в материальном производстве и общественных отношениях у кочевых народов. Споры по этому вопросу ведутся, если начинать с работ И. Бичурина[3], более 125 лет. Немало книг и статей посвятили этой проблеме советские историки и экономисты[4]. Важ-

---

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 200.

[3] Иакинф. Записки о Монголии. СПБ. 1828; см. также Е. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. II. СПБ. 1824.

[4] Ан. Калинников. Национально-революционное движение в Монголии. М. 1926; И. Майский. Современная Монголия. Иркутск. 1921; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение. М. 1950; И. Петрушевский. К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества. «Вопросы истории», 1947, № 4; его же. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л. 1949; Л. Потапов. К вопросу о феодальных отношениях у кочевников. «Краткие сообщения» Института этнографии. М. 1947; В. Шахматов. Внутренняя Букеевская орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата. 1946; С. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М. 1936; Л. Потапов. Очерк истории Ойротии. Новосибирск. 1933; М. Вяткин. Казахское общество в сере-

нейшее место в повестке дня Ташкентской научной сессии (1954 г.) занимали вопросы о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана и роли земли в производстве и общественной жизни этих народов. Данная проблема вызвала оживленную дискуссию и на страницах журнала «Вопросы истории»[5]. Ташкентская сессия, обсудив некоторые спорные вопросы истории Средней Азии и Казахстана, рекомендовала продолжить их изучение, обратив особое внимание на накопление нового фактического материала о землевладении и землепользовании у кочевников в условиях феодализма, о кочевой общине и ее роли и т. п.

Приходится констатировать, что рецензируемая книга не содержит новых данных по этому вопросу, основанных на проверенных источниках. Автор прошел мимо тех бесспорных фактов, на которые указывали ему в дискуссиях и в литературе ученые, не согласные с его концепцией[6]. Он не останавливается и на тех явлениях в истории кочевых народов, о которых свидетельствуют китайские, монгольские, казахские, туркменские, арабские, иранские и другие источники.

Автор заявляет, что установлению истины в интересующих его проблемах особенно мешают ошибочные взгляды Б. Я. Владимирцова, которые он именует «теорией кочевого феодализма». Казалось бы, что опровержению последней С. Е. Толыбеков должен был уделить соответствующее место в своей работе. Как же он опровергает Б. Я. Владимирцова? Главный труд Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» заслужил, как известно, мировую славу как результат филигранного анализа социальной структуры монгольского общества, который произведен на основе огромного фактического материала, взятого из монгольских источников. Б. Я. Владимирцов создал в известном смысле классический труд об эволюции общественных отношений у монголов, используемый и поныне нашей исторической наукой. Из сказанного, конечно, не следует, что в его концепции нет никаких изъянов. На некоторые ошибки в его работах уже указывалось в советской исторической литературе. К сожалению, С. Е. Толыбеков не полемизирует с Б. Я. Владимирцовым. Он просто зачеркивает его труд, даже не пытаясь противопоставить системе доказательств Б. Я. Владимирцова какую-нибудь аргументацию, способную опровергнуть концепцию ученого. Поэтому его утверждения, что Б. Я. Владимирцов идеализирует общественно-экономический строй «монгольских кочевников-грабителей, участвовавших в походах Чингисхана», что он ищет причину возникновения классовых отношений у монголов и у покоренных ими кочевников только в завоеваниях, насилии (стр. 169) и т. д., остаются, по существу, недоказанными.

С. Е. Толыбеков пишет, что кочевые народы, оставаясь таковыми, не могут в своем развитии подняться выше начальной стадии феодализма, которую он именует переходной, патриархально-феодальной, полуфеодальной, полурабовладельческой стадией, мало или вовсе не отличающейся от строя военной демократии (стр. 86—90, 376—380); что феодальная земельная собственность и крепостнические отношения могут возникнуть лишь на стадии развитого феодализма, достигнуть которой кочевники не в состоянии.

Соответствуют ли эти утверждения выводам нашей исторической науки?

Советская медиевистика в результате длительного изучения вопроса пришла к выводу, что на ранней стадии феодализма, в

дине XVIII в. Алма-Ата. 1940; В. Тардов. Основные черты производственных отношений у племен Персии. «Материалы по национально-колониальным проблемам». М. 1933, № 3; А. Бернштам. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии. «Советская этнография», 1934, № 6; Г. Башарин. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.). М. 1956; В. Батраков. Особенности феодализма у кочевых народов. «Научная сессия АН УзССР». Ташкент. 1947; П. Погорельский, В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана. М. 1930; А. Новичев. Турецкие кочевники и полукочевники в современной Турции. «Советская этнография», 1951, № 3. «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент. 1955, и др.

[5] См. «Вопросы истории», 1954, № 6; 1955, №№ 1, 3, 4, 11, 12; 1956, № 1.

[6] В частности, авторы «Истории Казахской ССР» пришли к выводу, прямо противоположному мнению С. Е. Толыбекова. «Земля в кочевом скотоводческом хозяйстве,— пишут они,— являлась не только условием, но и основным средством производства. У казахов-кочевников земля использовалась главным образом как пастбища. Крупные скотовладельцы-феодалы были фактически крупными собственниками пастбищ». «История Казахской ССР». Т. I, стр. 158.

процессе становления феодального способа производства, происходит узурпация феодализирующейся знатью общинной или аллодиальной земельной собственности и превращение непосредственных производителей из свободных в феодально-зависимых людей. В результате этого процесса завершается складывание основных классов феодального общества: феодалов и зависимого от них крестьянства. Что касается развитого феодализма, то этой стадии наряду с полным утверждением всех форм феодальной собственности на землю и внеэкономического принуждения непосредственных производителей свойственны углубление общественного разделения труда, отделение ремесла от сельского хозяйства, образование городов как центров ремесла и торговли и т. д.

По-видимому, автор рецензируемой книги не согласен с данными положениями. Между тем показания многочисленных китайских, монгольских, тюркских источников, а также иные материалы, накопленные наукой, позволяют утверждать, что некоторые кочевые народы, в частности монголы, народы Ирана, Турции и арабских стран, прошли в своем развитии стадию раннефеодального общества и вступили в полосу развитого феодализма. История знает немало примеров, когда у народов, сохранявших кочевую форму хозяйства и быта, имелось развитое ремесленное производство (производство ковров, вязаных изделий, изделий из кожи, переработка продуктов животноводства), и они вели оживленную торговлю с оседлыми соседями не только на местных рынках, но и на рынках более отдаленных. Можно считать доказанным (история монгольского народа служит тому убедительным свидетельством), что кочевые народы при определенных условиях могут в своем развитии пойти дальше урозня не только военно-демократического, но и раннефеодального строя, что специфические особенности кочевого скотоводческого хозяйства не являются для этого непреодолимым препятствием. Правда, С. Е. Толыбеков все же признает, что история монголов не укладывается в его схему. Однако он объясняет это исключительными обстоятельствами: влиянием передовой китайской культуры на жизнь и быт монгольского народа, с одной стороны, бурными политическими событиями, пережитыми последним,— с другой. В результате указанных обстоятельств, по его словам, «экстенсивное скотоводческое хозяйство монголов в отдельных областях Монголии приобретает характер полукочевой и даже оседлый отгонно-пастбищный. Поэтому эту новую форму социально-экономических отношений с некоторой деформацией родоплеменного устройства нельзя считать искони существовавшей...» (стр. 154). С. Е. Толыбеков пишет, что сходные факты имели место и в истории других кочевых народов, «подпавших под влияние более развитых в политико-экономическом отношении земледельческих народов» (стр. 155).

По этому поводу надо заметить следующее. Во-первых, произошла не «деформация родоплеменного устройства», а исчезновение к XVII в. этой родоплеменной организации у основной массы монголов [7]. Во-вторых, в эпоху феодализма не было никакого превращения монгольского кочевого хозяйства в полукочевое и даже оседлое отгонно-пастбищное. Лишь после революции 1921 г. народная власть в Монголии поставила своей целью планомерную подготовку условий для перехода к оседлости и отгонно-пастбищной системе, причем эта задача не решена полностью и сейчас. В-третьих, в своих рассуждениях С. Е. Толыбеков фактически признает примат конкретно-исторических условий над свойствами кочевого скотоводческого хозяйства, обусловливающими якобы особую природу кочевого общества с его специфическим базисом и надстройкой. Но такое признание в корне противоречит всей концепции автора, которая, кстати говоря, не подтверждается и ходом истории казахского народа.

Исключительно много места в книге автор уделил вопросу о крайне отрицательной роли кочевых народов в истории оседлых народов, что было связано якобы с неистребимой тягой кочевников к грабительским завоеваниям и набегам, с их презрением к культуре оседлых народов (стр. 144—145, 149, 152—153, 168 и др.).

Вряд ли подобного рода характеристики и рассуждения автора помогут выяснению действительных причин нашествий кочевых народов на соседние, более развитые страны.

Кочевые народы, как известно, никогда не жили в полной изоляции от своих оседлых соседей. Между ними существовали разносторонние связи, наиболее важными из ко-

---

[7] См. И. Златкин. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М. 1957, стр. 11.

торых были связи экономические. Нам представляется, что автору следовало глубже изучить и проанализировать характер и существо реальных экономических отношений между кочевыми и оседлыми народами. Исторические факты не оставляют места для сомнений в том, что одной из решающих предпосылок существования и развития кочевого общества является обмен с оседлыми соседями. Без такого обмена кочевые народы не могут существовать. С. Е. Толыбеков чаще и больше всего ссылается на отношения между Китаем и кочевыми народами. «Примером, показывающим отрицательную роль кочевников в развитии общества,— пишет он, —является история взаимоотношений между Китаем и тюрко-монгольскими кочевниками... Всю древнюю и средневековую историю Китая можно назвать историей вековых разорительных войн между кочевыми племенами и Китаем» (стр. 152). Между тем внимательное изучение китайских и монгольских источников убеждает нас в том, что история взаимоотношений Китая и его кочевых соседей (начиная, по крайней мере, с появления монголов на исторической арене) является в одинаковой мере связанной как с войнами, так и с взаимной торговлей этих двух народов[8]. О том же говорят русские летописные и архивные материалы, если иметь в виду характер отношений Русского государства с кочевыми племенами, в частности с казахскими жузами[9]. За последние годы выявлено немало источников, свидетельствующих о наличии активных торговых связей между пришедшими в Малую Азию кочевниками-сельджуками, с одной стороны, и Венецией, Византией — с другой[10]. Не имея возможности пересказать содержание этих источников, мы отсылаем всех, кто интересуется данным вопросом, к соответствующим публикациям и архивным фондам. Главной проблемой монголо-китайских взаимоотношений постоянно являлся вопрос о торговле. Частые военные столкновения между Китаем и монгольскими княжествами в период династии Мин, причиной которых в большинстве случаев являлось прекращение торгового обмена, дают основание предполагать, что существовал разрыв между сравнительно ограниченным спросом со стороны китайского рынка и растущим предложением скота и продуктов животноводства со стороны монголов. Мы не располагаем достаточными данными, подтверждающими наше предположение о превышении монгольского предложения над китайским спросом. Этот вопрос требует специального изучения. Но несомненно одно: монголы упорно и настойчиво добивались открытия Китаем рынков для обмена монгольской продукции на китайскую. Факты говорят о том, что это влекло за собой установление спокойствия на границах. Следует иметь в виду и то, что в течение ряда веков Китай был единственным возможным для монголов рынком как в смысле сбыта монгольской продукции, так и в смысле снабжения монголов жизненно важными для них продуктами земледелия и ремесла.

Из сказанного вовсе не следует, что мы исключаем возможность и отрицаем факты грабительских, завоевательных войн со стороны кочевых ханств и княжеств или что мы склонны недооценивать размеры тех бедствий, причиной которых были нашествия кочевников на оседлые народы. Оставаясь целиком на почве исторических фактов, мы так же, как и С. Е. Толыбеков, ясно представляем себе катастрофические последствия завоевательных войн Чингис-хана и его преемников для производительных сил и культуры народов, ставших жертвами этих войн. Но в отличие от автора рецензируемого труда мы видим причины экспан-

---

[8] См. Д. Покотилов. История восточных монголов в период династии Мин (По китайским источникам). СПБ. 1893; П. Попов. Мэн-гую-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Перевод с китайского. СПБ. 1895: «Алтан-Тобчи». Монгольская летопись. Перевод ламы Гомбоева. «Труды» Восточного отделения Российского археологического общества. Ч. VI. СПБ. 1858; Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л. 1934; А. Позднеев. Монгольская летопись «Эрдэнийн Эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями. СПБ. 1883, и др.

[9] См. Г. Миллер. История Сибири. СПБ. 1740; И. Фишер. Сибирская история. СПБ. 1774; «Материалы по истории русско-монгольских отношений». М. 1959; Центральный государственный архив древних актов, фонды: Сибирский приказ, Мунгальские дела, Ногайские дела, Калмыцкие дела, Киргиз-кайсацкие дела, Зюнгарские дела, Рукописи Мазурина (Черепановская летопись); ср. также: «Материалы по истории туркмен и Туркмении». М.-Л. 1939; «Туркмения». Т. I. Л. 1929; «История народов Узбекистана». Ташкент. 1947, и др.

[10] См. Osman Turan. Türkiye Selçuklari hakkinda resmî vesikalar. Ankara. 1958; Mustafa Akdag. Türkiyénin iktisadî ve içtimaî tarihi. C. I. Ankara. 1958.

сии кочевых народов не в том, что «воинственные кочевники почти всегда с презрением относились к оседлому образу жизни и ее культуре» (стр. 144). Мы видим их в политике господствующих классов, заинтересованных в расширении сферы эксплуатации, в захвате чужих богатств, в сборе дани, в военной добыче и т. п. Мы решительно не согласны с утверждением, что «государство монголов Чингис-хана имело в основном коллективную патриархально-феодальную форму эксплуатации покоренных *отсталых кочевых и с передовой культурой* оседлых земледельческих народов» (стр. 176). Если стать на эту точку зрения, мы должны будем признать любую завоевательную войну, грабительскую экспедицию кочевников солидарным предприятием всех слоев данного кочевого общества, одинаковую заинтересованность всех кочевников, бедных и богатых, в ограблении, завоевании и эксплуатации оседлых соседей. А как же в таком случае быть с классами в обществе кочевников, в чем заключается противоположность классовых интересов в нем и есть ли в таком обществе вообще классовая борьба и классы?

Выше отмечалось, что С. Е. Толыбеков отрицает возможность какого-либо прогрессивного развития кочевых народов, пока они не откажутся от своей формы хозяйствования. В связи с этим возникает вопрос, как же автор объясняет такой важный в истории казахов факт, как складывание единой казахской народности в XV в. (или монгольской народности в XIII в.), на какой основе, с его точки зрения, происходит слияние кочевых племен в единую народность, племенных территорий в единую территорию данной народности? Если верно, что казахская народность сложилась в XV в.— а это как будто признает и автор,— то не отражает ли это определенных прогрессивных сдвигов в производительных силах и общественных отношениях, происшедших в казахском обществе [11], так же как это имело место в кочевых обществах монголов, бурят, туркмен, узбеков и т. п.? Или консолидация племенных групп в единую народность не имеет отношения к процессам, которые происходят в общественном базисе? Но как же тогда объяснить историческое развитие кочевых племен в составе таких государств, как Иран, Афганистан, Турция и ряд арабских стран, племен, которые органически влились в ту или иную нацию, вошли в национальное государство?

Изложенная нами в общих чертах концепция С. Е. Толыбекова не могла не отразиться и на освещении им вопроса об общественно-экономических отношениях казахов в XVII—XIX веках.

При всем обилии привлеченной автором литературы он не дал глубокого анализа социальной, экономической и политической структуры казахского рода, кочевой общины, племени, улуса, ханства, не показал их в историческом развитии. Некоторые данные о социальной структуре приведены им лишь для начала XX в. (стр. 132). Автор представляет нам казахов как некую аморфную массу кочевников (по его собственному выражению: «казахские кочевники в XI—XVIII вв.», стр. 224), которая веками не претерпевала никаких внутренних социальных изменений. Говоря об образовании казахского кочевого ханства, автор приходит к заключению: «Здесь сложилось племенно-*феодальное, военно-кочевое объединение*, совершавшее передвижение (!) на пустынных и сухостепных просторах центральной части современной территории Казахстана» (стр. 193). Но разве казахские ханы не распределяли кочевья между улусами, аулами, родами, разве каждый двигался, куда, когда и как ему самому было удобно? [12]. Факты из истории монголов, сельджуков, османов и других кочевых народов убеждают нас в обратном. Разве не начинались войны между отдельными племенами из-за кочевий и пастбищ, чему история дает множество примеров?

Нам представляется, что при более тщательном рассмотрении внутренней структуры казахского общества на различных этапах его развития С. Е. Толыбеков заметил бы и те сдвиги, пусть незначительные, в формах собственности не только на скот, но и на пастбища, то есть на землю, о ко-

[11] См. «История Казахской ССР». Т. I, раздел II – «Образование казахской народности и казахских ханств» (стр. 131—221).

[12] Авторы первого тома «Истории Казахской ССР» по этому вопросу пишут: «На протяжении веков в Казахстане существовало право феодалов распоряжаться кочевьями. Это право открывало им широкие возможности узурпации лучших общинных пастбищ. Маршруты и районы кочевий еще в далеком прошлом были установлены и закреплены феодалами. Султан мог объявить лучшие угодья своим запретным пастбищем. Феодалы старались закрепить выгодные для себя ограничения в землепользовании трудового населения» (стр. 159).

торых говорят авторы первого тома «Истории Казахской ССР». Во всяком случае, постоянное подчеркивание того, что баи, бии и прочие богатые владельцы скота эксплуатировали бедняков и рабов, еще не вносит ясность в вопрос о том, что собой представляла социальная структура казахского общества. С одной стороны, С. Е. Толыбеков утверждает, что у казахов «общинная форма землевладения существовала не в условиях бесклассового родового строя, а в условиях классового общества» (стр. 139), с другой — это общество было, по его словам, полуфеодальным-полурабовладельческим, причем «все классы этого общества отличались своей недоразвитостью, незрелостью» (стр. 377). Господствующий класс в этом обществе он видит «в лице военно-полуфеодальных или полурабовладельческих кочевых скотовладельцев» (там же), а эксплуатируемыми массами являлись, по его мнению, патриархальные рабы или бедняки, почти или совсем не имевшие скота. «Следовательно, одним из основных условий воспроизводства стад, принадлежащих полуфеодальной верхушке,— пишет автор,— была эксплуатация ими бедных бесскотных и малоскотных кочевых бедняков» (стр. 129), которые получали за свою работу «средства, необходимые для существования» (стр. 125). Если эксплуатация бедняков, лишенных или почти лишенных средств производства (а скот, по мнению С. Е. Толыбекова, был у кочевников основным средством производства), является одним из основных условий воспроизводства, значит, эти бедняки представляют собой главный производительный класс общества. Но тогда такое общество утрачивает неопределенные черты переходного, полурабовладельческого-полуфеодального общества с незрелыми и недоразвитыми классами. Из схемы общественных отношений у казахов, которая дана в книге, по сути дела, выпал основной производящий класс — рядовые кочевники (шаруа), остались лишь богатые владельцы скота да бедняки, почти или совсем не имеющие его.

Много неясностей порождает и трактовка С. Е. Толыбековым терминов «община», «общинное землевладение» (стр. 251, 277 и др.) применительно к казахам-кочевникам. Автор подразумевает под этими понятиями только совместное кочевье по общим землям ханства или группы ханств (стр. 104). Но что определяет структуру этой общины, что лежит в ее основе, что представляет она собою: государство-общину или объединение общин? Ответа на эти вопросы в рецензируемой книге мы не найдем.

Что касается сформулированных в книге пяти основных признаков застойности кочевого скотоводства по сравнению с оседлым земледелием (стр. 421—430), то, не входя в рассмотрение этих признаков по существу, следует признать неправомерной самую идею такого сравнения при исследовании общественного строя кочевых народов. Что может дать науке об обществе такое голое, абстрактное сравнение кочевого скотоводства с оседлым земледелием, делаемое в полном отрыве от времени, места и конкретных исторических условий? Общественные отношения у кочевых народов надо изучать, рассматривая их в тесной связи с системой кочевого скотоводческого хозяйства в условиях данного места и времени, прослеживая их эволюцию в течение многих лет и в сравнении с другими кочевыми народами, живущими в данном месте в данную эпоху. Таким представляется нам путь дальнейшего изучения истории (в том числе общественных отношений) кочевых народов вообще и казахского народа в частности.

С. Е. Толыбеков отводит в своей монографии много места полемике с противниками своей концепции. В результате создается явная диспропорция между полемической и исследовательской сторонами его труда. Значительная часть положений, сформулированных автором, не подкреплена фактами. Неоправдан и самый тон полемики, направленной против значительного числа советских ученых (см. стр. 73, 169—170, 186 и др.).

Приходится, к сожалению, признать, что рассматриваемая книга не обогащает наших знаний и не является шагом вперед в изучении сущности общественно-экономического строя казахов в XVII—XIX веках.

И. Я. Златкин,
А. С. Тверитинова

Заметки о книгах

П. П. АНДРЕЕВ, А. Е. ДОГАДИН, Н. М. КИРЯЕВ, М. И. КИТАЕВ, И. А. КЛИМОВИЧ, В. Л. КОКУНОВ, В. И. КОНДРАШОВ, А. М. КУЗОВНИКОВ, А. П. ЛОГИНОВ, Ю. П. ПЕТРОВ, А. И. ЧЕРВОНЕВ. *КПСС — вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне.* Под редакцией Н. М. Киряева. Воениздат. М. 1959. 392 стр. Цена 9 руб.

История Коммунистической партии в период Великой Отечественной войны нашла отражение в ряде книг и брошюр, в многочисленных статьях советских авторов. Но, к сожалению, у нас до последнего времени не было монографического исследования, в котором была бы всесторонне отражена многообразная деятельность партии в годы минувшей войны. Большинство ранее вышедших трудов затрагивает только отдельные участки партийной работы или посвящено деятельности определенных партийных организаций. Многие из них носят популяризаторский характер.

Всесторонне показать многогранную героическую деятельность партии в годы войны — задача почетная и в то же время трудная. Опубликованная в 1959 г. книга «КПСС — вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне» во многом решает эту задачу.

При работе над книгой авторы использовали широкий круг источников. Они исследовали материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, партийные архивы Московского и Ленинградского областных комитетов КПСС, архивов ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Интересные материалы были почерпнуты авторами в архивах Министерства обороны и Военно-Морского Флота.

В книге введен в научный оборот ряд новых документов, помогающих глубже раскрыть деятельность Коммунистической партии в годы войны. К числу этих документов относятся решения ЦК КПСС, связанные с перестройкой военно-политической работы (о введении института комиссаров в 1941 г., о введении единоначалия в армии в 1942 г., о перестройке партийно-политического аппарата в 1943 г., о мероприятиях ЦК КПСС и ГКО по укреплению дисциплины в армии) и другие.

Авторы главное внимание уделили работе партии в годы войны на важнейших участках, где решались судьбы страны. Партия, подняв народ на войну против фашизма, направляла все усилия масс на достижение полной победы над врагом. Под ее руководством еще больше укреплялся союз рабочего класса и крестьянства, окрепли дружба народов СССР и морально-политическое единство советского общества. В книге привлечен обширный фактический материал, ярко и убедительно характеризующий работу Центрального Комитета и местных партийных организаций по укреплению вооруженных сил, развитию партизанского движения, налаживанию и расширению военного производства, по увеличению производства продуктов сельского хозяйства. Победа в Великой Отечественной войне была достигнута совместными усилиями народов нашей страны под руководством Коммунистической партии. Эта мысль проходит красной нитью через всю книгу.

Рецензируемый труд состоит из предисловия и трех частей. В первой части говорится о мероприятиях партии и правительства по укреплению обороноспособности страны накануне войны, о результатах индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, о повышении культурного уровня народа. Особое внимание уделено вопросам перестройки Советских Вооруженных Сил, усилению их военно-технической мощи, военно-организаторской работе партии в армии. Много места отведено освещению первого периода войны, наименее исследованного в нашей исторической литературе. Немало страниц посвящено анализу причин временных неудач Красной Армии в первые месяцы Великой Отечественной войны. Авторы показывают, как партия, действуя умело и твердо, превратила страну в единый боевой лагерь. Они правильно подчеркивают, что массовый героизм советских людей на фронте и в тылу, руководство Коммунистической партии явились решающим условием побед нашего народа, который в невероятно трудных условиях смог остановить врага, нанести ему ряд сокрушительных ударов и в конце концов разгромить его.

В рецензируемом труде прослеживается, как партия направляла усилия масс в деле перестройки народного хозяйства и в первую очередь промышленности для обслуживания нужд фронта. Большое место в книге уделено борьбе партии за улучшение работы промышленных предприятий, за развитие социалистического соревнования на фабри-

ках и заводах, за улучшение качества военной продукции.

Авторы сумели убедительно показать рост материально-технической оснащенности Советских Вооруженных Сил. В книге на конкретном материале рассказывается, как труженики тыла под руководством партии решали задачу обеспечения фронта техникой. Авторы справедливо отмечают, что «резкое увеличение военного производства являлось материально-технической предпосылкой коренного изменения соотношения сил, непременным условием достижения победы над врагом» (стр. 119).

Сразу же после освобождения оккупированных территорий от врага партия развернула там работу по восстановлению народного хозяйства, которому был нанесен огромный ущерб. Только разрушенных промышленных предприятий насчитывалось около 31 850 (стр. 213). В книге раскрыта организаторская деятельность КПСС по обеспечению исключительно высоких темпов восстановления шахт Донбасса, черной металлургии Юга, железорудной промышленности, транспорта. Уже в 1944 г. в освобожденных районах было выпущено продукции в 3 раза больше, чем в 1943 году (стр. 216).

Авторы осветили партийную работу в армии и на флоте, мероприятия партии по усилению идейного воспитания личного состава войск. В книге приводится много интересного фактического материала об организации идейно-политической и воспитательной деятельности партии в тылу и на фронте, рассказывается о структуре политического аппарата, о формах и методах его работы в армии (стр. 73—87, 88—96 и др.). Авторы сумели широко осветить деятельность Военных Советов, политорганов, армейских и флотских партийных организаций. Коммунистическая партия направляла своих сынов на самые трудные участки борьбы. Только за первый год войны в сухопутные войска и авиацию было направлено 800 тыс. коммунистов (стр. 76). В первые месяцы войны в Ленинграде было проведено 11 партийных мобилизаций. На фронт было послано две трети всех коммунистов города (стр. 88). В первый, самый трудный год войны на фронте за свободу и независимость Родины отдали свою жизнь 400 тыс. коммунистов (стр. 76).

Несколько разделов посвящено раскрытию руководящей роли партии в организации партизанского движения. Убедительные данные характеризуют силу и размах этого движения. Только на территории Белоруссии в первой половине 1944 г. насчитывалось 300 тыс. партизан, объединенных в 1 053 отряда. Об активности партизанской борьбы красноречиво говорят цифры, свидетельствующие о потерях оккупантов. За годы войны народные мстители Украины убили и ранили 460 тыс. гитлеровских солдат и офицеров, а партизаны Белоруссии — 431 тыс. (стр. 256, 258). Наряду с этим следует отметить, что раздел «Организация партизанского движения в тылу врага» (стр. 96—102) построен неудачно. Авторы изложение вопроса о начале партизанского движения почему-то начинают с описания истории создания партизанских отрядов на оккупированной территории Московской области (стр. 97). Но ведь хорошо известно, что первые партизанские отряды были созданы на территории Белоруссии и Украины и начали свою боевую деятельность в первые дни войны. Нам кажется, что именно с этого и надо было бы начать рассмотрение данного вопроса.

В заключительных главах показаны разгром фашистской Германии и империалистической Японии, победоносное окончание Великой Отечественной войны, раскрыто всемирно-историческое значение победы Советского Союза, ее влияние на весь ход мировой истории.

К числу недостатков книги следует отнести то, что в некоторых разделах авторы, цитируя различные важные постановления, не показывают, как же практически они претворялись в жизнь. В разделе «Работа партии по усилению помощи фронту» (стр. 109—115) упомянуто 10 решений и постановлений; в разделе «Мобилизация трудящихся масс на новые трудовые подвиги. Идеологическая работа партии в 1944 г.» (стр. 197—212) говорится о 17 постановлениях. Раздел «Забота партии о восстановлении и развитии сельского хозяйства» (стр. 289—293) изложен всего на 5 страницах, на которых упомянуто 15 различных решений и постановлений. О большинстве этих постановлений говорится в общих словах.

На стр. 86 авторы пишут, что «в течение нескольких дней (речь идет о первых днях войны. — *Ю. С.*) в Ленинграде была создана двухсоттысячная армия народного ополчения». На самом же деле 27 июня 1941 г. Военным Советом фронта и Ленинградским городским комитетом партии было принято

решение о формировании ополчения численностью в 200 тыс. человек. Процесс же формирования занял не дни, а месяцы [1].

Авторы слабо отразили деятельность партии в сельском хозяйстве. Хотя они и подчеркивают важность этой работы, но уделили ей внимание явно недостаточное. Этому вопросу отведено всего 13—15 страниц, да и те разбросаны по разным разделам.

Очень мало сказано о трудностях и недостатках, имевших место в партийной работе в тылу и на фронте. О них упоминается лишь в тех случаях, когда речь идет о решениях партийных органов, нацеленных на ликвидацию этих недостатков. Почему они возникали, как партия на практике боролась с ними, — об этом читателю не сообщается.

Авторы, как сказано в предисловии к книге, не ставили перед собой задачи «подробно разбирать боевые действия, военные кампании, вопросы военного искусства». Они лишь стремились использовать «их как фон, на котором развертывалась организаторская деятельность партийных организаций, партийных органов как в тылу, так и на фронте» (стр. 4). В книге этот материал занимает большое место: ему отведены целые разделы (см. стр. 21—27, 87—96, 245—254, 310—317, 325—348 и т. д.). К сожалению, в этих разделах почти ничего не говорится о партийной работе на фронте. И наоборот, есть разделы, где говорится о партийной работе на фронте и в то же время не раскрывается обстановка, в которой она проводилась. Вряд ли такая подача материала способствует лучшему раскрытию темы.

Отметим некоторые фактические ошибки. Например, на стр. 72 указано, что в числе первых дивизий, удостоенных звания гвардейских, была 158-я стрелковая дивизия. На самом деле это звание было присвоено 153-й стрелковой дивизии [2]. На стр. 240 неправильно датировано принятие постановления правительства «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества». Постановление было принято не 12-го, а 19 февраля 1944 года [3].

[1] См. П. Кузнецов, С. Беляев. Народное ополчение Ленинграда. Л. 1959, стр. 41.

[2] См. «Вторая мировая война 1939—1945». Военно-исторический очерк. М. 1958, стр. 222.

[3] См. «Сборник постановлений СССР». 1944, № 52.

Несмотря на отдельные недостатки и ошибки фактического характера, имеющиеся в книге, следует положительно оценить большую работу авторского коллектива, сумевшего создать содержательный труд по истории Коммунистической партии Советского Союза в период Великой Отечественной войны.

Ю. К. Стрижков

И. М. НЕКРАСОВА. *Ленинский план электрификации страны и его осуществление в 1921—1931 гг.* Изд-во АН СССР. М. 1960. 143 стр. Тираж 6 000. Цена 4 руб. 60 коп.

План ГОЭЛРО — ленинский план электрификации Советской страны — был принят VIII съездом Советов РСФСР в декабре 1920 года. Ныне имеется значительная литература по этому вопросу, в создании которой приняли участие историки, экономисты, техники и др. [1]. Истории составления и осуществления плана электрификации посвящены некоторые кандидатские диссертации [2]. И все же нужно признать, что данная

[1] И. А. Гладков. В. И. Ленин и план электрификации России. М. 1947; его же. Очерки советской экономики 1917—1920 гг. М. 1956; его же. От плана ГОЭЛРО к плану шестой пятилетки. М. 1956; Д. Баевский. Ленинский план социалистического преобразования России и ГОЭЛРО. «Вопросы истории», 1947, № 3; его же. Очерки по истории хозяйственного строительства периода гражданской войны. М. 1957, стр. 374—419; Э. Б. Генкина. К истории выработки ленинского плана социалистического строительства. «Вестник» Московского университета, 1947, № 11; М. Рабинович, Т. Ходжаев. План ГОЭЛРО и его осуществление. М. 1952; «К истории плана электрификации Советской страны. 1918—1920 гг.». Сборник документов и материалов. М. 1952; «Развитие электрификации Советской страны. 1921—1925 гг.». Сборник документов и материалов. М. 1956; И. М. Некрасова. Из истории осуществления ленинского плана электрификации в восстановительный период (1921—1926 гг.). «История СССР», 1957, № 3, и др. В последнее время, после выхода в свет работы И. М. Некрасовой, появилась книга «Свет над Россией. Очерки по истории электрификации СССР», созданная коллективом авторов.

[2] Б. И. Мусатов. Борьба Коммунистической партии за создание плана электрификации России (ГОЭЛРО) 1918 — 1921 гг. (М. 1955); А. А. Великий. План ГОЭЛРО и его осуществление на Украине (Киев. 1953); И. Г. Гришков. Первенцы советской электрификации — Шатурская и Каширская электростанции (1918—1925 гг.) (М. 1953), и др.

проблема изучена еще недостаточно. Если история разработки плана ГОЭЛРО освещена довольно полно, то история его осуществления — значительно хуже. В связи с этим выход в свет рецензируемой книги представляет значительный интерес. И. М. Некрасова впервые сделала попытку показать развитие электрификации Советской страны на протяжении всего срока, установленного для осуществления плана ГОЭЛРО.

Книга состоит из введения, трех глав и заключения. Написана она на основе трудов В. И. Ленина, решений Коммунистической партии и Советского правительства. И. М. Некрасова довольно широко использовала материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства, архива Министерства электростанций СССР, Партархива Кабардино-Балкарского обкома КПСС, опубликованные документы, центральную и местную периодическую печать.

В первой главе дан краткий очерк истории создания плана ГОЭЛРО. Вторая и третья главы посвящены истории его осуществления.

И. М. Некрасова специально не останавливается на вопросах периодизации истории осуществления плана электрификации. Однако структура и содержание книги дают возможность наметить такую периодизацию. Весь период осуществления плана ГОЭЛРО делится на два этапа. Первый охватывает 1921—1926 годы. В это время была выполнена программа «А» плана ГОЭЛРО, то есть программа восстановления, реконструкции и объединения работы (кустования) существовавших электростанций, завершено строительство первых районных электростанций, восстановлен и превзойден довоенный уровень производства электроэнергии. Второй этап (1927—1931/32) характеризуется завершением работ по реализации плана ГОЭЛРО.

Важнейшей частью плана ГОЭЛРО являлось сооружение 30 крупных государственных районных электростанций (программа «Б» плана ГОЭЛРО). На первом этапе из-за недостатка средств электростроительство не удалось развернуть достаточно широко. В этот период основное внимание было обращено на улучшение электроснабжения важнейших промышленных районов — Московского, Петроградского, Урала, Донбасса. Здесь были построены первые электростанции — Каширская, Шатурская, Волховская, Кизеловская, Штеровская. В книге излагается история их строительства.

Достигнутый на первом этапе уровень производства электроэнергии не мог удовлетворить возросшие потребности народного хозяйства. Партия и правительство предприняли ряд мер для усиления темпов электрификации. Задания плана ГОЭЛРО были уточнены в сторону их увеличения. 7 декабря 1926 г. СНК СССР одобрил перспективный план электрификации на ближайшее пятилетие (1926—1931 гг.), составленный на основе плана ГОЭЛРО специальной комиссией под руководством Г. М. Кржижановского (стр. 88). Этот перспективный план вошел как составная часть в первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. В соответствии с планом увеличивалось строительство новых электростанций. В книге рассказывается о возведении Иваново-Вознесенской, Баксанской, Гизельдонской районных электростанций и особенно подробно говорится о Днепровской гидроэлектростанции имени Ленина — самой крупной электростанции СССР, сооруженной согласно плану ГОЭЛРО. И. М. Некрасовой удалось показать пафос строительства, огромную творческую активность масс, раскрыть деятельность партийной, комсомольской и профсоюзной организаций Днепростроя (стр. 97—116). Строительство Днепрогэса — наиболее яркая страница в истории осуществления плана ГОЭЛРО.

Этот содержательный раздел книги имеет, к сожалению, и существенный недостаток. Говоря о героизме строителей ряда электростанций, И. М. Некрасова отводит мало места борьбе советского народа за осуществление плана электрификации в 1927—1932 гг. в масштабе всей страны.

План ГОЭЛРО, предусматривавший в качестве основного направления в развитии энергетики сооружение крупных государственных районных электростанций и проведение на их базе электрификационных работ, не исключал и строительство небольших электростанций. Однако этот вопрос освещен в книге недостаточно. Его рассмотрение почему-то ограничено 1921—1926 годами. Между тем мелкая электрификация продолжала развиваться и в последующие годы. Так, если в 1928 г. мощность сельских электростанций составляла 29 тыс. квт, то в 1932 г.— 53 тыс. квт. Производство электроэнергии этими стан-

циями в те же годы возросло более чем в 2 раза [3].

Повествуя о мелкой электрификации в 1921—1926 гг., И. М. Некрасова подчеркивает такую ее особенность в первые годы нэпа, как создание на местах специальных кооперативных товариществ по электрификации. Эти товарищества содействовали приобщению крестьян к выполнению плана электрификации страны. Государство поощряло развитие мелкой и прежде всего кооперативной электрификации. Был создан ряд акционерных кредитных обществ, которые финансировали местное электростроительство (стр. 33—34). Этим путем Советское правительство стремилось привлечь средства населения к осуществлению плана электрификации. Другие же важные вопросы развития мелкой электрификации И. М. Некрасова почему-то не затронула. Уже в то время электрическая энергия использовалась не только для освещения деревни, но и частично для нужд сельскохозяйственного производства. Например, в 1921 г. в 8 населенных пунктах Тульской губернии молотьба велась при помощи электрической энергии. При этом по сравнению с конной молотьбой производительность труда возросла в 6 раз [4]. Подобная картина наблюдалась и в ряде других мест [5]. Разумеется, о сколько-нибудь широком использовании электроэнергии в сельском хозяйстве в этот период говорить не приходится. Однако начало этому было положено, о чем и следовало сказать в рецензируемой книге.

Известно немало случаев, когда рабочие промышленных предприятий оказывали братскую помощь трудовому крестьянству в осуществлении электрификации сельского хозяйства. Так, рабочие Тимашевского сахарного завода Самарской губернии электрифицировали близлежащее село Тимашево [6], рабочие Московского радиомашинного завода помогли в 1923 г. оборудовать электростанцию в деревне Ярыгино, Московской губернии [7]. Эти и многие другие факты [8] свидетельствуют о том, что помощь рабочего класса в электрификации деревни способствовала укреплению союза рабочих и крестьян.

Нам кажется, что небезынтересны были бы данные, свидетельствующие об использовании на селе электроэнергии государственных районных электростанций. Например, в 1924—1925 гг. 25 деревень Ленинской волости, Московской губернии, получили электроэнергию от Каширской электростанции [9]. Это был первый опыт проведения в широком масштабе электрификации села за счет использования электроэнергии государственной районной электростанции. Как известно, в настоящее время подключение колхозов к государственным электросетям является важнейшим направлением в развитии сельской электрификации.

Специальный раздел книги посвящен электрификации ранее отсталых национальных районов. Эта тема еще слабо раскрыта в нашей литературе. Использовав архивные документы, материалы периодической печати, И. М. Некрасова рассказала о том, как строились в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии две крупные районные электростанции — Баксанская и Гизельдонская (стр. 118—137). Она отметила трудности, с которыми приходилось сталкиваться во время строительства этих станций (острый недостаток квалифицированных кадров из местных национальностей, тяжелые природные условия и др.). В книге показано, как под руководством партийных организаций эти трудности преодолевались, хорошо освещена большая помощь, оказанная трудящимися Ленинграда, Харькова, Донбасса, Днепростроя строителям электростанций, что было проявлением дружбы народов СССР. Электростройки, подчеркивает автор, сыграли важную роль в подготовке национальных кадров рабочего класса, в социалистическом преобразовании национальных районов.

Вместе с тем этот раздел не лишен некоторых недостатков. Во-первых, его содержание лишь частично соответствует заголовку. В тексте, по существу, говорится только об электрификации одного национального района — Северного Кавказа. Автор не попытался выявить общие закономерности электрификации национальных

---

[3] «Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах». Статистический сборник. М. 1957, стр. 151.

[4] «Экономическая жизнь», 29 сентября 1921 года.

[5] См. «Развитие электрификации Советской страны. 1921—1925 гг.», стр. 629, 632, 634, 638, 639 и др.

[6] «Труд», 1 марта 1921 года.

[7] «Экономическая жизнь», 12 апреля 1924 года.

[8] См. «Развитие электрификации Советской страны. 1921—1925 гг.», стр. 400, 426, 440, 508, 509 и др.

[9] «Краткий обзор электростроительства СССР к 1925—1926 гг.». М. 1926, стр. 32.

окраин, сделать выводы и обобщения по этому важному вопросу. Во-вторых, следовало сказать, что в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии наряду с Баксанской и Гизельдонской электростанциями (они введены в действие в 1934—1936 гг.) строились (правда, в небольшом количестве) малые по мощности электростанции, некоторые из них при промышленных предприятиях, и на их базе проводились электрификационные работы. К примеру, можно назвать Акбашскую гидроэлектростанцию в Малой Кабарде, введенную в действие в ноябре 1928 года. Она обеспечивала электроэнергией ряд небольших промышленных предприятий и 9 селений [10]. Если в 1928 г. производство электроэнергии в Кабардино-Балкарской АССР составляло 0,6 млн. квтч, то в 1932 г.— 4,7 млн. квтч [11]. В Северо-Осетинской АССР до 1934 г. также проводились некоторые работы по электрификации [12].

Следует отметить некоторые неточности, имеющиеся в рецензируемом труде. На стр. 43 говорится, что в 1918 г. Москва получила от Глуховской, Павлово-Посадской и Орехово-Зуевской электростанций 22% электроэнергии. В действительности эти электростанции тогда не снабжали Москву электроэнергией [13]. Указанные 22% электроэнергии были получены в 1918 г. в основном от электростанции «Электропередача». Только в 1920 г. они были включены в сеть «Электропередачи» и стали принимать участие в электроснабжении Москвы и Московского района.

Говоря об экономическом районировании страны, произведенном ГОЭЛРО, И. М. Некрасова в число 8 экономических районов ошибочно включила Западный район вместо Туркестанского (стр. 11).

Местами книга перегружена мелкими фактами, слишком детализирована (стр. 99, 102, 106, 107 и др.). Встречаются стилистические погрешности (стр. 30, 33, 53, 111). Приводимый на стр. 50 фактический материал не подтверждается указанной под № 98 сноской.

В заключение следует сказать, что книга И. М. Некрасовой, несмотря на ряд недостатков, вносит определенный вклад в разработку проблемы истории осуществления ленинского плана электрификации страны.

И. Г. Гришков

В. Г. КОНОВАЛОВ. *Герои Одесского подполья.* Предисловие Мориса Тореза. М. 1959. 263 стр. Тираж 70 000. Цена 3 руб. 40 коп.

О борьбе с военной интервенцией на юге нашей страны и о победе над силами контрреволюции в этом районе рассказывает книга В. Г. Коновалова «Герои Одесского подполья». Важно отметить, что поднятые автором проблемы впервые рассматриваются в нашей исторической литературе. Генеральный секретарь Французской коммунистической партии Морис Торез, написавший предисловие к этой книге, отмечает: «Это хорошо, что издается книга об одном из ярких эпизодов первой общей битвы рабочего класса против империалистической интервенции, пытавшейся задушить в колыбели пролетарскую революцию» (стр. 3).

В. Г. Коновалов рассматривает в своей работе важнейшие стороны деятельности Одесского коммунистического подполья. Книга состоит из шести разделов, каждый из которых содержит несколько глав.

Первый раздел носит вводный характер. Он посвящен общей характеристике экономической, политической и военной обстановки, сложившейся в Одессе в конце 1918 — начале 1919 года.

Особый интерес представляет самый большой — второй — раздел, в котором рассматривается история возникновения коллегии иностранной пропаганды Одесского областного комитета Коммунистической партии, или, как ее чаще называли, иностранной коллегии. В обстановке кровавого контрреволюционного террора иностранная коллегия была вынуждена уйти в глубокое подполье. Именно поэтому до последнего времени историкам не удавалось обнаружить многих важных документов, по которым можно было бы судить о деятельности коллегии, а следовательно, и написать ее историю.

Эту задачу успешно решил В. Г. Коновалов. В книге подробно рассказывается о возникновении иностранной коллегии, о ее организационной структуре, составе и методах работы. Иностранная коллегия была создана 18 декабря 1918 г., на второй день

---

[10] «История Кабарды с древнейших времен до наших дней». М. 1957, стр. 240.

[11] «Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР». Статистический сборник. 1957, стр. 19.

[12] См. «Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР». Статистический сборник. 1958, стр. 23.

[13] «Экономическая жизнь», 21 мая 1919 года.

после прибытия в одесский порт военных кораблей Антанты. Коллегия, подчинявшаяся непосредственно Одесскому областному комитету партии, поддерживала тесную связь с Центральным Комитетом Коммунистической партии.

Автор убедительно доказывает, что в состав иностранной коллегии входило не 7—10 человек, как считалось до недавнего времени, а значительно большее число коммунистов. Причем коллегия в своей деятельности опиралась на двухтысячную подпольную одесскую партийную организацию и пользовалась поддержкой революционно настроенных рабочих и крестьян.

Иностранная коллегия состояла из двух основных отделов: литературного и агитационно-организаторского. Первый ведал изданием газеты «Коммунист» и листовок, второй занимался распространением революционной литературы, а также руководил устной пропагандой и агитацией.

Иностранная коллегия представляла собой образец пролетарского интернационального единства. Вместе с советскими людьми И. Ф. Смирновым, И. Е. Клименко, М. А. Лоладзе в подполье работали француженка Жанна Лябурб, румын Альтер Залик, полька Гелена Гжеляк, серб Стойко Ратков и многие другие. Каждой из национальных групп, входивших в состав коллегии — французской, польской, румынской, сербской, греческой и английской,— в книге посвящается отдельная глава. К сожалению, глава о самой большой из групп — французской — является наиболее краткой.

Яркие страницы в книге посвящены подпольной типографии, скрытой в одесских катакомбах, и тайной радиостанции, действовавшей на борту белогвардейского тральщика «Граф Платов».

В специальной главе даются развернутые характеристики шести выдающимся коммунистам-подпольщикам: И. Ф. Смирнову (подпольная кличка «Николай Ласточкин»), С. И. Соколовской (подпольная кличка «Елена»), Жанне Лябурб, Я. Л. Елину (подпольная кличка «Жак»), Г. И. Котовскому и А. И. Железнякову (подпольная кличка «матрос Викторс»). В главе приведено много ярких эпизодов революционной борьбы одесских коммунистов.

Пропаганда идей пролетарского интернационализма среди солдат Антанты оказалась сильнее орудийных залпов. Все новые и новые группы солдат войск Антанты отказывались участвовать в боевых операциях против Красной Армии и партизан, требуя немедленного возвращения на родину. Эта страница борьбы на многочисленных примерах хорошо освещена в четвертом разделе книги.

Белогвардейцы и интервенты, почувствовав, что почва уходит у них из-под ног, установили в Одессе кровавый террор. Они нанесли несколько ударов по коммунистическому подполью. Особенно тяжелые потери понесла иностранная коллегия: в марте 1919 г. были расстреляны 10 ее руководителей. Весть об их гибели с гневом была воспринята пролетариатом всего мира. Среди расстрелянных была известная революционерка Жанна Лябурб. Выступая на VII Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин сказал: «Мы знаем, что имя француженки, тов. Жанны Лябурб, которая поехала работать в коммунистическом духе среди французских рабочих и солдат и была расстреляна в Одессе,— это имя стало известно всему французскому пролетариату и стало лозунгом борьбы, стало тем именем, вокруг которого все французские рабочие, без различия казавшихся столь трудно преодолимыми фракционных течений синдикализма,— все объединились для выступления против международного империализма»[1].

Иностранная коллегия ответила на белогвардейский террор усилением революционной работы.

В пятом разделе рассказывается о героической гибели коммунистов-подпольщиков. Автор сообщает неизвестные ранее детали этой трагедии.

Героическое восстание моряков французской эскадры в Черном море, в подготовке которого огромную роль сыграла иностранная коллегия, ознаменовало конец интервенции. Красные флаги, поднятые на мачтах французских военных кораблей, символизировали победу идей пролетарского интернационализма, тех идей, за которые отдали свои жизни герои Одесского подполья. Описанием событий, связанных с установлением Советской власти в Одессе в апреле 1919 г., завершается последний, шестой раздел книги.

Рассматриваемая книга представляет собой переработанное и значительно дополненное издание работы В. Г. Коновалова «Иностранная коллегия» (Одесса. 1958). Второе издание содержит более богатый фактический материал, что позволило автору пол-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 188.

нее охарактеризовать отдельные группы и лиц, участвовавших в работе иностранной коллегии. Улучшена общая структура книги: более четко разграничены разделы, увеличено количество глав.

Вместе с тем второе издание не лишено отдельных недостатков. Так, автор не дал развернутой характеристики контрреволюционной сущности гетманщины и правительства Директории. Читателю остается лишь догадываться, почему «Директория во главе с Винниченко и Петлюрой была новой, более удобной, нежели «гетманство», ширмой англо-французской оккупации Украины» (стр. 22).

Морис Торез, ознакомившись с первым изданием книги, высказал пожелание, чтобы в новом издании «более широко была показана борьба французских патриотов, находившихся в сухопутных войсках и на судах военно-морской эскадры» (стр. 6). В. Г. Коновалов стремился выполнить это пожелание. Во втором издании приведено много новых интересных фактов. Однако картина восстания французских моряков получилась весьма схематичной.

В тексте содержится большое количество фамилий героев-подпольщиков. Отсутствие указателя имен затрудняет нахождение нужного материала.

В целом серьезное научное исследование В. Г. Коновалова, написанное ярким, образным языком, представляет интерес не только для историков, но и для самых широких кругов общественности.

Ю. С. Кукушкин

Е. И. ДРУЖИНИНА. *Северное Причерноморье 1775—1800 гг.* М. Изд-во АН СССР. 1959. 278 стр. Тираж 1 600. Цена 12 руб. 20 коп.

История Южной Украины последней четверти XVIII в., к сожалению, до настоящего времени относится к числу малоосвещенных советской историографией проблем. Это объясняется отчасти скудостью источников, ибо множество ценнейших материалов погибло во время Великой Отечественной войны. Настоящая книга, которую можно рассматривать как продолжение ранее опубликованной работы Е. И. Дружининой «Кючук-Кайнарджийский мир» (М. 1955),— результат большого труда. Автор широко использовал фонды центральных и местных архивов, а также обширную литературу. Во введении к книге дан краткий, но содержательный источниковедческий и историографический обзор, подвергнуты обоснованной критике воззрения русских, украинских и иностранных буржуазных авторов на историю юга Украины в XVIII веке.

Цель книги — выяснить социально-экономические и политические последствия выхода России к Черному морю в результате русско-турецких войн. Одно из центральных мест отводится проблеме колонизации вновь присоединенных областей. Для заселения новых земель, создания и затем увеличения здесь контингентов иррегулярных войск, необходимых для защиты края, царское правительство прибегло к ряду мер. В результате привлечения переселенцев из внутренних губерний страны население этого района довольно быстро возрастало. Переселенцы представляли собой чрезвычайно пеструю в социальном отношении среду. Они надеялись обрести свободу или, во всяком случае, облегчить свое положение. Наряду с различными категориями государственных крестьян на новых землях оседало немало беглых крепостных. Е. И. Дружинина обращает внимание на противоречивость политики царского правительства в отношении этих беглецов. С одной стороны, правительство прибегало к мерам, часто формальным, чтобы вернуть беглых крестьян владельцам. С другой, руководствуясь интересами заселения южных земель, власти вынуждены были смотреть сквозь пальцы на колонистов из бывших крепостных. Такая противоречивая политика отражала, несомненно, процессы, уже происходившие в России в связи с начавшимся в XVIII в. разложением феодально-крепостнической системы. Крепостнические отношения на южных новоприсоединенных землях не получили такого развития, как в центральных районах страны. 57% населения Екатеринославского наместничества составляли государственные крестьяне. К сословию государственных крестьян было причислено и все непривилегированное население Крыма (стр. 260).

Усиление царизма в результате поражения крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева и успешного завершения русско-турецкой войны 1787—1791 гг. привело к росту феодальной реакции, что сказалось и на колонизационной политике правительства на юге. Однако, несмотря на это, число крепостных на Южной Украине оставалось незначительным даже в середине XIX века.

Благодаря этим, а также другим перечисленным автором моментам на юге Украины создались сравнительно благоприятные условия для зарождения и развития новых, буржуазных отношений. Здесь стало довольно быстро развиваться земледелие, различные промыслы: рыболовство, добыча соли и др. Заметные успехи сделали огородничество и садоводство, увеличивалось поголовье скота, особенно тонкорунных овец. Росли старые и возникали новые города, развивались ремесло и промышленность. Большинство предприятий было занято переработкой сельскохозяйственного сырья. Закладывались основы текстильной, суконной и шелковой промышленности. Интересно, что на текстильных предприятиях уже широко применялся наемный труд. Новым явлением в экономической жизни края было возникновение Луганского медеплавильного, Херсонского чугунолитейного и Кременчугского оружейного заводов. На этих казенных предприятиях использовался труд приписных крестьян. Большое внимание автор уделил торговле. Опираясь на значительный документальный материал, Е. И. Дружинина показывает рост внутренней и внешней торговли. Уже в 1793 г. экспорт пшеницы и ячменя через черноморские порты составлял 38,6% морского хлебного вывоза России.

Монография Е. И. Дружининой написана живо и увлекательно и читается с большим интересом. Тем не менее она не лишена некоторых недостатков. Не вполне оправдывает себя название книги. Предметом исследования являются южноукраинские земли, поэтому название «Южная Украина» больше отвечало бы содержанию работы. На страницах книги автор оперирует именно этим термином. В монографии сравнительно мало данных для характеристики помещичьего и крестьянского хозяйства, его связей с рынком, соотношения подневольного и наемного труда. Автору следовало бы остановиться на вопросе о социальном расслоении крестьянства, зарождении крестьянской буржуазии и сельского пролетариата в конце XVIII в., раскрыть специфические черты этого процесса на юге Украины. В книге отсутствует также развернутая оценка промыслов, характеристика применявшегося на них труда, размеров и сбыта продукции. Вследствие этого осталось не до конца раскрытым своеобразие разложения феодально-крепостнической системы на юге Украины. Между тем Южная Украина (Новороссия), где в конце XVIII в., несмотря на все давление крепостнической системы, довольно успешно развивались буржуазные отношения, стала, как указывал В. И. Ленин, наряду с другими окраинными сравнительно поздно колонизованными областями, районом наиболее развитого земледельческого капитализма в России [1].

Нельзя согласиться и с некоторыми другими положениями, выдвинутыми Е. И. Дружининой. Несколько преувеличена роль нападений крымских татар на южноукраинские земли, из-за чего, по мнению автора, запорожские казаки были якобы лишены «постоянной оседлости». Вряд ли можно объяснять перемещение Запорожской Сечи, казацких зимовников и т. д. только нападениями татар. Е. И. Дружинина полагает, что запорожская старшина, оказывая сопротивление попыткам царизма колонизовать Запорожье и насаждать здесь крепостнические порядки, защищала только свои узкосословные интересы (стр. 53). По нашему мнению, объективно старшина выступала также в защиту традиционного права Запорожской Сечи на самоуправление. Необоснованным является утверждение, будто запорожцы, пользуясь своей «автономией», завязывали за спиной правительства сношения с иностранными державами (стр. 53).

Не совсем ясно положение автора о том, что с выходом России к Черному морю существование Запорожской Сечи стало как бы излишним и что с ликвидацией Сечи в 1775 г. было достигнуто «прекращение политической неустойчивости, царившей на южных окраинах страны» (стр. 53). Ликвидация Запорожской Сечи, этот реакционный акт царизма, знаменовавший собой усиление феодально-крепостнического и национального гнета и приведший к созданию Новороссийской губернии, рассматривается Е. И. Дружининой лишь под углом зрения военных планов царского правительства (стр. 54). Автор абстрагируется при этом от другой, не менее важной стороны этой проблемы — социальной. Ведь основание новой губернии на Юге должно было прежде всего способствовать укреплению здесь, как и во всей стране в целом, крепостнических порядков.

К сожалению, данные о классовой борьбе на юге Украины (сравнительно немногочисленные) Е. И. Дружинина поместила в разных главах своей работы (стр. 233, 240),

[1] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 552.

вместо того, чтобы объединить их в самостоятельный раздел. Из слов автора (стр. 138) можно сделать вывод, будто лишь война помешала реализации хозяйственных планов Г. А. Потемкина на юге Украины. На самом деле его проекты с самого начала были обречены на неудачу, так как предполагали развитие промышленности на феодальной основе. Екатеринославское казачье войско было организовано в 1787 г. правительством не по типу Донского, как пишет автор (стр. 187), а по образцу уже созданных ранее иррегулярных казачьих корпусов — Оренбургского, Сибирского и т. д.

Отмеченные недостатки не снижают, однако, значения труда Е. И. Дружининой, который является серьезным вкладом в нашу историческую науку. Опираясь на новые материалы, она нарисовала правильную и убедительную в целом картину социально-экономического развития Южной Украины в последней четверти XVIII века.

И. Г. Рознер

«История и археология средневекового Крыма». Академия наук СССР. Крымский филиал АН УССР. Изд-во АН СССР. М. 1958. 191 стр. Тираж 3 000. Цена 12 руб.

Рассматриваемая книга представляет собою сборник научных исследований по отдельным проблемам истории, археологии и антропологии Крыма. Раннему средневековью посвящены три работы по археологии и одна по антропологии, в которых на основании новейших данных рассматриваются такие вопросы, как судьбы коренного населения Крыма, «готская теория», «пещерные города» Крыма, проникновение на полуостров славян, возникновение здесь феодальных отношений. Сюда относятся статьи Е. В. Веймарна, В. П. Бабенчикова и К. Ф. Соколовой. Три работы (М. К. Старокадомской, Е. Ч. Скржинской и Э. А. Лапковской) охватывают более поздний период истории Крыма (XII—XV вв.).

Сборник открывается статьей Е. В. Веймарна «Оборонительные сооружения Эски-Кермена (Опыт реконструкции)». Автор относит возникновение этой крепости к концу V — началу VI века. Он убедительно опровергает мнения о том, что строителями крепости были готы или византийцы. Крепление стен Эски-Кермена главным образом с помощью тяжести огромных плоских плит было чуждо византийской строительной технике. Е. В. Веймарн приходит к заключению, что крепость была возведена потомками древних обитателей крымских нагорий (тавров, скифов или же сармато-аланов). Его выводы подтверждаются антропологическими исследованиями К. Ф. Соколовой, публикуемыми в сборнике. Связывая изучение Эски-Кермена с вопросом о времени возникновения в этом районе искусственных пещерных сооружений, Е. В. Веймарн отказывается признать Эски-Кермен пещерным городом, с чем еще можно согласиться, но в то же время он вообще отрицает существование в Крыму пещерных городов, что вряд ли правильно. Е. В. Веймарн пишет, что в юго-западной части Крыма в VI—VIII вв. зарождались феодальные отношения, однако это утверждение не базируется на проверенных исторических фактах.

Вторая статья того же автора, «О времени возникновения средневековой крепости Каламита», касается истории одного из пещерных городов Юго-Западного Крыма. На основании раскопок Инкермана (1948—1950 гг.) Е. В. Веймарн сделал вывод, что начальный период строительства Каламиты датируется VI—VII веками. В статье убедительно опровергается господствовавшее ранее мнение А. Л. Бертье-Делагарда о возникновении Каламиты в XV в., а также утверждение А. Л. Якобсона, будто крепость была построена по распоряжению Юстиниана I.

В сборнике напечатана работа В. П. Бабенчикова «Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень». В ходе раскопок на Тепсене обнаружено существовавшее здесь в прошлом большое поселение городского типа. В 1929—1931 гг. Н. С. Барсамовым были найдены на городище славянская керамика, кирпичи со смоленскими клеймами и остатки церкви, аналогичной псковским церквам, что дало основание считать поселение на Тепсене крайним южным форпостом Древней Руси. Однако некоторое время спустя археологи (И. И. Ляпушкин) стали относить поселение на Тепсене к памятникам салтово-маяцкой культуры. В. П. Бабенчиков заново пересмотрел прежние и привлек новые материалы, в особенности керамику, широко применил сравнительный метод исследования. По его мнению, на Тепсене в VII—X вв. бытовали элементы двух культур — руссов (славян) и аланов. Несмотря на то, что это заключение подкрепляется антропологическими исследованиями К. Ф. Со-

коловой, обнаружившей в могильниках Тепсеня два типа черепов (близкого славянам и аланам, а может быть, потомкам тавров), оно не получило еще общего признания. Тем не менее выделение В. П. Бабенчиковым на Тепсене группы керамики, относимой им к славянской, имеет под собой довольно твердую почву и служит основанием для дальнейших поисков славянских корней в Крыму.

В работе К. Ф. Соколовой «Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма» анализируется краниологический материал из могильников Коктебеля, Алушты, Судака и Чуфут-Кале. О некоторых выводах автора этой статьи говорилось выше в связи с работами Е. В. Веймарна и В. П. Бабенчикова. Изучая черепа из могильника Чуфут-Кале, К. Ф. Соколова также установила, что они не имеют ничего общего с черепами готов. Этот вывод направлен против попыток некоторых исследователей этнически связывать готов со средневековым населением Крыма, в частности с населением Чуфут-Кале.

М. К. Старокадомская в статье «Русское торговое население генуэзской Каффы» разоблачает тенденциозные концепции ряда буржуазных ученых, переоценивающих роль генуэзских купцов в развитии культуры Крыма, утверждающих, что будто бы только с появлением генуэзцев Крым превратился в цветущий торгово-промышленный край. М. К. Старокадомская приводит сообщения западноевропейских путешественников, арабских историков и географов о том, что еще задолго до появления в Крыму генуэзцев через крымские города Керчь и Судак шла оживленная посредническая торговля русских княжеств с Византией и арабскими странами, активная роль в которой принадлежала русским купцам. Опираясь на торговые документы Каффы (Феодосии), центра генуэзских колоний в Крыму, и документы самой Генуи, М. К. Старокадомская подтверждает наличие в Каффе XIII—XV вв. постоянного русского населения, состоявшего из торговцев и обслуживавшего их православного духовенства, имевшего здесь даже недвижимую собственность. Автор приводит грамоты Ивана III, свидетельствующие о том, что русские торговые люди в Крыму находились под покровительством и защитой великого князя Московского. Арабские источники говорят о присутствии русских людей в другом торговом городе Крыма — Солхате (Старый Крым). Недостатком работы М. К. Старокадомской является то, что она не пишет о наличии в Каффе русских ремесленников и земледельцев, хотя косвенные данные по этому вопросу в используемых автором источниках имеются.

В статье Е. Ч. Скржинской «Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма» описаны еще не опубликованные надписи. Алуштинская надпись, найденная в 1950 г., представляет собой надгробие. По начертанию букв Е. Ч. Скржинская датирует ее последними годами XIII в. либо XIV веком. В Судаке найдены три генуэзские латинские надписи на специальных каменных плитах, подтверждавшие время возведения тех или иных зданий и сообщавшие имена консулов Солдайи (Судака), при которых указанные здания были воздвигнуты. Надписи датируются 1378, 1451 и 1469 гг., и надо полагать, что две последние относились к оборонительным сооружениям. Видимо, генуэзцы укрепляли свой город, готовясь к отражению натиска турок-османов.

В сборнике помещен небольшой искусствоведческий этюд Э. А. Лапковской «Водолей, найденный в Крыму, и круг родственных ему произведений». Водолей для омовения рук, найденный в 1954 г. неподалеку от Судака, на территории бывшего Кизил-Ташского монастыря, выполнен в форме погрудного бюста юноши. Э. А. Лапковская датирует этот предмет концом XII — началом XIII века. Приводя большой сравнительный материал, она заключает, что родиной водолея была Трансильвания, но каким путем и когда он был доставлен в Крым, установить пока не удалось.

Рассматриваемый сборник, вводя в научный оборот новые материалы, значительно продвигает вперед изучение некоторых важных проблем истории Крыма.

А. М. Малинин

Р. С. ОВИННИКОВ. *За кулисами политики «невмешательства». Испанский вопрос в политике империалистов Англии, Франции и США накануне второй мировой войны.* Изд-во Института международных отношений. М. 1959. 326 стр. Тираж 2 700. Цена 13 руб. 10 коп.

Почти четверть века отделяет нас от событий гражданской войны и фашистской интервенции в Испании. Однако кардинальные проблемы международных отношений кануна второй мировой войны, к числу которых, несомненно, принадлежат «испан-

ский вопрос» и так называемая политика невмешательства, сохраняют свою актуальность и сегодня.

Тема, избранная Р. С. Овинниковым для исследования, представляет и большой научный интерес. До сих пор ни в советской, ни в прогрессивной зарубежной литературе не было специальных работ, в которых исследовалась бы политика в «испанском вопросе» целой группы великих держав, а не той или иной отдельной страны.

Книга Р. С. Овинникова написана на основе большого документального материала, включающего в себя серию публикаций американских, английских и немецких документов по внешнеполитическим вопросам. Кроме того, в работе использованы статистические сборники, периодические издания, пресса, мемуары и многочисленные исторические исследования.

Р. С. Овинников ставил перед собой задачу показать не только сущность, общие и специфические черты политики западных держав в испанских событиях накануне второй мировой войны и закулисные стороны политики «невмешательства», но и место «испанского вопроса» в общей системе мюнхенской политики «умиротворения» и поощрения агрессоров, проводившейся Англией, Францией и США. Следует признать, что автору в общем удалось справиться с этой задачей.

На протяжении всей работы Р. С. Овинников анализирует сложный комплекс империалистических противоречий в Испании. В книге характеризуется экономическая конкурентная борьба империалистических государств за источники сырья, рынки сбыта товаров и сферы приложения капиталов в Испании, за «право» эксплуатации и расхищения ее природных богатств, а также борьба империалистов за политические и стратегические позиции в Испании. Наряду с описанием острой экономической борьбы между фашистскими и «демократическими» государствами в книге приводятся многочисленные факты закулисных сделок американских, английских и французских монополий с германскими акционерными обществами и компаниями (англо-германские переговоры 1937 г. о разделе испанских источников сырья, франко-германские и англо-германские переговоры в феврале 1939 г. об «экономическом сотрудничестве» в Испании и т. п.).

Книга Р. С. Овинникова дополняет богатую советскую литературу по истории международных отношений кануна второй мировой войны. Политика западных держав в «испанском вопросе», политика попустительства итало-германской агрессии, была частью той преступной политики «умиротворения», которая помогла гитлеровцам развязать вторую мировую войну. Автор приводит убедительный фактический материал о реакционном внешнеполитическом курсе западных держав накануне войны.

Когда началась вооруженная итало-германская интервенция, монополисты западных держав сознавали, что она угрожает их собственным интересам. Но классовая ненависть к демократическим силам, к Народному фронту Испании «привела западные державы на грань непосредственного вмешательства в испанские дела на стороне испанской реакции» (стр. 50).

Исследуя политику английского империализма в Испании, Р. С. Овинников делает вывод, что вспыхнувший в июле 1936 г. франкистский мятеж был начат не только при поддержке фашистских государств, но и при прямой помощи английского империализма. Из приведенных автором документов явствует, что реакционно настроенные английские круги (особенно часть высшего офицерства) намеревались прибегнуть к открытому вмешательству в испанские дела на стороне мятежников (стр. 53). Автор отмечает, что Англия оказывала финансовую помощь мятежникам как по частнокапиталистическим, так и по правительственным каналам. В 1937 г. английское правительство наладило тайный контакт с мятежниками в области военного сотрудничества. При Франко фактически была создана английская военная миссия, а военное министерство Англии брало на себя финансирование закупок мятежниками оружия у фашистских государств (стр. 136). Английское правительство вело тайные переговоры с мятежниками по вопросу о предоставлении франкистам прав воюющей стороны. Состоявшийся в ноябре 1937 г. обмен представителями между английским правительством и франкистами, пишет Р. С. Овинников, «представлял собой, как его и планировал Чемберлен, акт признания Франко» (стр. 178). Английская политика в испанском вопросе была направлена на достижение сговора с агрессорами.

Изучение опубликованных документов дипломатического ведомства США за 1936—1939 гг. позволило автору ввести в научный оборот факты, характеризующие различные

аспекты американской политики в Испании, подтверждающие пособничество американского империализма фашистским агрессорам, его соучастие в удушении Испанской республики. Автор показывает, что объявленная правительством США политика «нейтралитета», распространение на Испанию эмбарго на экспорт оружия явились прямым поощрением итало-германской интервенции. Не случайно действия американского правительства встречали горячее одобрение фашистских государств (стр. 128).

Заявление о «нейтралитете» не помешало правящим кругам США вступить в непосредственный контакт с мятежниками. Американское правительство предпочитало «неофициальные контакты», ибо эта форма, писал Хэлл, более удобна, так как она позволяет избежать обвинений в том, что правительство США явно встало на сторону Франко (стр. 95).

Заслуживает внимания сделанный автором подсчет американских поставок франкистам. С самого начала и до конца гражданской войны американские нефтяные компании систематически снабжали мятежников нефтью и нефтепродуктами, удовлетворяя в общей сложности 75% их потребности в горючем (стр. 78).

В работе рассматривается также политика сговора французской реакции с фашистскими агрессорами, предательская позиция премьер-министра Франции правого социалиста Блюма в испанских событиях. Основные выводы автора не вызывают возражений. Однако отсутствие французских публикаций документов по этому периоду и недостаточное использование автором материалов парламентской комиссии по расследованию событий, происшедших во Франции с 1933 по 1945 г., протоколов парламентских дебатов, французской прессы сказались на том, что политика Франции в испанских событиях освещена Р. С. Овинниковым несколько схематично и не всегда аргументированно. Следовало бы подчеркнуть, что и среди крайне правых политических деятелей Франции также была сильна тенденция к открытому вмешательству в испанские дела на стороне Франко. Так, политический редактор близкой к Генеральному штабу Франции газеты «L'Echo de Paris» Анри де Кериллис писал 21 ноября 1936 г., что «Франция должна была с первого дня признать Франко и прийти к нему на помощь». Вернувшись из поездки в Испанию в середине декабря того же года и убедившись в большом размахе итало-германской интервенции, Кериллис начал настойчиво призывать к вмешательству Франции в войну на стороне Франко, мотивируя это тем, что если мятежникам будет помогать Германия, то за Пиренеями победит не только испанский «каудильо», но и Гитлер. Правая французская пресса («Le Jour», «Le Figaro») еще в октябре 1936 г. повела шумную кампанию за признание Франко.

Утверждение автора о том, что идея «невмешательства» в испанские дела принадлежала французскому правительству (стр. 66), противоречит достаточно аргументированному в исторической литературе положению о том, что план «невмешательства» в испанские дела возник в Лондоне, на Даунинг-стрит, но по тактическим соображениям «честь» выступления с этим планом была предоставлена Блюму [1].

Хотя задачей исследования являлось освещение политики так называемых демократических держав в испанском вопросе, автора следует упрекнуть в том, что он не всегда с достаточной полнотой характеризует роль главных душителей Испанской республики — гитлеровской Германии и фашистской Италии.

Монография Р. С. Овинникова не свободна от повторений, некоторых длиннот, нечетких формулировок, однако все это не может изменить общей положительной оценки книги.

З. С. Белоусова

ПЕТР АБЕЛЯР. *История моих бедствий.* Перевод с латинского. Издание подготовили Д. А. Дрбоглав, Н. А. Сидорова, В. А. Соколов, В. С. Соколов. Ответственный редактор — проф. Н. А. Сидорова. Академия наук СССР. Отделение литературы и языка. Литературные памятники. Изд-во АН СССР. М. 1959. 256 стр. Тираж 10 000. Цена 9 руб. 50 коп.

Знаменитый французский мыслитель Петр Абеляр был одним из наиболее крупных деятелей того переломного периода в развитии европейской культуры, который на-

[1] «История дипломатии». Т. III. М. 1946; Д. Ибаррури. Национально-освободительная война испанского народа. «Вопросы истории», 1953, № 11; «История Великой Отечественной войны Советского Союза». Т. I. М. 1960; Alvarez del Vayo. La guerra emperó en España. Mexico. 1940; J. Paul-Boncour. Entre deux guerres. Souvenirs sur la III-e république. Paris. 1946; Женевьева Табуи. Двадцать лет дипломатической борьбы. М. 1960.

чался в XII в., когда стали явственно заметны глубокие социальные сдвиги в феодальных странах, связанные с отделением ремесла от сельского хозяйства и образованием городов. Блестящая преподавательская деятельность Абеляра в Париже, его многочисленные философские и теологические труды сыграли большую роль в пробуждении и развитии почти заглохшей в то время научной мысли. Абеляр высказывал передовые для своей эпохи идеи о праве разума на свободное критическое исследование и защищал эти идеи в упорной борьбе с влиятельными противниками. Его полное драматизма столкновение с реакционными католическими кругами, закончившееся двукратным осуждением Абеляра на церковных соборах, заслуженно принесло ему славу самоотверженного борца за науку. Именно поэтому выход в свет его трудов привлекает внимание историка, изучающего развитие цивилизации и историю общественной мысли.

Сборник открывается автобиографией Абеляра («История моих бедствий»), по которой названа и вся книга. За ней следуют три письма из переписки Абеляра и Элоизы (стр. 63—88), два трактата Абеляра, озаглавленные «Возражение некоему невежде в области диалектики, который, однако, порицал занятие ею и считал все ее положения за софизмы и обман» и «Диалог между философом, иудеем и христианином» (стр. 89—105), «Пролог» к произведению Абеляра «Да и нет» (стр. 106—122), письма современников и участников Сансского собора 1140 г. (стр. 123—154) и «Апология» схоластика Беренгария, представляющая собой небольшой памфлет, написанный в защиту Абеляра (стр. 155—177). В приложении помещены статья Н. А. Сидоровой «Петр Абеляр — представитель средневекового свободомыслия» (стр. 181—223) и подробные комментарии к тексту источников, составленные Д. А. Дрбоглавом.

В своей знаменитой автобиографии, написанной очень просто и живо и читающейся как увлекательное художественное произведение, Абеляр подробно рассказывает о своих ученических годах, о блестящем начале ученой деятельности, сулившей ему, казалось бы, счастье и славу, о любви к Элоизе, начавшейся тоже столь счастливо и закончившейся так трагически, о бедствиях, обрушившихся затем на него из-за постоянных столкновений с представителями схоластической учености и католического богословия.

Со страниц автобиографии перед нами встает живой образ человека XII столетия, чрезвычайно одаренного, достигшего вершин доступного в его время образования. Поражает присущий взглядам Абеляра своеобразный рационализм, глубоко светский образ мыслей, с первого взгляда так мало вяжущийся с той эпохой, в которую он жил. Хотя Абеляр неоднократно и, несомненно, искренне говорит о своей преданности католической церкви и постоянно ссылается на Священное писание и творения отцов церкви, он живет мыслями и чувствами, по существу, чуждыми религии. Порой приходится даже удивляться тому, с какой откровенностью он обнаруживает перед читателем подлинные, глубоко мирские побудительные причины своих действий.

Мы найдем в книге весьма ценные для историка сведения о некоторых сторонах культуры и быта той эпохи. Особенно интересны разбросанные по всем произведениям Абеляра красочные картинки жизни и нравов преподавателей и учащихся школ его времени: описание соперничества и борьбы между отдельными магистрами, споров в подвижной и мятушейся среде «шкоряров», их постоянных переходов от одного учителя к другому. Даже после официального осуждения взглядов Абеляра вокруг него собралась большая группа учеников (стр. 45). Свободомыслие, характерное для Абеляра, уже начало распространяться в среде представителей зарождавшейся тогда особой социальной прослойки — «интеллигенции».

Другие материалы сборника хорошо дополняют «Историю моих бедствий». Особенно важны письма Бернара Клервоского, которые подтверждают, что именно критический подход Абеляра к богословским вопросам вызывал особое озлобление и негодование у его врагов. Давая общую оценку взглядам и деятельности Абеляра, Бернар пишет: «Таким образом, человеческий разум захватывает себе все, не оставляя ничего для веры. Он пытается постичь то, что выше его, он исследует то, что сильнее его, он врывается в божественное и скорее оскверняет святыню, чем открывает ее. Запертое и запечатленное не раскрывает, но раздирает, и все, что он находит для себя непостижимым, считает за ничто, не удостаивая веры» (стр. 129).

Антагонистом Бернара выступает Беренгарий. Его «Апология» — это дополнение

к рассказу из «Истории моих бедствий» о вольнодумных настроениях средневековых вагантов. Нападая на Бернара, Беренгарий рисует полные едкой желчи картины церковного быта и открыто восстает против авторитета папской курии, оспаривая справедливость осуждения Абеляра. Не случайно «Абеляриада», то есть весь комплекс относящихся к данному сюжету источников, представляет собой одно из самых жгучих обвинений по адресу римской церкви.

В своей совокупности представленные в сборнике источники позволяют читателю уяснить социальные предпосылки и историческое значение деятельности Абеляра. Они проливают яркий свет на подлинные причины и сущность его драматического столкновения с представителями католической иерархии. Н. А. Сидорова высказывает правильную, на наш взгляд, мысль, что это столкновение носило глубоко принципиальный характер и не может быть объяснено какими-либо случайными обстоятельствами или же различием взглядов по отдельным богословским вопросам. Действительно, Абеляр представляет определенное направление в культурной жизни феодальной Европы, связанное с развитием городов и враждебное стремлению католической церкви к полному господству над мыслями и чувствами людей. Правильность этой точки зрения со всей очевидностью подтверждается источниками. Выступление Абеляра в защиту права разума подвергать критической проверке религиозные истины, его глубоко светский образ мыслей, взгляд на философию как на независимое от богословия явление — все это доказывает, что его мировоззрение действительно принципиально отличалось от сугубо религиозного мировоззрения Бернара Клервоского. Источники свидетельствуют о том, что Абеляр не был одинок. К представляемому им общественному направлению должны быть отнесены его многочисленные ученики, требовавшие, чтобы в основу своих лекций по теологии их учитель клал доводы разума; люди, сумевшие стать выше освященных авторитетом церкви представлений об официальной морали; схоластик Беренгарий, открыто выступивший в его защиту. Абеляр предстает перед нами как выразитель идей и настроений своеобразной «интеллигенции», начавшей складываться в период зарождения новых городов, как человек, отразивший в своих взглядах и деятельности светские, антиклерикальные тенденции в развитии средневековой культуры.

Если статья Н. А. Сидоровой, в которой излагаются основные идеи ее большой работы «Очерки по истории ранней городской культуры во Франции» (М. 1953), помогает читателю уловить дух самой эпохи, то комментарии, написанные Д. А. Дрбоглавом, значительно облегчают чтение и понимание текста публикуемых источников. В комментариях, составленных тщательно и с большим знанием дела, приводятся краткие сведения о всех упоминаемых в книге исторических деятелях и систематически поясняются выражения и термины, непонятные современному читателю. Отметим также высокие достоинства перевода, откорректированного в сравнении с хорошо известным переводом начала XX в. («История моих бедствий». Перевод П. О. Морозова, под редакцией и с примечаниями А. Трачевского. СПБ. 1902).

Мы не сомневаемся в том, что рецензируемую книгу с интересом прочтут самые широкие круги читателей. Необходимо, однако, отметить, что ее можно было бы сделать еще более интересной и полезной с точки зрения запросов исторической науки, несколько расширив содержание сборника. Чтобы дать полное представление о взглядах Абеляра, нужно было привести более пространные отрывки из его философских произведений. На нескольких примерах, заимствованных из книги Абеляра «Да и нет», следовало конкретно показать, в чем именно проявлялся его критический подход к богословской литературе. Было бы целесообразно воспроизвести также и те отрывки из его трудов или сочинений его современников, в которых подробнее излагаются взгляды Абеляра относительно философской категории «универсалий», характеризующих все концептуалистическое мировоззрение великого мыслителя.

Рецензируемое издание, несомненно, будет хорошо встречено не только специалистами по истории общественной мысли, но и более широкими кругами читателей, интересующихся проблемами зарождения светской идеологии в средние века.

Ю. А. Корхов

НОВЫЕ КНИГИ

ИСТОРИЯ СССР

Алахвердов Г. Г. и др. *Краткая история гражданской войны в СССР.* М. Госполитиздат. 1960. 431 стр. 50 000 экз. 7 р. 50 к.

Амиров Х. *Утро Караганды.* Алма-Ата. Казгосиздат. 1960. 64 стр. 5 500 экз. 80 коп. Очерки об истории развития карагандинской угольной промышленности.

Андреев А. И. *Очерки по источниковедению Сибири.* (Вступ. статья В. Яцунского.). XVII век. 2-е изд., испр. и доп. Вып. 1. М.-Л. Изд-во АН СССР. Ленингр. отд. 1960. 280 стр. 1 500 экз. 13 руб.

Археографический ежегодник за 1959 год. Под ред. М. Н. Тихомирова. М. Изд-во АН СССР. 1960. 468 стр. 1 500 экз. 29 руб.

Бажеев Д. Г. *Коммунистическая партия — организатор и вдохновитель партизанской борьбы в Бурятии.* Улан-Удэ. Бурятск. кн. изд. 1960. 175 стр. 2 000 экз. 3 р. 75 коп.

Барковская Т. Н. и Степанова Г. Е. *Дом-музей В. И. Ленина.* Путеводитель. Куйбышев. кн. изд. 1960. 43 стр. 5 000 экз. 65 коп.

Белов М. В. *Ведущая сила развития советского общества.* М. Изд-во АН СССР. 1960. 404 стр. 7 000 экз. 17 р. 50 к. О руководящей и направляющей роли Коммунистической партии Советского Союза.

Бережной А. Ф. *Ленин — создатель партийно-советской печати.* Л. Лениздат. 1960. 68 стр. 5 000 экз. 80 коп.

Бернадский В. Н. и Сукновалов А. Е. *Историческое прошлое и настоящее Ленинграда.* Кн. 2. Картины истории и жизни города. 1893—1965 гг. Л. Учпедгиз. Ленингр. отд. 1960. 446 стр. 25 000 экз. 8 р. 55 к. Книга для чтения в VIII—IX классах.

Большевистская печать. Сборник материалов. (В 4 вып.). Вып. 2-й, 1905—1907 гг. Сост. Н. А. Владимирский и В. Т. Татаринов. М. Изд-во ВПШ и АОН. 366 стр. 8 000 экз. 12 р. 20 к.

Витте С. Ю. *Воспоминания.* Вступит. статья А. Л. Сидорова. Т. 1. 1849—1894. Детство. Царствования Александра II и Александра III. М. Соцэкгиз. 1960. LXXVII. 555 стр. 75 000 экз. 10 р. 40 к.

Воспоминания о военных годах. Рассказывают участники Великой Отечественной войны. Сост. Н. Нечаев и др. (предисловие М. Зорина). Рига. Латгосиздат. 1960. 427 стр. 3 000 экз. 4 р. 80 к.

Гадилов Л. З. и Гумеров Ф. Х. *Карим Хакимов.* Ист.-биогр. очерк. Уфа. Башкнигоиздат. 1960. 84 стр. 3 000 экз. 95 коп. Очерк жизни и деятельности башкирского революционера-большевика.

Галин Б. *Строитель нового мира.* Очерки о Ленине. М. «Сов. писатель». 1960. 320 стр. 25 000 экз. 3 руб.

Гончарова А. и др. *Древние соборы Кремля.* 2-е., доп. изд. М. «Моск. рабочий». 1960. 99 стр. 50 000 экз. 2 р. 70 к.

Григорьев Б. и Кутьев В. *Боец и летописец революции.* О Е. М. Ярославском. М. Госполитиздат. 1960. 32 стр. 75 000 экз. 40 коп.

Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. (Введение Г. А. Новицкого). Т. 1. 1756—1764. М. Изд-во Моск. ун-та 1960. 415 стр. 1 300 экз. 12 руб.

Документы трудового энтузиазма. Сборник документов о борьбе рабочего класса СССР за повышение производительности труда в 1918—1920 гг. Сост. Т. В. Ивницкая и др. М. Профиздат. 1960. 360 стр. 3 000 экз. 4 р. 80 к.

Дробнис А. А. и Мешкаускас К. А. *20 лет Советской Литвы.* 1940—1960 гг. М. «Знание». 1960. 32 стр. 48 000 экз. 60 коп.

Зимин А. А. *Реформы Ивана Грозного.* Очерки соц.-экон. и полит. истории России середины XVI в. М. Соцэкгиз. 1960. 511 стр. 5 000 экз. 13 руб.

Зиядуллаев С. К. *Годы больших достижений.* Ташкент. Госиздат. УзССР. 1960. 63 стр. 5 000 экз. 80 коп. О развитии народного хозяйства и культуры Узбекистана в первые два года семилетки.

Из истории революционного движения и социалистического строительства в Молдавии. Сборник статей, посвященных 20-летию МССР. Кишинев. «Штиинца». 1960. 372 стр. 2 000 экз. 12 р. 60 к.

Искандаров Б. И. *Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России.* Сталинабад. Таджикгосиздат. 1960. 214 стр. 3 000 экз. 3 р. 70 к.

Комсомол — нашей доблестной партии сын. Из истории ЛКСМ Белоруссии. (Сборник очерков.) Минск. Госиздат БССР. 1960. 492 стр. 25 000 экз. 6 руб.

Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов. Т. 1. (1941—1943). Курск. Кн. изд. 1960. 487 стр. 4 000 экз. 7 р. 60 к.

Левченко В. С. *Сражение в Карпатах.* Наступление 1-й гвардейской армии. Сентябрь — ноябрь 1944 г. М. Воениздат. 1960. 151 стр. 5 р. 55 к.

Ленин и наука. Сессия общего собрания АН СССР, посвященная девяностолетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. 1870—1960. М. Изд-во АН СССР. 1960. 426 стр. 10 000 экз. 15 руб.

Лопатин Н. В. *У колыбели Донбасса.* К 250-летию Лисичанска. 1710—1960. Луганск. Обл. изд. 1960. 279 стр. 15 000 экз. 8 р. 50 к. Излагается история старейшего города в Донбассе — Лисичанска — со времени его возникновения до наших дней.

Марченков Д. *Так начиналась победа.* Смоленск. Кн. изд. 1960. 96 стр. 15 000 экз. 3 руб.

Материалы из истории Владивостока. Кн. 2. 1917—1960. Владивосток. Примор. кн. изд. 1960. 220 стр. 1 500 экз. 10 р. 70 к.

Музалев И. *Дмитровск.* (Ист.-экон. очерк). Орел. Кн. изд. 1960. 67 стр. 3 000 экз. 1 р. 05 коп.

Наумов М. И. *Хинельские походы.* Киев. Гослитиздат Украины. 1960. 403 стр.

150 000 экз. 8 руб. Воспоминания участника партизанского движения в годы Великой Отечественной войны.

Николаев В. В. *Ленин о Советском государстве.* М. Изд-во АН СССР. 1960. 107 стр. 25 000 экз. 1 р. 50 к.

О некоторых проблемах строительства коммунизма в свете решений XXI съезда КПСС (Сборник статей). М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 192 стр. 11 700 экз. 8р. 65 к.

Очерки по истории комсомола Татарии. Казань. Таткнигоиздат. 1960. 151 стр. 10 000 экз. 2 р. 75 к.

Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 3. М. Изд. вост. лит. 1960. 312 стр. 1 300 экз. 13 руб.

Пурин В. Р. *Латвийская ССР в семье братских советских республик.* М. «Знание». 1960. 32 стр. 48 200 экз. 60 коп.

Рассказы о героях. Сост. В. В. Веселов и И. В. Филиппов. Оренбург. Кн. изд. 1960. 142 стр. 40 000 экз. 3 р. 60 к. Сборник очерков об оренбуржцах — Героях Советского Союза.

Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. (Сборник статей. Введ. М. В. Нечкиной). М. Изд-во АН СССР. 1960. 544 стр. 1 800 экз. 30 руб.

Рябов Н. И. и Штейн М. Г. *Волочаевская победа.* Хабаровск. Кн. изд. 1960. 32 стр. 3 000 экз. 30 коп.

Савинченко Н. В. и Смирнов В. Е. *Начало первой буржуазно-демократической революции в России. III съезд РСДРП. Книга В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции».* М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 50 стр. 17 000 экз. 1 руб.

Саратовская партийная организация в годы социалистической индустриализации страны и подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства. Документы и материалы. 1926—1929 гг. Сост. И. Бабиков и др. Саратов. Кн. изд. 1960. 382 стр. 2 000 экз. 7 р. 40 к.

Скрипов А. Н. *На просторах «Дикого поля».* Из прошлого. Ростов-на-Дону. Изд. Ростовск. ун-та. 1960. 91 стр. 5 000 экз. 2 р. 50 к. Исторический очерк о далеком прошлом Приазовья, Донского края, Северного Причерноморья и Юга Центральной части России.

Стефанков Д. А. *Коммунистическая партия — организатор разгрома объединенного похода Антанты.* Март—август 1919 г. М. Воениздат. 1960. 184 стр. 3 р. 90 к.

Суслов А. И. и Чураков С. С. *Ярославль.* М. Госстройиздат. 1960. 278 стр. (Города Советского Союза в памятниках зодчества). 2 000 экз. 22 р. 70 к.

Сычев-Михайлов М. В. *Из истории русской школы и педагогики XVIII века.* М. Изд-во Акад. пед. наук РСФСР. 1960. 255 стр. 2 000 экз. 6 р. 35 к.

Тармисто В. Ю. *20 лет Советской Эстонии.* М. «Знание». 1960. 32 стр. 48 200 экз. 60 коп.

Теплицкий И. З. *Исторические памятники Ставрополья.* Ставрополь. Кн. изд. 1960. 163 стр. 4 000 экз. 1 р. 45 коп.

Терехов И. и Тарасенко К. *Сплоченными рядами.* М. Госполитиздат. 1960. 142 стр. 20 000 экз. 1 р. 70 к. Об идейно-организационном укреплении большевистской партии в период от февраля к октябрю 1917 года.

Труды Дальневосточной археологической экспедиции. Т. 1. Древние культуры Дальнего Востока. М.-Л. Изд-во АН СССР. Ленингр. отд. 1960. 244 стр. 1 500 экз. 17 р. 50 к.

Унпелев Г. *Рождение Уралмаша.* 1928—1933. (Ист. очерк). М. Соцэкгиз. 1960. 177 стр. 3 000 экз. 4 р. 75 к.

Ушаков М. Г. *По долинам и по взгорьям...* Из воспоминаний забайкальского партизана. Чита. Кн. изд. 1960. 78 стр. (К 40-летию освобождения Забайкалья от белогвардейцев и интервентов). 5 000 экз. 1 р. 60 к.

Хангалов М. Н. *Собрание сочинений.* Т. 2. Улан-Удэ. Бурят. кн. изд. 1960. 444 стр. 2 000 экз. 17 р. 25 к. В том входят статьи по этнографии западных бурят.

Чубинашвили Г. Н. *Грузинское чеканное искусство.* Исследование по истории груз. средневекового искусства. Тбилиси. «Собчота Сакартвело». 1959. 6 000 экз. Текст. XXXV. 691 стр. 71 руб. Иллюстрации XVII. 394 л. 47 руб.

Эстонская народная одежда XIX и начала XX века. Таллин. Эстгосиздат. 1960. 248 стр. 2 000 экз. 44 руб.

Юденков А. *Партизанский полк имени Сергея Лазо.* Смоленск. Кн. изд. 1960. 84 стр. 5 000 экз. 80 коп. Краткий исторический очерк о партизанском полке, действовавшем в годы Великой Отечественной войны на Смоленщине.

40 лет установления Советской власти в Армении и образования Коммунистической партии Армении. 1920—1960 гг. Тезисы Отд. пропаганды и агитации ЦК КП Армении и Ин-та истории партии при ЦК КПА. Ереван. Айпетрат. 1960. 51 стр. 6 000 экз. 40 коп.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения.* Изд. 2-е Т. 23. (Капитал Т. 1. Кн. 1.). М. Госполитиздат. 1960. VI. 907 стр. 135 000 экз. 10 руб.

Бокщанин А. Г. *Парфия и Рим.* Возникновение системы полит. дуализма в Передней Азии. Ч. 1. М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 251 стр. 2 500 экз. 13 руб.

Всемирная история. В 10-ти т. Т. 7. (1871—1917 гг.). Под ред. А. А. Губера и др. М. Соцэкгиз. 1960. 820 стр. 164 000 экз. 40 руб.

Гаврилов Н. И. *Гвинейская Республика.* М. Изд. вост. лит. 1960. 138 стр. 6 000 экз. 3 р. 50 к. Очерк о природе, истории, хозяйстве и общественно-политическом строе Гвинеи.

Гантман В. и Микоян С. *США: внешняя политика и выборы 1960 года.* М. Изд-во ИМО. 1960. 80 стр. 90 000 экз. 1 руб.

Голотик Л. *Октябрьская революция и национально-освободительное движение в*

Словакии в 1917—1918 гг. Пер. со словацк. М. Соцэкгиз. 1960. 159 стр. 2 000 экз. 2 р. 90 к.

Гренье Ф. *Вот как это было.* Пер. с франц. М. Изд. иностр. лит. 1960. 207 стр. 3 р. 60 к. Воспоминания члена Центрального Комитета Французской компартии и депутата Национального собрания о движении Сопротивления.

Деборин Г. А. *О характере второй мировой войны.* М. Воениздат. 1960. 152 стр. 3 р. 25 к.

Дубинский Л. С. *Монополии и экономика Англии.* (До второй мировой войны). М. Соцэкгиз. 1960. 478 стр. 3 000 экз. 10 р. 85 к.

Женщины Равенсбрюка. Издано Комитетом антифашистских борцов сопротивления (ГДР). Обработка материала и подготовка к печати Э. Бухман. Пер. с нем. М. Изд. иностр. лит. 1960. 178 стр. 3 р. 35 к.

Заксе Д. *Социалистические преобразования аграрных отношений в Германской Демократической Республике.* М. Соцэкгиз. 1960. 199 стр. 5 000 экз. 4 р. 75 к.

Из истории Коммунистической партии Финляндии (Сокр. пер. с финск.). М. Госполитиздат. 1960. 206 стр. 8 000 экз. 4 р. 45 к. Освещается период от возникновения Коммунистической партии Финляндии в 1918 г. до наших дней.

История Кореи. (В 2-х т.). Пер. с корейск. Ред. и предисл. М. Пака. Т. 1. М. Изд. иностр. лит. 1960. 418 стр. 16 р. 45 к.

Лазарев М. С. *Крушение турецкого господства на Арабском Востоке.* 1914—1918 гг. М. Изд. вост. лит. 1960. 246 стр. 1 700 экз. 9 р. 50 к.

Медведев Е. В. и Миловидов А. С. *Роль народных масс в современных войнах.* М. Воениздат. 1960. 84 стр. 1 р. 30 к.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7-ми т. Под общ. ред. Р. А. Руденко. Т. 6. Преступные организации. М. Госюриздат. 1960. 748 стр. 46 000 экз. 14 руб.

Ребрикова Н. В. *Очерки новейшей истории Таиланда.* 1918—1959. М. Изд. вост. лит. 1960. 215 стр. 2 000 экз. 7 руб.

Тайпинское восстание. 1850—1864 гг. Сборник документов. Сост. В. П. Илюшечкин и О. Г. Соловьев. М. Изд. вост. лит. 1960. 326 стр. 1 200 экз. 15 руб.

Файнберг Э. Я. *Русско-японские отношения в 1697—1875 гг.* М. Изд. вост. лит. 1960. 314 стр. 1 500 экз. 15 руб.

Франк А. *Дневник.* Пер. Р. Райт-Ковалевой. Предисловия И. Эренбурга и А. Ромейн-Ферсхор. М. Изд. иностр. лит. 1960. 237 стр. 6 р. 10 к. Дневник еврейской девушки, в течение двадцати пяти месяцев скрывавшейся с семьей от гитлеровцев, оккупировавших Голландию.

Хрестоматия по истории Китая в средние века. XV—XVII вв. (Пер. с китайск.) М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 207 стр. 4 000 экз. 3 р. 60 к.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

«Вопросы истории КПСС», № 6. «Новые документы В. И. Ленина». Подг. С. Ф. Буточникова, М. М. Вассер, Н. Г. Севрюгина, К. Г. Ремизова; И. В. Малышев. Строительство коммунизма — живая творческая деятельность многомиллионных народных масс; Ф. Б. Садыков. Диалектическая закономерность развития Коммунистической партии; Г. Д. Комков. Идейно-политическая работа партии в массах в первый период Великой Отечественной войны; П. Н. Абрамов. Советское строительство на селе в докомбедовский период (октябрь 1917— июль 1918 г.); «Неизвестные статьи Ф. Энгельса». Публикация. Подг. А. К. Воробьева, Б. Г. Тартаковский; Б. Г. Тартаковский. Фридрих Энгельс — великий мастер революционной тактики пролетариата; Е. П. Кандель. Против фальсификации роли Энгельса в формировании и разработке марксизма; В. Н. Степанов. В. И. Ленин и создание организации «Искры» в России; Ю. М. Арсеньев. Борьба В. И. Ленина за объединение вокруг «Искры» российских социал-демократов за границей (1900—1903 гг.); «Материалы к научной биографии В. И. Ленина».

«История СССР». № 5. А. Ф. Хавин. От ВСНХ к совнархозам наших дней; Л. Н. Кудашев. Из истории борьбы Советского государства за развитие добрососедских отношений с Японией (1925—1936 гг.); А. В. Фадеев. Возникновение мюридистского движения на Кавказе и его социальные корни; В. И. Довженок. Об уровне развития земледелия в Киевской Руси; В. Ф. Инкин, А. Г. Черных. О первом этапе развития советской исторической науки; В. В. Гармиза. Земская реформа и земство в исторической литературе; Л. В. Кудряков. Помощь колхозников Ивановской области фронту в годы Великой Отечественной войны; В. М. Селунская. Рабочий комитет содействия социалистическому земледелию (1919—1920 гг.); П. А. Зайончковский. Попытка созыва Земского собора и падение министерства Н. П. Игнатьева; Л. Б. Светлов. Запрет трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» и дело А. Н. Радищева; А. И. Баранович. Опустошение и восстановление Правобережной Украины во второй половине XVII и начале XVIII в.

«Новая и новейшая история». № 5. Е. И. Попова. США и Вашингтонский

договор четырех держав; Л. Б. Валев. Положение и борьба рабочего класса Болгарии накануне второй мировой войны; Э. Рамирес Некочеа. Подъем рабочего движения в Чили в 1917—1922 годах; М. С. Альперович. Роль народных масс в войне за независимость Мексики; Э. О. Берзин. Франция и Сиам во второй половине XVII века; «Неопубликованные письма Г. Бабефа». Подг. А. М. Бобков, В. М. Далин, Н. И. Непомнящая.

«Вестник древней истории». № 3. Г. А. Меликишвили. Новая урартская надпись из Иранского Азербайджана; А. Лундин. Надписи Йада () ила Зариха, сына Сумху' алай, мукарриба Саба;' Э. Л. Казакевич Были ли рабами ΟΙ ΧΩΡΙΣ ΟΙΚΟΥΝΤΕΣ?; Ю. В. Откупщиков. «Андромаха» Еврипида и Архидамова война; А. К. Бергер. Анаксагор и афинская демократия; И. С. Свенцицкая. Земельные владения эллинистических полисов Малой Азии; А. Ременников. Борьба племен Среднего Дуная с Римом в 350—370 гг. н. э.

«Советская археология», № 4. Н. Я. Мерперт, А. П. Смирнов. Археология и некоторые вопросы почвоведения; П. П. Ефименко. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья; С. С. Березанская. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине; Т. Б. Попова. К вопросу о многоваликовой керамике; Л. А. Ельницкий. Из истории древнескифских культов; В. П. Даркевич. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси; Публикации: Д. А. Халилов. Поселение на холме Сары-Тепе; Н. Н. Погребова Пересадовское поселение на Ингуле; И. В. Яценко. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском; Б. Я. Ставиский. Раскопки городища Кулдор-Тепе в 1956—1957 гг.; Г. А. Федоров-Давыдов. Болгарское городище-святилище X—XI вв.; А. Д. Варганов. Новые данные по архитектурной истории Суздальского собора XI—XIII вв.

«Военно-исторический журнал». № 10. В. Возненко. Стратегическое наступление Советских Вооруженных Сил на центральном участке советско-германского фронта в июне — августе 1944 года; С. Бирюзов. Первые дни войны; Я. Кузнецов. Некоторые вопросы партийно-политической работы в период оборонительных сражений летом 1941 года; Я. Горелик. О военной и научной деятельности Б. М. Шапошникова в Советской Армии; М. Попов. Проблема закономерности вооруженной борьбы в истории буржуазной военной науки; «О стратегическом положении Германии к концу 1943 года». Публикация документов.

«Исторический архив». № 5. «Обращения Советского правительства к английским и американским солдатам» (1918 г.) (документы); «Письма А. М. Горького А. С. Щербакову» (1934—1936 гг.), Подг. М. И. Логвинова, И. И. Санина; «О деятельности Донского бюро РКП(б) и подпольных большевистских организаций на Дону в 1918—1920 гг.». Подг. А. И. Булатов, К. Н. Залунина, Н. В. Леок; «Анкеты Советов Центрально-промышленного района (октябрь 1917 — январь 1918 г.)». Подг. Т. Н. Долгорукова, К. В. Крестовская; «Из истории борьбы Временного правительства с революцией». Подг. П. В. Волобуев; «Борьба за повышение производительности труда в автомобильной промышленности в 1938—1939 гг.». Подг. В. Е. Полетаев, Ф. И. Шаронов; «Письма К. Э. Циолковского в Социалистическую Академию общественных наук (1918—1919 гг.)». Подг. Н. Н. Винокурова; «Записки о смерти «тюремных сидельцев» в смоленских тюрьмах в 1609—1610 гг.». Подг. В. П. Мальцев; И. А. Булыгин, Г. Е. Рейхберг. О типах, видах и формах публикации документов.

«Преподавание истории в школе», № 6. «Могучее оружие политического воспитания учащихся» (Передовая); Ю. М. Рачинский. Основа развития человеческого общества; В. Д. Королюк, И. С. Миллер. Тысячелетие Польского государства. Грюнвальдская битва; В. В. Виноградов. Как раскрывать роль народных масс в курсе древней истории; Н. И. Запорожец. О преподавании истории средних веков в VI классе восьмилетней школы в 1960/61 учебном году; Л. Н. Боголюбов. Воспитание пролетарского интернационализма; Р. Е. Кантор. Обзор журнала «Новая и новейшая история» за 1957—1960 гг.

«Украинский исторический журнал». № 5. П. М. Хоролец. Забота Коммунистической партии о повышении культурно-технического уровня трудящихся западных областей Украинской ССР (1946—1950 гг.); Е. Н. Шамко. Партийное подполье в Крыму в годы Великой Отечественной войны; М. В. Бельская. Возникновение и распространение движения новаторов (1933—1935 гг.) в тяжелой промышленности Украины; А. Б. Слуцкий. Рабочий класс Украины в начале реконструктивного периода; И. А. Гуржий. Место Украины во внешней торговле России конца XVIII — первой половины XIX вв.; В. П. Попсуев. Помощь города селу в подъеме сельского хозяйства в 1953—1960 гг. (*на материалах* Днепропетровской области); К. Ф. Шалина. Борьба за победу колхозного строя в Крыму; И. С. Кравец. Развитие новых форм смычки между городом и селом на Украине (1928—1929 гг.); И. Д. Борисовский. Роль промышленных рабочих Украины в коллективизации сельского хозяйства (весна 1930 г.); В. А. Слипченко. Шефство рабочего класса Украины над селом в 1921—1925 гг.; С. М. Антонюк. Союз рабочих и крестьян — важная предпосылка социалистического преобразования сельского хозяйства в народной Польше.

«Вестник АН СССР». № 10. Б. Г. Гафуров. К итогам XXV Международного кон-

гресса востоковедов; Г. Б. Федоров. Древнерусский город на Днестре.

«Известия АН Латвийской ССР». № 8 (157) J. Prēdele. Экономическое ограбление Советской Латвии гитлеровской Германией во время Великой Отечественной войны (на латв. яз.); Я. Турчинс. Достижения народного хозяйства Латвии за 20 лет Советской власти.

«Известия АН Эстонской ССР» Серия общественных наук. № 3. А. Вассар. Некоторые вопросы присоединения Эстонии к России (на эстон. яз.); Ю. Селиранд. Предварительные результаты археологического обследования озера Вальгярв (на эстон. яз.), А. Н. Молвыгин. О классификации и датировке ранних брактеатов Тартуского епископства; Э. Тарвел Estica в Главном архиве древних актов в Варшаве (на эстон. яз.).

«Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР». № 79. С. А. Плетнева. Средневековые поселения верховьев Северного Донца; Э. А. Симонович. Раскопки поселения Ломоватое 2; Б. А. Рыбаков. Раскопки в Любече в 1957 году; Л. А. Голубева. Белозерская экспедиция 1957 года; В. В. Седов. Древнерусские сельские поселения Смоленской земли (по материалам экспедиций 1956—1957 годов); Р. Л. Розенфельдт. Разведки в Московской области; А. Ф. Дубынин. Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 году; П. Н. Третьяков. Работы Верхнеднепровской археологической экспедиции 1957 года; В. П. Даркевич, В. К. Пудовин. Раскопки на Севском городище; Е. И. Горюнова, А. В. Никитин, В. В. Седов, А. Л. Монгайт, П. А. Раппопорт. Работы Среднерусской экспедиции в 1957 году; М. А. Тиханова, Ф. Д. Гуревич, И. И. Ляпушкин, Я. В. Станкевич, М. К. Каргер, К. Д. Лаушкин. Экспедиции ЛОИИМК по изучению славяно-русской археологии в 1957 году.

«Ученые записки Латвийского государственного университета имени Стучки». Т. 36, вып. 6А. Н. Д. Боголюбова, Л. И. Таубенберг. О древнерусских памятниках XVIII—XIX вв. Рижского городского архива.

«Записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории». Вып. I. Б. О. Джимбинов. 350 лет вместе с Россией; Н. В. Устюгов. Калмыки в первой половине XIX века; Б. С. Санджиев. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Калмыкии; П. С. Преображенская. Из истории русско-калмыцких отношений в 50—60-х годах XVII века; Б. С. Санджиев. Племена, обитавшие в степях Дешт-и-Кыпчака и на территории нынешней Калмыкии в XI—XII вв.; С. С. Черников. Памятники архитектуры ойрат-калмыков; У. Э. Эрдниев. Из истории первобытной культуры Калмыцкой степи; Н. В. Горбань, Д. Д. Орлов. Документальные материалы по истории калмыцкого народа.

«Ученые записки Карельского педагогического института». Т. X. Г. С. Прозоров. Ленинские идеи о коммунистическом воспитании молодежи; Н. А. Мещерский. К изучению языка и стиля произведений В. И. Ленина; В. В. Сенкевич-Гудкова. О некоторых особенностях полемического стиля В. И. Ленина в его труде «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»; М. В. Спиридонов. Борьба Коммунистической партии против левых эсеров в 1917—1918 годах; П. И. Ихалайнен. Из истории советско-финляндских отношений. Карельский вопрос на Юрьевской мирной конференции 1920 г.; П. И. Ихалайнен. Из истории советско-финляндских отношений. Урегулирование советско-финляндских экономических отношений на Юрьевской мирной конференции 1920 года; Г. А. Нефедова. Сельская община Карелии в пореформенный период; П. В. Иванов. Из истории русской школы в Карелии.

«Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института имени Низами». Кафедра истории СССР. Вып. XXIII, часть III. З. К. Ахмеджанова. Экономические, политические и военно-стратегические последствия постройки первых железных дорог в Средней Азии (80—90-е годы XIX в.); Р. Байджанов. Освещение Октябрьской революции в Туркестане в исторической литературе (на узбек. яз.): Г. И. Желтова. Из истории осуществления национальной политики партии в области аграрных отношений в Туркестане (1920—1923 гг.); Х. Ш. Иноятов. Начало строительства основ социалистической экономики в Туркестане; А. Р. Неживенко. Аграрная политика царизма в Узбекистане в начале XX в.; А. Сагдиев. Роль русского востоковедения в развитии исторической науки в Средней Азии XIX в. (на узбек. яз.); С. Тилеукулов. К истории присоединения Чимкента к России; Ш. Ш. Абдуллаев. К революционной деятельности Джуры Закирова (на узбек. яз.).

«Труды Московского государственного историко-архивного института». Т. 14. Е. Г. Шарапова. Марксистско-ленинская теория социалистической революции и ее буржуазные и ревизионистские критики; И. Ф. Угаров. Большевики в январской стачке московских рабочих 1905 года; М. Т. Белоусова. Борьба московских большевиков за рабочие массы в период мирного развития революции (март — июнь 1917 г.); В. И. Кострикин. Крестьянское движение в Рязанской губернии весной 1917 г.; Ю. П. Лукин. Организация колхозов на Алтае после освобождения от колчаковщины (конец 1919 — май 1921 гг.); В. Н. Иванова. Продовольственная политика Советской власти на Дону (1920 г.); М. А. Пережогин. Горняки Подмосковного бассейна в борьбе за осуществление рабочего контроля и национализацию шахт; В. Д. Чернышев. Борьба с хозяйственными трудностями осени 1923 г. в Нижегородской губернии; В. Н. Зе-

ленецкая. Из истории производственных совещаний на предприятиях электротехнической промышленности Москвы и Ленинграда (1924/1925 год); И. В. Анохин. Развитие сельскохозяйственной кооперации Московской губернии в 1928—1929 гг.; Я. З. Лившиц. Рабочие-металлисты Москвы в борьбе за завершение первой пятилетки (1931—1932 гг.); Л. М. Зак. ВАРНИТСО в годы второй пятилетки; М. П. Когтикова. Упорядочение приусадебного землепользования в колхозной деревне в 1939—1941 гг.; Р. В. Макарова. Из истории дальневосточной политики России во второй половине XVIII века; Т. М. Ягодина. Рабочий вопрос в журналах «Дело» и «Отечественные записки» в 70-х гг. XIX в.; В. И. Киселева. Политическая борьба в Турции в годы Триполитанской войны; Ю. А. Писарев. Государственно-правовое и экономическое положение южнославянских земель в системе Австро-Венгрии; М. Т. Панченкова. К вопросу о попытке заключения Франко-русского союза в связи с Сирийской экспедицией 1860 года.

«Труды АН Литовской ССР». № 2(9). Серия «А». А. З. Таутавичюс. Археологические раскопки на территории Нижнего замка в г. Вильнюс в 1959 г. (на литов. яз.); М. А. Ючас. Русские историки о Великом Княжестве Литовском (на литов. яз.); Л. П. Мулявичюс. Вопрос о безземельных крестьянах в Литве в период проведения крестьянской реформы 1861 г. (на литов. яз.); А. А. Тила. К вопросу о формировании промышленной буржуазии в Литве во второй половине XIX в. (на литов. яз.); Э. В. Гришкунайте. Волнения в войсках гарнизонов, расположенных в Литве, в 1905—1907 гг.; А. Ю. Гайгалайте. Буржуазные националисты на службе у гитлеровской Германии в 1939—1941 гг. (на литов. яз.).

«Труды Казанского филиала АН СССР». Серия гуманитарных наук. 2. Институт языка, литературы и истории. А. М. Залялов. Из истории борьбы трудящихся за осуществление ленинского кооперативного плана в Татарии в восстановительный период (1921—1922 гг.); Г. И. Шумилов. Развитие социалистической промышленности Чувашии в годы первой пятилетки; Н. Ф. Калинин. Казань времен пугачевских событий; К. Л. Байрамов. Сулеевское восстание 1885 года; Л. Я. Крижевская, А. Х. Халиков. Каменный инвентарь поселений эпохи бронзы в Казанском Поволжье; В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа; Р. Г. Мухамедова. Одежда одной из групп темниковских татар.

«Труды Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои». Новая серия. Вып. 101. Ч. I, II. История (Материалы по истории народов Узбекистана). Ю. Н. Алескеров. В. И. Ленин и оборона Советского Туркестана (1918—1920 гг.); Х. Ф. Чикаев. Некоторые вопросы из истории разрешения ленинского декрета о земле и коллективного земледелия в Туркестанской АССР; К. М. Маматкулов. Из истории промышленности Самаркандской области (1917—1927 гг.); К. А. Рахимов Из истории борьбы за укрепление Советов в Узбекистане (по материалам Самаркандской области, 1925—26 гг.); В. И. Ефимов. К вопросу о роли России в исторических судьбах народов Бухарского ханства; К. А. Рахимов. О деятельности первых совхозов Самаркандской области в 1918—25 гг.; И. Умняков. Малоизвестный французский источник о Тимуре. Д. Н. Лев. Археологические исследования Самаркандского государственного университета в 1955—1956 гг.; С. А. Акрамов. Самарканд в дни первой русской революции; Х. А. Аминов. Разоружение белоказаков под Самаркандом в 1918 году; М. М. Абрамов. Роль союза «Кошчи» в осуществлении гениального Ленинского кооперативного плана в Самаркандской области; Ф. Хайдарова. Роль Коммунистической партии и Советского правительства в поднятии политической и трудовой активности женщин-узбечек (1924—1930 годы); К. Х. Самибаев. Народное образование в гор. Самарканде за годы трех предвоенных пятилеток (1928—1941 гг.); П. А. Шмачков. О дружбе русских переселенцев и дехкан Туркестана (1867—1917 гг.).

«Труды Тбилисского государственного университета имени Сталина». № 91. Серия востоковедения. II. Л. М. Меликсет-Бек. Первые Ахемениды и названия рек Закавказья; Г. В. Путуридзе. Мустафа Селяники о Грузии (на груз. яз.); Н. Н. Шенгелия. Османские налоги и повинности по «Пространному реестру вилайэта Гюрджюстан» (на груз. яз.); В. Н. Габашвили. Грузинские документы XVIII века как источники по социально-экономической истории Ближнего Востока (на груз. яз.); В. С. Путуридзе. Письма ереванских ханов к грузинским царям (II половина XVIII в.) (на груз. яз.); В. Г. Силагадзе. Из истории ирако-грузинских взаимоотношений (20-е годы XIX века). Публикация документов (на груз. яз.); О. И. Гигинейшвили. Кавказский фронт и некоторые вопросы внешней политики Турции в период первой мировой войны (на груз. яз.); О. М. Гвилава. Материалы к биографии Вахушти Багратиони (на груз. яз.).

«Сборник статей Сталинабадского гос. педагогического института им. Т. Г. Шевченко». Очерки по истории Таджикистана. Т. II. Ш. Юсупов. Из истории Кулябского бекства; З. Бахрамов. К вопросу о состоянии хозяйства Шугнана в дореволюционный период; Н. Сангинов. О состоянии экономики и зарождении пролетариата в дореволюционном Таджикистане; Т. Зорина. К истории Бухарской Коммунистической партии; М. Шергазиев. Из истории борьбы Коммунистической партии за восстановление и развитие экономики и культуры ГБАО (1920—1929 гг.); А. Мизарбаев. Из истории развития промышленности, транспорта, связи и тор-

говли в Таджикистане в 1925—1929 гг.; М. Мирзоев. К истории организационно-хозяйственного укрепления колхозов Таджикистана; Н. Г. Сапрыкин. Роль профсоюзов в социалистической реконструкции народного хозяйства Таджикистана в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.); М. Хансуварова. Вклад женщин Таджикистана в борьбу за победу в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.); Т. Умаров. Из опыта Коммунистической партии Таджикистана по руководству развитием науки и культуры в годы пятой пятилетки.

«Сборник научных работ Томского медицинского института» Кафедра истории КПСС и философии. М. М. Валивач. К вопросу об оценке значения январского Пленума ЦК РСДРП 1910 года; Б. В. Иванов. Борьба большевиков за кооперацию в Дальневосточной республике; Б. В. Иванов. Разгром эсеров и меньшевиков в кооперации на Дальнем Востоке (1922 г.); В. А. Иванов. К вопросу об участии советских профсоюзов в руководстве массовым рабочим изобретательством и рационализацией в пятой пятилетке.

Хроника научной жизни

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ 1859—1861 годов

На заседании группы по изучению революционной ситуации в России конца 1850—начала 1860-х годов, происходившем в прошлом году в Главном архивном управлении (ГАУ) при Совете Министров СССР, был обсужден вопрос о расширении источниковедческой базы исследований по указанной проблеме.

Академик М. В. Нечкина во вступительном слове отметила важность совместной работы историков и архивистов. Работники архивов нередко считают себя только хранителями документов, сказала она, и не уделяют внимания анализу их содержания, не стремятся стать исследователями. Между тем они вместе с историками должны изучать имеющиеся документальные материалы. Далее М. В. Нечкина охарактеризовала направления, по которым ведется изучение истории революционной ситуации конца 50 — начала 60-х годов прошлого века. В связи с этим она заметила, что массовое движение в период первой революционной ситуации в России до сих пор освещается главным образом по материалам центральных архивов. Задача состоит в том, чтобы основательно изучить все имеющиеся местные материалы (по губерниям) и на этой основе воссоздать истинную картину массового движения в конце 50 — начале 60-х годов XIX века. Начало этому положено постановкой на заседаниях группы ряда докладов, основанных на документах архивов Смоленска, Киева, Ярославля и др.

Л. Н. Кривошеин (Главное архивное управление) ознакомил собравшихся с тем, как использовались исследователями документы центральных архивов. С 1956 г. число работающих в Центральном историческом и Военно-историческом архивах, Центральном архиве литературы и искусства и в Историческом архиве Московской области над материалами эпохи падения крепостного права удвоилось, хотя общее количество посетителей этих хранилищ возросло за тот же период лишь на 10%. Обращает на себя внимание тематическое направление исследований: лишь 3—4 человека готовят работы, охватывающие проблемы революционной ситуации в целом, остальные изучают узкие темы по истории литературы и философии. Примерно четвертая часть историков исследует историю национально-освободительных движений, 18% занимаются крестьянским и только 5% рабочим движением. Остальные (приблизительно 50 человек) работают над тематикой, связанной с историей революционных кружков и организаций, изучают различные формы революционной деятельности и т. д. Некоторым сторонам революционной ситуации, в особенности «кризису верхов» должного внимания не уделяется.

Далее Л. Н. Кривошеин отметил, что в ряде случаев исследователи неоправданно ограничиваются лишь знакомством с фондами Центрального государственного исторического архива в Москве, в то время как, например, в Военно-историческом и

других архивах также имеются интересные материалы не только о революционном движении в русской армии, но и о крестьянских выступлениях, студенческом движении и т. п. Нередко при работе над локальными темами игнорируются документы местных архивов. Круг используемых исследователями фондов увеличивается очень медленно. В связи с этим Л. Н. Кривошеин обратил внимание собравшихся на необходимость ознакомления с мемуарным и эпистолярным наследием ряда второстепенных деятелей дореформенной и пореформенной России. Эти источники разбросаны по различным фондам и коллекциям. В ближайшие годы во всех архивах страны будут проводиться выявление и каталогизация документальных материалов эпохи падения крепостного права. Завершаемые ныне обзоры этих материалов намечается объединить и издать в виде специального справочника.

Научный сотрудник Центрального государственного архива литературы и искусства О. К. Михеева сообщила об архивных документах, имеющихся в фондах революционеров-демократов и «шестидесятников». Она рассказала, в частности, о малоиспользуемом фонде Слепцовых. В нем хранится переписка, отражающая полемику между А. А. Слепцовым и Л. Ф. Пантелеевым в связи с выходом в свет в 1905 г. воспоминаний последнего. Эти воспоминания и сохранившиеся копии отрывков из тетради А. А. Слепцова по-разному освещают некоторые вопросы истории «Земли и воли» 60-х годов. А. А. Слепцов говорит о положении дел в организации «Земля и воля», называет ряд фамилий и т. д. О. К. Михеева познакомила участников заседания с воспоминаниями Н. А. Вельяшева о бунте в кадетском корпусе. Она указала и на другие малоизученные или совсем не изученные источники по революционной ситуации и сообщила о готовящемся втором томе путеводителя по фондам ЦГАЛИ и переиздании первого тома этого путеводителя.

Научный сотрудник Государственного исторического архива Московской области Е. А. Мазова использовала в своем сообщении материалы фондов Канцелярии московского генерал-губернатора и Канцелярии московского обер-полицмейстера. В первом из них отложились документы, свидетельствующие о принятии мер против революционных выступлений студенчества, о волнениях крестьян в связи с обнародованием манифеста 19 февраля 1861 г., о розыске и отправке в Сибирь участников польского восстания 1863 г. и др. Особое внимание привлекают материалы о связях Харьковско-киевского тайного общества, имевшего членов и единомышленников во многих городах России, в том числе и в Москве. В фонде Канцелярии московского обер-полицмейстера хранятся документы об обысках и арестах лиц, принадлежавших к революционным организациям и участвовавших в студенческих волнениях, в печатании, хранении и распространении нелегальной литературы, в том числе журнала «Колокол», среди дворовых крестьян в Рузском уезде. Дело о побеге Я. Домбровского позволяет проследить, как велось следствие, выявить некоторые обстоятельства этого события.

Научный сотрудник Центрального государственного военно-исторического архива В. К. Головников подчеркнул, что материалы ЦГВИА, характеризующие период революционной ситуации конца 50 — начала 60-х годов, еще далеко не изучены. Лишь в последние годы в связи с деятельностью группы по изучению первой революционной ситуации в России и подготовкой сборников по истории польского восстания 1863 г. было выявлено значительное количество новых материалов, часть которых уже введена в научный оборот. Сотрудники архива совместно с научными работниками Института истории АН СССР подготовили к печати сборник «Революционное движение в русской армии в 60-х годах XIX века». Среди найденных в ЦГВИА материалов наибольший интерес представляет обнаруженный в 1956 г. «Список лиц военного ведомства, замеченных в политических преступлениях», который был составлен в 1862—1863 гг. по поручению военного министра Д. А. Милютина в связи с мероприятиями по «очищению» армии от революционных и оппозиционных элементов. Всего в списке, получившем в своей окончательной редакции название «Общего алфавитного списка» или «Алфавита», имеется 219 записей, относящихся к 215 лицам. Подавляющее большинство их активно участвовало в борьбе против самодержавия. В «Алфавите» насчитывается до 130 фамилий ранее неизвестных участников освободительного движения. Кроме того, «Алфавит» изобилует ссылками на различные дела секретной части Инспекторского департамента военного министерства, которые послужили основой для его составления.

Центральный государственный исторический архив в Москве является основным хранилищем документов и материалов по революционной ситуации в России конца 50 — начала 60-х годов XIX века. О фондах этого архива рассказала научный сотрудник архива В. П. Кармалина. Наряду с широко известными материалами здесь есть много документов самих деятелей революционного движения, в том числе рядовых участников и свидетелей событий. Эти материалы отложились как «вещественные доказательства» или «приложения» к делам, а также разбросаны по личным фондам.

С особым вниманием отнеслись собравшиеся к сообщению В. И. Неупокоева, рассказавшего о найденном им «Обращении Русского Центрального народного комитета», открывавшем журнал «Земля и воля». Первая часть этого документа с большими пропусками была напечатана в журнале «Былое» в 1907 г. (№ 1/13).

До сего времени полный текст его оставался неизвестным. В. И. Неупокоев обнаружил «Обращение» в фондах Центрального государственного исторического архива Литовской ССР. Находка этого редчайшего революционного документа начала 60-х годов XIX в. (он опубликован в вышедшем недавно сборнике статей и материалов «Революционная ситуация в России 1859—1861 гг.») свидетельствует, в частности, о еще не раскрытых богатствах наших архивов.

В. В. Альтман

Хроникальные заметки

◆ В октябре 1960 г. в связи с 40-летием Казахской ССР в Алма-Ате состоялась объединенная научная сессия Института истории партии при ЦК КП Казахстана и Алма-Атинской высшей партийной школы. На сессии были прочитаны доклады «40 лет со дня образования Казахской ССР» (З. В. Пашинцева), «Становление республиканской партийной организации» (П. М. Пахмурный), «Нерушимая дружба народов Казахстана — торжество национальной политики КПСС» (А. М. Мухтаров), «Казахстан на путях развернутого строительства коммунизма» (М. А. Ефремкин). Кроме того, с докладами выступили С. Отамбетов (о формировании казахской социалистической нации) и А. А. Ермолаев (о развитии культурных и экономических связей Казахстана со странами Востока).

◆ В Ереване состоялась объединенная юбилейная сессия Академий наук СССР, Армянской, Грузинской и Азербайджанской ССР, посвященная 40-летию установления Советской власти в Армении и образования Коммунистической партии Армении. Сессию открыл вступительной речью президент АН СССР акад. А. Н. Несмеянов. К участникам сессии обратился с речью первый секретарь ЦК КП Армении С. А. Товмасян. Президент АН Армянской ССР В. А. Амбарцумян сделал доклад «Наука Советской Армении за сорок лет». Докладчик отметил, что АН Армянской ССР, созданная в 1943 г., стала одним из крупных научных центров страны. На секционных заседаниях сессии было сделано около 150 докладов и сообщений.

Институт истории АН Армянской ССР, в связи с 40-летием Советской власти в Армении и образования Коммунистической партии Армении, провел научную сессию в Кировакане, на которой были прочитаны доклады А. Акопяна «Победа Советской власти в Армении», Х. Барсегяна «Образование Коммунистической партии Армении», А. Мнацаканяна «Ленин и армянский народ». Кроме того, на сессии выступили член-корреспондент АН Армянской ССР Ц. П. Агаян («Достижения народного хозяйства Армении за 40 лет»), член-корреспондент АН Армянской ССР С. Т. Еремян («Происхождение армянского народа»).

Научная сессия Института истории АН Армянской ССР состоялась также в г. Алаверди.

◆ Многие страницы революционного прошлого связаны с Сибирью и Дальним Востоком. В фондах архивов восточной части страны хранятся многочисленные документы, еще слабо использованные советскими историками. Вопрос о привлечении этих материалов при подготовке многотомного труда «История Коммунистической партии Советского Союза» был обсужден на проходившем в Хабаровске совещании историков-архивистов двадцати краев, областей и автономных республик Сибири и Дальнего Востока, созванном Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

◆ В октябре 1960 г. Московским областным комитетом КПСС было проведено совещание учителей истории. В его работе участвовали заведующие районными и городскими отделами народного образо-

вания, секретари райкомов и горкомов партии. Был рассмотрен вопрос о состоянии и мерах улучшения преподавания истории и Конституции СССР в школах области. С докладом выступил секретарь Московского обкома КПСС А. С. Панкратов. Докладчик отметил, что в ряде школ области история преподается на недостаточно высоком идейном, теоретическом и методическом уровне, а перестройка преподавания этого предмета ведется формально. А. С. Панкратов остановился на недостатках в деле повышения квалификации учителей истории и Конституции СССР. Значительная часть его доклада была посвящена практическим задачам в области идеологической работы в современных условиях. Выступившие на совещании учителя говорили, что они с глубоким удовлетворением встретили постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах». Они отметили причины, мешающие повышать качество преподавания истории и Конституции СССР, в частности отсутствие отвечающих современному уровню науки учебников по истории, ярких наглядных пособий, кинофильмов на исторические темы, художественно-исторической литературы для школьников.

◆ В Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС обнаружено неизвестное ранее письмо С. А. Тер-Петросяна — легендарного Камо — В. И. Ленину, относящееся к 1922 году. В письме содержится просьба Камо сопровождать Владимира Ильича в его предполагавшейся поездке для лечения. Камо писал: «Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Ильич, я знаю от Л. Б. Красина и от Марии Ильиничны (Ульяновой.—*Ред.*). что доктора настоятельно советовали Вам продолжительный отдых и горный воздух. По мнению Красина, лучше Кавказа для этой цели ничего нельзя придумать». Далее шла просьба: «Если вы возьмете меня, я буду не только рад, но и спокоен относительно вашей безопасности и у меня есть какая-то самоуверенность, что никто не пригодится в этой поездке, как я. Если вы согласны, дорогой Владимир Ильич, то можно поговорить о маршруте и времени отъезда. Я еду в Батуми 12 апреля...» В. И. Ленин в письме Г. К. Орджоникидзе по поводу этой просьбы Камо писал: «т. Серго!.. Камо просит меня взять его с собой. Я не возражал бы. Но хочу знать Ваше мнение. Если Вы не против, скажите ему от меня, что я согласен...» («Ленинский сборник», XXXVI, стр. 468).

◆ В центральных государственных архивах СССР в Москве обнаружены ценные исторические документы периода борьбы с колчаковщиной. Они характеризуют политическое настроение трудящихся масс тогдашней Акмолинской области, показывают их борьбу против контрреволюции и за освобождение своего края. В частности, в обнаруженных документах содержатся сведения о восстании в Муйнаке, жестоко подавленном колчаковцами.

◆ В архиве Института истории партии при МК КПСС хранится документ о поддержке щелковскими рабочими требования большевистской партии о передаче власти Советам. 4 мая 1917 г. в Щелкове состоялся трехтысячный митинг рабочих, на котором была принята следующая резолюция: «1) Каждый день войны обогащает капиталистов всех стран и разоряет и истощает силы пролетариата всех воюющих и нейтральных стран. В России же затягивание войны, кроме того, несет величайшую опасность завоеваниям революции и ее дальнейшему развитию. 2) Вступление представителей рабочих в состав Временного правительства не изменяет и не изменит характера современной захватнической войны, так как они, независимо от своих добрых желаний, будут втягиваться все более и более в активное участие в войне, фактически осуществляя интересы и происки буржуазии. 3) Современную войну можно окончить не насильническим, а истинно народным путем, продолжая вести непримиримую борьбу против буржуазии, дабы положить конец гнету капиталистов. 4) Скорее покончить с войной и вывести страну из той разрухи, в которой она находится, можно только тогда, когда власть перейдет в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 5) Собрание рабочих вполне одобряет деятельность своего Щелковского Совета рабочих депутатов и просит его впредь вести правильную революционную линию рабочего класса, приближающую нас к освобождению рабочих всех стран».

◆ В Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт поступили из Государственного архива Орловской области не публиковавшиеся ранее материалы, освещающие революционную деятельность выдающегося русского полярного исследователя и революционера В. А. Русанова. Это автобиография и воспоминания старого большевика К. А. Турбиной. Имя Русанова поставлено у нее первым в списке активных членов Орловской социал-демократической организации. К. А. Турбина пишет, что в доме у Русанова была нелегальная типография и место явки для товарищей из других организаций; она рассказывает о деятельности марксистских кружков в Орле, душой которых был Русанов, освещает его связи с рабочими железнодорожного и рельсопрокатного завода в Бежице. Интересна запись о том, что Русанов посылал К. А. Турбину в Москву для передачи нелегальной литературы А. И. Ульяновой.

◆ Советский ученый Б. С. Мейлах, изучая последние дни жизни и обстоятельства смерти великого русского писателя Л. Н. Толстого, обнаружил ряд новых материалов и документов. Исследование их показало, что в связи со смертью Толстого царизм, много лет травивший великого писателя, поставил на ноги не только весь полицейский аппарат, но в некоторых городах привел даже в готовность воинские части. Секретными циркулярами было строжайше предписано полиции не допускать противоправительственных выступлений, пресекать «убранство зданий трауром», установить наблюдение за едущими в Ясную Поляну. В свод-

ных материалах министерства внутренних дел, подготовленных в 1910 г. для доклада лично Николаю II, говорится о широком народном движении в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и других городах страны в знак протеста против царизма, преследовавшего великого писателя, по дням и часам описываются массовые уличные демонстрации, которые происходили в траурные дни. Материалы свидетельствуют о роли социал-демократов и социал-демократической фракции Государственной думы в этих событиях. В отчете петербургского градоначальника указано, что социал-демократы «стремились обострить волнения и, по возможности, расширить их рамки». Одной из форм выражения общественного настроения были телеграммы, которые шли в эти дни огромным потоком. Подавляющее большинство их до сих пор не публиковалось. Документы раскрывают преступное противодействие царского правительства мероприятиям, проводившимся в память о великом писателе. Интересны также сообщения о том, как отнеслись к смерти Л. Н. Толстого за границей. Многочисленные материалы и документы, собранные Б. С. Мейлахом, будут опубликованы в его книге «Уход и смерть Льва Толстого».

◆ В библиотеке Тбилисского государственного университета хранится неизданная рукопись дневника декабриста А. М. Муравьева. Дневник является важным источником по истории движения декабристов. Он написан на французском языке, не датирован и анонимен. Однако имя автора легко устанавливается из содержания дневника. В нем описаны события на Сенатской площади, следствие и суд над декабристами, тяжкие лишения и невзгоды, пережитые ими. Записки А. М. Муравьева были опубликованы в 1902 г. в Германии Т. Шиманом в приложении к его книге «К истории царствования Павла I и Николая I». В русском переводе эта публикация появилась только в 1922 году. Рукопись, хранящаяся в библиотеке Тбилисского университета, значительно полнее шимановской публикации. В частности, в последней отсутствует заключительная часть дневника, где нарисована картина бедственного положения народа в самодержавно-крепостнической России, а также отсутствует отрывок из поэмы К. Ф. Рылеева «Исповедь Наливайко» и записи А. Муравьева о зверских репрессиях самодержавия против участников освободительного движения в Польше.

◆ Институт истории АН БССР совместно с библиотеками имени Ленина и имени Белинского закончил составление крупного библиографического справочника. Он охватывает около 8 тыс. монографий научных статей, документальных, научно-популярных сборников и других изданий, вышедших за годы Советской власти и посвященных истории Белоруссии, начиная с времени подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции в Белоруссии и кончая послевоенным периодом.

Объем нового издания—25 печ. листов. Готовится также библиография газет и журналов, выходивших на территории Белоруссии после Великой Октябрьской социалистической революции.

◆ Институт Африки Академии наук СССР готовит к выпуску серию исторических работ, в частности, труды по истории африканских государств межозерья и бассейна реки Конго, ведет изучение истории борьбы народов Африки против империалистического раздела континента в XIX в., готовит к изданию книгу «Очерки по новой и новейшей истории Африки». Совместно с научным издательством «Советская Энциклопедия» институт создает двухтомный энциклопедический словарь по Африке. В этом труде буржуазной историографии будет противопоставлена действительно научная, марксистская точка зрения на развитие африканских народов и государств. Группа научных сотрудников института работает над монографией «Империализм и Африка». В этой книге будут подробно раскрыты не только старые формы угнетения и грабежа африканских народов империалистами, но и новые формы порабощения, которые они пытаются применить в отношении африканских стран, уже завоевавших политическую независимость.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры и рецензии

НОВЕЙШИЕ РАБОТЫ В ГДР ПО ИСТОРИИ РЕФОРМАЦИИ В ГЕРМАНИИ *

Реформация и Крестьянская война 1525 г. — крупнейшие события немецкой истории XVI в.— продолжают привлекать внимание ученых ГДР. Им посвящаются новые исследования, новые дискуссии, которые дают повод к острой борьбе мнений. Рассматриваемые ниже работы — убедительное тому доказательство.

Монография И. Шильдхауэра «Социальные, политические и религиозные противоречия в ганзейских городах Штральзунд, Росток и Висмар в первой трети XVI века» представляет собою исследование, основанное на не привлекавшихся ранее архивных материалах, а также на использовании опубликованных источников и специальной литературы.

Со времени выхода в свет исследования Г. Вайца [1], положившего начало серьезному изучению истории Реформации в ганзейских городах Германии, прошло уже более столетия. За это время вышло немало работ, в которых в той или иной степени рассматривались различные аспекты этой проблемы. Тем не менее книга И. Шильдхауэра содержит интересный и свежий материал и показывает, что возможности обстоятельных исследований этой темы еще не исчерпаны.

В своей работе И. Шильдхауэр характеризует политическую и социально-экономическую обстановку в герцогствах Померания и Мекленбург, на территории которых находились города Росток, Висмар и Штральзунд. Автор обращает внимание на следующие факторы: постепенное формирование территориально-княжеского абсолютизма в специфических для этих областей Германии формах, экономический регресс и организационное ослабление Ганзы, обострение противоречий между указанными ганзейскими городами и светскими и духовными сеньорами в лице герцогов и епископов, усиление внутри самих городов социальных противоречий, находивших свое идеологическое выражение в реформационных вероучениях (лютеранство среди бюргерства и различные течения анабаптизма среди городского плебса). При этом, как подчеркивает И. Шильдхауэр, борьба ганзейских городов за сохранение своих вольностей и привилегий и защита их от притязаний герцогского абсолютизма тесно переплетались с внутренней борьбой за демократизацию городского самоуправления, против господства патрицианской олигархии. Эти основные линии развития конфликта показаны в книге очень убедительно, на тщательно подобранном и проанализированном документальном материале.

В новом свете предстает перед читателями книги история Реформации и связанная с ней социально-политическая борьба в Ростоке, Висмаре и Штральзунде. Автор привел веские доказательства тому, что церковная реформа вовсе не была самоцелью этого движения. Важнейшими его последствиями были свержение или резкое ограничение власти патрициата и создание комитетов, которые стали подлинными хозяевами в городах. Эти комитеты проводили расследование злоупотреблений, совершенных патрицианскими регентами, и привлекали их к суду, следили за состоянием городских финансов и конфискованным церковным имуществом, организовывали благотворительные фонды и контролировали деятельность магистратов.

По материалам архивов автору удалось

---

* Johannes Schildhauer. Soziale, politische und religiöse Auseinandersetzungen in den Hansestädten Stralsund, Rostock und Wismar im ersten Drittel des 16. Jahrhunderts. Weimar. 1959. XII + 282 S.; Gerhard Zschäbitz. Zur mitteldeutschen Wiedertäuferbewegung nach dem Grossen Bauernkrieg. Berlin. 1958. 180 S.

[1] G. Weitz. Lübeck unter Jurgen Wüllenwever und die europäische Politik. Bd. 1—3. Berlin. 1855—1856.

установить социальный состав комитетов. В основном в них входили умеренные бюргеры и представители цеховой верхушки, как это было в Висмаре, и лишь небольшой процент составляла городская беднота — 12% в комитете в Ростоке и 16% — в Штральзунде (стр. 144—157).

По-новому подходит Шильдхауэр к трактовке деятельности плебейской оппозиции в ганзейских городах. В частности, значительный интерес представляет тот факт, что под давлением народных масс в Висмаре и Ростоке (последний после разгрома Мюнстерской коммуны стал прибежищем анабаптистов) открытая деятельность анабаптистских проповедников продолжалась вплоть до 1541 г. (чего не было ни в других областях Германии, ни в Нидерландах).

К сожалению, в монографии непропорционально мало внимания уделяется рассмотрению идеологической стороны Реформации. Слабо показана связь Реформации в ганзейских городах с общегерманским реформационным движением. Автор ограничивается приложением к Реформации в ганзейских городах общих характеристик, но это не решает проблемы взаимосвязи общего и частного; нивелирует явления, различные по своей природе. Поэтому реформационное движение — очень сложное, многогранное, окутанное флером теологических хитросплетений,— выглядит несколько обесцвеченным, лишенным местного колорита.

Порою описательность преобладает над анализом и обобщением. В частности, это относится к характеристике анабаптистского движения. В монографии не сформулирована программа анабаптизма, не разграничены основные его течения — революционное и непротивленческое, не говоря уже о многочисленных промежуточных направлениях, столь типичных для анабаптистских сект. Автор лишь вскользь говорит о том, что анабаптисты из Мюнстера поддерживали прямые связи с Любеком, где власть временно оказалась в руках демократического крыла, возглавлявшегося Юргеном Вюллевефером. Но почему же тогда именно Росток стал убежищем для анабаптистов после разгрома Мюнстерской коммуны? Сообщается также о неудаче миссии Менно Симонса в Висмаре зимой 1534/35 г., но причина этого остается читателю неизвестной, как и то, к какому течению — революционному или к меннонитам — примыкали анабаптистские проповедники Г. Техенс в Ростоке и Г. Невер и Г. Тиммерман в Висмаре.

Монография Герхарда Щёбица «К истории анабаптистского движения в Средней Германии после Великой крестьянской войны», открывающая собою серию «Б» «Лейпцигских переводов и трудов по истории средневековья», также является локальным исследованием. Задача монографии, судя по определению самого автора, сводится к следующему: во-первых, противопоставить трактовку исследуемого вопроса многочисленной буржуазной литературе различных направлений, «...представители которой слишком часто принимают видимое за действительное и, как правило, не умеют различать закономерность и внутреннюю диалектику бытия и сознания, случайность и необходимость, объективное и субъективное в их исторических связях» (предисловие). Во-вторых, преодолеть некоторый схематизм в исследовании истории Реформации, встречающийся в ряде работ. В этом отношении автор считает свою работу дискуссионной (стр. 21).

Г. Щёбиц в своем исследовании опирается на опубликованные документы и существующую по данному вопросу литературу. Краткий раздел «К проблеме и методу» вводит читателя в круг исследуемых проблем в их историографическом аспекте.

Книга содержит интересный фактический материал, показывающий, что, несмотря на трагический исход Крестьянской войны (следствием чего был подрыв веры широких масс в возможность социального переворота, совершаемого самим народом), социальное брожение не прекращалось, а революционные идеи Томаса Мюнцера вошли составной частью в последующие радикальные анабаптистские доктрины бывших сподвижников Мюнцера — А. Бадера, Г. Рёмера и Г. Гута.

Значительное место в монографии занимает анализ теологических представлений различных сект непротивленческого (пацифистского, по терминологии Г. Щёбица) направления и социальной сущности анабаптизма. Внимательно прослеживая оттенки толкований догм анабаптизма, а также отношение анабаптистов к проблемам общности имуществ, семьи и брака, автор проявляет себя тонким аналитиком, вскрывает новые стороны явлений, создает оригинальную аргументацию, причем на, казалось бы, уже досконально изученном материале. В частности, отвергая концепцию К. Каутского о причинах введения полигамии в Мюнстере, Г. Щёбиц доказывает, что решающим

здесь было стремление в кратчайший срок увеличить число анабаптистов до 144 тысяч, после чего, согласно апокалипсису, должно было наступить «тысячелетнее царство справедливости» (стр. 115, 118).

Признание самим автором дискуссионности своего исследования побуждает высказать ему ряд возражений.

Прежде всего нельзя согласиться с тем методом ведения дискуссии, который автор избрал в отношении Ф. Энгельса и его оценки учения и деятельности Т. Мюнцера. Щёбиц, казалось бы, полемизирует с некоторыми положениями книги М. М. Смирина «Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война», но за этой полемикой скрывается критика по адресу Ф. Энгельса. Г. Щёбиц признает выдающуюся роль Мюнцера в руководстве революционной борьбой народных масс во время Крестьянской войны, а также тот факт, что его учение выходило за рамки средневековья и смыкалось с идеями нового времени (стр. 38, 481). Тем не менее на первый план он выдвигает тезис об отсутствии качественного различия между мюнцеровской теологией и сектантскими хилиастическими учениями средневековья, довольствуясь при этом простой ссылкой на ученое имя буржуазного швейцарского историка Нигга (стр. 39); требует признания за теолого-литургическими трактатами Мюнцера и его теологией, как таковой, самостоятельной ценности (стр. 41); рассматривает политическую деятельность Мюнцера как простую дань времени, средство к достижению высшей религиозной цели, всемерно подчеркивая присущую Мюнцеру субъективную религиозность. «Учитывая образ мышления того времени и глубокую личную религиозность Мюнцера,— пишет Г. Щёбиц,— нам кажется неприемлемым утверждение, что Мюнцер земные устремления маскировал теологической системой» (стр. 44).

Последний упрек, хотя он и адресуется М. М. Смирину [2], фактически направлен против высказывания Ф. Энгельса, который подчеркивал, что в период средневековья «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде» [3].

То же стремление принизить значение Мюнцера как политического деятеля и народного вождя сквозит и в утверждениях Г. Щёбица о том, что раз Мюнцер допускал возможность перехода на сторону восстания должностных лиц и даже князей, то он еще не поднялся до понимания неизбежности открытой борьбы против существовавшего строя; что лишь разлив Крестьянской войны побудил его считать бедняков и угнетенных «орудием божьим»; что требование общности имущества также вытекало не из учения Мюнцера, а было ему навязано восставшим народом и т. п. (стр. 42, 43, 46).

В какой же мере обоснованы все эти сомнения и постулаты Г. Щёбица? Ф. Энгельс прекрасно понимал, что религиозность была не демагогическим приемом, а внутренним убеждением деятелей Реформации. Ф. Энгельс отмечал, что до начала широкого народного возбуждения «...Мюнцер все еще оставался прежде всего теологом», но Ф. Энгельс подчеркивал, что фактически его «религиозная философия... приближалась к атеизму» [4]. Итак, Ф. Энгельс видел как субъективную религиозность Мюнцера, так и объективное содержание его теологии. Интерес к хилиастическим произведениям Иоахима Флорского и связь с ними теологии Мюнцера показаны Ф. Энгельсом с исчерпывающей ясностью [5]. Детальному анализу этого вопроса М. М. Смирин посвящает целую главу своего исследования.

Следовательно, не было особой нужды прибегать к «авторитету» Нигга в данном вопросе. Что касается того, что Мюнцер допускал возможность перехода на сторону восстания саксонских князей и представителей власти, полностью оценил значение народа лишь после начала Крестьянской войны и что требование общности имущества чуждо его теологии и почерпнуто в ходе восстания, то здесь одни положения нуждаются в уточнении, а другие, как мне кажется, являются плодом известного смешения разных категорий.

Еще в 1520 г. в Цвиккау Мюнцер становится на сторону анабаптистов секты Никласа Шторха. В 1521 г. в Пражском послании Мюнцер возлагает все свои надежды на народ (am Volk zweiffel ich nicht), призывает к физическому истреблению «пророков Ваала», то есть католического духовенства и лжепророков. В памфлете «Разоблачение ложной веры» 1524 г. он прямо говорит, что лишь бедняки, крестьяне могут понять ис-

---

[2] Разбор работы М. М. Смирина не входит в задачу настоящей рецензии.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. М. 1952, стр. 379.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7. Изд. 2-е, стр. 369, 371.

[5] Там же, стр. 369.

тинную веру, и сожалеет, что их темнота мешает этому: «О, если бы это знали бедные, забитые крестьяне, как бы это им пригодилось!»[6]. Следовательно, ориентация Мюнцера на народ, антифеодальная направленность его учения возникли до начала восстания.

Возможность перехода отдельных представителей господствующего класса на сторону восстания или по крайней мере нейтрализацию их допускает всякая революция, в том числе и пролетарская. Кроме того, нельзя смешивать программу движения со стратегией и тактикой, предусматривающей разного рода союзы и компромиссы. А Мюнцер с самого начала попал в крайне сложную обстановку и вследствие незрелости движения должен был «отстаивать интересы чуждого ему класса и отделываться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными»[7].

Что касается требования общности имущества, то изучение этого вопроса, как и исчерпывающее исследование доктрины Мюнцера до начала восстания, осложняется утратой его ранних манускриптов. Но даже если Мюнцер и признал необходимость общности имущества уже в ходе Крестьянской войны, это нисколько его не принижает. Напротив, этим лишь подчеркивается, что Мюнцер был не ученым педантом и схоластическим догматиком, а подлинным народным вождем, развивавшим свое учение в соответствии с требованиями социально-политической борьбы.

Нужно также отметить, что, обосновывая свой тезис о чужеродности требования общности имущества учению Мюнцера, Г. Щёбиц опирается в значительной степени на так называемое «обращение» Мюнцера к своим приверженцам, опубликованное после захвата его автора князьями (стр. 46—47). Этот «документ» до сих пор, и вполне основательно, рассматривался как недостоверный. Поэтому пользоваться им надо крайне осторожно.

Субъективистски звучит утверждение Г. Щёбица, что «главный субъективный интерес Томаса Мюнцера сводился, в соответствии с образом мышления того времени, к религиозной или этической конечной цели, которой подчинялись непосредственные социально-политические стремления», что мысли учеников, сторонников и последователей того или иного руководителя «связаны не с объективной ролью (его учения.— *А. Ч.*), а с его субъективными высказываниями» (стр. 48).

Автор сам понимает рискованность такого определения и тут же вынужден признать, что вряд ли большинство последователей Мюнцера понимало всю глубину его мыслей и преходящее значение своих социальных и политических требований. Правильная мысль! Но она не доведена до конца.

Таким образом, аргументация Г. Щёбица по затронутым выше вопросам не представляется достаточно убедительной ни в ее фактической части, ни в ее теоретическом аспекте. Г. Щёбиц проявляет склонность к известному обособлению идеологии от социально-экономической жизни, к преувеличению ее самостоятельного характера, к подчеркиванию первенствующего значения субъективных побуждений того или иного идеолога или руководителя движения по сравнению с объективным содержанием его учения. В итоге получается известный крен в сторону идеалистических оценок.

В этой связи нельзя обойти молчанием и ту трактовку эволюции революционного анабаптизма, которую дает Г. Щёбиц. По его мнению, проповедь бережливости, отказ от занятия официальных должностей, распространение среди анабаптистов-крестьян благодаря их межнациональным религиозным связям прогрессивных методов ведения хозяйства (клеверосеяние, стойловый откорм скота) привели к тому, что последователи этого учения разбогатели, изменилось их социальное положение, и это предопределило вырождение ранее революционной идеологии в идеологию реакционного сектантства (стр. 162).

Эта концепция, по-моему, ошибочна, так как в данном случае базисные явления выводятся из надстроечных. Не верна она и фактически. Анабаптизм не проповедовал идей воздержания и бережливости в целях накопления. Встречавшиеся в нем элементы аскетизма в отличие от кальвинизма выражали протест против стяжательства и социального неравноправия. Автор ссылается на уставы баптистских общин XVII в., которые ставили под контроль общины хозяйственную деятельность ее членов, предусматривали взаимное кредитование и т. п. (стр. 163). Однако хронологически они отдалены от революционного анабаптизма на сто лет; кроме того, они не содействовали ма-

[6] Там же, стр. 43—44; см. также М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М. 1955, стр. 102, 264—265.

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 423.

териальному процветанию баптистских общин, а лишь отражали тот факт, что в это время баптистская идеология распространялась уже не среди неимущих, а среди состоятельных слоев населения. Занятие официальных должностей в период средневековья приносило скорее доходы, чем разорение; за обладание ими в городах и деревнях часто шла острая борьба; они продавались и сдавались на откуп как доходная статья, так что считать уклонение от них стремлением к материальному преуспеянию вряд ли возможно. Что же касается распространения по межнациональным религиозным каналам прогрессивных методов ведения хозяйства, то здесь больше фантазии, чем реального учета социально-экономических условий.

В действительности дело обстояло не так, как это изображает Г. Щёбиц. В анабаптизме существовали и революционное и непротивленческое направления. Сторонником мирных методов был Мельхиор Гофман. В Нидерландах Якоб ван Кампен (анабаптистский епископ в Амстердаме), Оббе Филипс и другие были наиболее видными представителями непротивленчества, нашедшего себе позднее способного руководителя в лице Менно Симонса. Якоб ван Кампен уже на анабаптистском съезде в Спарендаме в январе 1525 г. открыто выступил против применения насилия. Когда революционный дух анабаптизма первой трети XVI в. был сломлен в результате ряда жестоких поражений, тяжелейшими из которых были разгром Крестьянской войны, Мюнстерской коммуны и анабаптистских выступлений 1534—1535 гг. в Нидерландах, обнаружилась непригодность заговорщической тактики для руководства массовым движением. Понесенные поражения породили временно в народных массах настроения упадка и неверия в свои силы; процесс разложения и без того внутренне разобщенного движения пошел ускоренным темпом. На съезде анабаптистов в Бокхольте (Вестфалия) летом 1536 г. борьба между сторонниками Оббе Филипса и «мюнстерской партией» чуть не вылилась в вооруженную стычку, которую предотвратил Давид Йорис, занимавший промежуточную позицию [8]. Учение И. Баттенбурга было осуждено съездом. В дальнейшем революционное крыло анабаптистов все больше и больше деградировало, а такие его представители в Нидерландах, как Иоанн Баттенбург и Ян Вильгельм ван Рурмонд, скатились до своего рода политического бандитизма [9].

Непротивленческое же течение в создавшихся для него благоприятных условиях временного спада революционных выступлений в форме меннонитства, оббеизма, давидйоризма и других сект перерождалось социально и политически, вербовало в свои ряды пораженцев и представителей состоятельных слоев, допускавших лишь «восстание разума». Это течение, получившее в Нидерландах наименование баптизма (doopsgezinden), с выдвижением в 40-х годах на первый план кальвинистской доктрины стало оплотом консервативных сектантских элементов.

Лишь страх перед словом «анабаптизм» окружал этих людей ореолом подозрительности и делал их порою объектом необоснованных репрессий. В Нидерландах уже Вильгельм Оранский и амстердамские регенты, отлично понимавшие лояльность баптистов-непротивленцев, защищали их от нападок кальвинистов, но преследовали сторонников революционного анабаптизма.

В общих чертах тот же процесс эволюции анабаптизма и баптизма различных оттенков, видимо, имел место и в ряде областей Германии, хотя своеобразие местных условий накладывало, конечно, свой отпечаток. Было бы ошибочно, однако, выводить меннонитство прямо из революционного анабаптизма да еще в форме личного социального перерождения его адептов.

Подводя итоги проделанному критическому анализу исследования Г. Щёбица в целом, следует констатировать, что оно не лишено ряда положительных моментов, о которых уже говорилось ранее, однако некоторые утверждения и выводы автора представляются спорными, необоснованными, а порою и ошибочными.

Вместе с тем призывы Г. Щёбица к преодолению догматики, к изучению явлений в их многообразии и связях, к более глубокому исследованию идеологической жизни средневековья, к научной полемике закономерны, и в этом основное научное значение его книги.

А. Н. Чистозвонов

[8] W. J. Kühler. Geschiedenis der Nederlandsche Doopsgezinden in de zestinde eeuw. Haarlem. 1932, blz. 141—142, 201—205.

[9] Там же, стр. 210; G. Arnold. Erläuterter und fortgesetzter unpartheischer Kirchen- und Ketzer-Historie. T. IV, 1626. S. 723, 725; F. P. le Catrou. Histoire des anabaptistes ou Relation curieuse de leur doctrine, Regne et Revolution... Paris. 1695, p. 153—154.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

«A munkásosztály az újjáépitésért. 1945—1946». Dokumentumok. Kossuth Könyvkiadó. Budapest. 1960. 224. old.

«Рабочий класс — за восстановление. 1945—1946 гг.». Документы.

Как в Венгрии, так и в других европейских государствах народной демократии стало уже традицией отмечать годовщины освобождения этих стран Советской Армией от фашизма выпуском в свет научных монографий, сборников статей, публикаций документов, посвященных истории народно-демократического строя. Одним из таких изданий является сборник документов, рассказывающих о борьбе рабочего класса Венгрии за восстановление экономики страны в 1945—1946 годах. Подготовлен сборник Институтом истории партии при ЦК ВСРП к 15-й годовщине национального освобождения Венгрии.

Вторая мировая война нанесла огромный ущерб венгерской экономике. В первые месяцы 1945 г. бездействовало около тысячи предприятий; 90% заводов было полуразрушено (стр. 12); прекратилось движение на железных дорогах. Общий объем материального ущерба, причиненного Венгрии войной, выражался в сумме примерно 22 млрд. пенгё, что в пять раз превышало национальный доход страны накануне войны. В этих условиях восстановление разрушенной экономики являлось центральным вопросом всей жизни нации. Его решение обеспечили люди труда, особенно их передовой отряд — рабочие, поднявшие хозяйство страны из развалин. Освещению великого подвига венгерских рабочих в 1945—1946 гг. и посвящен рецензируемый сборник документов.

В свое время данная тема уже нашла частичное отражение на страницах подборки документов, опубликованной издательством «Сикра» в 1955 году. Однако там лишь 22 документа из общего количества 259 посвящены восстановлению хозяйства [1]. Каких-либо иных крупных публикаций, затрагивающих данную тематику, не имеется. Поэтому можно считать, что рассматриваемый сборник представляет собой первую в венгерской литературе попытку дать систематическое документальное освещение истории борьбы венгерского рабочего класса за восстановление народного хозяйства в 1945—1946 годах. Уже одно это придает публикации значительную ценность.

В основу сборника положены материалы, почерпнутые из периодической печати и других изданий, а также архивные документы. В нем помещен также ряд интересных таблиц и фотоснимков, наглядно иллюстрирующих содержание сборника. Документы расположены в хронологическом порядке. Сборник содержит 95 документов, 26 из которых издаются впервые. Архивные материалы взяты из архива Института истории партии при ЦК ВСРП, архивов Совета министров, Совета профсоюзов, министерств строительства, транспорта и почт и из Экономического архива. Новые архивные документы дают возможность исследователям глубже изучить такие проблемы, как непосредственный ход восстановления народного хозяйства и выдающаяся роль рабочего класса в деле восстановления, а также значение этих мероприятий для общей борьбы за упрочение народно-демократического строя в Венгрии.

Книга состоит из восьми разделов. Каждому разделу предпослана краткая вступительная статья составителей. В первом разделе подобраны документы, освещающие политическую борьбу венгерских трудящихся за восстановление хозяйства страны, их усилия по налаживанию производственного процесса на предприятиях в период, когда еще шли военные действия на территории западной части страны.

Документы сборника иллюстрируют начало восстановления предприятий в 1945—1946 гг.; самоотверженный труд рабочих; роль Коммунистической партии, главной вдохновляющей и организующей силы народного движения, наметившей в своей программе путь ликвидации разрухи (стр. 19—24).

Специальный параграф сборника (стр. 37—42) освещает помощь деревни голодавшему населению столицы и других промышленных районов. Эти документы помогают изучению одного из важных этапов зарождения и укрепления союза рабочих и трудящихся крестьян в народной Венгрии.

Документы о братской помощи Советского Союза послевоенной Венгрии еще раз

---

[1] «Felszabadulás». Dokumentumok. Budapest. 1955, 381—407. old.

демонстрируют, что советские люди пришли на венгерскую землю как освободители от фашистского ига и как друзья, готовые и впредь активно помогать братскому венгерскому народу (стр. 42—46).

О производственном соревновании в честь 1 Мая, начатом венгерскими рабочими в 1945 г. по примеру советских трудящихся, повествуют материалы второго раздела сборника (стр. 51—74).

Документы, помещенные в третьем разделе, свидетельствуют об организующей и направляющей роли Коммунистической партии в деле восстановления экономики страны. Значительной вехой в истории народно-демократической Венгрии явились решения, принятые Всевенгерской конференцией Компартии, состоявшейся 20—21 мая 1945 года.

В 4—7-м разделах сборника освещается процесс восстановления транспортных сооружений, ряда заводов и шахт. Материалы рассматриваемой публикации дают представление о тех больших трудностях, которые пришлось преодолеть рабочим Венгрии.

Однако если трудящиеся, несмотря на большие материальные лишения, стремились залечить нанесенные войной раны, искоренить остатки фашизма и бороться за демократическое развитие страны, то совершенно иную линию проводили представители имущих классов. Реакционеры саботировали восстановление хозяйства, организовывали диверсии на предприятиях. На ряде фабрик и заводов либо сами владельцы, либо верой и правдой служившая им старая администрация сознательно препятствовали увеличению выпуска продукции, задерживали готовые товары на складах, чтобы сохранить высокие цены, или же сбывали товары на «черном рынке». Нередки были случаи использования заводской администрацией для личных целей средств, предоставленных государством на расширение производства, а также хищения ими продовольствия, привезенного для рабочих. Реакционно настроенные владельцы кредитного и других банков задерживали денежные средства, чтобы сорвать выдачу зарплаты, тормозили предоставление кредитов на налаживание и расширение производства.

Антинародные устремления владельцев предприятий и банков вызвали широкую волну возмущения. Рабочие потребовали передачи заводов и фабрик в руки народа.

В результате героических усилий трудящихся, в первую очередь промышленных рабочих, восстановивших железные дороги, мосты, фабрики и выигравших «битву за уголь», были созданы предпосылки для претворения в жизнь меры, кардинально оздоровившей всю экономику страны: в августе 1946 г. был положен конец денежной инфляции и введена новая, устойчивая валюта. Об этом рассказывают документы последнего, восьмого раздела сборника.

Не умаляя общей положительной оценки публикации, мы считаем все же целесообразным высказать некоторые замечания. На наш взгляд, сборник выиграл бы, имея в своем составе бо́льшее количество архивных документов. Несомненно, в рассматриваемом издании значительное внимание следовало бы уделить данным, освещающим материальный уровень и условия жизни рабочих, и в то же время полнее показать, сколь большими были трудности восстановительного периода 1945—1946 годов. Между тем этим проблемам уделено в сборнике немного места.

Как отмечают составители, в книге опубликована лишь небольшая часть собранных ими по названной проблеме документов. Однако и данная публикация, несомненно, явится ценным пособием для каждого, кто изучает историю братской народной Венгрии.

Л. Н. Нежинский

PIETRO SECCHIA. *Capitalismo e classe operaia nel centro laniero d'Italia.* Editori Riuniti. Roma. 1960, 409 p.

ПЬЕТРО СЕККЬЯ. *Капитализм и рабочий класс в центре шерстяной промышленности Италии.*

Издательство Итальянской коммунистической партии «Едитори Риунити» выпустило в свет книгу члена ЦК ИКП Пьетро Секкья «Капитализм и рабочий класс в центре шерстяной промышленности Италии».

Автор ставит целью показать на примере истории развития шерстяной промышленности и рабочего класса в городе Бьелла (Пьемонт) — центре шерстяной промышленности Италии — развитие итальянской промышленности и капитализма, а также рабочего класса и рабочего движения Италии в целом.

Книга написана на основе тщательного изучения широкого круга источников, документов, монографий, газет и журналов. Секкья подробно изучил не только центральную, но и местную итальянскую коммуни-

стическую, социалистическую и буржуазную прессу. В книге приводятся отчеты промышленников отдельных текстильных предприятий и в особенности шерстяных фабрик, в которых излагаются конкретные данные о состоянии производства и о заработной плате рабочих. Секкья анализирует интересные архивные материалы — уставы городских коммун средневековья в Бьелле, а также цеховые уставы ткачей, в том числе шерстяников, и на основании этих документов приходит к выводу о наличии уже в X—XII вв. широко развитого производства по обработке шерсти. Автор привлек также архивные материалы некоторых фабрик, например, документы отдельных владельцев шерстяных фабрик начала и конца XIX в., материалы местных обществ взаимопомощи, местных рабочих профсоюзных организаций, уставы и протоколы местной палаты труда и профсоюза текстильщиков.

В книге показаны процессы развития итальянской промышленности (от свободной конкуренции к монополиям) и роста рабочего движения, начавшегося отдельными выступлениями подмастерьев и выросшего до массовой героической борьбы рабочих текстильной промышленности. Исследование Секкья доведено до 1922 года.

Как отмечает автор, история Бьеллы — сравнительно небольшого промышленного центра, который Кавур назвал «итальянским Манчестером»,— заслуживает особого внимания. Этот город был одним из первых, где наряду с Флоренцией, Пизой и Сьеной уже с XI в. широко развивалась шерстяная промышленность. Ремесленные мастерские, занимавшиеся производством сукна, расширялись и постепенно перерастали в крупные капиталистические предприятия. Именно в Бьелле, так же как и во Флоренции, наблюдаются первые зачатки капитализма в Италии.

Социальный и экономический регресс, характерный для раздробленной Италии в XVI и XVII вв., не привел к упадку Бьеллы по ряду причин: этот город не находился в центре коммуникационных путей, где происходили решающие схватки между Францией и испано-германскими полчищами Карла V, и поэтому он не был так затронут опустошительными войнами, как другие города Италии. Торговая буржуазия Бьеллы вследствие неплодородия почвы в этом районе не стремилась в тот период заниматься земледелием. Близость французской границы давала возможность продолжать торговые операции с французскими купцами, вывозить свои изделия и закупать шерсть, в особенности в Лионе.

Автор останавливается на формировании национального рынка Италии в XVIII—XIX вв., отмечает все возраставшее стремление итальянской буржуазии к политическому объединению страны, как необходимому условию для развития итальянского капитализма. В книге подробно рассмотрена проблема централизации и концентрации промышленности на заре XX в., обусловивших переход крупной итальянской буржуазии к захватнической империалистической политике. Наряду с этим Секкья приводит данные, которые показывают, как происходил процесс концентрации монополий, их усиление в шерстяной промышленности.

Основное внимание в книге уделяется проблеме развития рабочего класса и рабочего движения в Италии. На примере Бьеллы Секкья показал последовательное развитие итальянского рабочего движения — от простых обществ взаимопомощи до первых профсоюзных организаций, от рабочих кружков до создания итальянской рабочей партии и основания социалистической партии. Любопытно, что многие рабочие Бьеллы, как пишет Секкья, эмигрировавшие во Францию, активно участвовали в восстании лионских ткачей и в борьбе коммунаров Парижа.

В книге подробно анализируется борьба рабочих Бьеллы и всей страны в последнее тридцатилетие XIX в. и в начале XX века. Тщательно изучено экономическое положение рабочих Италии в этот период и последовательно показано зарождение и рост первых рабочих организаций. Детально описывается стачечная борьба рабочих Бьеллы в те годы.

Пролетариат Бьеллы одним из первых в истории итальянского рабочего движения применил стачку как средство борьбы с капиталистами, а во второй половине XIX в. первый среди рабочих Италии объявил всеобщую стачку. В 90-х годах XIX в. ни в одном другом центре Италии стачки не носили такой длительный и ожесточенный характер, как в Бьелле, где некоторые забастовки продолжались в течение полугода. Именно в Бьелле в первый раз в Италии произошла так называемая итальянская забастовка.

Автор анализирует деятельность отдельных руководителей пролетариев, их воззрения, например, Риголы, в прошлом рабочего Бьеллы, который с 1906 по 1918 г. был ге-

неральным секретарем Итальянской конфедерации труда.

Критикуя политические взгляды Риголы, Секкья разоблачает суть реформизма и анархо-синдикализма в Италии. Ригола пытался доказать, что стачки 60—80-х годов в Бьелле носили чисто экономический характер и кончались поражением рабочих. Поэтому, как утверждал Ригола, они сыграли якобы отрицательную роль в развитии рабочего движения, ибо после каждой неудачи среди рабочих возникали пессимистические, упаднические настроения. Секкья опровергает эту оппортунистическую и пораженческую оценку рабочего движения Италии. На опыте боев 60—80-х годов текстильщики Бьеллы вырабатывали свое классовое самосознание и уже в 90-х годах выступали гораздо активнее, чем рабочие других городов страны. Неправильно также говорить о сугубо экономическом характере стачек 60—80-х годов. Рабочие действительно еще не были достаточно политически зрелыми, но уже в тот период борьбу за хлеб, за бытовые условия тесно увязывали с «борьбой за свободу» (то есть за политические требования о свободе стачек, собраний, объединения в союзы и т. д.), за сокращение рабочего дня. Они еще не выдвигали требования о признании профсоюзов, фабзавкомов, но уже боролись против кабальных фабричных уставов, против тягостных правил внутреннего распорядка, за право заключения трудовых договоров.

Разоблачая общеполитические установки Риголы и его высказывания на съездах социалистической партии, автор показывает эволюцию этого политического деятеля от синдикалистских и центристских позиций к реформизму и оппортунизму. Секкья разоблачает узкокорпоративный и сектантский характер тактики правых руководителей Конфедерации труда во главе с Риголой. Реформистские лидеры призывали рабочих саботировать стачки, не объявленные профсоюзами, примыкающими к конфедерации, якобы для того, чтобы бороться против «стачкомании» анархо-синдикалистов. Секкья подчеркивает, что эта тактика была направлена на подрыв единства действий рабочих. Предложение Риголы о создании в Италии подобия лейбористской партии квалифицируется Секкья как попытка реформистов ограничить политическую борьбу чисто профсоюзной и экономической деятельностью и как явная недооценка партии рабочего класса.

Работа Секкья, несомненно, представляет значительный интерес и является ценным вкладом в разработку истории капитализма и рабочего движения в Италии.

К. В. Кобылянский

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

«Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin. 1961, № 1.

Тезисы к 15-й годовщине основания СЕПГ. Статьи: Бернард Кёнен. Основание СЕПГ — величайшее достижение в истории немецкого рабочего класса; Улла Пленер. Группа «Спартак» и ее революционная агитация среди народных масс; Вальтер Нимц. Об антинациональной роли правых лидеров СДПГ во время первой мировой войны; Штефан Вебер. О некоторых вопросах истории мартовских событий 1921 года; Пауль Рейманн. Фантазии империалистов и логика истории; Генрих Гемков. Из истории борьбы участников социалистического рабочего движения против германского милитаризма (1886—1887). Документы и материалы: Вильгельм Пик. 20 лет борьбы КПГ (Гейнц Карл).

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, № 7.

Статьи: Альфред Андерле, Зигмар Квилитцш. Георг фон Раух — идеолог фашистского «Дранг нах Остен» и поборник антисоветской политики НАТО; П. А. Николаев. Решения Парижской экономической конференции в июне 1916 г. и обострение противоречий между великими державами; Дитер Фрикке. Дело Лекерта—Люцова — Тауша и правительственный кризис 1897 г. в Германии; Курт Браунрейтер. Изучение истории и теории государства в период с 1810 по 1860 г. в Гумбольдтовском университете

(Берлин). Сообщения: Манфред Кобух. Уход Томаса Мюнцера из Альштедта. К вопросу о датировке одного письма Мюнцера.

«Przegląd historyczny». Warszawa. 1960, № 3.

Статьи: Э. Михальски. Депутатские сеймики 1788 г. Ч. III: результаты; Б. Грохульска. К вопросу о торговом балансе Варшавского княжества; Ю. Лукасевич. Промышленный переворот в черной металлургии Польши (XIX в.). Материалы: Ф. Романюкова. Новые документы по истории революционного товарищества «Лондон»; А. Гарлицки. Мемориал проф. В. Свентославского о состоянии науки в СССР.

«Z pola walki». Warszawa. 1960, № 4.

Статьи: Болеслав Друкер. Политическое положение в стране при Временном правительстве (январь — июнь 1945 г.); Ярослав Дашкевич. Польская подпольная печать Коммунистической партии Западной Украины (историко-библиографический очерк). Проблемы и дискуссии: К дискуссии по вопросам истории 1918—1919 гг. в Польше. Документы и воспоминания: Материалы XVI съезда Польской социалистической партии (1919 г.).

«Analele Institutului de istorie a Partidului de pe lînga C.C. al P.M.R». Bucureşti. 1960, № 4.

III съезд Румынской рабочей партии — важное историческое событие в жизни нашей партии и народа. Статьи: М. Лунджану. О борьбе народных масс под руководством КПР в поддержку антигитлеровской войны (23 августа 1944 г. — 9 мая 1945 г.). А. Деак. Роль газеты «Мунка» в борьбе за создание Социал-демократической партии рабочих Румынии (1893). Сообщения: И. Олтяну. О деятельности ряда советских и румынских партизанских групп, воевавших на территории Словакии в период с августа 1944 г. по февраль 1945 г.; В. Ионеску и И. Тоака. Местные подпольные газеты, издававшиеся КПР и СКМ в Валя Праховей в 1932—1933 годах.

«Военно-исторически сборник». София. 1960, № 1.

Статьи: И. Филчев. Болгаро-советская боевая дружба во время второго периода Отечественной войны; И. Горанов. Действия первого батальона 31-го пехотного Варненского полка в мартовских боях 1945 года; И. Симеонов. Героизм наших артиллеристов в боях на р. Драва; С. Пенков. Использование Софийско-Солунского направления во время Балканской и Межсоюзнической войн (1912—1913); А. Илиев. Телеграфная связь во время Освободительной войны 1877—78 гг.

«Военно-исторически сборник». София. 1960, № 2.

Статьи: Л. Данаилов. Великая историческая победа; Н. Павленко. Решающая роль СССР и его вооруженных сил в разгроме германского империализма; Д. Лютов, М. Вылков. Участие нашей Дунайской флотилии в Отечественной войне в 1944—45 гг.; К. Абаджиев. Некоторые вопросы контрнаступления (из опыта Великой Отечественной войны); С. Нойков. Балканский полуостров в планах англо-американской стратегии во время второй мировой войны.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Из истории австрийской агрессии на Балканах

«Buletin i Universitetit Shtetëror te Tiranës». Seria shkencat shoqerore. Tiranë. 1960, № 1, f. 183—208.

В статье албанского историка Зэфа Прэла «О политике Австро-Венгрии в Албании в последней четверти XIX века», помимо литературы по данному вопросу и опубликованных дипломатических документов, использованы материалы Государственного архива Австро-Венгрии, микрофильмы которых хранятся в Институте истории и языка Тиранского государственного университета. Это обогатило статью новыми интересными данными.

Дуалистическая феодально-буржуазная монархия использовала все средства экономического и политического характера, чтобы закабалить албанский народ, превратить Албанию в плацдарм для установления своего господства на Адриатическом море. Автор останавливается на предыстории австрийской агрессии в Албании, упоминая об австро-турецких договорах 1615, 1699, 1739, 1791 гг., которые обеспечили за Габсбургами право покровительствовать католикам в Турецкой империи и содействовали проникновению Австрии на Балканы.

Восточный кризис 1875—1878 гг., в частности восстание в Боснии и Герцеговине, война Сербии и Черногории с Турцией, послужил австро-венгерской реакции поводом

для вмешательства в балканские дела и активизации своей агрессивной политики на Балканах. Автор разоблачает миф о «бескорыстии» этой политики, который широко пропагандировали австро-венгерские правящие круги. Пункт об автономии Албании был включен Австро-Венгрией в Рейхштадтское соглашение (1876 г.) и Будапештскую конвенцию (1877 г.) вовсе не из гуманных побуждений. Правительство Франца-Иосифа было обеспокоено тем, что продвижение Черногории к Адриатике и возможное объединение с Сербией смогут помешать укреплению позиций Австро-Венгрии на Балканах.

Большой интерес представляет та часть статьи, которая освещает политику Австро-Венгрии в период подъема национально-освободительного движения в Албании (1878—1881 гг.). Автор характеризует отношение австро-венгерских правящих кругов к первой албанской национальной организации (так называемой Призренской лиге), которая боролась за автономию Албании. Боясь, что рост албанского освободительного движения вызовет вмешательство ряда держав, особенно России и Италии, Австро-Венгрия приняла меры к тому, чтобы ограничить деятельность Призренской лиги и направить ее против соседних с Албанией славянских государств.

Большое внимание автор уделяет вопросу об итало-австрийских противоречиях в Албании. Соперничество между Италией и Австро-Венгрией объяснялось стремлением каждой из этих держав втянуть Албанию в сферу своего влияния. З. Прэла говорит и о русско-австрийских противоречиях, которые принимали все более острые формы и грозили привести к военному конфликту.

В заключение автор останавливается на двух международных соглашениях — австро-русском и австро-итальянском (1897 г.). Оба они, хотя и предусматривали создание независимой Албании в случае нарушения «статус-кво» на Балканах, имели своей главной целью смягчение противоречий между державами и сохранение этого «статус-кво», а следовательно, и турецкого гнета над албанским и другими балканскими народами. Временное равновесие на Балканах в конце XIX в., резюмирует автор, поддерживалось державами путем общего заговора против балканского, в частности албанского, национально-освободительного движения.

И. Г. Сенкевич

Аграрные отношения в средневековой Болгарии

«Известия на Института за история (на Българската академия на науките)». София. 1960, кн. 8, стр. 273—308.

История аграрных отношений в болгарских землях в XI—XII вв. изучена еще далеко не достаточно[1]. Одной из существенных причин такого положения является скудость источников. исследователь болгарской деревни данного времени вынужден обращаться почти исключительно к византийским памятникам.

Статья болгарского историка Г. Цанковой-Петковой «Феодальное землевладение в южных и юго-западных болгарских землях в период византийского господства» посвящена рассмотрению структуры и судеб феодальной собственности. Автор не затрагивает (или почти не затрагивает) проблему феодальной ренты. Внимание Г. Цанковой-Петковой сосредоточено на росте феодальной собственности, как светской, так и церковно-монастырской, а также на ее организационных формах (феодальная иерархия, иммунитет и пр.). Работа основана на тщательном изучении широкого круга греческих текстов, преимущественно документальных, причем в ряде случаев автору приходится заниматься текстологическими вопросами, устанавливать правильное чтение того или иного пассажа.

В первой части работы Г. Цанкова-Петкова приводит данные о росте крупной земельной собственности, во второй — рассматривает феодальные институты. Тезис о росте крупного землевладения на Балканах (в том числе в Южной и Юго-Западной Болгарии) XI—XII вв. выдвигался неоднократно, хотя, строго говоря, вследствие отсутствия цифровых данных можно проследить лишь рост отдельных земельных комплексов; не следует преувеличивать и размеры поместий: государственная опись конца XI в., относящаяся к Средней Греции, свидетельствует о значительной дробности феодальных владений в этом районе, и нет никаких оснований полагать, будто в бол-

[1] В последние годы этой проблемой занимался советский ученый Г. Г. Литаврин, работа которого «Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв.» была опубликована в «Ученых записках» Института славяноведения АН СССР (Т. XIV. М. 1956).

гарских землях положение было иным. Более оригинальны соображения Г. Цанковой-Петковой о структуре феодальной собственности. Автор правильно подчеркивает ограниченность феодальной собственности, проявлявшуюся прежде всего в наличии развитого контроля государства (как коллективного феодала, добавим от себя) над нею. Очень существенны положения Г. Цанковой-Петковой о феодальной иерархии в болгарских землях. Этот вопрос, по существу, до сих пор не ставился (в добавление к приведенным автором данным можно было бы указать, что у южнофракийского монастыря Космосотиры в XII в. были свои стратиоты — вассалы, имевшие земельные наделы). Наконец, автор убедительно показывает ограниченность иммунитета (особенно судебного) в XI—XII веках. Полемизируя с советским историком М. М. Фрейденбергом, Г. Цанкова-Петкова справедливо пишет, что льготные грамоты не освобождали монастыри от необходимости отвечать перед светским судом, хотя и ограничивали произвол низших судебных чиновников в отношении этих монастырей.

Ценность рассматриваемой работы заключается еще и в том, что в ней показана сложность и противоречивость общественных явлений. Это позволяет автору проследить, в частности, превращение старого административного аппарата в органы феодальной администрации. В этой связи чрезвычайно интересно известие византийского историка Никиты Хониата об уничтожении императором Андроником I берегового права. Из этого рассказа следует, что византийские феодалы (в том числе и в болгарских землях) обладали административным аппаратом, который в XII в. уже практически не отличался от административного аппарата фемных судей.

А. П. Каждан

Из истории идеологической подготовки второй мировой войны

«Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle — Wittenberg». Halle (Saale). 1960. Bd. IX. № 1. SS. 29—35.

В статье Альфреда Андерле «Антибольшевизм и «исследование Востока» при подготовке второй мировой войны» анализируются методы идеологической борьбы германской реакции против Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения. После победы Великой Октябрьской социалистической революции антибольшевизм стал идеологической основой подрывной деятельности мировой реакции против международного рабочего класса и первого в мире социалистического государства.

Когда был заключен грабительский Брестский мир, германские империалисты превратили свое дипломатическое представительство в Москве в центр подрывной работы против Советской власти. Нарушая условия Брестского мира, они оказывали поддержку белогвардейским бандам. В декабре 1918 г. Эдуард Штадтлер создал «Генеральный секретариат для изучения большевизма и борьбы против него», на основе которого вскоре возникла пресловутая «Антибольшевистская лига» — один из многочисленных сборных пунктов белоэмигрантов и милитаристов.

Гитлеровская партия, вскормленная германским монополистическим капиталом, поставила одной из своих целей вести идеологическую подготовку войны против Советского Союза. Уже в 20-е годы в своей грязной антисоветской деятельности «соревновались» гитлеровцы, «Стальной шлем», белоэмигранты из России, иезуиты и правосоциалистические лидеры. В Мюнхене, колыбели гитлеризма, на этом поприще подвизались, например, Альфред Розенберг и бывший украинский гетман Скоропадский.

Политической силой, последовательно выступавшей в Германии в поддержку Советского Союза, была Коммунистическая партия Германии во главе с Эрнстом Тельманом. КПГ широко пропагандировала величайшие достижения советского народа. Большую роль в этом деле играли также рабочие делегации, посещавшие Советский Союз.

Если в период осуществления первого пятилетнего плана реакционная пресса болтала о «большевистских утопиях», «фантазиях» и т. п., то затем она перешла к запугиванию народов опасностями, которые будто бы таила социалистическая индустриализация. Буржуазные и правосоциалистические политики, экономисты, журналисты, социологи, историки, юристы распространяли басни о «принудительном труде» в СССР, чтобы оклеветать грандиозные успехи советского народа.

Распространенным методом, который применяла немецкая буржуазия в антисоветской пропаганде, являлась фальсификация документов. В секретном полицейском отчете от 24 октября 1927 г. говорилось, что в Берлине находится ряд эмигрант-

ских групп, которые занимаются подлогом советских документов и ссылаются на то, что благодаря «блестящим связям» получают якобы очень интересные и важные «сообщения из Советского Союза». В отчете указывалось, что многие немецкие газеты и организации используют эти «документы», и прямо признавалось, что все они являются «лживыми с начала и до конца»!

В январе 1933 г. в Германии был установлен режим кровавой гитлеровской диктатуры. Антибольшевизм был провозглашен в качестве официальной государственной политики.

Основные принципы антисоветских «восточных исследований» были «разработаны» главарями фашистской клики. Расистская идеология лежала в основе всех так называемых «восточных исследований». Среди немецких историков нашлись такие, кто охотно стал на службу кровавому гитлеровскому фашизму. Герман Аубин, например, один из ведущих реакционных «восточных исследователей» сегодняшней Западной Германии, задачу науки видел во всемерной поддержке фашизма.

В Германии массовыми тиражами издавались брошюры и книги, содержавшие грязные вымыслы о Советском Союзе. Нацисты гнусно клеветали на коллективизацию, восхваляли кулачество. Упорно распространялась ложь о преследовании религии в Советском Союзе. Излюбленной темой фашистской пропаганды были лживые измышления о положении женщины в СССР, о культурной жизни советских людей. В одном из «писем» фашистской партии 1939 г. со всей серьезностью утверждалось, будто бы исполнение классической музыки считается «в глазах догматических коммунистов» буржуазным явлением, а дирижер отвергается как... «представитель индивидуализма».

Антибольшевизм и «восточные исследования», антисемитизм и расизм — все было поставлено на службу монополистическому капиталу во имя достижения его цели — подготовить почву для новой мировой войны.

Автор статьи правильно отмечает, что пропаганда войны является идеологической агрессией, а антикоммунизм — одной из основных форм этой агрессии. Поэтому пропаганда войны и антикоммунизм, как и «холодная война», ведущаяся международной реакцией против стран социалистического лагеря, являются преступлением против человечества.

Статья А. Андерле, раскрывающая методы «теоретиков» антикоммунизма и «исследователей Востока», особенно актуальна сейчас, так как она помогает разоблачению тех зловещих сил милитаризма и реваншизма, которые активизируются ныне в Западной Германии.

Б. М. Туполев

Изучение в ГДР истории Коммунистической партии Швеции

«Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin. 1960, № 3. SS. 532—545.

Советские читатели имели возможность ознакомиться с историей возникновения шведской Компартии по статье одного из ее руководителей — Кн. Бекстрема («Вопросы истории КПСС», 1959, № 6). Той же теме посвящена работа историков ГДР Г. Поллита и Ф. Гохмана «К истории возникновения Коммунистической партии Швеции». Авторы не первый год изучают историю рабочего движения в Швеции. В данной статье они подробно останавливаются на деятельности революционной оппозиции в шведской социал-демократической партии. Авторы отмечают, что оппозиция, опиравшаяся на Социал-демократический союз молодежи, особенно активизировалась в годы первой мировой войны (рабочий конгресс в защиту мира 1916 г.). Шведские левые социал-демократы приняли участие в организованном большевиками циммервальдском движении. Советы и указания В. И. Ленина принесли молодым революционным социалистам Швеции неоценимую пользу.

Организационный разрыв левых с правыми социал-демократами произошел на X съезде СДПШ в феврале 1917 года. Отклонив ультиматум реформистского лидера Брантинга, Союз молодежи отделился от социал-шовинистской партии. Левые развернули деятельную подготовку к созданию собственной партии. Консолидация их была ускорена, как правильно замечают авторы, под влиянием революционных событий в России в начале 1917 года. Образование Социал-демократической левой партии произошло в мае 1917 года. Г. Поллит и Ф. Гохман характеризуют программные документы новой партии. Они справедливо расценивают ее рождение как победу марксизма над реформизмом, хотя центристские настроения среди шведских левых еще

не были полностью изжиты и не была преодолена путаница в их идеологических воззрениях.

Статья немецких историков-марксистов кратко излагает основные этапы деятельности левых социалистов в годы революционного подъема в Швеции (1917—1921 гг.). В частности, внимание авторов привлекает кампания СДЛП в защиту Советской России, участие левых социалистов в борьбе за демократические и социальные реформы в Швеции. Авторы в общих чертах раскрывают суть внутрипартийных разногласий в связи с отношением к Коммунистическому Интернационалу и «21 условию». IV съезд СДЛП в 1921 г. после острой дискуссии большинством голосов одобрил эти условия, выработал коммунистическую программу и принял новое название партии — Коммунистическая партия Швеции. Шведским коммунистам предстоял, однако, еще долгий и нелегкий путь борьбы за чистоту своих рядов, за превращение в закаленную, сплоченную и опытную марксистско-ленинскую партию. Авторы справедливо отмечают, что IV съезд партии (1921 г.) завершил первый этап политико-идеологического и организационного укрепления партии.

Круг использованных Г. Поллитом и Ф. Гохманом источников мог бы быть значительно расширен. Вне поля зрения авторов остались многочисленные партийные брошюры, мемуарная литература; да и пресса, к сожалению, привлечена далеко не достаточно. Тем не менее статья Г. Поллита и Ф. Гохмана представляет интерес для изучающих историю шведского рабочего движения.

А. С. Кан

Западногерманские монополии рвутся в Африку

«*Nation*». Berlin. 1960. Jg. 10. Heft 4. SS. 272—280.

В последние годы значительно возросла экономическая экспансия западногерманского империализма. Возродив экономическую мощь с помощью миллиардных американских инвестиций, западногерманские монополии стремятся внедриться в экономику стран Азии и Африки. Интересный материал дает в этом отношении статья Г. Пиха «Западногерманский неоколониализм».

Автор разоблачает новые формы колониальной экспансии Западной Германии в Африке в современных условиях. Африка издавна привлекала внимание германских монополий. Но меняются времена, и меняются формы и методы колониальной экспансии. Если в кайзеровскую эпоху, например, основной целью немецкой экспансии был территориальный раздел колоний и установление в них политического господства Германии, то в современных условиях подъема национально-освободительного движения западногерманские монополии стремятся к завоеванию рынков государств, получивших независимость, к расширению своего влияния в экономической сфере.

Одним из основных инструментов, используемых ныне западногерманскими монополиями для своего проникновения в Африку, является, как указывает автор, Европейское экономическое сообщество. Прикрываясь лозунгом «совместного» использования и развития ресурсов Африки, западногерманский капитал активно наступает на экономические позиции французских и бельгийских империалистов в Африке. Концерны Круппа, Маннесмана, Тиссена проникли в железорудную промышленность Мавритании; боннский объединенный алюминиевый концерн участвует в разработке бокситов в Конго; Немецкий банк, немецкое объединенное нефтяное общество и другие монополистические концерны пытаются захватить в свои руки нефтяные богатства Сахары. Шахт создал «Фонд по защите немецких интересов в Африке», призванный объединять и поддерживать экспансию западногерманских монополий. В этой организации участвуют виднейшие представители западногерманского капитала — Флик, Вольф, Динкельбах, Крупп, Абс и др. Разумеется, французские империалистические круги отнюдь не радует такое направление экспансии монополий Западной Германии.

Экономическая экспансия ФРГ не ограничивается наступлением на позиции французских и бельгийских империалистов. Немецкие капиталы после второй мировой войны энергично проникают в британские, португальские, испанские сферы влияния в Африке. Автор приводит интересную таблицу, где сопоставляются объемы торговли Германии в 1938 г. и ФРГ в 1956 г. со странами Африки. Экспорт в страны Африки возрос с 385,5 млн. рейхсмарок в 1938 г. до 1 897,4 млн. западногерманских марок в 1956 г., а импорт — соответственно с 203.1 млн. рейхсмарок в 1938 г. до 1 471,7 млн. западногерманских марок в

1956 году. Эти факты, подчеркивает автор, говорят о стремлении западногерманских монополий сделаться хозяевами на африканском рынке.

Одним из важнейших орудий колониалистской экспансии западногерманского капитала является боннское государство. Своим участием в НАТО, в платежном европейском союзе, финансированием работ по созданию французского ракетно-атомного оружия, предоставлением помощи французским империалистам для ведения войны в Алжире боннское правительство обеспечивает политические и экономические условия для захвата новых позиций западногерманскими монополиями.

Экспансия западногерманского капитала сопровождается шумной пропагандистской кампанией. В ФРГ действуют многочисленные общества по «развитию и изучению» Африки, возрождаются старые империалистические теории «жизненного пространства» и т. д. Стремясь дезориентировать местную молодую национальную буржуазию в африканских государствах, западногерманская пропаганда развернула пресловутую кампанию против «коммунистической угрозы», якобы нависшей над молодыми государствами Африки и Азии. Западногерманские монополисты тщатся изобразить себя в качестве решительных противников колониальной системы.

Но все ухищрения боннской пропаганды, как подчеркивает автор, не могут скрыть того очевидного факта, что западногерманский империализм стремится возродить колониализм в новой форме, увековечить положение, при котором империалистические державы могли бы по-прежнему эксплуатировать слаборазвитые страны.

Растущее национально-освободительное движение стран Африки и Азии, справедливо подчеркивает автор, в конечном итоге навсегда уничтожит любые формы и проявления колониализма.

Ю. И. Комар

Проблема развития производительных сил в древнеримском сельском хозяйстве

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, № 2. SS. 357—366.

Французский археолог Ш. Парэн в статье «Проблема фактического распространения технического прогресса в римском сельском хозяйстве» ставит важный вопрос — о методологии исследования истории производительных сил античного мира. Автор пытается наметить некоторые недостаточно еще использованные наукой пути к расширению наших знаний в этой малоисследованной области. Основная трудность, с которой встречаются исследователи экономической истории древнего мира,— полное отсутствие статистических данных; поэтому, отмечает Парэн, историография античности обычно ограничивается изучением социальных и политических явлений, не вскрывая их экономической основы и, следовательно, не давая им подлинно научного объяснения. Это обстоятельство делает настоятельно необходимыми поиски таких данных, которые хоть в известной мере могли бы заменить статистику.

Ш. Парэн подчеркивает, что для современной западной историографии характерно усиление внимания к социально-экономической проблематике, что в значительной мере объясняется влиянием марксизма. В ряде работ западноевропейских ученых по истории римской сельскохозяйственной техники достигнуты ценные результаты. В то же время Парэн отмечает односторонность подхода этих ученых к данной проблеме. В их работах исследуется лишь общая линия развития техники, но не фактическое распространение тех или иных типов орудий в определенные периоды и в определенных областях античного мира. При таком подходе действительное состояние производительных сил античного общества остается невыясненным. Мысль Парэна безусловно правильна. Мы не можем судить об уровне развития производительных сил лишь по отдельным орудиям, не зная, в какой степени эти орудия действительно применялись в производстве.

Парэн считает, что для исследования указанного вопроса различные категории источников могут быть использованы гораздо более полно, чем это делалось до сих пор. В частности, необходимо подвергнуть более тщательному и обстоятельному изучению произведения римских агрономов. В качестве положительного примера такого исследования автор приводит работы советского историка М. Е. Сергеенко. Достоянием более широкого круга ученых должны стать данные о находках античных производственных орудий. Материалы об этих находках до сих пор не опубликованы. Наконец, важным источником сведений по истории сельскохозяйственного производства являются лингвистические и этнографические

данные. Бо́льшая часть статьи Парэна посвящена показу тех возможностей, которые открывает перед исследователем античной экономики использование подобных данных. Основываясь на результатах некоторых частных исследований западных ученых и на собственных наблюдениях, автор формулирует ряд интересных выводов по истории сельскохозяйственных орудий в различных областях Римской империи.

Мысль Парэна о расширении круга источников, привлекаемых для изучения производительных сил античного общества, несомненно, заслуживает поддержки. Его конкретные выводы также представляют бесспорный интерес, хотя небольшие размеры статьи не позволили автору в достаточной степени их аргументировать. Следует вместе с тем отметить, что вопрос о причинах, определяющих тот или другой уровень развития орудий и методов производства в Римской империи, Парэн ставит нечетко. Особенности землевладельческого слоя: его непосредственная связь с сельским хозяйством или, напротив, с городской жизнью — могли, разумеется, играть известную роль, но это обстоятельство далеко не было решающим, как, по-видимому, полагает Парэн. Главным условием, определяющим темпы развития производительных сил, является характер производственных отношений. Интересно, что в тех районах, для которых Парэн устанавливает относительно высокий уровень технического развития, значительную роль в римский период играли непосредственные производители, владевшие или наделенные орудиями производства. В Северо-Восточной Галлии и в Рейнской области было распространено самостоятельное мелкое крестьянское хозяйство, а в Северной Италии и в римском Алжире — землевладение, использующее мелкую аренду, колонат и подобные им формы. Что касается таких районов, как Средняя Италия или Тунис, то в них преобладали хозяйства, использовавшие труд рабов. Технический консерватизм, вообще свойственный рабовладельческому строю, в период кризиса этого строя должен был сказаться особенно сильно. Отношения же, при которых трудящиеся обладали известной хозяйственной самостоятельностью и орудиями производства, напротив, играли в тех исторических условиях передовую роль в развитии производительных сил.

Г. Г. Дилигенский

Русский просветитель В. Ф. Малиновский в Дунайских княжествах

«*Studii*». Bucureşti. 1960, № 2, p. 165—180.

Румынский историк А. Виану посвятил свое исследование интересной странице в истории русско-румынских отношений начала XIX в.— деятельности в Дунайских княжествах русского просветителя В. Ф. Малиновского.

В. Ф. Малиновский по праву занимает почетное место в ряду наиболее образованных людей России конца XVIII — начала XIX века. Он был первым директором Царскосельского лицея. (А. С. Пушкин с большой теплотой отзывался о своем наставнике.)

В 1801—1802 гг. В. Ф. Малиновский занимал пост генерального консула России в румынских княжествах Молдавии и Валахии. Этот период его жизни до сих пор не привлекал внимания исследователей. Статья А. Виану, основанная на советских и румынских опубликованных и архивных материалах, восполняет существовавший до сих пор пробел.

В. Ф. Малиновский прибыл в княжества в тяжелое для них время. В тот период имело место восстание паши города Видин (Болгария) против турецкого султана. Румынское население тяжело страдало от поборов и нашествий как оттоманских войск, посланных для подавления восстания, так и отрядов мятежников. В. Ф. Малиновский считал долгом России избавить жителей княжеств от этих бедствий. Он указывал, что полученные после русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 гг. румынскими княжествами привилегии беззастенчиво нарушались Портой.

По совету В. Ф. Малиновского, молдавский князь К. Ипсиланти обратился к Павлу I, а затем к Александру I с протестом против попрания прав Молдавии и Валахии. Ипсиланти просил прислать русский корпус в 5—6 тыс. человек, чтобы избавить княжества от бедствий войны. Обращение осталось без ответа: в связи с общими политическими соображениями царское правительство не пожелало в то время обострять отношений с Турцией.

А. Виану показывает попытки В. Ф. Малиновского укрепить автономию княжеств, оградить их от вмешательства Порты, добиться проведения некоторых (хотя и очень ограниченных) внутренних реформ. Так, русский консул выступал за расширение со-

става диванов (совещательных советов при князьях Молдавии и Валахии) с тем, чтобы они превратились в представительное собрание «владельцев»[1]. Он высказывался также за упорядочение местного управления с тем, чтобы исправников уездов избирали «владельцы» (по существовавшей практике должности исправников покупались у правительства, и исправники, чтобы «возместить» убытки, грабили население по своему произволу). В. Ф. Малиновский резко выступил против поборов откупщиков налогов в княжествах, потребовал удаления этих откупщиков и взимания налогов в строго ограниченных законом рамках.

Автор статьи приходит к выводу, что, хотя не все рекомендации В. Ф. Малиновского претворялись в жизнь, его деятельность соответствовала интересам народных масс Дунайских княжеств, в первую очередь крестьянства.

В. Н. Виноградов

Борьба народов Анголы за независимость

«Democratie nouvelle». Paris. Septembre 1960, pp. 34—37.

Более 11 млн. человек, населяющих колонии Португалии в Африке (Анголу, Мозамбик, Португальскую Гвинею и др.), живут при режиме салазаровского колониального террора — самой грубой и жестокой форме современного колониализма.

Фашистское правительство Салазара прилагает все меры к тому, чтобы изолировать португальские колонии от внешнего мира. Публикуемая им информация о заморских владениях Португалии исключительно скудна и имеет своей задачей дезинформировать мировую общественность. Иностранцы, не имеющие португальского гражданства, практически лишены возможности бывать в Анголе или Мозамбике. Переименовав свои колонии в «заморские провинции», правительство Салазара уклоняется от обязанности представлять о них доклады в ООН. Все почтовые отправления подвергаются строгой цензуре. Переписка населения этих колоний с жителями свободных государств Африки запрещена. Особенно тщательно следит фашистская цензура за тем, чтобы во внешний мир не просочились какие-либо сведения об освободительной борьбе народов португальских колоний.

Салазаровская пропаганда и вторящие ей апологеты португальского колониализма (такие, как португальцы С. Рего, С. Герра, бразильский социолог Ж. Фрейре, англичанин Эгертон, американец Джерсдорф и др.) усиленно распространяют миф о том, что португальские империалисты якобы «гуманно» относятся к подвластным им народам, чужды расовых предрассудков и что поэтому «Португалия не знает никакой колониальной проблемы».

Опубликованная французским прогрессивным журналом «Democratie nouvelle» статья Марнано де Андради «А колонии Салазара?» разоблачает созданную идеологами империализма легенду о якобы царящей в африканских колониях Португалии «социальной идиллии».

Автор статьи — видный деятель национально-освободительного движения в португальской Африке, председатель партии «Народное движение за освобождение Анголы» — рисует впечатляющую картину постепенного нарастания освободительного движения в Анголе.

Португальское владычество, сопровождавшееся здесь насаждением самых жестоких форм колониальной эксплуатации, постоянно наталкивалось на вооруженное сопротивление африканцев. Так, крупные восстания имели место в 1924 г. в Порту-Амбоине, в 1925 г.— в Амбризе, в 1939 г.— среди племен мукубаис. В 20-х годах в Анголе возникли первые организации, ставившие своей целью борьбу за улучшение социальчых, экономических и культурных условий жизни коренного населения, но отвергавшие насильственные методы борьбы (Национальная африканская лига, Региональная лига уроженцев Анголы, Африканская ассоциация Южной Анголы).

В 1948 г. в Луанде возникла первая революционная молодежная организация, провозгласившая своей целью завоевание независимости Анголы. В октябре 1955 г. родилась Коммунистическая партия Анголы. Несмотря на свою малочисленность и теоретическую незрелость, Компартия, действуя в трудных условиях подполья, сумела развернуть активную пропаганду марксистско-ленинского учения и содействовала пробуждению политического сознания угнетенных масс.

В декабре 1956 г. по инициативе коммунистов была основана партия «Народное движение за освобождение Анголы». Опубликованный после основания партии манифест призывал народ Анголы подняться на

[1] Подразумевались владельцы недвижимого имущества. В эту категорию входили также купцы и даже свободные крестьяне.

борьбу «за ликвидацию империализма и португальского колониализма для того, чтобы сделать Анголу независимым государством и учредить демократическое правительство, правительство коалиции всех сил, борющихся против португальского колониализма». «Есть только один путь к освобождению анголезского народа,— подчеркивалось в манифесте,— это путь революционной борьбы».

В 1957 г. члены «Народного движения за освобождение Анголы», собравшись в Европе вместе с представителями «Африканской партии независимости Гвинеи» и деятелями освободительного движения Мозамбика, островов Зеленого Мыса и Сан-Томе, основали патриотическое объединение «Антиколониалистское движение».

Демонстрации, забастовки, распространение памфлетов и листовок, призывавших к свержению португальского ига, волнения, особенно усилившиеся в связи с событиями того времени в Конго, испугали португальских колонизаторов. Весной 1959 г. в Анголу были переброшены значительные контингенты войск с военными судами, танками и авиацией. Чтобы запугать африканское население, колонизаторы совершили военно-воздушные налеты на Луанду, Нова Лисбон, Лобиту и другие города, сбросив на них напалмовые бомбы.

Португальское гестапо — ПИДЕ — начало широкую кампанию кровавого террора против населения Анголы. По всей стране производились массовые аресты, тысячи африканцев, подозреваемых в сочувствии освободительному движению, без суда и следствия были брошены в тюрьмы, сосланы в пустынную Бухту тигров, на остров Сан-Томе, подвергались жестоким пыткам и издевательствам. Только в одном городе Луанде в течение июля 1960 г. было арестовано 150 человек. ПИДЕ начало провокационный процесс над 57 деятелями освободительного движения.

Репрессии колониальных властей не могли сломить твердую решимость анголезского народа добиться своей независимости. Освободительное движение продолжает непрерывно нарастать. По мнению некоторых иностранных наблюдателей, Ангола может превратиться в «новый Алжир», если Португалия не предоставит ей независимость.

Как указывает Андради, 13 июня 1960 г. «Народное движение за освобождение Анголы» направило португальскому правительству декларацию, требующую «немедленного признания права анголезского народа на самоопределение».

Картина подъема национально-освободительной борьбы в Анголе, нарисованная Андради, вселяет уверенность в том, что недалеко то время, когда волны освободительного движения сокрушат последние крепости колониализма в Африке.

А. М. Хазанов

Из истории Индийского национального конгресса

«Journal of Indian History». Trivandrum. 1960. Vol. XXXVIII, pt. 1, pp. 131—137.

История деятельности Индийского национального конгресса продолжает привлекать внимание ученых, исследующих национально-освободительное движение в Индии. И это вполне закономерно, ибо Индийский национальный конгресс — крупнейшая политическая партия страны, возглавлявшая на протяжении более 70 лет борьбу индийского народа за независимость, против колониального гнета английского империализма и ставшая у власти после завоевания Индией независимости в 1947 году.

Наряду с созданием обобщающих трудов по истории Национального конгресса[1] индийские ученые исследуют отдельные, наиболее значительные этапы и события в истории этой партии. В этой связи привлекает внимание работа руководителя кафедры истории университета в городе Лакхнау (Индия) профессора Нандалала Чаттерджи о 23-й ежегодной сессии Индийского национального конгресса, состоявшейся в Сурате в 1907 г., на которой произошел раскол между «умеренными» — сторонниками либерально-буржуазного направления, и «крайними» («экстремистами») — представителями буржуазно-демократического течения в национально-освободительном движении. Раскол в Национальном конгрессе явился результатом классового размежевания внутри партии под влиянием развития индийского национально-освободительного движения.

До сих пор в большинстве индийских и английских исследований раскол на сессии в Сурате ставился «в вину» крайним, которые якобы «взорвали» изнутри организационное единство партии.

---

1 См., например, M. V. Ramana Rao. A Short History of the Indian National Congress. Dehli. 1959.

В отличие от этой точки зрения Н. Чаттерджи дает иной, на наш взгляд, более правильный и объективный анализ этого события.

Автор старается наметить основные моменты, которые привели к возникновению в Конгрессе двух противоположных течений. Он пишет, что политика репрессий английской колониальной администрации в Индии, наиболее ярко воплотившаяся в действиях вице-короля Керзона (в особенности в его акте о разделе Бенгалии в 1905 г.), подрывала веру в умеренных, в правильность их политики «трех П», как называл ее вождь экстремистов Б. Г. Тилак,— «просьб, петиций и предложений».

Уже на сессии Конгресса в Бенаресе (1905 г.), указывает автор, и в особенности в Калькутте (1906 г.) стали обостряться противоречия между экстремистами, которые требовали, чтобы Конгресс делал упор на развертывание массового народного движения за достижение независимости Индии, и умеренными, которые боялись массового движения и находились в лояльной оппозиции к английскому колониальному господству, требовали лишь ограниченного самоуправления «внутри конституционных границ». Автор подчеркивает, что принятие на Калькуттской сессии известных резолюций о самоуправлении, о свадеши (развитие национальной промышленности), национальном образовании, бойкоте английских товаров, которые, безусловно, отражали рост национально-освободительного движения в стране, было воспринято экстремистами и умеренными по-разному. Экстремисты не были удовлетворены этими резолюциями. Они требовали, чтобы Национальный конгресс перешел к более решительным действиям против английского колониального господства. В то же время умеренные, напуганные размахом массового движения и репрессиями со стороны англичан, желая доказать свою лояльность к колониальным властям, настаивали на отказе от этих резолюций и стремились к компромиссу с властями.

К сожалению, автор в своем изложении недостаточно связывает внутреннюю борьбу крайних и умеренных в Конгрессе с развитием национально-освободительного движения в стране, которое определяло позиции этих двух направлений. Это снижает впечатление об общественно-политическом значении борьбы течений в Конгрессе, ее влиянии на дальнейшее развертывание событий.

Н. Чаттерджи подробно анализирует ход сессии в Сурате. На ряде убедительных фактов он показывает, как умеренные саботировали ее работу, умышленно ставя экстремистов в условия, которые практически лишали их возможности активно участвовать в сессии. В проекте конституции Конгресса, опубликованном за несколько дней до сессии, ясно говорилось о том, что умеренные твердо стоят на позиции изгнания из Конгресса тех, кто не разделяет их взглядов. Таким образом, уже до начала сессии было очевидно, что умеренные сделают все, чтобы избавиться от своих противников. И события, развернувшиеся на сессии, подтвердили это.

Из проектов резолюций, подчеркивает автор, составленных умеренными, были изъяты лозунги самоуправления, бойкота английских товаров и организации национального образования. Экстремисты, возглавляемые Б. Г. Тилаком и А. Гхошем, оказали сопротивление умеренным, несмотря на то, что те составляли подавляющее большинство среди делегатов сессии. Они не соглашались на утверждение сессией резолюций, составленных умеренными, справедливо указывая, что принятие таких резолюций было бы предательством по отношению к национально-освободительному движению.

Экстремисты сделали попытку достигнуть примирения с умеренными, предлагая оставить в силе резолюции Калькуттской сессии. Однако умеренные отвергли предложения со стороны крайних. Последние вынуждены были покинуть сессию и попытались создать свою собственную партию. Раскол стал свершившимся фактом. «Это была новая фаза в индийской истории,— подытоживает Н. Чаттерджи,— фаза оформления действительного национального движения и возникновения революционной партии вне Конгресса».

А. И. Чичеров

Западногерманский историк о германском вопросе

«Zeitschrift für Geopolitik in Gemeinschaft und Politik». Bad Godesberg. 1960. Heft 3. SS. 33—39.

Германский вопрос — один из самых сложных узлов международных отношений сегодняшнего дня, остающийся вследствие политики правящих кругов США, Англии и Франции «вопросом» вот уже в течение

15 лет. Не удивительно, что на Западе не скудеет поток монографий и статей реакционных авторов как по германской проблеме в целом, так и по ее отдельным аспектам. Цель этих «исследований» — снять с западных держав и переложить на Советский Союз ответственность за раскол германского государства.

И вот недавно в этом хорошо спевшемся хоре резким диссонансом прозвучала на страницах известного своей реакционностью западногерманского журнала статья Хорста Кайзера (ФРГ) «Блокада Берлина и планы западных союзников в отношении Западной Германии». Поводом для этой острополемической статьи послужила книга реакционного американского профессора В. Дэвисона «Блокада Берлина — опыт политики «холодной войны» (Принстон. 1958; Франкфурт-на-Майне. 1959). Однако полемика Х. Кайзера против В. Дэвисона выходит за рамки берлинского вопроса. Западногерманский историк пользуется случаем, чтобы противопоставить традиционно антисоветской концепции американского профессора свои взгляды на германскую проблему в целом, на вопрос о том, кто несет ответственность за раскол Германии, за возрождение милитаризма в ФРГ.

Кайзер наносит удар по антикоммунизму американского историка, усматривая в нем «методологическую базу» своего противника. Так, он решительно отметает совершенно бездоказательную оценку В. Дэвисоном ясных и конструктивных предложений Варшавского совещания министров иностранных дел стран народной демократии (июнь 1948) как якобы притязаний Советского Союза на право вето в отношении хозяйственного восстановления Западной Германии и, более того, на установление коммунистического режима во всей Германии. Роковым моментом в истории германского вопроса оппонент Дэвисона считает срыв западными державами потсдамских решений о введении международного контроля над Руром с участием СССР, что сделало бы невозможным превращение Рурской области в арсенал вооружений бундесвера. «А это,— резонно отмечает Х. Кайзер,— без всякого сомнения, пошло бы только на благо немецкому народу. Уже сам по себе тот факт, что западногерманское государство стало на путь ремилитаризации и возродило огромный военный потенциал, доказывает, как обоснованны были опасения Советов и как законно было их требование участия в контроле над Руром». В связи с этим Х. Кайзер упрекает В. Дэвисона в невнимании к рурской проблеме, замалчивание которой — по вполне понятным причинам — представляет характернейшую черту всей западной реакционной историографии германского вопроса.

Х. Кайзер разоблачает и другое довольно избитое утверждение идеологов империализма, подхваченное Дэвисоном,— утверждение, что выполнение в соответствии с потсдамскими решениями репарационных поставок в СССР якобы затормозило на неопределенное время экономическое восстановление Германии и на многие годы — Европы. Отметая эту демагогию, автор статьи вскрывает истинные корни саботажа выполнения западными державами репарационных обязательств из своих зон оккупации: «...отклоняя советские репарационные требования, западные державы прежде всего замышляли замедлить восстановление израненного войной Советского Союза, а также возродить военную западногерманскую экономику, вскормленную их кредитами, но потерявшую свою самостоятельность».

Переходя к истории собственно берлинской «блокады» 1948—1949 гг., Х. Кайзер отмечает (как, впрочем, и в ряде других мест), что приведенный Дэвисоном фактический материал находится в противоречии с его тенденциозными умозаключениями. Так, вслед за всеми реакционными буржуазными американскими и западногерманскими историками В. Дэвисон пытается обвинить Советское правительство в провоцировании и искусственном создании в 1948 г. берлинской проблемы. В то же время, не отходя от общеизвестных фактов, он определенно указывает на начало «блокады» Берлина после 18 июня 1948 г., то есть после проведения западными державами в Тризонии сепаратной денежной реформы, а не в марте — апреле, как это часто утверждается в западной буржуазной литературе. Таким образом, ничего не остается и от мифа о «провоцировании» Советским Союзом берлинского кризиса 1948 года. Нельзя, однако, согласиться с утверждением и самого Х. Кайзера относительно того, что Советское правительство якобы поставило перед собой летом 1948 г. цель взять Берлин всецело под свой контроль. Примечательно, что Х. Кайзер даже такую постановку вопроса (хотя в действительности этого и не было) считает совершенно оправданной раскольническим

американо-английским курсом. Мероприятия советских оккупационных войск летом 1948 г. по охране экономики советской зоны оккупации он признает «задуманными и проведенными ради восстановления единства Германии».

Появление на страницах западногерманского журнала статьи Х. Кайзера, полемически заостренной против самых основ официальной западной версии истории раскола Германии, симптоматично. Логика фактов такова, что даже отдельные представители западногерманской буржуазной историографии вынуждены признавать правильность политики СССР в германском вопросе и гибельность для немецкого народа и всей Европы антипотсдамского курса западных держав во главе с США.

В. П. Иерусалимский

Американские базы в Англии

«The World Today». London. August 1960. Vol. 16. № 8, pp. 319—325.

Журнал, издаваемый Королевским институтом международных отношений, публикует в связи со шпионским полетом самолета «РБ-47», поднявшегося, как известно, с английской территории, статью об американских базах в Англии. Статья носит как бы информационный характер, так как в ней не делается никаких выводов, а ставится задача проследить «историю послевоенного восстановления американских воздушных баз» в Англии. Статья интересна своим фактическим материалом: она проливает некоторый свет на внутреннюю механику англо-американского военного сотрудничества, основанного, как указывается, «на серии неофициальных, неписаных, секретных соглашений».

31 декабря 1946 г. в Вашингтоне военно-воздушные власти США объявили, что между военно-воздушными силами США и Англии достигнуто соглашение о продолжении в мирное время военного сотрудничества по ряду аспектов. К сентябрю 1948 г. на аэродромах Англии находилось 90 американских самолетов; для их обслуживания была открыта специальная база в Бэрнтонвуде, использовавшаяся американскими военно-воздушными силами во время войны. В июне 1954 г. парламентский секретарь министра обороны объявил, что общая численность американских военных в Великобритании составила 45 тыс. человек. Основанием для их пребывания в Англии служила «неофициальная, не зафиксированная в письменном виде договоренность». Исключение составляли некоторые финансовые вопросы, по которым было заключено письменное соглашение.

Одновременно с появлением в Англии первых атомных бомбардировщиков в Вашингтоне в декабре 1947 г. и январе 1948 г. между США, Англией и Канадой проходили переговоры об обмене информацией по вопросам, связанным с изготовлением атомной бомбы. В результате этих переговоров в январе 1948 г. был выработан модус вивенди, который заменял собой Квебекские соглашения 1943 г. и лишал Англию права налагать вето на использование атомной бомбы. Право окончательного решения применить атомную бомбу принадлежало теперь исключительно президенту США. Авторы статьи ссылаются на сенатора Ванденберга, председателя сенатской комиссии по иностранным делам, который в своих записках указывал, что сенат США потребовал отказа Англии от вето на бомбу как компенсацию за помощь по плану Маршалла.

Война в Корее, как указывается в статье, принесла с собой «опасность решительных разногласий по вопросам стратегии между Англией и Америкой». Американцы требовали, чтобы Англия была готова к активным военным действиям, не ограничивающимся одним корейским плацдармом. Лейбористское правительство не отказывалось прямо от таких действий, но настаивало на обязательных консультациях США с Англией в любом критическом случае.

В декабре 1950 г. в Вашингтоне проходили переговоры между Трумэном и Эттли, которые привели к заключению в октябре 1951 г. «джентльменского соглашения» между двумя странами об американских авиационных базах в Англии. По новому соглашению базы могли быть «использованы в случае необходимости» лишь на основании «совместного решения обоих правительств», принятого «в соответствии с обстоятельствами, превалирующими в данный момент». Это соглашение было подтверждено 9 января 1952 г. в коммюнике после встречи Черчилля с Трумэном в Вашингтоне и повторено в соглашениях с правительством Эйзенхауэра после переговоров между Иденом и Даллесом в марте 1953 г. в Вашингтоне.

В статье утверждается, что общественное мнение Англии в целом отнеслось якобы довольно спокойно к восстановлению американских баз на Британских островах. Однако это не соответствует действительности. Сами же авторы приводят несколько высказываний членов парламента и государственных деятелей, выражающих глубокую озабоченность фактом существования на территории их страны иностранных военных баз, а также той неопределенностью формулировок, которая характеризует соглашение об этих базах.

Проблема конкретного и окончательного толкования формулировок соглашений об американских базах приобрела особую остроту после инцидента с самолетами «У-2» и «РБ-47». Что значит «использование в случае необходимости», как это оговорено в коммюнике от 9 января 1952 года? Включает ли соглашение о «совместных решениях» деятельность такого рода, как разведывательные полеты самолетов типа «РБ-47»? На каком уровне должны приниматься эти «совместные решения»?

В ходе дебатов в палате общин 12 июля 1960 г. Макмиллан отверг предложение лейбористских депутатов о заключении с США «нового, более конкретного и официального соглашения» по всем аспектам, связанным с американскими базами. Премьер-министр Англии лишь пообещал обдумать вместе с президентом США, нет ли необходимости внести в существующую договоренность какие-либо «изменения или дополнения». Он отказался также ответить на вопрос, в каком порядке будет приниматься решение об оперативном использовании военно-воздушных сил США, базирующихся на аэродромах Англии.

В заключение в статье указывается, что соглашение о размещении в Англии американских площадок для запуска ракет носит более конкретный характер; оно было официально опубликовано 24 февраля 1958 года. Однако это соглашение так же унижает достоинство Англии, как и соглашение о военно-воздушных базах. Все боевые ракетные головки находятся, по соглашению о ракетных площадках, в распоряжении США, а запуск ракет осуществляется по-прежнему на основании «совместного решения обоих правительств», принимаемого в том же порядке, «как это предусмотрено соглашением Эттли — Трумэна».

Б. Г. Майорский

Фальсификация истории Венгерской Советской Республики в американском журнале

«Journal of Central European Affairs». Boulder (Colorado). 1960, № 2, pp. 174—203.

Статья Альфреда Лоу «Первая Австрийская республика и Советская Венгрия» — итог работы автора в венских архивах. Архивные документы, новые факты, ссылки на Макса Адлера и Отто Бауэра понадобились А. Лоу для того, чтобы надеть «лавровый венок» на социал-демократическое правительство Австрии, способствовавшее подавлению Венгерской Советской Республики. Автор превозносит австрийских правых лидеров социал-демократов за то, что они «в противоположность германским и венгерским социалистам сумели противостоять коммунистам и радикализму рабочего класса».

Лоу утверждает, что австрийские социал-демократы проводили якобы политику нейтралитета, и в то же время сам показывает, как правительство Реннера — Бауэра выступало против венгерской революции. Да и о каком нейтралитете можно говорить, если известно, что Бауэр был одним из инициаторов плана подавления Советской Венгрии? Но, очевидно, именно такой «антикоммунистический нейтралитет» и старается разрекламировать Лоу. При этом он заверяет, что в своей политике по отношению к Венгрии австрийское правительство будто бы не было связано с державами Антанты. Рассматривая также участие буржуазных правительств Румынии, Чехословакии и Югославии в интервенции против пролетарской революции в Венгрии, Лоу оставляет в тени вдохновителей и организаторов этой интервенции — державы Антанты и в первую очередь Соединенные Штаты Америки.

«С первого дня существования новой Советской Республики ей угрожали непримиримые соседи, которые стали подготавливать против нее военные действия»,— пишет Лоу. С этим нельзя не согласиться. Но с чьей помощью? По чьему указанию? Об этом автор умалчивает.

США, Англии и Франции Лоу отводит скромное место «объективных» наблюдателей или, в лучшем случае, «беспристрастных» консультантов. Причем вспоминает он о них преимущественно в примечаниях. Лоу недоволен статьей Л. Н. Нежинского в журнале «Вопросы истории» (1959, № 2), где, в частности, говорится об участии го-

сударств Антанты в подавлении советской власти в Венгрии. Он не согласен и со статьями в «Большой советской энциклопедии», в которых разоблачаются агрессивные действия правительства Соединенных Штатов Америки против Венгерской Советской Республики. Все это «не соответствует исторической действительности», голословно утверждает он.

Но обратимся к фактам, сошлемся на документы, опубликованные в США и хорошо известные самому американскому историку.

Еще до установления в Венгрии Советской власти глава американской миссии в Будапеште Кулидж и руководитель специальной американской военной «миссии» Л. Гудвин (который по поручению Вильсона отправлял в Польшу вооружение для борьбы против Советской России), обеспокоенные ростом революционного движения в Венгрии, требовали направить в Будапешт 15-тысячную армию союзников [1].

Через несколько дней после провозглашения в Венгрии власти рабочих и крестьян в Париже обсуждался план вооруженного разгрома Венгерской Советской Республики. План этот по поручению американской делегации представил прибывший из Будапешта капитан Н. Рузвельт, сотрудник американской миссии в Венгрии [2]. После обсуждения нескольких вариантов было принято решение о блокаде Венгрии и о подготовке к наступлению румынских и чешских дивизий. Во второй половине апреля 1919 г. против Советской Венгрии была двинута балканская армия Антанты под командованием французского генерала Франше д'Эспре. С юга Венгерской Советской Республике угрожали четыре дивизии сербской армии вместе с двумя дивизиями французских войск, с востока наступали восемь дивизий румынской армии, с севера — четыре чешских дивизии.

Интервенция проходила под постоянным руководством из Парижа. Когда венгерская Красная Армия остановила наступление войск Антанты, то лейтенантом Осборном, членом миссии Кулиджа, срочно был отправлен в Париж отчет о положении в Венгрии, в котором подчеркивалось, что «энергичное наступление на Будапешт чешских, румынских или предпочтительно французских или английских войск было бы весьма необходимым...» [3].

При прямом участии членов американской миссии в Араде, а затем в Сегеде было создано венгерское контрреволюционное «правительство» во главе с графом Юлиусом Каройи. Сюда для инструктирования этого правительства и для связи с французским командованием в начале мая приезжали представители американской миссии [4]. Одновременно специально направленный в тыл венгерской армии американский полковник Паркер организовал ряд контрреволюционных мятежей в долине реки Тиссы.

Можно привести еще десятки фактов, подтверждаемых американскими документами, о действии в Венгрии миссии США, возглавляемой Альбертом Халстэдом, об общем руководстве со стороны западных держав интервенцией против Венгерской Советской Республики и т. д.

Можно сослаться и на ряд работ, опубликованных в последние годы венгерскими и советскими историками, где разоблачена роль правительства США в организации интервенции против Венгрии. Да и многие из американских буржуазных историков признают это. «Мы помогли свергнуть коммунизм в Венгрии» [5],— пишет Е. Моурер в книге «Кошмар американской внешней политики».

Лоу в своей статье умышленно высказал только половину правды об участниках интервенции против Венгерской Советской Реслублики. А полная правда заключается в том, что объединенные силы внешней и внутренней контрреволюции выступили против этой республики и подавили ее. Правые лидеры австрийской социал-демократии, буржуазия Румынии, Чехословакии и Югославии несут ответственность за удушение пролетарской революции в Венгрии вместе с правящими кругами США, Англии и Франции. Но если говорить о степени участия в этом грязном деле всех душителей пролетарской революции в Венгрии, то открывает этот позорный ряд соотечественник автора рассматриваемой статьи Вудро Вильсон.

И. И. Орлик

---

[1] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States». T. 12. Washington. 1947, p. 385.

[2] Там же, стр. 416—419.

[3] Там же, стр. 459.

[4] Там же, стр. 460.

[5] E. Mowrer. The Nightmare of American Foreign Policy. New York. 1948, p. 9.

Антиисторическая схема упадка английской либеральной партии

«The Review of Politics». Notre Dame (Indiana). April 1960, vol. 22, № 2, pp. 187—201.

Американский буржуазный историк М. А. Фитцсаймонс в статье «Мидлотиан: триумф и крушение английской либеральной партии» обращается к одному из интересных эпизодов политической истории Великобритании XIX в.— агитационному турне Гладстона (1879—1880 гг.) по шотландскому графству Мидлотиан, во время которого он апеллировал непосредственно к массам с протестом против «империализма» Дизраэли, «в защиту прав малых народностей».

Внимание Фитцсаймонса сосредоточено на причинах «крушения» либеральной партии, о чем английская буржуазная историография говорить не любит.

Взгляд автора на историю упадка либеральной партии ретроспективный: современная английская либеральная партия, упорно отказывающаяся умирать,— в большой мере жертва своего успеха. Либерализм шире, чем либеральная партия, охватывает английское общество; некоторые из идей Р. Кобдена и Дж. Брайта возведены в закон, который охраняют и тори и лейбористы. Исторически группы, входившие в либеральную партию, не были спаяны, и партия становилась доминирующей национальной силой только тогда, когда во главе ее вставал выдающийся лидер (Гладстон, Ллойд Джордж). Либеральная партия в 1868—1894 гг. держалась престижем Гладстона, который «лелеял» свою партию, но в отличие от Дизраэли не придавал должного значения ее организации. Мидлотианская кампания принесла партии победу на всеобщих выборах 1880 г., которая, однако, уже с самого начала таила в себе семена раскола 2-го кабинета Гладстона 1880—1885 годов.

Вряд ли нужно комментировать антиисторизм автора, полное игнорирование им классовой природы либеральной партии, равно как и ненаучное освещение роли отдельной исторической личности. В последнем Фитцсаймонс лишь поддерживает реакционные традиции английской буржуазной историографии, в которой объяснение исторических явлений субъективной деятельностью отдельной личности имеет преобладающий характер. «Концепция» автора предопределяет его отказ от изучения социально-экономических факторов, выяснения классовой сущности политики либералов и консерваторов и ограничение круга «источников» преимущественно мемуарной литературой.

Рассмотрение социальной базы групп, входивших в либеральную партию, научный анализ расстановки сил внутри самой партии Фитцсаймонс подменяет формальной характеристикой вигов, пилитов, радикалов по «идейному» признаку. Радикалы в отличие от вигов и пилитов, сторонников вынужденных и умеренных реформ, имели, по мнению автора, конструктивные идеи. Но среди них не было согласия: одни оставались верными Кобдену и Брайту, другие склонялись к «интервенционизму и империализму» политиков более позднего времени (это ценное признание автор, конечно, не развивает).

Порочность методологии Фитцсаймонса вытекает в конечном счете из идеалистического толкования истории упадка английской либеральной партии. Все дело, по его мнению, было в радикалах, «в корне отличных» от вигов и пилитов. Голосование радикалов решало судьбы партии. Расхождение во взглядах радикалов и Гладстона, утверждает автор, было одной из главных причин поражения либералов на выборах уже в 1874 г. и крайнего обострения партийных разногласий во 2-м кабинете Гладстона.

Поражение либералов в 1874 г., после почти непрерывного двадцатилетнего пребывания у власти, и победа консерваторов, впервые добившихся абсолютного парламентского большинства, знаменовали собой начало упадка либеральной партии и возрождение консервативной в качестве главной партии английской буржуазии. Причины этого «сдвига» в английской двухпартийной политической системе лежали в изменениях экономической и социальной структуры Великобритании с переходом от «свободного» капитализма к монополистическому. Новые круги промышленной буржуазии, блокируясь с финансовым капиталом и крупным землевладением, сплачивались вокруг партии тори, которая возрождалась на платформе империализма. Империализм «требовал» усиления политической реакции по всей линии.

Автор старательно скрывает тот факт, что, придя к власти с программой «решительного противодействия» империализму Дизраэли, Гладстон, в сущности, продолжил его курс (достаточно вспомнить безжалостное подавление Ирландии, оккупацию Египта, завоевание Судана), нарушая «принципы» мидлотианской кампании. Это не могло не

углубить уже наметившуюся ранее трещину в либеральной партии. Оценка автором вождя либералов Гладстона типична для современной буржуазной историографии, которая идеализирует его внешнеполитический курс, упрекает в «непрактичности», восхваляет его мнимое бескорыстие, благородство и честность.

Г. И. Лоцманова

Исторические предпосылки и антиколониализм внешней политики Индии

«*Western Political Quarterly*». Salt Lake City. 1960, June, pp. 421—432.

Ричард Фонтера, автор статьи об основах внешней политики Республики Индии, отнюдь не первым среди американских буржуазных историков и публицистов затрагивает вопрос о международных позициях Индии. Нельзя сказать также, что автор вводит в оборот свежий фактический материал, обращается к новым источникам. Р. Фонтера, в сущности, пытается обобщить хорошо известные факты. Именно таким обобщением весьма примечательна и интересна его статья.

Как правило, американские буржуазные ученые, занимающиеся внешней политикой Индии, пишут в основном о действиях тех или иных лиц, рассматривают позитивный нейтралитет индийского правительства как следствие якобы «ошибок» и «заблуждений» Дж. Неру, «злой воли» коммунистов и т. п. Как справедливо подчеркивает Р. Фонтера, подобная постановка вопроса далека от истины. В этой связи он ставит перед собой цель показать объективные факторы, определяющие основные направления индийской внешней политики.

Заметим сразу же, что Фонтера остается целиком на буржуазных позициях. Он не видит классовой обусловленности политики индийского правительства. Тем не менее многие объективные условия, влияющие на позиции Индии в международных делах, правильно подмечены Р. Фонтерой. Фактически автор статьи, хотя и не понимает классовой природы внешней политики индийского государства, эмпирически нащупывает некоторые ее социальные предпосылки.

Р. Фонтера выдвигает в статье мысль об отличии индийского нейтрализма (так же как и политики других нейтральных государств Востока) от традиционного нейтралитета некоторых европейских буржуазных стран, подобных Швейцарии или Швеции. В отличие от этих последних, подчеркивает автор, внешняя политика Индии направлена не только на обеспечение неучастия страны в возможных войнах, но и на борьбу с остатками колониализма. Антиколониализм, по его выражению, составляет основу индийской внешней политики, существо нейтрализма стран Востока, завоевавших независимость после второй мировой войны.

Р. Фонтера подробно останавливается на исторических и экономических предпосылках антиколониальной направленности внешней политики индийского правительства. Он отмечает, что идеология и политические традиции правящей партии Индии — Национального конгресса — создавались в ходе длительной борьбы с английским колониальным режимом. Аналогичные традиции существуют и у других индийских политических партий. Исторически сложившаяся идеология антиколониализма, как справедливо указывает Фонтера, оказывает и неизбежно будет оказывать в дальнейшем огромное влияние на международную позицию нынешнего конгрессистского правительства и любого другого правительства Индии, которое может прийти к власти в будущем. Заметим, между прочим, что, рассматривая исторические корни современного индийского антиколониализма, автор делает весьма интересное наблюдение относительно международных связей национально-освободительного движения в Индии. Наиболее видные руководители Национального конгресса, такие, как М. Ганди и Дж. Неру, еще в 20—30-х годах указывали, что антиколониальная борьба в Индии является лишь частью борьбы с международным колониализмом. Естественно, что подобные традиции заметно сказываются и сегодня.

Однако, продолжает Р. Фонтера, антиколониальная направленность индийской внешней политики связана не только с историческими традициями. Пожалуй, еще большее значение имеют реальные условия современности. Завоевание политической независимости в 1947 г. явилось, по существу, лишь началом длительного периода ликвидации экономических последствий колониального ига. Нынешнее экономическое развитие Индии представляет собой борьбу с экономическим колониализмом, с неравноправным положением страны в системе мирового хозяйства, с экономической эксплуатацией со стороны более развитых капиталистических государств. Очевидно, что все эти обстоятельства оказывают прямое влия-

ние на внешнюю политику индийского правительства.

В заключительных разделах статьи автор кратко характеризует те черты внешней политики Индии, в которых, по его мнению, проявляется ее антиколониальная направленность. К этим чертам он относит прежде всего тесные связи и солидарность Индии со странами Азии и Африки. Сплочение афро-азиатских стран, как справедливо подчеркивает Р. Фонтера, основывается на общности их интересов в борьбе с современным колониализмом, а также на единстве антиимпериалистических традиций. Другим важным проявлением антиколониальной сущности индийского нейтрализма служат постоянные выступления Индии на всех международных форумах против остатков колониальной системы и международных сил, поддерживающих ее. Именно связь Соединенных Штатов с колониализмом составляет, по мнению Р. Фонтера, основу индийско-американских противоречий. В частности, пресловутое заявление Даллеса о поддержке португальских притязаний на Гоа породило бурю возмущения в Индии. Серьезную озабоченность у индийского правительства вызывает также позиция США в алжирском вопросе. Как отмечает Фонтера, в Индии понимают, что только союз с США позволяет французскому империализму сосредоточить почти всю свою армию в Алжире. Не удивительно, что Дж. Неру назвал агрессивный северо-атлантический блок стражем современного колониализма.

Р. Фонтера заканчивает свою статью призывом к руководителям американского правительства «добровольно и искренне» изменить политику в отношении стран Востока, отказаться от поддержки колониализма, предоставить широкую экономическую помощь бывшим колониям и полуколониям. В противном случае, по выражению автора, «непонимание» между Западом и афро-азиатскими странами сохранится и в будущем. Наивность рассуждений о «добровольном» отказе империалистических стран от колониализма совершенно очевидна. Но призывы Фонтера подчеркивают объективный характер противоречий между империализмом и экономически слаборазвитыми странами и, по существу, лишний раз подтверждают (так сказать, «от противного») неизбежность антиколониальной направленности внешней политики Индии и других нейтральных стран Азии и Африки.

Л. А. Гордон

Историография Бразилии. 1808—1889.

«The Hispanic American Historical Review». Durham. 1960. Vol. XL, № 2, pp. 234—278.

В журнале помещена большая историографическая статья, посвященная крупнейшей стране Латинской Америки — Бразилии. Автором ее является известный специалист по истории Латинской Америки, написавший несколько крупных работ по экономическим проблемам латиноамериканских стран, профессор Принстонского университета (США) Стэпли Дж. Стейн. В подготовке статьи к печати принимали участие видные буржуазные ученые С. Гибсон, Р. А. Хэмфри, А. К. Манчестер, А. Мэрчент и др.

Чем можно объяснить этот интерес к проблемам бразильской историографии со стороны буржуазных ученых США? В чем главная задача предпринятого Стейном, по его собственным словам, «критического» обзора литературы по истории Бразилии XIX в., вышедшей за 40 лет после первой мировой войны?

Это объясняется главным образом стремлением ученых США произвести переоценку ценностей, по-новому интерпретировать ряд устоявшихся научных концепций по истории Бразилии, дабы попытаться убедить массы в «справедливости» тех оценок, которые в настоящее время наиболее выгодны североамериканским монополистическим кругам. Одним словом, в основе лежит погоня за прагматическим использованием истории в интересах современной политики США в Латинской Америке.

Статья Стейна изобилует названиями многих десятков исторических работ, часть которых он разбирает более или менее подробно. Некоторые моменты в статье Стейна носят обобщающий характер, и о них стоит упомянуть. Так, Стейн совершенно справедливо замечает, что с каждым годом историографический анализ значительно усложняется. Это происходит по двум причинам: во-первых, растет число самих исследовательских работ, во-вторых,— и это главное — «для исторических публикаций последних лет по сравнению с предыдущим периодом становятся все более характерными их меньшая описательность и постоянно возрастающая аналитичность». Это отражает, как подчеркивает Стейн, «возросший профессионализм самой исторической науки», но в то же самое время неизмеримо усложняет историографическое осмысливание ее достижений.

Повышенный интерес самих бразильцев к изучению истории своей страны Стейн объясняет тем, что они все настойчивее «ищут в прошлом традиции современного национализма». Стейн считает, и здесь с ним нельзя не согласиться, что правление Жетулио Варгаса (1930—1945 гг.) привело к глубокой переоценке прошлого Бразилии, в частности значения империи в формировании бразильского государства и вообще политической истории Бразилии XIX века. В настоящее время, заметим мы, эта переоценка продолжается, но уже с других позиций. Об этом, кстати, свидетельствует и работа самого Стейна, который не случайно поставил своей целью по-новому проанализировать развитие «главных течений в современной историографии».

Стейн, следуя традиционной схеме, выдвинутой бразильскими буржуазными историками еще в XIX столетии, рассматривает период с 1808 по 1889 г. как «первый большой этап в развитии современной Бразилии». Хронологическими рамками этого этапа являются два события: прибытие в 1808 г. в Рио-де-Жанейро бежавшего от наполеоновских войск португальского регента дона Жуана VI и провозглашение в 1889 г. Бразильской Республики.

Эпоху империи Стейн разделяет на следующие этапы: 1) 1808—1831 гг.— период от прибытия в страну Жуана VI до отречения от престола его сына Педро I (в действительности оба эти события отнюдь не привели и не могли привести к каким-либо серьезным изменениям в жизни бразильского народа); 2) 1831—1849 гг.— период регентства и первые 10 лет правления Педро II до революции «прайера» в Пернамбуко и, наконец, 3) с 1849 по 1888—1889 гг., то есть до отмены в Бразилии рабства и провозглашения республики. Последние 20 лет империи (1870—1889 гг.) Стейн предлагает выделить в самостоятельный этап, характеризующийся в основном подъемом аболиционистского движения и борьбой за республику, и с этим можно, думается, согласиться, равно как и с особым выделением 1849 года.

Однако в целом подобная периодизация не является научной, так как игнорирует главное — развитие экономики и классовой борьбы в Бразилии, сосредоточивая все внимание на вопросах политической жизни правящей элиты бразильской монархии. Данная схема полностью игнорирует, например, такое крупнейшее революционное событие в жизни Бразилии, как завоевание в 1822 г. национальной независимости и свержение португальского колониального гнета. Борьба за независимость вообще выпадает из поля зрения Стейна, как, впрочем, и ряда других буржуазных историков. Да это и понятно, если учесть, что буржуазной науке в настоящее время особенно невыгодно акцентировать внимание на революционных выступлениях против колониализма, за национальную независимость.

В современной буржуазной историографии доминирует точка зрения (и Стейн ее молчаливо разделяет), что монархия явилась в целом положительным явлением, так как «спасла Бразилию от внутренней анархии и предотвратила ее распадение на мелкие самостоятельные государства». Но в результате этого, признает Стейн (и тут он делает шаг вперед), «Бразилия осталась оплотом реакции во всей Латинской Америке».

Стейн прав, когда отмечает, что история революционных движений второй четверти XIX в., оказавших большое воздействие на дальнейшее развитие классовой борьбы в стране, изучена крайне недостаточно. До первой мировой войны, пишет Стейн, в основном считали, что эти выступления не что иное, как «плохо продуманные восстания в казармах»; подлинную историю революционной борьбы нередко вообще замалчивали, всячески восхваляя монарха, «порядок и законность». Современные историки относятся к этим сюжетам терпимее, «с большей симпатией». Стейн объясняет это не только весьма большим промежутком времени, который отделяет нас от тех событий, но главным образом желанием бразильских исследователей провести связь революционных движений второй четверти XIX в. с событиями 1922, 1924, 1930, 1932, 1935 и 1937 годов.

Характерно, что Стейн при этом валит в одну кучу совершенно несовместимые явления — революционные восстания прогрессивного офицерства в 1922 и 1924 гг. и междоусобную войну за власть между буржуазно-помещичьими кликами в 1932 г., государственный переворот, совершенный Варгасом в 1930 г., насильственное введение им фашистской конституции в 1937 г. и славные революционные события 1935 г., когда прогрессивные силы страны во главе с Компартией создали Национально-освободительный альянс и подняли народ на антиимпериалистическую и антифеодальную революцию. Подобное смешение нужно Стейну лишь для того, чтобы запутать чи-

тателя, смазать подлинный смысл исторических явлений.

Стейн называет много книг и аннотирует их. Однако почти невозможно понять, какова же его собственная оценка таких выдающихся событий, как революция 1817 г. в Пернамбуко, революция 1833—1836 гг. в Амазонас и Пара, революция «фаррапос» в Рио-Гранде-до-Сул (1835—1845 гг.), революция «прайера» 1848—1849 гг. в Пернамбуко и др.

Некоторые замечания Стейна нельзя не признать верными. Так, он справедливо считает, что революция «прайера» явилась, по существу, «бразильским вариантом 1848 года». Вместе с тем Стейн не выступает против лживой версии о том, что все революционные выступления 30—40-х годов XIX в. были лишь «волнами, рожденными в Париже», и якобы не имели достаточных внутренних причин. В этом противоречивость позиции Стейна.

Напрасно Стейн старается внушить читателю мысль о своей беспристрастности и объективности. Его статья — яркий образчик современной буржуазной историографии США, стремящейся подновить историю в соответствии с интересами монополистических кругов.

Б. И. Колыбин

Искаженная история идейного разгрома народничества в России

«The American Slavic and East European Review». New York. 1960. Vol. 19, pp. 157—179.

Сотрудник Чикагского университета Аллен Уайлдмен выступил со статьей «Русская интеллигенция 1890-х годов». Судя по названию, можно подумать, что автор собирается дать картину сложной и многосторонней жизни интеллигенции конца прошлого века, ее наиболее выдающихся представителей. Однако читатель не найдет в статье Уайлдмена даже всемирно известных имен русских писателей или художников. Нет в статье и общей характеристики интеллигенции как социальной прослойки. Самое слово «интеллигенция» Уайлдмен понимает весьма своеобразно. «Если человек не проявлял склонности к «кружковщине»,— пишет он,— то это было признаком, что в каком-то отношении он не был интеллигентом. По этой причине к интеллигенции не принадлежит Толстой, который был неизлечимым индивидуалистом. С другой стороны, его последователи были типичными интеллигентами». Эта нелепая трактовка отражает ту намеренную путаницу, которую создают современные буржуазные историки в вопросе об идейных течениях и идеологической борьбе в дореволюционной России.

На самом деле Уайлдмен пишет совсем не об интеллигенции в целом, а только о некоторых ее представителях из среды либеральной буржуазии. Больше всего занимает автора вопрос о «причинах» победы в России марксистского учения.

«Почему,— спрашивает Уайлдмен,— марксизм приобрел такую власть над умами и чем объяснить, что он вытеснил более старую и упрочившуюся идеологию народничества?» Но дать ответ Уайлдмен не может. Он вынужден сразу же признать свою беспомощность и пытается «объяснить» ее (это объяснение так же нелепо, как и аргументация всех остальных положений Уайлдмена). «На этот вопрос трудно ответить,— пишет автор,— поскольку он носит неопределенный психологически-эмоциональный характер и поскольку причиной этого явления были разные элементы, значение каждого из которых трудно отделить и определить».

Следуя распространенному в западной историографии приему представлять русскую историю как случайное стечение обстоятельств, Уайлдмен изображает случайным и упрочение марксизма в России. Он не дает анализа действовавших в России экономических сил, не показывает возникновения и развития рабочего движения. Между тем без изучения этих вопросов нельзя правильно оценить антиправительственные выступления либеральной интеллигенции, которым в статье уделено много внимания и для объяснения которых автор находит лишь одну причину: «неумную» политику царского правительства.

Как и многие западные буржуазные историки, Уайлдмен пытается принизить значение победы марксистской теории над идеалистическими доктринами народников. Он совершенно замалчивает выдающуюся роль В. И. Ленина в идейном разгроме народничества и даже имя его упоминает лишь мимоходом. Возмущение вызывает вульгарное, нарочито упрощенное и извращенное изложение автором основ марксизма. То же желание исказить роль марксистского учения движет Уайлдменом, когда он заявляет, что якобы лишь немногие марксисты в России знали «Капитал». Это абсурдное утверждение противоречит свидетельству самого Маркса, еще в 1880 г. отмечавшего, что

«Капитал» в России «больше читают и ценят, чем где бы то ни было»[1].

Вместо того, чтобы дать объективную картину идеологической борьбы в России того времени, Уайлдмен занимается бесплодными поисками «психологически-эмоциональных» оснований для объяснения победы марксистского учения. Он проявляет преувеличенный интерес к воспоминаниям Чернова, Мартова, Маклакова, Поссе, Струве и преуменьшает значение победы марксистов-ленинцев над народниками. Эта победа для Уайлдмена — всего лишь временное явление.

Несостоятельность вышеизложенных утверждений Уайлдмена совершенно ясна. Именно марксистский анализ закономерностей общественного развития показал всю бесплодность народнических идей и в последующие десятилетия неизменно помогал партии большевиков одерживать ее всемирно известные победы.

Уайлдмен не может не согласиться с некоторыми положениями марксизма-ленинизма. Так, он вынужден признать правильность марксистских прогнозов о развитии капитализма в России и согласиться, что исторический спор между народничеством и марксизмом «был решен самой жизнью».

Все попытки буржуазных историков бросить тень на марксистское учение, извратить обстоятельства, сопутствовавшие его распространению в России, оказываются безуспешными. Статья Уайлдмена служит красноречивым свидетельством тщетности попыток буржуазных идеологов опровергнуть марксизм-ленинизм.

М. Г. Панкратова

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1953, стр. 339.

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ *

Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII века. М. 1958. 421 стр. Рец.: А. С. — «Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1960, № 1, pp. 219—220.

Бакланова И. А. Рабочие-судостроители России в XIX веке. М.-Л. 1959. 237 стр. Рец.: I. O.— «Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1960, № 1, pp. 220—221.

«Всемирная история». В 6-ти тт. Т. 2. Пер. на румын. яз. Bucureşti. 1959. 904 p. Рец.: Popescu A.— «Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1960, № 3, pp. 209—217.

«Вторая мировая война 1939—1945 гг.». Военно-ист. очерк. М. 1958. 931 стр. Рец.: Dobroszycki L.— «Kwartalnik hist.». Warszawa. 1960, № 1, s. 256—257.

Галан Х. М. Крушение монархии в Испании 1917—1931 гг. М. 1959. 136 стр. Рец.: A. Š.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960, № 3, s. 426.

Зайончковский П. А. Кирилло-мефодиевское общество (1846—1847). М. 1959. 172 стр. Рец.: Wierzchowski M.— «Przegląd hist». Warszawa. 1960, № 2, s. 607—611.

«Из истории науки и техники Китая». Сб. статей. М. 1955. 182 стр. Рец.: Sollohub A.— «East and West». Rome. 1960, vol. 11, № 2—3, pp. 219—221.

Кожевникова Л. П. Рабочее и социалистическое движение во Франции в 1917—1920 гг. М. 1959. 288 стр. Рец.: I. O.— «Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1960, № 3, pp. 260—262.

Кравец М. М. Нариси робітничого руху в Західній Україні в 1921—1939 рр. Київ. 1959. 236 стр. Рец.: J. M l.—«Československý časopis hist.». Praha. 1960, № 4, s. 610.

Липило П. П. КПБ — организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Минск. 1959. 259 стр. Рец.: I. O.— «Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1960, № 1, pp. 218—219.

Мазуров В. М. Антияпонская вооруженная борьба корейского народа 1931—1940 гг. М. 1958. 104 стр. Рец.: N. N.— «Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1960, № 3, pp. 264—265.

Никифоров Л. А. Внешняя политика

* Перечень рецензий составлен сотрудниками сектора науки Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР по журналам, поступившим в ФБОН в течение октября 1960 года.

России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М. 1959. 498 стр. Рец.: C. Ş.— «Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1960, № 3, pp. 259—260.

«Новая история стран зарубежной Азии и Африки». Л. 1959. 592 стр. Рец.: W. Z. L.— «Soviet survey». London. 1960, № 31, p. 98.

«Новейшая история». Учебное пособие. Ч. 1—2. М. 1958—1959. Ч. 1. 567 стр. Ч. 2. 672 стр. Рец.: M. Hü.—«Československý časopis hist.». Praha. 1960, № 3, s. 428—429.

«Новейшая история Индии». М. 1959. 760 стр. Рец.: 1) Liebscher G.— «Zeitschr. für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1481—1487; 2) Morris G. B. India and Pakistan 1935—1960. The Soviet version. «Soviet survey». London. 1960, № 33, pp. 55—61.

Осечинський В. К. Галичина під гнітом Австро-Угорщины в епоху імперіалізму. Львів. 1954. 183 стр. Рец.: Dunin-Wąsowicz K.— «Kwartalnik hist». Warszawa. 1960, № 1, s. 246—248.

Петерс И. А. Співдружність чехословацького і радянського народів у боротьбі проти фашизму в року Другої світової війни. Київ. 1959. 212 стр. Рец.: J. D.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960, № 3, s. 434—435.

Поляков Ю. А. Московские трудящиеся в обороне советской столицы в 1919 г. М. 1958. 226 стр. Рец.: N. N.— «Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1960, № 3, pp. 257—259.

Прибыткова А. М. Памятники архитектуры XI в. в Туркмении. М. 1955. 116 стр. Рец.: Sollohub A.— «East and West». Rome. 1960, vol. 11, № 2—3, pp. 187—189.

«Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории». М.-Л. 1958. 603 стр. Рец.: M. P.— «Arhivist». Beograd. 1960, № 2, s. 69—70.

Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV веках. М.-Л. 1959. 282 стр. Рец.: Grabski A. F.— «Kwartalnik hist.». Warszawa. 1960, № 3, s. 762—764.

Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XII вв. М.-Л. 1956. 184 стр. Рец.: Hermann J.— «Praehist. Zeitschr.». Berlin. 1959. Bd. 37, Hf. 4, S. 227—241.

Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. М. 1958. 623 стр. Рец.: J. Sv.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960, № 4, s. 606.

Рутенбург В. И. Народные движения в городах Италии XIV — нач. XV в. М.-Л. 1958. 383 стр. Рец.: F. Š.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960, № 4, s. 598.

«Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». М. 1959. 551 стр. Рец.: J. D.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960, № 4, s. 611.

Сурченко А. И. Героическая оборона Москвы 1941 г. М. 1957. 104 стр. Рец.: Rude F.— «Bull. du Comité d'histoire de la 2-e guerre mondiale». Paris. 1960, № 84, p. 13.

«Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик». *Сб. документов* 1917—1936 в 3-х тт. М. 1959—60. Рец.: Миланов Ж. Документи на велика епоха. «Правна мисъл». София. 1960, № 4, с. 134—137.

Фотиева Л. А. Из жизни Ленина. М. 1959. 152 стр. Рец.: Reisberg A.— «Zeitschr. für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1499.

«Французский ежегодник. 1958». Статьи и материалы по истории Франции. М. 1959. 615 стр. Рец.: Leśnodorski B.— «Kwartalnik hist.». Warszawa. 1960, № 3, s. 831—833.

Шастина Н. П. Русско-монгольские отношения XVII века. М. 1958. 183 стр. Рец.: Sollohub A.— «East and West». Rome. 1960, vol. 11, № 2—3, pp. 199—201.

Шерман И. Л. Русские исторические источники X—XVIII вв. Харьков. 1959. 252 стр. Рец.: V l. N — «Československý časopis hist.». Praha. 1960, № 3, s. 420—421.

Шестаков М. Г. Борьба Ленина против идеалистической социологии народничества. М. 1959. 218 стр. Рец.: Reisberg A.— «Zeitschr. für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1499—1500.

Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М. 1957. 512 стр. Рец.: Oliva P.— «Československý časopis hist.». Praha. 1960, № 3, s. 347—350.

Хроника научной жизни

ШЕСТОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ

Международные конгрессы антропологов и этнографов происходят один раз в четыре года[1]. Шестой конгресс состоялся 30 июля—6 августа 1960 г. в Париже. Сюда съехалось более тысячи ученых из разных стран мира. Советская наука была представлена 18 специалистами во главе с член.-корр. АН СССР С. П. Толстовым.

После официальных приветствий на конгрессе были заслушаны речи его президента проф. А. Валлуа и глав делегаций некоторых стран. Руководитель советской делегации С. П. Толстов подчеркнул в своем выступлении значение антропологии и этнографии в научной пропаганде и борьбе за равноправие всех рас и народов, за мир во всем мире.

На конгрессе состоялось два пленарных заседания с докладами на общие темы. Один из них по предложению Оргкомитета конгресса сделал советский антрополог проф. Г. Ф. Дебец, другой — представитель этнографической науки США проф. М. Герсковиц.

Темой доклада Г. Ф. Дебеца послужила одна из сложных и остро дискутируемых в антропологии проблем — о направлении и характере изменений в строении человека современного типа. На обширном материале Г. Ф. Дебец проследил изменения, которые претерпело строение черепа человека начиная с эпохи позднего палеолита, и критически рассмотрел различные гипотезы о факторах этих изменений (отбор, влияние среды, образа жизни и пр.). Некоторыми зарубежными авторами, не учитывающими роль среды в современном обществе, высказываются предположения о том, что физический тип человека будущего будет резко отличаться от современного, что изменения, происходившие на протяжении последних тысячелетий, будут наблюдаться в том же направлении и в дальнейшем и в конце концов могут привести даже к формированию нового вида человека. По мнению докладчика, эти взгляды не могут считаться обоснованными.

Проф. Герсковиц озаглавил свой доклад «Гуманизм в науках о человеке». Однако содержание доклада не вполне соответствовало его названию: речь шла о различном подходе к изучению человека — с точки зрения гуманитарных наук и наук естественноисторических. Проф. Герсковиц известен как защитник теории культурного релятивизма и теории «ценности», которые ныне модны в этнографии США. Последователи этих теорий отрицают прогресс, считая, что все изменения, которые происходят в развитии культуры, относительны и не могут быть расценены как «прогресс» или «регресс». В основе этой концепции лежит отрицание определенных закономерностей в развитии общества. Сторонники названной теории не признают последовательности в смене одних форм общественных отношений другими, отрицают единство исторического процесса. В специальных этнографических исследованиях это находит отражение в конструировании многолинейной эволюции культурных явлений, что было заметно, в частности, и по докладу М. Герсковица.

На конгрессе были организованы многочисленные секции и подсекции по трем основным разделам: антропология, этнология, музееведение. Последний из них, представленный небольшой программой, не привлек к себе сколько-нибудь значительного внимания.

Советские ученые приняли участие в работе ряда секций, прежде всего в секции общей этнологии и методологии (подсекция «Общие вопросы»). Здесь выступали виднейшие представители зарубежных научных школ. Австрийский этнограф В. Копперс, возглавивший после смерти В. Шмидта «венскую католическую школу» в этнографии, выступил с докладом «Происхождение государства». Докладчик пытался доказать наличие зачатков государства уже у неандертальцев. Но он не привел (да и не смог бы привести) никаких конкретных материалов в доказательство своей «теории». Нетрудно уловить связь положений докладчика с программными установками «венской

[1] Первый конгресс состоялся в Лондоне в 1934 г., второй — в Копенгагене в 1938 г., третий (после десятилетнего перерыва) — в Брюсселе в 1948 г., четвертый — в Вене в 1952 г., пятый — в Филадельфии в 1956 году. На конгрессе в 1956 г. впервые присутствовала делегация Советского Союза.

школы», устами своего основателя патера В. Шмидта провозгласившей извечность частной собственности и поставившей на службу этой концепции деятельность многочисленной армии миссионеров, группирующихся вокруг журнала «Anthropos» и направляемых для сбора соответствующего материала в различные страны мира. С возражениями В. Копперсу выступил С. П. Толстов.

Итальянский ученый Р. Биасутти, редактор и один из авторов известного многотомного издания «Расы и народы земли», посвятил свой доклад вопросу о географическом методе в этнографии. Он подверг рассмотрению метод так называемой культурно-исторической школы; но его доклад не содержал конструктивных положений. П. Скотти (Италия) выступил с докладом, в котором предложил заменить термин «этнология» термином «антропология» (с подразделением на «физическую» и «культурную»). Подобное деление существует в науке англо-американских стран. Однако это предложение вызвало серьезные возражения.

К сожалению, по многим докладам сколько-нибудь обстоятельной дискуссии не могло развернуться ввиду жесткого регламента.

Интересно прозвучал доклад молодого ученого ГДР И. Сельновой, в котором был обоснован тезис о том, что только теория исторического материализма позволяет правильно разрешать вопросы о локальных и общих закономерностях в развитии культуры. Советский делегат поддержал в своем выступлении положения И. Сельновой.

Общим проблемам были посвящены доклады советских ученых: «Основные теоретические проблемы современной советской этнографии» (С. П. Толстов), «Основные черты развития систем родства» (Д. А. Ольдерогге), «Этнографические и антропологические материалы как исторический источник (к методологии изучения бесписьменных народов)» (М. Г. Левин). Эти доклады привлекли большое число слушателей и вызвали оживленное обсуждение. Вопросам изучения современной культуры и быта народов СССР посвятили свой коллективный доклад В. Ю. Крупянская, Л. П. Потапов и Л. Н. Терентьева («Основные проблемы этнографического изучения народов СССР»). Выступивший в прениях С. П. Толстов развил те положения докладчиков, которые касались процессов национальной консолидации и вызвали, судя по вопросам, особый интерес у аудитории. Он осветил на конкретном материале, как протекают эти процессы у разных народов СССР (консолидация малых народностей и этнографических групп в Дагестане, постепенное слияние припамирских народов с таджикской нацией, этнические процессы у малых народов Крайнего Севера и др.). Кроме того, следует отметить интересные доклады чехословацких этнографов: Б. Филовой «Актуальные методологические вопросы словацкой этнографии» и О. Скальниковой «Этнографические исследования в индустриальных районах Чехословакии».

Помимо докладов советских и чехословацких делегатов, на конгрессе не было сообщений, которые касались бы вопросов современности.

На секции «Историческая этнология и народные традиции» был заслушан доклад В. К. Соколовой «Фольклор как исторический источник». Вопросам этногенеза — теме, широко разрабатываемой в советской науке,— посвятила свой доклад Т. А. Жданко («Проблема этногенеза каракалпаков»). Большинство докладов зарубежных ученых на этой секции касалось частных вопросов— из сферы обрядов, пережитков — и носило чисто описательный характер.

На секции «Археологическая и преисторическая этнология» выступил советский археолог А. Я. Брюсов. Он рассмотрел вопрос о «культуре боевых топоров» в связи со сложной проблемой формирования индоевропейских народов.

Доклады ряда советских делегатов, а также тех ученых СССР, которые не являлись делегатами конгресса, были напечатаны на французском языке и вручены участникам конгресса (это были единственные доклады, представленные в полном объеме; доклады зарубежных ученых были напечатаны только в виде кратких тезисов или даже совсем не печатались предварительно): Г. С. Читая — о горном земледелии в Грузии; В. В. Бардавелидзе — «О раннерабовладельческих отношениях по грузинским пережиточным этнографическим данным»; Р. Л. Хорадзе — о проблеме неразделенной семьи по материалам народов Грузии; А. И. Робакидзе — «Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем»; И. С. Гурвича — «Этнография и процессы реконструкции хозяйства, культуры и быта малых народов Крайнего Севера» (в секции «Культурные изменения, прикладная этнология, миграции»); Л. П. Потапова — «Основные

принципы экспозиции в этнографических музеях СССР» (по тематике музееведения). Большая работа, проводимая в Институте этнографии АН СССР над составлением историко-этнографического атласа русского народа, была отражена в коллективном докладе О. А. Ганцкой, Г. С. Масловой и Д. В. Найдич.

Мы не будем касаться здесь антропологических докладов, предметом рассмотрения которых были специально биологические вопросы, а назовем лишь доклады советских ученых по этнической антропологии как области, теснее всего связанной с историческими науками. Именно в этой области антропологические и палеоантропологические материалы используются в качестве исторического источника для решения этногенетических проблем. По этим вопросам были заслушаны доклады Т. А. Трофимовой («Палеоантропология и происхождение человека»), М. С. Акимовой («Антропологические данные о происхождении народов Волго-Камья») и В. П. Якимова («Население европейской части СССР в позднем палеолите и мезолите»). Кроме того, делегаты ознакомились с напечатанными для конгресса докладами В. В. Бунака («Антропологические типы русского народа и некоторые проблемы их истории»), В. В. Гинзбурга («Краниологические материалы из Северного Казахстана»), В. П. Алексеева («Заселение территории Южной Сибири человеком в свете данных палеоантропологии»).

Большое внимание привлек доклад М. М. Герасимова «Восстановление лица по черепу». В дар Музею Человека, в помещении которого (дворец Шайо) протекала работа большинства секций, были переданы три выполненные М. М. Герасимовым реконструкции.

Помимо секций, на конгрессе были созданы рабочие группы, в задачу которых входило объединение специалистов для обсуждения отдельных проблем или согласования исследований в разных областях знания. Советские ученые приняли участие в работе некоторых групп. На заседании группы по проблемам этногенеза автору этих строк довелось рассказать о проводимых в СССР исследованиях и на примере некоторых народов Сибири продемонстрировать освещение вопросов их этногенеза по данным этнографии, археологии и антропологии.

Центральным вопросом, стоявшим на рассмотрении группы «Общие проблемы археологии, истории и этнологии», был вопрос о координации работ в указанных дисциплинах. Выяснилось, что во многих странах ученые встречаются с большими трудностями в осуществлении такой координации. Иное положение существует в нашей стране. С большим интересом были выслушаны выступления советских ученых, которые познакомили участников конгресса с практикой организации в СССР комплексных экспедиций, а также совместных работ историков, этнографов, археологов и лингвистов.

Необходимо подчеркнуть, что на конгрессе господствовал дух сотрудничества и взаимопонимания. Советская делегация встречала не только внимательное, но и самое дружественное отношение как со стороны руководителей конгресса, так и со стороны подавляющего большинства его участников.

Во время конгресса состоялось заседание его Постоянного комитета. Старейший итальянский антрополог С. Серджи, сославшись на широкий размах этнографических и антропологических исследований в Советском Союзе, внес предложение просить Академию наук СССР созвать следующий конгресс в Москве в 1964 году. Это предложение было принято с большим воодушевлением на заключительном заседании конгресса. Председателем Оргкомитета следующего конгресса избран С. П. Толстов, секретарями — Г. Ф. Дебец, И. И. Потехин, а также А. Леруа-Гуран (Франция).

М. Г. Левин

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

С 1 по 10 июля 1960 г. в Каракасе заседала «Конференция круглого стола», посвященная истории освободительного движения в испанских колониях Америки. Конференция была созвана исторической комиссией Панамериканского института географии и истории (ПИГИ) в связи со 150-летием войны за независимость испанских колоний. В ней приняло участие свыше 60 ученых-латиноамериканистов. Кроме представителей ПИГИ, в конференции участвовали академики и члены-корреспонденты венесуэльской Национальной академии истории, представители Комитета по изучению происхождения и развития освободительного движения в Ибероамерике, Боливарийского общества, Исполнительного комитета по проведению торжеств, связанных со 150-летием независимости Венесуэлы, и ряд историков из других республик и из некоторых европейских стран.

Президентом конференции был избран известный мексиканский историк Сильвио Саваля, секретарем — венесуэльский академик Гильермо Морон.

Конференцию открыл профессор Кристобал Л. Мендоса, президент венесуэльской Национальной академии истории и председатель подготовительного комитета конференции, который в своем выступлении затронул ряд принципиальных вопросов, связанных с историографией движения независимости. Он указал, что анализ социально-экономических причин освободительного движения опровергает реакционный тезис, согласно которому война за независимость возникла «случайно», в результате крушения бурбонской монархии. Война за независимость, сказал академик Мендоса, явилась результатом социально-экономических процессов, назревавших в колониальном обществе; в более широком смысле она была частью общего процесса развития человеческого общества. Мендоса осудил «макиавеллиевский тезис» апологетов колониализма, согласно которому движение за независимость якобы не имело местных корней и явилось будто бы результатом «беспредельных амбиций» его вождей и присущего им «жалкого инстинкта» имитации чуждых характеру латиноамериканских народов событий в Европе (имеется в виду Французская революция конца XVIII века).

Мендоса подчеркнул необходимость шире развернуть исследования, освещающие участие в войне за независимость различных этнических групп (индейцев, негров и т. д.), а также влияние освободительного движения на расовую интеграцию, на формирование наций в Латинской Америке. Затем конференция заслушала доклады и сообщения, большинство которых представляет серьезный научный интерес.

К числу таких принадлежит, в частности, доклад венесуэльского академика Карлоса Фелисе Кардоты на тему «Восстания, мятежи и массовые движения против испанских властей в Венесуэле (1730—1781)». В докладе подробно проанализированы экономические корни народного сопротивления колониальному режиму, а также восстания и прочие выступления негров, индейцев и свободных поселенцев против колонизаторов, характер этих выступлений и их влияние. Автор приходит к выводу, что эти движения, предшествовавшие войне за независимость, носили стихийный характер, не были связаны друг с другом, а их вожди не выдвигали общенациональных задач. Несмотря на свою ограниченность, эти движения сыграли огромную роль в подготовке условий для мобилизации народных масс на борьбу за независимость.

В подобном же плане выдержана и работа боливийского историка Аугуста Гусмана «Движения за освобождение Америки в XVIII в.». Автор подчеркнул антиколониальный характер этих движений.

Много новых фактов содержат доклады: венесуэльца проф. Х. Габальдона Маркеса «Муниципий — основа республики», мексиканца И. Рубио Манье «Предпосылки независимости в Испанской Америке», сальвадорца Т. Ф. Хименеса «Участие индейцев в освободительных движениях в Сальвадоре», венесуэльца М. Акоста Сайнеса «Негры — симарроны в Венесуэле», кубинца Э. Ентрального «Расовые компоненты в освободительном движении Кубы», перуанки Эллы Дунбар Темпл «Идейная эволюция креолов и их отношение к вопросу об «индейской нации». Интересны доклады, в которых предпринимается попытка дать синтетическую картину движения за независимость во всей Латинской Америке, выявить его закономерности и движущие силы: мексиканца С. Саваля «Конец евро-

пейского владычества в Америке», чилийца Р. Доносо «Очерк истории движения за независимость Испанской Америки», венесуэльцев М. Переса Виля «Соображения о возможном синтезе истории испано-американской независимости» и Х. Иепес дель Посо «Великая война за независимость с социологической точки зрения и, в частности, об участии в ней социально-экономических групп».

Особо следует отметить содержательные доклады, представленные на конференцию известным перуанским историком Д. Валькарселем: «Тупак Амару, предвестник социальной справедливости в Америке и независимости Перу», «Первая трещина в верноподданническом сознании населения колоний» (автор считает, что такая трещина была вызвана войной за испанское наследство), «Социальные, экономические и культурные предпосылки освобождения колоний», «Общность прогрессивных взглядов предшественников независимости», «Просветительная деятельность Освободителя Боливара в Перу», «Основные принципы обобщающего труда, посвященного истории американских освободительных движений», «Критика социальной деятельности испаноамериканского креола после освобождения».

Содержание докладов Валькарселя показывает, что в общей оценке колониального периода и по вопросу роли народных масс в освободительной борьбе перуанский историк стоит на прогрессивных позициях. Нам хотелось бы высказать несколько критических замечаний только по поводу последнего (в нашем перечне) его доклада, в котором дается оценка роли креола в обществе после освобождения. Автор задает вопрос: чем объяснить тот факт, что освобождение от колониального гнета не принесло социального освобождения, не вызвало революционных изменений в социальной структуре общества? Согласно мнению автора, причина заключается в том, что создание независимых республик благоприятствовало только креолам и небольшой кучке их метисских «клиентов». Креолы в результате слабого развития в обществе чувства «социальной ответственности» превратились в олигархию, ликвидация которой является сегодня исторической необходимостью.

Такой анализ вряд ли может удовлетворить читателя. Если ставить вопрос о том, почему большинство креолов после освобождения стало помещиками-олигархами, а не капиталистами, то ответ на него надо искать в экономике колониального общества. Война за независимость по своим задачам носила характер буржуазной революции, однако она не переросла в подлинную буржуазную революцию ввиду того, что производительные силы общества были недостаточно развиты, а только еще зарождавшаяся буржуазия была очень слаба. К этому следует добавить, что после завоевания независимости в Латинскую Америку хлынули торговцы и спекулянты из США, Англии, Франции и других капиталистических стран. Подчинение экономики латиноамериканских стран интересам иностранных монополий в период империализма также способствовало засилью олигархии. Сегодня же ликвидация экономического и политического влияния олигархии тесно связана с освобождением национальной экономики от пут империализма США.

На конференции было несколько докладов, написанных с откровенно реакционных, антинаучных позиций. Так, североамериканский профессор Артур Р. Уитейкер в докладе «Идеология просвещения и независимость Испанской Америки» вновь пытался опровергнуть давно установленный исторический факт, а именно революционное значение влияния просветителей на идеологов освободительной борьбы. Уитейкер уже многие годы защищает этот реакционный тезис. Со своей «теорией» он выступал, как известно, и на X Международном конгрессе исторических наук в Риме в 1955 году. Уитейкер утверждает, что так как идеология просвещения якобы не являлась сама по себе революционной, то поэтому она не могла служить источником революционного вдохновения для вождей освободительной войны.

Идеи Руссо, Вольтера, Монтескьё и других просветителей в той степени, в которой они отражали интересы тогда революционного класса буржуазии, были революционны, и именно так их воспринимали вожди войны за независимость. Уитейкер отрицает это, ибо он стремится доказать «случайный» характер войны за независимость, обусловленной якобы такими внешними обстоятельствами, как захват Испании Наполеоном. Именно этот реакционный тезис и был осужден в упомянутом уже нами выступлении академика Мендосы.

Колумбийский историк М. Агилера в докладе «Характерные испанские черты в аме-

риканском освобождении» начисто отрицал тот очевидный факт, что война за независимость носила освободительный, антиколониальный характер и что ей предшествовали многочисленные выступления народных масс против колониального гнета. «Причины явлений,— утверждает Агилера,— следует искать вовсе не там, где их находит неотесанная толпа». А где же? Оказывается, согласно Агилера, эти причины заключаются в «достоинствах испанской расы», благородство которой проявилось как при конкисте, так и в период освободительной войны. Остается непонятным одно: против кого воевали патриоты в течение 15 лет, не против ли самих себя?! Подобные рассуждения не стоили бы внимания, если бы с их помощью реакционные историки не пытались оправдать испанский колониализм. Типичным для этих лжезащитников «чести испанской расы» является полное игнорирование или отрицание того факта, что передовые слои испанского общества, демократы и радикалы 10—20-х годов XIX в., выступали в поддержку освободительной борьбы колоний, понимая, что испанские правящие классы являлись врагами не только порабощенных колониальных народов, но и самого испанского народа.

В докладе на тему «Влияние испанской мысли и средневековой идеологии на политическое воспитание поколения предшественников борьбы за независимость в Новой Гранаде» колумбийский профессор Х. Харамильо Урибе заявляет, что на это поколение оказывали влияние не только английские философы-материалисты и французские просветители, но и испанские теологи, а также Фома Аквинский. Этот тезис не нов, он характерен для представителей клерикальной историографии. Харамильо Урибе ссылается на произведения и высказывания патриотов, в которых цитируются теологи. Но это говорит не о влиянии на них теологов, а лишь о том, что сторонники независимости, действовавшие в условиях колониального режима и господства инквизиции, вынуждены были, исходя из тактических соображений, оперировать ссылками на священное писание и церковные издания. Как известно, к таким же приемам прибегали Джордано Бруно, Кампанелла и другие борцы против средневековой церковной идеологии. Они умело использовали в своих целях противоречия и прочие уязвимые высказывания в писаниях отцов церкви. Об этом же свидетельствуют такие ссылки в «Мемориале обид» новогранадского патриота Камило Торреса и в других документах эпохи, цитируемых Харамильо Урибе.

Трудно согласиться и с основным тезисом уругвайского философа Артуро Ардао, утверждавшего в своем докладе «Вымышленный позитивизм Боливара», что Боливар был теистом, типичным представителем *либерального католицизма*. Утверждать подобное — значит игнорировать не только такие авторитетные источники, как воспоминания адъютанта Освободителя Флоренсио О'Лири и знаменитый «Дневник Букараманги» полковника Делякруа, в котором этот секретарь первого президента Колумбийской республики скрупулезно отмечал его каждодневные высказывания, но и произведения самого Боливара. Вряд ли можно назвать человека, посещавшего церковь с сочинением Вольтера в руках и отрицавшего существование «загробного мира», теистом. Боливар, как об этом свидетельствует Делякруа, считал, что религиозные предрассудки исчезнут, когда массы будут приобщены к науке. А пока церковь оказывала влияние на верующих, Боливар считал, что патриотам следует ее использовать в интересах борьбы за независимость. Священников, активно выступавших против патриотов, Боливар подвергал репрессиям вплоть до расстрела. Конечно, признавать эти факты не в интересах современной реакции и империалистов, видящих в католической церкви своего идейного союзника. Отсюда попытки извратить общеизвестные факты, превратив вождей за независимость в религиозных людей, последователей отцов церкви и т. п.

Судя по документам конференции, большинство историков отнеслось отрицательно к основным положениям докладов Уитейкера, Агилера, Харамильо Урибе и Ардао.

Обсуждая вопросы, связанные с борьбой народов против испанского колониального гнета, конференция не могла пройти мимо такого жгучего вопроса, как попытки современных колониалистов — империалистов США — задушить кубинскую революцию. Кубинские делегаты на конференции обратились с призывом к ее участникам осудить преступную политику американского империализма по отношению к революционной Кубе. Этот призыв был сочувственно встречен большинством участников конференции.

Конференция приняла ряд важных поста-

новлений. Она, в частности, рекомендовала ПИГИ создать специальный комитет для выработки редакционного плана «Истории американского освобождения». Большое место в решениях конференции заняли вопросы, связанные с созданием всеобъемлющей библиографии периода борьбы за независимость. Конференция установила, что хронологическими рамками этого периода следует считать 1750—1832 годы [1].

Конференция предложила ПИГИ принять меры к унификации исторической терминологии, относящейся к истории Америки. Особая резолюция конференции призывает всемерно способствовать монографическим исследованиям антиколониальных движений и восстаний, имевших место в XVIII веке.

Конференция призвала усилить изучение проблемы образования наций и экономических причин освобождения рабов, рекомендовала в учебниках истории вместо термина «расовая интеграция» употреблять «социальная и культурная интеграция».

XIX резолюция конференции призывает: «Расширить исследования в области экономической и социальной истории различных частей Испанской Америки, необходимые для лучшего понимания причин, воздействовавших на волю и поведение людей и испаноамериканских народов в их борьбе за независимость».

Осуществление этих важных решений конференции, несомненно, будет способствовать дальнейшему развитию исторической науки в странах Латинской Америки.

И. Р. Лаврецкий

[1] 1832 год — конечная дата завоевания независимости Центральной Америкой.

Хроникальные заметки

◆ В ноябре 1960 г. в связи с юбилеем Гумбольдтского университета (ГДР) в Берлине работал коллоквиум Института романских стран по «Актуальным проблемам Латинской Америки». В работе коллоквиума принимали участие ученые Франции, Англии, Кубы, Бразилии, Колумбии, Аргентины, Перу, Уругвая, Гватемалы, Мексики, Португалии, Западной Германии. Это первая научная конференция германских латиноамериканистов, в которой участвовали многие представители зарубежных стран. Коллоквиум занимался обсуждением вопросов истории, экономики и этнографии стран Латинской Америки.

◆ В октябре 1960 г. исполнилось 100 лет Ясскому университету имени А. И. Кузы. На юбилейной сессии были заслушаны выступления представителей университетов многих стран, в том числе СССР. В здании университета в связи с юбилеем была открыта выставка о развитии высшего образования в восточных районах Румынии.

◆ В сентябре 1960 г. польская научная общественность отметила 260-ю годовщину со дня рождения известного государственного деятеля, писателя и педагога Станислава Конарского. Конарский принадлежал к передовым кругам дворянства и вел активную борьбу за ликвидацию в сейме реакционной политической системы «либерум вето». Свои проекты по преобразованию сейма в действенный парламент он изложил в 4-х-томном трактате «Об успешном способе организации совещаний, или о ведении сеймов».

◆ Советское правительство передало Польше ценные исторические реликвии, спасенные Советской Армией во время Великой Отечественной войны. Среди них королевские инсигнии польских королей Августа II и Августа III (первая половина XVIII в.): корона Августа III, корона королевы, скипетры короля и королевы и две державы. Эти вещи были сделаны в 1697 г., когда Август II был избран польским королем. Они были куплены польским правительством в 1925 г. и находились в Национальном музее в Варшаве, откуда были похищены гитлеровскими захватчиками.

◆ В Будапеште (Венгерская Народная Республика) открылась большая выставка «Тысячелетие Польши», которая показывает в хронологическом порядке историю польского государства, вековой борьбы народа против германской агрессии, историю польской культуры и науки. Много места на выставке занимают материалы об успехах народной Польши.

◆ В Британском музее в Лондоне в зале Королевской библиотеки в ноябре 1960 г. открылась выставка «Polonica» в честь тысячелетия польской государственности. На выставке экспонируются издания, хранящиеся в фондах Британского музея,— памятники польской письменности, начиная от первопечатных книг конца XV в. и кончая самыми новыми польскими книгами. На выставке представлены также польские рукописи.

◆ Кембриджский университет (Англия) начал издавать новый исторический журнал «The Journal of African History». В журнале будут освещаться проблемы истории африканского континента с древности до наших дней.

◆ В Гааге предпринято издание нового журнала по вопросам философии истории — «History and Theory». В журнале будут освещаться проблемы теории истории, историографии, методы исторического исследования, вопросы смежных дисциплин.

◆ В Фискаторпес, вблизи Стокгольма, находится музей лыж. Здесь можно увидеть хорошо сохранившиеся лыжи, изготовленные примерно 4 тыс. лет тому назад, найденные археологами в болотах; лыжи 1564 г., а также лыжи, которыми пользовались войска Петра Великого.

◆ Институт археологии АН Румынской Народной Республики завершил длившиеся долгие годы раскопки древнегреческой колонии Истрии на берегу Черного моря, в 50 км к северу от Констанцы. Найдены многочисленные памятники VI—V вв. до н. э., свидетельствующие о том, что Истрия была важным экономическим пунктом и одним из культурных центров Западного Причерноморья в середине I тысячелетия до н. э.

◆ В стене одной из пещер в Ласко (юго-западная часть Франции) археологи обнаружили лампу из розовой глины. При изучении этой лампы, внутри которой находился уголь, установлено, что она находилась в пещере 17 тыс. лет.

◆ Французские этнографы Симона и Роже Весбар исследовали области обитания некоторых перуанских индейских племен, живущих еще родовым строем. Ими обнаружены следы доинкской цивилизации. Особенно важны материалы по перуанским мумиям и данные о террасном земледелии I тысячелетия до н. э. Значительная часть находок была обнаружена в районе руин дворца Пуручуку, в 11 км от Лимы по течению р. Римака, у подножия Андских гор.

◆ В Турции открыты следы древнего города Сарды, называемого историками «Парижем античного мира». Этот город, возникший 2 600 лет назад, являлся, как предполагают, столицей государства, управлявшегося Крезом.

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

РАННИЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ДЕКАБРИСТОВ

Восстание декабристов оказало огромное влияние на развитие революционного движения в России. «Лучшие люди из дворян», как назвал их В. И. Ленин, «помогли разбудить народ»[1].

Выступление декабристов не явилось случайным. Оно было подготовлено всем ходом классовой борьбы в стране и развитием русской передовой общественной мысли. Одним из предшественников декабристов являлся А. Н. Радищев. В истории русского освободительного движения можно назвать и имена других предшественников декабристов, к сожалению, мало известных или забытых в наши дни.

В Центральном государственном архиве древних актов, в фондах Тайной экспедиции хранится следственное дело о заговоре полковника Александра Михайловича Каховского (сына известного полководца екатерининских времен М. В. Каховского), раскрытом в ноябре 1798 года[2].

Документы архива рассказывают о заговоре и особенно об организационных формах созданного А. М. Каховским тайного кружка, в который входили многие недовольные павловским режимом офицеры и чиновники. Один из пяти повешенных Николаем I декабристов, П. Г. Каховский, убивший 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади петербургского генерал-губернатора Милорадовича, был родственником А. М. Каховского.

Кружок А. М. Каховского состоял преимущественно из офицеров Московского гренадерского полка, дислоцированного в Смоленской губернии. Здесь, в деревне Смоляничах, в родовом имении Каховского, уволенного Павлом I в отставку, и был создан тайный кружок, действовавший, если учитывать обстоятельства того времени, в условиях строгой конспирации. Каждый из участников кружка имел свою кличку, остроумно придуманную Каховским путем использования характерных черт наружности или перетолкования фамилии члена кружка. Так, сам Каховский именовался Молчановым, подполковник Ломоносов — Тредьяковским, майор Буланин — Мухортовым, Дехтерев — Гладким, князь Гагарин — Росляковым, чиновник Кряжев — Отрубковым и т. п. Зная, что почтовое ведомство прибегало к поголовной перлюстрации, члены кружка для пересылки писем использовали специальные оказии или поездки близких к ним людей.

Производивший по поручению Павла I следствие по делу генерал-лейтенант Линденер сообщал в своих рапортах, что офицеры и чиновники, собиравшиеся у Каховского, читали запретные русские и иностранные книги, «развращающие слабые умы и поселяющие в них дух вольности, хвалы французския республики, ее правления и вольностей...». Среди авторов этих «крамольных» книг названы французские просветители и материалисты XVIII в.: Монтескье, Гельвеций, Гольбах и др. На конспиративных собраниях члены кружка читали также антикрепостнические произведения русской литературы и, по всей вероятности, «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева.

На собраниях резко осуждались правление Павла I и вводившиеся им террористические и сумасбродные порядки в армии и стране. В конспиративных целях императора никогда не называли своим именем; его упоминали под различными глумливыми кличками: «Бутов», «Курносый» и пр. Что особенно важно, в кружке не раз обсуждался план убийства Павла I. Неоднократно читалась «Цезарева смерть» Шекспира, и сцена убийства древнеримского тирана зачастую сопровождалась репли-

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 295.

[2] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), государственный архив, разр. VII, д. 3251.

ками: «Если б эдак нашего!» На письмах своих сподвижники Каховского ставили девизы: «Брут, ты спишь, и отечество в оковах!». Упоминание имени одного из убийц Юлия Цезаря достаточно симптоматично. Как известно, имена Брута, Кассия и Катона — древнеримских тираноборцев, убийц императора-деспота — пользовались большой популярностью среди передовых русских мыслителей XVIII в. и впоследствии у декабристов. Эти имена часто фигурируют в декабристской публицистике и поэзии.

В следственных материалах сообщается также, что когда однажды майор Михаил Потемкин выразил готовность привести в исполнение план умерщвления Павла I, «Каховский, бросясь пред ним на колени, в восторге отдавал ему все свое имение».

В своей антиправительственной деятельности кружок Каховского не ограничивался чтением и обсуждением запретных книг. Заговорщики считали необходимым организовать широкое восстание народа и войск против царского режима. В одном из писем участник кружка Дехтерев многозначительно писал: «Что мы живем в одной губернии? На что у нас пушки, на что у нас протчее?» Во время обыска в имении Каховского был обнаружен склад оружия, 6 пудов пороха и др.

Кружку Каховского не удалось осуществить своих революционных намерений. Царская охранка пресекла заговор. Правительство сурово расправилось с членами кружка. Упоминавшийся выше генерал Линденер в рапорте от 24 ноября 1798 г. советовал Павлу I быть беспощадным к заговорщикам. «А и тех ныне,— писал он,— за Смоленскою губерниею открывшихся заблужденных якобинцев удобно возвратить к разуму в случае нужды посредством отеческих березовых лоз, а Кряжева и ему равных необходимо нужно отдалить к китайским границам».

Участник кружка чиновник Василий Кряжев не случайно вызвал особое озлобление правительства. Хотя он и не был виновен более, нежели другие заговорщики, но он был единственным среди них лицом, происходившим из крепостных крестьян (Кряжев был вольноотпущенником графа П. И. Панина). Этим объясняется и то обстоятельство, что следствие о нем производилось в особом порядке, несмотря на то, что ко времени раскрытия заговора и ареста он имел уже дворянское звание и чин титулярного советника. В Тайной экспедиции на него было заведено специальное дело.

По приказанию Павла I А. М. Каховский был заточен навечно в Динамюндскую (Двинскую) крепость. Чиновника Кряжева, «явившегося в дерзновенной переписке с известным Каховским к возмущению противу самодержавной власти и нарушающей общественное спокойствие», повелено было сослать «на вечное житье» в острог при Спасоприлуцком монастыре близ Вологды, где он и погиб. В тюрьмы и ссылки на разные сроки попали и другие участники заговора.

Дворянский конспиративний кружок А. М. Каховского как по некоторым своим политическим задачам и целям, так и по организационным принципам представляет несомненный интерес для историии освободительного движения в России.

Л. Б. Светлов

НЕСКОЛЬКО РЕПЛИК ПО ПОВОДУ ПЕРЕСТРОЙКИ ЖУРНАЛА

С тех пор как изменились профиль и структура журнала «Вопросы истории», как это видно из редакционной статьи (1960, № 8), редакция не перестает искать путей их дальнейшего улучшения. В связи с этим представляется необходимым высказать некоторые соображения.

На совещании, устроенном редакцией, в выступлениях ряда академиков правильно обращалось внимание на необходимость повышения научного уровня статей и рецензий. Но, очевидно, надо полностью поддержать и ту мысль, что наряду с улучшением качества рецензий следует шире аннотировать книги. Более того, мне кажется,

что нужно аннотировать и некоторые журнальные статьи, причем не только научные, но и научно-популярные, а также историко-публицистические. Например, было бы полезно включить в перечень статей и сопроводить аннотацией публицистическую статью маршала Советского Союза С. С. Бирюзова «Летопись мужества и героизма», опубликованную в журнале «Новый мир» (1960, № 5). В этой статье рассматриваются книги, изданные за последние годы в серии «Военные мемуары». Было бы полезно также опубликовать в разделе «Заметки о книгах» (предварительно переименовав этот раздел в раздел «Заметки о книгах и статьях») аннотацию на статью А. Тверитиновой «Форт Роменвиль», опубликованную в журнале «Звезда» (1960, №№ 3, 4, 5). Эта статья не является историческим исследованием. Однако наши специалисты, занимающиеся изучением второй мировой войны и истории Франции, не могут пройти мимо нее. Проинформировать же работников исторического фронта об этой статье должен, видимо, прежде всего журнал «Вопросы истории».

Независимо от решения редакцией этих конкретных вопросов она, по-видимому, может расширить информацию о работах (книгах и статьях), имеющих отношение к исторической науке.

В различных советских журналах и газетах предпринимались и предпринимаются попытки напоминать читателям о наиболее знаменательных исторических событиях путем опубликования статей и заметок под рубрикой «Наш календарь», «Календарь событий», «Из исторического календаря» и т. д. В некоторых случаях журналы публикуют просто фактический календарь событий за текущий месяц или месяц вперед. Учитывая бесспорную пользу таких публикаций, я предложил бы журналу ввести небольшой раздел «Исторические вехи» (можно «Памятные календарные даты», «Много лет назад», наконец, какое-либо другое название) с тем, чтобы сообщить читателям в виде хроникальных записей о том, что происходило, например, в октябре того или иного года. Подобные хронологические сведения нужны для справок и будут иметь воспитательное значение.

Журнал решил публиковать краткие сведения об авторах статей. Однако практически это хорошее начинание выполняется не совсем удачно. Сведения об авторах помещаются в конце журнала и оторваны от статей. Это неудобно для читателя. Думается, что сведения об авторах следовало приводить либо в подстрочных примечаниях, либо предварять статью.

Таковы некоторые пожелания журналу «Вопросы истории» в связи с перестройкой его работы.

Л. М. Еремеев

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ КОВАЛЕВ

Советская историческая наука понесла большую утрату. 12 ноября 1960 г. на 75-м году жизни скончался один из ведущих советских ученых, специалист по истории античного общества, член Национального комитета историков СССР, директор Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР доктор исторических наук, профессор Сергей Иванович Ковалев.

С. И. Ковалев принадлежал к поколению ученых, которые уже в первые годы Советской власти выступили с критикой буржуазно-идеалистических концепций развития истории и явились активными участниками процесса создания советской исторической школы. С. И. Ковалев творчески применил марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях к исследованию истории древнего мира. Преодолевая традиции буржуазной историографии, усматривавшей в античном обществе разных периодов черты различных социальных формаций, Сергей Иванович способствовал обоснованию понятия о Древней Греции и Риме как классических формах рабовладельческого общества и определению их места во всеобщей истории человечества.

К 30-м годам относятся такие работы С. И. Ковалева, как «Учение Маркса и Энгельса об античном способе производства», «Об основных проблемах рабовладельческой формации», «Классовая борьба и падение античного общества» и др. В это же время он трудился над изучением экономики Древней Греции и Рима. Сергей Иванович разработал на марксистско-ленинских методологических основах историю восстаний рабов. К 1934 г. относится написанное им совместно с акад. С. А. Жебелевым исследование «Великие восстания рабов II—I вв. в Риме».

Изучение названных проблем привело С. И. Ковалева к созданию университетского курса по истории античного общества (1936). Развивая основные положения этого труда, Сергей Иванович спустя десятилетие создал фундаментальный курс истории Древнего Рима, получивший высокую оценку в Советском Союзе и за рубежом. В Италии данное исследование выдержало два издания.

Перу С. И. Ковалева принадлежит также учебник по истории древнего мира для средней школы.

С. И. Ковалев всегда находился на передовой линии исторического фронта, отстаивая марксистско-ленинские позиции в историографии. Более 10 лет Сергей Иванович руководил сектором античной культуры и Древнего Причерноморья в ГАИМК—ИИМК АН СССР. Он активно участвовал в широко развернувшихся в то время научных дискуссиях о рабовладельческом способе производства, о закономерностях перехода от рабовладельческого общества к феодальному и многих других.

В послевоенный период им был опубликован ряд работ по истории христианства («Происхождение и классовая сущность христианства» и др.).

В последние годы своей жизни Сергей Иванович подготовил к печати исследования по истории культуры древнего мира и историографии и приступил к написанию большой монографии по истории раннего христианства.

Более 40 лет С. И. Ковалев отдал научно-педагогической деятельности в Ленинградском государственном университете имени А. А. Жданова, Государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена, Военно-политической академии имени В. И. Ленина, Военно-морской академии имени К. Е. Ворошилова, Институте красной профессуры и других высших учебных заведениях. Начиная с 1934 г. С. И. Ковалев в течение многих лет заведовал кафедрой истории Древней Греции и Рима на историческом факультете Ленинградского университета. В последние годы своей жизни Сергей Иванович возглавлял Музей истории религии и атеизма АН СССР.

Наряду с научно-исследовательской и педагогической деятельностью С. И. Ковалев вел большую организационную, общественную и пропагандистскую работу. По его инициативе и под его редакцией был опубликован ряд научных и научно-популярных изданий. С. И. Ковалев завоевал известность как замечательный лектор, выступавший перед самой широкой аудиторией.

С. И. Ковалев — автор около 100 научных трудов. Его жизненный путь — пример высокого служения делу Коммунистической партии, советскому народу и науке.

Крупный ученый, талантливый педагог, видный общественный деятель, человек большого обаяния, Сергей Иванович Ковалев навсегда останется в памяти всех, кто его знал и с ним работал.

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

M. N. TIKHOMIROV. **Andrei Rublyov and His Time**

The author of the article paints a vivid picture of Russian life at the end of the 14th and the first three decades of the 15th centuries, showing against this background the chief landmarks of the creative path traversed by Andrei Rublyov, the great artist of medieval Russia who lived between 1360 and 1430.

The remarkable painter's creative work dates back to the period when the Russian people waged a heroic struggle for independence. He witnessed the defeat inflicted on Mamai's hordes in the Battle of Kulikovo. The brief information contained in the sources testifies to a great economic upsurge in the Russian lands of that period. Many new towns were appearing, with villages and settlements rapidly growing around them. The Russian State was being founded, with Moscow as its centre. This process was closely linked with the rise and development of Russian nationhood. In the period when Andrei Rublyov lived and worked the Russian people were breaking feudal partitions and creating a single language and culture.

As distinct from Andrei Rublyov's creative work, which was comprehensively studied by different art researchers, very little has been achieved so far in establishing the basic dates in his biography. All existing information on Rublyov can be divided into annals, religious records and reminiscences. The most important place among these sources is held by annals.

The earliest information on Rublyov's work is contained in the 15th-century annals of the Troitsk Monastery under the year 1408. It tells of the decorative painting in the Uspensky (Assumption) Cathedral in the town of Vladimir and was obviously recorded by a contemporary since the annals were begun shortly after 1408 and have a precise date—May 25. This record, with a few insignificant changes, is repeated in other chronicles. The need for the new decorative painting must be attributed to the poor state of the cathedral after Vladimir fell into the feudal possession of the Lithuanian Prince Svidrigailo.

However, there is another, earlier record of Andrei Rublyov found in the annals under the year 1405, which says that Rublyov, jointly with Feofan Grechin and Prokhor of Gorodets, took part in the painting of Blagoveshchensky (Annunciation) Cathedral in the Moscow Kremlin. In this record Rublyov is referred to as "chernets," as distinct from the "old man" Prokhor of Gorodets, which can well be taken as a hint to Rublyov's youthfulness.

The sources contain no indication of the great painter's birthplace, but we know that his whole life was closely linked with Moscow. Evidently he was not a monk in his youth and took the monastic vows later in one of the Moscow monasteries, probably in the Andronyev Monastery. Since this occurred prior to 1405, the conjecture that Rublyov was born in Pskov and M. A. Alpatov's guess that the painter spent his early years in the Troitsk Monastery seem groundless.

Judging by all the indications, by 1405 Andrei Rublyov and his icon-painter friend Daniil were already known as renowned masters and worked for the Grand Duke and the Metropolitan. It is not unlikely that Rublyov was one of those pupils of Feofan Grechin and Semyon Chorny that are mentioned in the chronicle of the Troitsk Monastery under the year 1395. The word "icon painter" possibly designated not merely Daniil's profession but also his position as head of an icon-painters' artel. Daniil and Andrei Rublyov were well acquainted with educated people of that period, who initiated the work of compiling all-Russian annals (the Troitsk Monastery Chronicle) and distributed handwritten and translated books. A peculiar Moscow academy of arts of the end of the 14th and the beginning of the 15th centuries is unfolding before our eyes. The annals and legends tell us not only of celebrated painters but also of their pupils, without whom Rublyov's brilliant works would merely remain unique specimens of art and would not create the style of the epoch. Monumental works produced by Rublyov's school have been found in Zvenigorod, where two stone cathedrals were erected in the early part of the 15th century—in Gorodok and in Savva-Storozhevsky Monastery. Incidentally, the records on Savva Storozhevsky mention a wooden, not a stone cathedral.

After 1408 the annals contain no mention of Andrei Rublyov for a long period of time. It is quite probable that during this period he was busy painting the Castle Church

in Lublino. An inscription still preserved on its walls indicates that the painting was done by an artist named Andrei, and was completed in August 1413.

The last period of Rublyov's life is connected with his work in the Troitsk and Andronyev monasteries. The Troitsk Monastery cathedral was built about 1422. We learn from the legend of St. Sergius that the painting of the cathedral was done, at the request of Nikon the Superior, by "old painters" Daniil and Andrei, who died shortly after. According to that legend, the painting of the cathedral was their last work. The second St. Sophia chronicle links the death of both painters with the death of Nikon the Superior in 1427. Consequently, the painting of the Troitsk Monastery cathedral can be dated back to 1425-1428. However, the Biography of St. Nikon, published in Moscow in 1646, contains information that following their work in the Troitsk Monastery, Daniil and Andrei undertook to paint the Andronyev Monastery cathedral, which served as one of Moscow's cultural centres in those days. This beautiful specimen of the painters' art is considered to be their last work.

The story of the founding of Andronyev Monastery narrates about the "old" icon-painter Andrei who, together with Savva the Superior, created a stone church in the monastery. The record contains no mention of Daniil, Rublyov's older friend, who probably died in the Troitsk Monastery by that time, as is testified in the Biography of St. Nikon. Thus, Andrei Rublyov carried out his last work in the Andronyev Monastery under Alexander the Superior, i. e., not earlier than 1427, approximately in 1428-29.

In conclusion the author sums up the preliminary results of his research devoted to the principal dates in the biography of the remarkable painter of medieval Rus. Andrei Rublyov was born about 1360 and took part in the decorative painting of the Rozhdestvo Bogoroditsi Cathedral in the Kremlin presumably in 1395. In 1405 he painted the Kremlin's Blagoveshchensky (Annunciation) Cathedral and in 1408 the Uspensky (Assumption) Cathedral in Vladimir. Then, in 1410-12 he probably worked in Lublino and between 1415 and 1420 again in Moscow and Zvenigorod. In the last period of his life he did artistic painting in the Troitsk (1425-27) and Andronyev (1428-30) monasteries. The Andronyev Monastery cathedral, which closely resembles Serbian architecture in style, might have been built by the Serbian architect Lazar, who erected a watchtower in the Prince's Court in Moscow.

Rublyov died in the aureole of glory, universally famed as the greatest master of his time. His name has become legendary. The images created by Rublyov evoke the same admiration today as they did in his time. His brilliant works will always inspire a feeling of pride and joy in the hearts of all those who cherish the past and present of the great Russian people.

G. A. DEBORIN. **The Main Problems Analyzed in the First Volume of "The History of the Great Patriotic War of the Soviet Union"**

The author of the article examines the most important problems of contemporary history highlighted in the recently published first volume of "The History of the Great Patriotic War of the Soviet Union (1941-45)"—a publication consisting of many volumes.

The following major problems are examined in the article: the factors that gave rise to the war, the Soviet Union's negotiations with Great Britain and France in 1939 and the conclusion of the Soviet-German treaty of non-aggression, the character of the second world war, the peoples' struggle against fascism, the anti-fascist national-liberation movement of the peoples, the Japanese imperialist aggression, the preparations carried on by German imperialism for an attack on the U.S.S.R., the Soviet Union's internal problems in the prewar period.

Examining the origin of the war, the author points out the most important positive aspects of the comprehensive analysis of this problem given in the first volume of "The History of the Great Patriotic War." The book reveals the close connection between the prewar political crisis and the outbreak of the second world war; it clearly shows that the military collision between the two capitalist blocs was not accidental, that the outbreak of the war within the imperialist system—that breeding ground of war—was a logical process; drawing on extensive factual material, the authors of the book give a scientific analysis of the factors that led the Western Powers to complete bankruptcy.

Volume I of "The History of the Great Patriotic War" is the first publication which gives a comprehensive exposition, based on extensive archive materials and documents, of the history of the Anglo-Franco-Soviet negotiations of 1939. These documentary data graphically illustrate the position of the Soviet Union which, throughout the negotiations, offered Great Britain, France, Poland, Rumania, Estonia, Latvia and Lithuania its disinterested assistance against the German fascist aggression that was presenting an ever-increasing menace to all European states. The British and French governments, on the other hand, tried to conduct negotiations in such a way as to impose on the Soviet Union a number of serious unilateral obligations, the implementation of which would involve the

U.S.S.R. in a war with Germany without any prospects of getting assistance from Britain and France. This explains why the British government attached far greater importance to its secret talks with Germany, which it conducted simultaneously with its negotiations with the Soviet Union and in which a number of prominent Right-wing Labour leaders took part.

The "phoney war" started by the British and French governments against Germany in September 1939 was a direct continuation of their prewar Munich policy. The purpose of the "phoney war," as that of the Munich policy, was to divert fascist aggression from Britain and France and shift it in the direction of the U.S.S.R. The policy of these governments was spearheaded against the U.S.S.R., against the Communist Parties and democratic organizations in their own countries.

However, owing to the existence of the mighty socialist Soviet Union, the war resorted to by the imperialists as a means of solving their contradictions was converted into a just and, essentially, a popular war against the fascist states—the mainstay of imperialist reaction in those days. The Great Patriotic War of the Soviet Union and the anti-fascist national-liberation movement of the peoples were of decisive importance in altering the character of the war.

The author brings out the close interconnection between the German aggression in the West and the Japanese aggression in the East. This interconnection was manifested not only in the common interests and aims pursued by the aggressors (which, however, failed to remove the contradictions dividing them). The U.S. and British policy towards Japan had little to distinguish it from their Munich policy towards Germany. This character of their policy was clearly revealed during Britain's negotiations with Japan in 1939 and American-Japanese negotiations in 1940—1941.

The article is largely based on materials analyzed in the first volume, which show the preparations made by German imperialism for an attack on the U.S.S.R.: drawing up of operational and strategic plans, upbuilding of the economic potential, concentration and deployment of the armed forces.

Irrefutable facts knock the bottom out of the attempts by former nazi generals and Federal Germany's present-day political leaders to represent Germany's treacherous attack on the U.S.S.R. as a "preventive war."

In the concluding part af the article the author analyzes the Soviet Union's potentialities for administering a crushing rebuff to the fascist aggressor. The powerful economic potential built up by the Soviet people in the course of the five-year plans provided adequate opportunities for a rapid transition to a perfectly organized military economy in the event of war. However, owing to the adverse consequences of the personality cult, these opportunities could not be utilized to the full.

The first volume of "The History of the Great Patriotic War" is devoted to the prewar period. It describes the grim trials that fell to the lot of the Soviet people during the war. But the material contained in the first volume brings out the chief factors and sources of the epoch-making victory achieved by the Soviet people in the Great Patriotic War. It graphically shows that this victory was not accidental but was predetermined by the whole course of world history.

I. P. LEIBEROV and O. I. SHKARATAN. **Concerning the Social Composition of Petrograd's Industrial Workers in 1917**

The question examined in the article has been inadequately studied in historical literature. The authors make an attempt, first to trace the sources that replenished the ranks of Petrograd's workers in 1914-17 and bring out the influence exerted by these sources on the changed social structure of Petrograd's proletariat; second, to establish the extent to which the prewar number of industrial workers was reduced by the time of the Great October Socialist Revolution.

The authors emphasize that on the eve of the first world war skilled workers no longer economically bound to the countryside were predominant among St. Petersburg's proletariat. During the war years the working class of this major industrial centre underwent considerable changes in its composition. An important influence on the social composition of Petrograd's workers was exerted by the changes that had taken place in the labour market.

During the war and in peacetime ruined peasants served as one of the main sources of replenishing the working class. The war tended to intensify the process of impoverishment and ruination of poor and middle peasants. This resulted in a rapid influx into industry of young men of pre-conscription age, women and old men from the villages in the northwestern, western and central black-earth regions.

Another important source of replenishing the working class, the authors point out, were the proletarian sections of the urban population, primarily the wives and children of the workers of Petrograd and its suburbs.

The authors stress that to establish the real correlation existing between these two basic social sources of replenishing Petrograd's proletariat (ruined peasants and members

of working-class families) is an extremely difficult and complicated job, inasmuch as no investigations were made in this field during the war. Drawing on available information, the authors arrive at the conclusion that, compared with the preceding period, the role of the peasantry as a source of replenishing the working class considerably increased in the years of the first world war.

Another source of replenishing the ranks of the proletariat in that period was provided by urban and rural bourgeois elements socially alien to the working class (merchants, officials, kulaks) and petty-bourgeois sections of the city population (shopkeepers, handicraftsmen, etc.). The influx of these elements into industry must be attributed to the fact that the workers employed in munitions factories or fulfilling military orders were granted deferment from conscription. The authors believe that the share of the elements alien to the working class was considerable among the Petrograd workers. At the same time the authors point to a certain increase in the number of the "labour aristocracy," which, however, remained insignificant among Petrograd's workers in 1914-17.

Much space in the article is devoted to elucidating the question concerning the extent to which the prewar cadres of the proletariat were preserved. A brief historiographical survey of this question leads the authors to the conclusion that this problem requires further elaboration. At the same time an interesting attempt is made in the article to establish, by drawing on indirect data (no direct data is available), the extent to which the prewar cadres of the proletariat were preserved in Petrograd by 1917. The authors consider that no more than 40,000 men, or about 17 per cent of the total number of Petrograd's industrial proletariat on the eve of the war could be drafted into the army from among the prewar workers between 1914 and 1916. Consequently, the article stresses, in the years of the first world war the basic mass of the prewar proletarian cadres was preserved in Petrograd's factories and mills.

The retention of the basic proletarian cadres in Petrograd stimulated the spread of the revolutionary movement. Despite wholesale arrests and persecution, the Bolshevik organizations were steadily gaining in strength: the number of Bolsheviks in Petrograd increased from 800 in the summer of 1915 to 2,000 at the end of 1916.

Following a brief analysis of the period between February and October 1917, the authors conclude that the correlation between various groups within the working class of the capital, as it existed by the beginning of 1917, remained unchanged on the eve of the October Revolution. But the political awareness of the workers drawn into industry from among the urban population and poor and middle peasants, changed substantially. Steeled and tempered in the revolutionary battles of 1917, they abandoned their petty-bourgeois illusions and joined the Bolshevik Party. By the time of the October uprising all the basic groups of Petrograd's proletariat came out in a united front. In October 1917 the overwhelming majority of Petrograd's workers sided with the Bolsheviks.

Petrograd became a cradle and inexhaustible source of staunch fighters for the victory of the socialist revolution.

S. M. TROITSKY. From the History of the Russian Ruble

The author of this article writes that the history of the Russian ruble dates back nearly 500 years. From the moment of its appearance at the turn of the 14th century the ruble underwent a number of essential changes, which reflected the basic changes in the history of the economic and financial system of pre-revolutionary Russia.

The author points out that inadequate development of the productive forces under the feudal system and lack of funds to cover the mounting expenditure frequently compelled the government to resort to an increased minting of coins, often enough of an inferior quality. This led to a steady rise in prices, lower purchasing power of the ruble and, consequently, tended to depress the working people's living standards.

The history of the ruble (up to 1917) is divided by S. M. Troitsky into the following five periods:

The first period—from the appearance of the silver ruble at the turn of the 14th century to the middle of the 17th century, when mass minting of depreciated copper coins and the emission of real monetary units (ruble, half-ruble and other pieces) was launched—is marked by a steady decline in the weight of the silver ruble.

The second period—from the mid-17th century to the sixties of the 18th century, when the "waste" of silver for fiscal purposes was stopped in 1762-64—is marked by the appearance of paper money in Russia. This period was characterized by extensive mintage of silver coins of inferior quality, intensified efforts to introduce light copper coins and the appearance of the gold ruble in Russia.

The third period—from the 1760's to the monetary reform carried out by E. F. Kankrin in 1839-1843—is distinguished by the growing emission of banknotes, their depreciation and suspension of their exchange for silver and copper coins, as well as by the government's attempt to re-establish the exchange of banknotes for silver.

The fourth period—from the mid-forties of the 19th century, when the exchange of banknotes for silver was re-established, to the introduction of the gold ruble in 1897-

1899—is marked by another steep increase in the issue of paper money and by the growing inflation in Russia resulting from the currency reform carried out by S. Y. Witte. This period also witnessed the introduction of gold currency in the country.

In the fifth period (from the close of the 19th century to 1917) the relatively stable gold currency was abolished during the first world war and the emission of paper money was launched on a vast scale. Another big increase in the emission of paper money took place in 1917 during the few months of the bourgeois Provisional Government's misrule. This led to inordinate inflation and complete disorganization of the country's currency circulation.

The author graphically shows that the pre-revolutionary history of the Russian ruble is a continuous process of its depreciation and decline in its real purchasing power. The depreciated value of the ruble found its legislative embodiment in all the currency reforms carried out by the tsarist governments of pre-revolutionary Russia.

This provided the ruling classes with an additional opportunity to enrich themselves at the expense of the labouring masses.

The new history of the ruble was ushered in our country by the victory of the Great October Socialist Revolution. Today the Soviet ruble is famed as the most stable and reliable currency in the world. The continued strengthening of the value of the Soviet ruble has been made possible by the immense achievements scored by the Soviet people in the process of communist construction in the U.S.S.R. and in socialism's peaceful competition with capitalism. The author of the article has drawn extensively on historical literature, factual data and published documents.

E. L. RUDNITSKAYA. **N. P. Ogarev's Social Experiments**

The article is devoted to N. P. Ogarev's activity in the period preceding his emigration. Ogarev's social experiments are regarded by the author as a definite stage in the formation and development of his views, which led him to the conviction that the peasant commune was the embryo and foundation of "Russian" socialism. As distinct from the teachings of the West-European utopian Socialists, "Russian" socialism was closely connected with revolutionary democratism. Before he became an ideologist of "Russian" socialism, Ogarev traversed a long and tortuous path of ideological quests and numerous attempts to bring about some practical change in the way of life of the Russian countryside.

The author shows the development of Ogarev's views from subjective idealism to materialism, accompanied by an anthropological approach in his treatment of socialist ideas. His erroneous conception of the role of practice as an individual, not a social category, impelled Ogarev to take the path of reformation. The objective prerequisite for his reformist illusions was the absence of any prospects for a people's revolution in Russia in the forties and fifties of the last century.

It is pointed out in the article that Ogarev's original plan was to establish a communist settlement made up of his closest friends, whose members, living in the midst of the people, would dedicate themselves to enlightening the masses. When this project proved unfeasible, Ogarev decided to devote his efforts to reorganizing the life of his serfs. His plan envisaged extensive enlightening activities among the peasants (organization of schools and hospitals, abolition of the corvée system and the establishment of special farms and individual peasant households). These transformations, in Ogarev's opinion, would turn the serf peasants, groaning under landlord oppression for many centuries, into conscious and active members of the future association. This view was based on Ogarev's own experience in liberating the serf peasants in the village belonging to himself (Verkhni Belo-omut village in Ryazan Gubernia). However, this example clearly showed that it was impossible to ensure the peasants' prosperity and "harmonious existence" within the framework of the peasant commune. Ogarev attributed this to conservative organization of the commune's economic system and its moral consequences. It was precisely on the criticism of these consequences that he concentrated his attention in his plan of organizing a public polytechnical school, drawn up in 1847.

Essentially, Ogarev's social experiments were of a bourgeois-enterprising character and corresponded to the objective requirements of developing agricultural production. In implementing his plans he encountered stubborn resistance on the part of the most backward and ignorant sections of the peasantry, as well as an openly hostile attitude of neighbouring landlords and local authorities. His activity in the field of social reforms was cut short by bankruptcy. Nevertheless, it enabled him to gain a firsthand knowledge of the everyday life of the peasantry and, what is most important, was of decisive significance in shaping his views on the future of Russia. Having convinced himself of the futility of his efforts, Ogarev again turned to the communal organization principle. His re-examination of the commune question found its reflection, among other things, in an excerpt from Ogarev's notebook, relating to 1855 and discussing the possibility of settling the serf peasants working at the Talsk paper mill (Simbirsk Gubernia), owned by Ogarev. The latter planned to establish, on the basis of the peasants' land property, an industrial-

type association with communal ownership of capital and industrial equipment. The negative consequences of the commune, which were mentioned by Ogarev in 1847 in his public school project, were now attributed by him to the influence exerted on the commune by the social system existing in Russia. Ogarev believed that the peasant commune, freed from these fetters which distorted its real essence, would become the foundation of the future socialist Russia.

The author arrives at the conclusion that Ogarev's ideas of "Russian" socialism were formulated by him not only under the influence of A. I. Herzen but also independently. Disappointment in social reforms, the mounting tide of peasant uprisings, the rise of the social movement in the country, particularly after the Crimean War, led Ogarev to the thought of the inevitability of a revolutionary solution of the tasks confronting Russia. In 1856 Ogarev left Russia and together with A. I. Herzen became a confirmed revolutionary democrat and one of the theoreticians of "Russian" utopian socialism.

L. S. KYUZADJIAN. Sino-Vietnamese Revolutionary Ties in the Years of the Awakening of Asia

The author of the article makes an attempt to analyze the rise and development of the revolutionary-democratic trend in the Vietnamese liberation movement which was closely connected with the Chinese democratic movement headed by Sun Yat-sen. Drawing on a number of Vietnamese and Chinese sources and monographs by foreign researchers, the author traces the contacts maintained by Chinese and Vietnamese revolutionaries beginning with 1904, when the leadership of the patriotic movement in Viet-Nam was taken over by Phan Poi Thiau and his followers, who superseded the defeated feudal opposition to the colonial regime.

The author emphasizes that from the early period of their activity the Vietnamese patriots tried to establish close contacts with the Chinese political émigré organizations functioning in Tokyo and other Japanese towns.

Despite their bourgeois-landlord views resulting from the low level of the country's economic development as well as from their class prejudices, Phan Poi Thiau and his adherents rejected the reformist path to which they were impelled by Liang Chi-chao and other Chinese liberals who emigrated to Tokyo after the defeat of the Hundred Days Movement in 1898.

The ruthless colonial regime and the mounting tide of spontaneous popular uprisings, the author writes, were the objective factors that helped the members of the Ziui Tang society, founded by Phan Poi Thiau, to abandon the liberal, reformist Chinese émigré camp and establish contacts with Sun Yat-sen, Chang Pin-lin, Chang Chi and other leaders of the Tungmenhui League.

The short period from the first Russian revolution of 1905-1907 to the Chinese Revolution of 1911 witnessed a complex evolution in the views of the Vietnamese independence fighters—from the monarchist illusions to the recognition of the republican system. These important changes were caused, above all, by the development of the anti-imperialist struggle in Indo-China itself. But the Chinese liberation movement, intensified under the impact of the Russian revolution of 1905, greatly contributed to the maturity of the struggle waged by Vietnamese revolutionaries, the author concludes.

The article contains many facts illustrative of the joint actions undertaken by Chinese and Vietnamese patriots, of the first attempts to organize armed uprisings and set up multi-national revolutionary organizations whose members included Chinese and Vietnamese democrats, of the attitude of Vietnamese reformists who carried on their activity in the same period as Phan Poi Thiau's group.

I. S. KISSELHOF. How French Bourgeois Historiography Distorts Certain Problems of France's History in the Period of World War II

The article exposes the tendentious presentation and outright falsification of history intrinsic to all French bourgeois literature devoted to France's history in the period of the second world war. This falsification of the history of France finds expression in negating the decisive role played by the popular masses in the country's liberation, distorting the activity and aims of the French Communist Party, giving a wrong appraisal of the events that gave rise to the war and of the causes that led to France's defeat and, finally, in negating the influence exerted by the victories of the Soviet Armed Forces on the development of the Resistance Movement.

The author points out that reactionary bourgeois historiography identifies the Resistance Movement with the activity of diverse bourgeois Resistance groups, belittles the role of the popular masses, denies the leading role of the working class and its militant party in the national struggle for the liberation of France. The article shows the insol-

vency of this concept and paints a vivid picture of the valiant struggle waged by the popular masses of France for the liberation of their country. The author convincingly shows that the working class was in the van of this struggle organized by the French Communist Party.

The article exposes the fabrications of reactionary bourgeois historians about the causes that led to the outbreak of the war and to France's defeat in 1940, as well as their attempts to distort the real character of the Vichy regime and vindicate the betrayers of the French people. Bourgeois historians, the author stresses, cannot admit the fact that instead of waging a resolute struggle against fascist Germany, the French ruling circles actually fought their own people and prepared a war against the U.S.S.R. This was one of the principal factors responsible for France's defeat.

The article also contains factual data effectively refuting bourgeois historians' falsified appraisals of many important aspects of Franco-Soviet wartime relations.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, СТАТЬИ КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ В ДАННОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Тихомиров Михаил Николаевич, академик, председатель Археографической комиссии Отделения исторических наук, профессор, имеет труды по истории России и славянских стран, источниковедению, историографии, истории культуры, археографии, исторической географии. Основные монографии: «Псковское восстание 1650 года», «Источниковедение истории СССР» (т. 1), «Исследование о Русской правде. Происхождение текстов», «Древнерусские города», «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.», «Средневековая Москва в XIV—XV вв.», «Присоединение Мерва к России» и др.

Деборин Григорий Абрамович, доктор экономических наук, профессор, руководитель первой редакции Отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, специалист в области истории международных отношений. Основные научные работы: «Торговый капитал в эпоху империализма», «Социализм — мировая система», «Вторая мировая война», «О характере второй мировой войны»,— а также ряд работ по истории международных отношений 1870—1959 годов.

Лейберов Игорь Павлович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Ленинградской высшей школы профдвижения ВЦСПС, специализируется по истории рабочего движения периода империализма, автор ряда работ по истории борьбы рабочего класса и профсоюзов Петрограда с царским самодержавием.

Шкаратан Овсей Ирмович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области, работает в области истории рабочего классса СССР, автор ряда работ о социальном составе фабрично-заводских рабочих.

Троицкий Сергей Мартинович, кандидат исторических наук, научный редактор редакции История СССР Государственного научного издательства «Советская энциклопедия», занимается изучением истории России XVII—XVIII вв., защитил в 1958 г. диссертацию на тему «Финансы и финансовая политика России в середине XVIII века».

Рудницкая Евгения Львовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории АН СССР, занимается изучением истории общественного движения в России в XIX веке. В 1948 г. защитила диссертацию «Формирование общественно-политических взглядов Н. П. Огарева».

Кюзаджян Липарит Саркисович, зав. отделом стран Дальнего Востока Издательства восточной литературы, работает в области истории идеологии Китая в новое и новейшее время.

内　容

論　文

安德烈·魯勃列夫和他的时代……M.H.乔霍米罗夫
"苏联伟大卫国战爭史"第一卷的基本問題……Г.A.捷波林
談1917年彼得格勒产业工人的成 分問題……И.П.賴別罗夫（列宁格勒），
О.И.什卡 拉坦（列 宁格 勒）
摘自俄国 卢布史……C.M.特罗伊茨基
H.П.奧加列夫的社会試驗……E.Л.卢德尼茨卡雅
在亚洲覚醒的年代里越南和中国的 革命联系……Л.C.丘查詹
法国資产阶級历史学關 述的第二次世界大战期間法国历史的若干問題… И.C.基謝戈夫（烏发）

历史科学在苏联
苏联科学院历史科学部和学术委員会

謝尔盖·达尼洛維奇·斯卡茲金院士（誕生75周年和科学教育活动45周年）……E.B.古特諾娃

短評与書評

新書
苏联历史杂志中的文章

学术动态

研究1859—1861年革命形势的史源学基地……B.B.阿利特曼

历史科学在国外
短評与書評
外国报刊巡礼
学述动态

第六屆国际人种学 家和人类 学家代表大会……M.Г.列溫
关于拉丁美洲解放运动史的会議……И.P.拉弗列茨基

書信与建議
謝尔盖·伊万諾維奇·科瓦列夫

CONTENTS

Articles: **Academician M. N. Tikhomirov.** Andrei Rublyov and His Time; **G. A. Deborin.** The Main Problems Analyzed in the First Volume of "The History of the Great Patriotic War of the Soviet Union"; **I. P. Leiberov** (Leningrad) and **O. I. Shkaratan** (Leningrad). Concerning the Social Composition of Petrograd's Industrial Workers in 1917; **S. M. Troitsky.** From the History of the Russian Ruble; **E. L. Rudnitskaya.** N. P. Ogarev's Social Experiments; **L. S. Kyuzadjian.** Sino-Vietnamese Revolutionary Ties in the Years of the Awakening of Asia; **I. S. Kisselhof** (Ufa). How French Bourgeois Historiography Distorts Certain Problems of France's History in the Period of World War II. Historical Science in the U. S. S. R.: **In the Department of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences and Research Councils: E. V. Gutnova.** Academician Sergei Danilovich Skazkin (commemorating the 75th birthday and the 45th anniversary of scientific and pedagogical activity); **Surveys and Reviews:** New Books. Articles in Soviet Historical Journals; **Chronicle of Scientific Life: V. V. Altman.** Materials and Sources for the Study of the Revolutionary Situation in 1859-61. Historical Science Abroad: **Surveys and Reviews. Scanning Foreign Journals. Chronicle of Scientific Life: M. G. Levin.** The Sixth International Congress of Ethnographers and Anthropologists; **I. R. Lavretsky.** A Conference Devoted to the History of the Liberation Movement in Latin America. **Letters and Notes. Obituaries:** Sergei Ivanovich Kovalyov.

SOMMAIRE

Articles: **M. N. Tikhomirov de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** Andrey Roublev et son temps ; **G. A. Déborin.** Problèmes principaux du premier volume de « L'Histoire de la Grande guerre Nationale de l'Union Soviétique » ; **I. P. Leibérov** (Léningrad), **O. I. Schkaratan** (Léningrad). Sur la question de la constitution des ouvriers industriels de Pétrograd en 1917 ; **S. M. Troïtsky.** De l'histoire du rouble russe ; **E. L. Roudnitskaïa.** Expériences sociales de N. P. Ogarev ; **L. S. Kuzadjan.** Les liaisons révolutionnaires viêtnamo-chinoises dans les années du réveil de l'Asie ; **I. S. Kisselgoff** (Oufa). Quelques questions de l'histoire de la France de la période de la deuxième guerre mondiale d'après l'historiographie bourgeoise française. **Science historique en U. R. S. S. Au Département des sciences historiques auprès de l'académie des Sciences de l'U.R.S.S. et aux Conseils scientifiques : E. V. Goutnova.** S. D. Skazkin, membre de l'Académie des sciences de l'U.R.S.S. (Au 75-e anniversaire du jour de naissance et au 45-e anniversaire de l'activité scientifique et pédagogique). **Revues et comptes-rendus.** Livres nouveaux. Articles publiées dans les revues historiques soviétiques. **Chronique de la vie scientifique. V. V. Adtman.** Base d'études des sources des recherches de la situation révolutionnaire en 1859-1861. **Science historique à l'étranger. Revues et comptes-rendus. Lu dans les revues étrangères. Chronique de la vie scientifique: M. G. Lévin.** Le VI-e Congrès International des éthnographes et des anthropologues ; **I. R. Lavretsky.** Conférence consacrée à l'histoire du mouvement de libération dans l'Amérique latine. **Lettres et notes. Nécrologe :** Serguei Ivanovitch Kovalev.

INHALT

Beiträge: **Akademiemitglied M. N. Tichomirow.** Andrej Rublew und seine Epoche; **G. A. Deborin.** Grundprobleme des 1. Bandes der „Geschichte des Großen Vaterländischen Krieges der Sowjetunion"; **I. P. Leiberow, O. J. Schkaratan.** Zusammensetzung der Petrograder Industriearbeiter im Jahre 1917; **S. M. Troizki.** Aus der Geschichte des russischen Rubels; **E. L. Rudnizkaja.** N. P. Ogarews soziale Experimente; **L. S. Kjusadshan.** Vietnamesisch-chinesische revolutionäre Verbindungen während des Erwachens Asiens; **I. S. Kisselgof** (Ufa). Einiges über die Geschichte Frankreichs während des zweiten Weltkrieges im Lichte der französischen bürgerlichen Geschichtsschreibung. **Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR. In der Abteilung für Geschichtswissenschaften bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR und in den wissenschaftlichen Räten: E. W. Gutnowa.** Akademiemitglied Sergej Danilowitsch Skaskin (Zum 75. Geburtstag und zu seiner 45jährigen wissenschaftlichen und pädagogischen Tätigkeit). **Übersichten und Besprechungen.** Neue Bücher. Abhandlungen in sowjetischen Geschichtszeitschriften. **Wissenschaftliche Chronik: W. W. Altman.** Die Quellen für die Erforschung der revolutionären Situation von 1859—1861. **Die Geschichtswissenschaft im Auslande. Übersichten und Besprechungen. Querschnitt durch ausländische Zeitschriften. Wissenschaftliche Chronik: M. G. Lewin.** Der VI. Ethnographen- und Antropologenkongreß; **I. R. Lawrezki.** Konferenz über die Geschichte der Befreiungsbewegung in Lateinamerika. **Briefe und Notizen.** Nachruf für Sergej Iwanowitsch Kowalew.

Ф.Д. Рыженко.

Редакционная коллегия:

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИКОВ (первый заместитель главного редактора), ~~В. М. ДОНСКОЙ~~, ~~Я. Я. ЗУТИС~~, В. М. КУЛАКОВ, П. А. ЛАВРОВ, А. И. ЛЕВКОВСКИЙ, ~~И. В. МАТКОВСКИЙ~~, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, ~~И. А. ОРБЕЛИ~~, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, Ч.А. Федосов, И. А. ХРЕНОВ, В. И. ШУНКОВ., С.А. Нодач

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.

А 11154. Подписано к печати 23/XII 1960 г. Тираж 21 100 экз.
Изд. № 161. Заказ № 3241. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 7 бум. л.— 19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.